

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 11 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Павленков Р.В., к.экон.н., доцент

Члены совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; *Балакишин В.С.*, д.ю.н., профессор; *Гончаров Д.Ю.*, д.ю.н., доцент; *Давлетов А.А.*, д.ю.н., профессор; *Дарменов А.Д.*, к.ю.н., доцент; *Карасёв А.Т.*, д.ю.н., профессор; *Кодан С.В.*, д.ю.н., профессор; *Майоров В.И.*, д.ю.н., профессор; *Осинцев Д.В.*, д.ю.н., доцент; *Савоськин А.В.*, д.ю.н., доцент; *Семякин М.Н.*, д.ю.н., профессор; *Смыкалин А.С.*, д.ю.н., профессор; *Шабуров А.С.*, д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены коллегии:

Андреев А.В., к.ю.н.; *Бердникова О.П.*, к.ю.н.; *Виноградова О.П.*, к.ю.н.; *Головизнин А.В.*, к.ю.н.; *Гусев А.В.*, к.ю.н., доцент; *Дерюгин Р.А.*, к.ю.н.; *Кокорин Д.Л.*, к.ю.н., доцент; *Крысанов А.В.*, к.ю.н.; *Лаппо Е.А.*, к.ю.н.; *Носкова Ю.Б.*, к.ю.н., доцент; *Орлов К.А.*, к.ю.н., доцент; *Пересадына О.В.*, к.ю.н.; *Плетникова М.С.*, к.ю.н., доцент; *Родевич В.Ч.*, к.ю.н., доцент; *Стельмах В.Ю.*, к.ю.н., доцент; *Токарев Д.С.*, к.ю.н., доцент; *Фалькина Т.Ю.*, к.ю.н., доцент; *Щетинина Н.В.*, к.ю.н., доцент; *Харламова А.А.*, к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь

Кудоярова Г.Р.

Редактор

Бибих И.Б.

Переводчик

Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли 12.00.00 – юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66
Тел./факс: (343) 331-70-64.

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 25.12.2020. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 70 экз. Заказ № 73

Дата выхода в свет 25.12.2020. Свободная цена

OF THE URAL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

The Federal Scientific and Practical Journal. The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-63039 dated September 11, 2015, Issued by the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Editorial Council:

Chairperson

Pavlenkov R.V., cand. of economics, associate professor

Members of the Editorial Council:

Bazarov R.A., dr. of law, professor; Balakshin V.S., dr. of law,

professor; Goncharov D.YU., dr. of law, associate professor;

Davletov A.A., dr. of law, professor; Darmenov A.D., cand. of law,

associate professor; Karasyov A.T., dr. of law, professor;

Kodan S.V., dr. of law, professor; Majorov V.I., dr. of law, professor;

Osincev D.V., dr. of law, associate professor; Savos'kin A.V.,

dr. of law, associate professor; Semyakin M.N., dr. of law,

professor; Smykalin A.S., dr. of law, professor; Shaburov A.S.,

dr. of law, professor

Editorial Board:

Chief Editor

Golubih N.V., cand. of law, associate professor

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., cand. of law, associate professor

Members of the Editorial Board:

Andreev A.V., cand. of law; Berdnikova O.P., cand. of law;

Vinogradova O.P., cand. of law; Goloviznin A.V., cand. of law;

Gusev A.V., cand. of law, associate professor; Deryugin R.A., cand.

of law; Kokorin D.L., cand. of law, associate professor; Krysanov

A.V., cand. of law; Lappo E.A., cand. of law; Noskova Yu.B., cand.

of law, associate professor; Orlov K.A., cand. of law, associate

professor; Peresadina O.V., cand. of law; Pletnikova M.S., cand. of

law, associate professor; Rodevich V.Ch., cand. of law, associate

professor; Stelmakh V.Yu., cand. of law, associate professor;

Tokarev D.S., cand. of law, associate professor; Falkina T.Yu.,

cand. of law, associate professor; Schetinina N.V., cand. of law,

associate professor; Kharlamova A.A., cand. of law, associate

professor

Executive Secretary *Kudoyarova G.R.*

Editor *Bebikh I.B.*

Translator *Guzikova V.V.*

The Scientific and Practical Journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches in the sphere 12.00.00 - legal science, materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2014 and is published quarterly.

The journal is included into the database of Russian Scientific Citation Index (RSCI) and presented in free access in full-text format in the scientific electronic library.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral and PhD research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house /
printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg,
ul. Korepina, 66. Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru
Website: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640 The index E43226
Signed in the press on December 25, 2020. Format 60x84 / 8
Offset printing. Office paper. Usl. Printer. L. 12.0. Uch.-ed.
L. 12.0 Edition 70 copies. Order No. 73
Date of publication on December 25, 2020. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2020

Содержание

Юбилей	5
Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального законодательства	
<i>Балакшин В.С., Спиринов А.В.</i> Институт отказа государственного обвинителя от обвинения: поиск путей реформирования	9
<i>Зайцева Е.А.</i> Некоторые проблемы применения специальных познаний в состязательном уголовном судопроизводстве (к юбилею Ахтяма Ахатовича Давлетова)	18
<i>Зинатуллин З.З.</i> De lege ferenda по структуре Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	24
<i>Семенцов В.А.</i> Уголовно-процессуальная ответственность следователя	29
<i>Кальницкий В.В.</i> Привлечение присяжного заседателя к участию в апелляционном производстве	34
<i>Ретюнских И.А., Генералова А.С.</i> Проблемные аспекты участия юридического лица в качестве потерпевшего в уголовном судопроизводстве при реорганизации и ликвидации юридических лиц	39
<i>Ушаков А.Ю., Расулова Н.С.</i> О неопределенности в вопросе исчисления сроков фактического задержания подозреваемого	43
<i>Бугрова Е.Г.</i> Правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ как средство преодоления пробелов и противоречий закона и коллизий практической правоприменительной деятельности в уголовном процессе России	47
<i>Умнягина Ю.А.</i> Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве	52
<i>Царева Ю.В., Салеева Ю.Е.</i> Правомерность осуществления оперативно-розыскных мероприятий как безусловная гарантия достижения целей уголовного судопроизводства	56
Актуальные проблемы административного права и процесса	
<i>Равнюшкин А.В.</i> Организационно-правовые проблемы применения сотрудниками полиции законодательства по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (сovid-19) (на примере Республики Крым)	63
<i>Марковский М.С.</i> Проблемы взаимодействия полиции с органами местного самоуправления и гражданами	70
Актуальные проблемы частного права	
<i>Черных Е.Е.</i> Основные направления стратегий развития искусственного интеллекта в медицине: гонка за первенство и правовые риски	74
<i>Дианова И.В., Шайхатдинов В.Ш.</i> Вопросы защиты социальных прав государственных служащих органов и организаций прокуратуры Российской Федерации	78
<i>Андреев А.В.</i> Проблемы реализации заявительного порядка получения льгот, выплат и компенсаций	85
Вопросы криминалистики	
<i>Андроник Н.А.</i> Тактические особенности предъявления для опознания по функциональным признакам	89
<i>Карпенко О.А., Шмырин Д.Ф.</i> Криминалистические аспекты изучения личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотиков посредством сети «Интернет»	93
<i>Литвин И.И.</i> Мобильный телефон как средство фиксации при производстве следственных действий: процессуальные проблемы оформления и оценки полученных материалов	97
Основные тенденции государственно-правового развития	
<i>Тончарова С.Г.</i> К вопросу обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теоретический и проблемный аспекты	101
<i>Красилова Е.В.</i> Понятие и сущность правозащитной функции государства	106
<i>Плетников В.С.</i> Советский народ в начале 60-х годов XX века и современное гражданское общество в системе противодействия преступности: нормативные возможности	111
<i>Воротникова М.В., Нуштайкина К.В.</i> Направления деятельности земских органов Российской империи в XIX веке: историко-правовое исследование	116
Теория и практика борьбы с преступностью	
<i>Голубых Н.В., Потанин К.В.</i> Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в деятельность деструктивных интернет-сообществ экстремистской направленности	121
<i>Гребенщикова И.В.</i> Правовые основания оперативно-чекистского обслуживания контингентов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и первые послевоенные годы	125
<i>Иванов П.И.</i> Об оперативно-розыскной характеристике легализации доходов, полученных преступным путем	130
<i>Шумилин О.В., Мячин Н.В.</i> Анализ и прогнозирование динамики зарегистрированных преступлений в России на основе временного ряда 1991–2019 гг.	137
<i>Пушкарев А.Л.</i> Предупреждение незаконного оборота оружия, имеющего особую ценность, правовыми способами	144
<i>Кудоярова Г.Р.</i> К вопросу о ресоциализации спецконтингента советской пенитенциарной системы в годы Великой Отечественной войны	149
Уголовное право и уголовная политика	
<i>Щетинина Н.В.</i> Беспомощное состояние как юридически значимое свойство потерпевшего от преступления	154
<i>Харламова А.А.</i> Подмена ребенка: особенности уголовно-правового запрета	159
<i>Аюпова Г.Ш., Ефимов И.А., Ахроркулов С.Х.</i> Особенности уголовно-правовой квалификации похищения человека	163

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Уральского юридического института МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Contents

Anniversaries	5
Topical issues of legal procedure and criminal procedure legislation	
<i>Balakshin V.S., Spirin A.V.</i> Institute of Public Prosecutor's Rejection of Prosecution: Finding Ways to Reform	9
<i>Zaitseva E.A.</i> Some problems of application of special knowledge in adversarial criminal proceedings (for the anniversary of Akhtyam Akhatovich Davletov)	18
<i>Zinatullin Z.Z.</i> De lege ferenda on the structure of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation	24
<i>Sementsov V.A.</i> Criminal procedural responsibility of the investigator	29
<i>Kalnitsky V.V.</i> The involvement of the juror to participate in the appeal proceedings	34
<i>Retyunskikh I.A., Generalova A.S.</i> Problematic aspects of the participation of a legal entity as a victim in criminal proceedings during the reorganization and liquidation of legal entities	39
<i>Ushakov A.Y., Rasulova N.S.</i> About uncertainty in the issue of calculating the terms of actual detention of a suspect	43
<i>Bugrova E.G.</i> Legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as a means of overcoming gaps and contradictions of the law and conflicts of practical law enforcement in the criminal process of Russia	47
<i>Ummagine Yu.A.</i> Electronic media in criminal proceedings	52
<i>Tsareva Yu.V., Saleeva Yu.E.</i> Legality of implementation operational-search measures as an unconditional guarantee of achieving the goals of criminal proceedings	56
Topical problems of administrative law and process	
<i>Ravnushkin A.V.</i> Organizational and legal problems of police officers' applying legislation on tackling the spread of a new coronavirus infection (covid-19) (on the example of the Republic of Crimea)	63
<i>Markovsky M.S.</i> Problems of police interaction with local authorities and citizens	70
Topical problems of private law	
<i>Chernykh E.E.</i> The main directions of strategies for the development of artificial intelligence in medicine: the race for primacy and legal risks	74
<i>Dianova I.V., Shaikhhatdinov V.SH.</i> Issues of social rights, the civil servants of the bodies and organizations of prosecutor's office of the Russian Federation	78
<i>Andreev A.V.</i> Problems of implementation of the application procedure for receiving benefits, payments and compensations	85
Questions of criminalistics	
<i>Andronic N.A.</i> Tactical features of presentation for identification by functional characteristics	89
<i>Karpenko O.A., Shmyrin D.F.</i> Forensic aspects of studying the identity of a criminal who commits crimes in the field of drug trafficking via the Internet	93
<i>Litvin I.I.</i> Mobile phone as fixation during investigative actions: procedural problems of processing and evaluation of the received materials	97
The main trends of state and legal development	
<i>Goncharova S.G.</i> On the issue of ensuring human and civil rights and freedoms: theoretical and problematic aspects	101
<i>Krasilova E.V.</i> The concept and essence of the state's human rights function	106
<i>Pletnikov V.S.</i> The Soviet people in the early 60s. XX century and modern civil society in the system of combating crime: normative opportunities	111
<i>Vorotnikova M.V., Nushtaykina K.V.</i> Directions of activity of zemstvo bodies of the Russian Empire in the XIX century: historical and legal research	116
Theory and practice of combating crime	
<i>Golubykh N.V., Potanin K.V.</i> Prevention of the involvement of minors in the activities of destructive internet communities of the extremist direction	121
<i>Grebenschikova I.V.</i> Legal grounds for operational security service of contingents during the great Patriotic war (1941–1945) and the first post-war years	125
<i>Ivanov P.I.</i> On the operational and investigative characteristics of the legalization of proceeds from crime	130
<i>Shumilin O.V., Myachin N.V.</i> Analysis and forecasting of registered crimes in Russia based on the 1991–2019 time series	137
<i>Pushkarev A.L.</i> Prevention of illegal trafficking of special value weapons by legal methods	144
<i>Kudoyarova G.R.</i> On the issue of resocialization of the special contingent of the Soviet penitentiary system during the Great Patriotic War.....	149
Criminal law and criminal policy	
<i>Schetinina N.V.</i> Helpless state as a legally crime victim significant sign	154
<i>KHarlamova A.A.</i> Child substitution: Features of criminal law prohibition	159
<i>Ayupova G.S., Efimov I.A., Ahrorkulov S.H.</i> Features of the qualification of kidnapping	163

When reprinting or reproducing in any way, in whole or in part, materials of the journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of Russia» reference to the journal is obligatory.

С ЮБИЛЕЕМ!

Ахтям Ахатович Давлетов

2020 год стал особенным для Уральского юридического института МВД России. В этом году 70 лет исполняется сразу двум видным ученым-процессуалистам: профессору Ахтяму Ахатовичу Давлетову и профессору Виктору Степановичу Балакшину.

Вся трудовая жизнь Ахтяма Ахатовича Давлетова связана с Уральским юридическим институтом МВД России. Ахтям Ахатович стоял у истоков основания кафедры уголовного процесса, которая в настоящее время является профильной. Именно им разработана уникальная методика преподавания учебной дисциплины «Уголовный процесс» и реализована идея разделения уголовного процесса и основ следственной деятельности, что позволило обучающимся получать специальные знания и практические навыки, необходимые для профессиональной деятельности в органах предварительного расследования. А.А. Давлетов являлся инициатором создания и введения в учебный процесс нового авторского курса «Основы следственной деятельности», который впоследствии явился базой для современных учебных дисциплин «Предварительное следствие в органах внутренних дел» и «Дознание в органах внутренних дел». А.А. Давлетов и сейчас продолжает свою деятельность на кафедре уголовного процесса в должности профессора, является руководителем научной школы «Теория и практика борьбы с преступностью», его ученики успешно развивают основные концептуальные теоретические и методологические подходы в научных исследованиях, результаты которых признаются научным сообществом в науках криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права, криминалистики, оперативно-разыскной деятельно-

Виктор Степанович Балакшин

сти, уголовного процесса. Так, под руководством А.А. Давлетова выполнили и успешно защитили диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук В.А. Камышин, И.А. Пантелеев, И.А. Ретюнских, Н.В. Азаренок, А.С. Барабаш, которые в разные годы работали на кафедре уголовного процесса, продолжая дело своего учителя.

И сегодня лекции профессора А.А. Давлетова с удовольствием посещают молодые преподаватели. Много сил и внимания уделяет он подрастающему поколению начинающих ученых, по крупицам закладывая научные знания в адъюнктов, в итоге создавая в каждой диссертации завершённую концепцию совершенствования уголовно-процессуального права. Поэтому можно сказать, что дело, начатое Ахтямом Ахатовичем, еще 30 лет назад, живет.

Виктор Степанович Балакшин долгие годы успешно и плодотворно проработал в органах прокуратуры. Свой трудовой путь он начал в июле 1976 года с должности стажера старшего следователя специализированной прокуратуры. Расследуя уголовные дела, он умело применял научно-технические средства: фотографирование, запись показаний в ходе допросов на магнитофон. Осуществляя следственную деятельность, В.С. Балакшин достиг высокого уровня профессионализма, ему доверяли самые сложные уголовные дела, в частности о хищении государственного имущества и взяточничестве высшими должностными лицами Минсредмаша (центрального органа государственного управления СССР, осуществлявшего функции по управлению атомной отраслью промышленности и обеспечивавшего разработку и производство ядерных боезарядов). За что в

1985 году он получил ценный подарок из рук Генерального прокурора СССР А.М. Рекункова.

С 1997 г. В.С. Балакшин руководит специализированной прокуратурой закрытого административно-территориального образования, а затем – Управлением по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам прокуратуры Свердловской области. И вновь безупречная служба старшего советника юстиции В.С. Балакшина отмечена приказом Генерального прокурора РФ: он награжден нагрудным знаком «Почетный работник прокуратуры РФ».

С 2011 года и по настоящее время Виктор Степанович является профессором кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России. Научные труды В.С. Балакшина пользуются заслуженным признанием юридического сообщества, под его научным руководством подготовили и успешно защитили диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук

В.Ю. Стельмах, А.В. Спирин, И.И. Литвин. В.С. Балакшин щедро делится богатым профессиональным опытом с действующими работниками правоохранительных органов, участвуя в работе научно-консультативных советов органов прокуратуры и СК РФ. Помимо преподавания и научной деятельности В.С. Балакшин находит время и для художественного творчества: он автор повести «Оправданию не подлежит» и романа «Сама», снискавших успех у читателей. Виктору Степановичу свойственны оптимизм и доброжелательность, источник его неиссякаемой энергии – в регулярных занятиях спортом, он увлеченный лыжник.

Огромный жизненный и профессиональный опыт наших юбиляров, творческая энергия и активность позволяют им вносить неоценимый вклад в работу кафедры уголовного процесса института. Мы желаем В.С. Балакшину и А.А. Давлетову здоровья и долголетия, творческих успехов и удачи во всех начинаниях!

Уральский юридический институт МВД России

Друзьям и коллегам Ахтяму Ахатовичу Давлетову и Виктору Степановичу Балакшину посвящается!

3 сентября 2020 г. отметил свой день рождения Ахтям Ахатович Давлетов, а 11 декабря 2020 г. – Виктор Степанович Балакшин. Приношу искренние поздравления юбилярам, с которыми познакомился в разное время, но в одном и том же месте, именуемом сегодня Уральским юридическим институтом МВД России. Считаю уместным поделиться с читателями журнала некоторыми своими воспоминаниями.

Первая встреча с Ахтямом Ахатовичем, разносторонне одаренным и талантливым человеком, произошла 14 марта 1990 г. на кафедре юридических дисциплин и общественных наук Свердловских высших курсов МВД СССР¹, начальником которой он тогда был. Несмотря на мой многолетний стаж следственной деятельности и даже некоторый политический опыт, поскольку 4 марта 1990 г. участвовал в выборах в качестве кандидата в народные депутаты Верховного Совета РСФСР от Средне-Уральского УВД на транспорте, испытывал в то время определенные трудности адаптации в новом коллективе, освоении навыков преподавания учебной дисциплины «Уголовный процесс». Именно товарищеская помощь и поддержка, доброжелательность и теплота высокообразованного, порядочного и интеллигентного человека А.А. Давлетова во многом способствовали освоению лучших традиций вузовской школы, моему становлению как педагога.

Глубокой признательности заслуживает творческая атмосфера, созданная на кафедре ее руководителем, позволявшая реализовывать самые смелые планы, хотя для людей в погонах это было не просто. По инициативе и в соавторстве с Ахтямом Ахатовичем опубликован целый ряд учебных и учебно-методических изданий: 1) Давлетов А.А., Вечтомов С.В., Семенцов В.А. Уголовный процесс. Программа учебного курса. Екатеринбург: Екатеринбургская высшая школа, 1994. 27 с.; 2) Давлетов А.А. и др. Возбуждение уголовного дела. Образцы процессуальных документов. Комментарий. Екатеринбург. Екатеринбургская высшая школа, 1994. 59 с.; 3) Давлетов А.А., Семенцов В.А. Контрольные вопросы по курсу уголовного процесса. Екатеринбург: Екатеринбургская высшая школа, 1995. 42 с.; 4) Давлетов А.А., Золотарев А.С., Семенцов В.А. Уголовный процесс для курсов первоначальной подготовки следователей. Екатеринбург: Екатеринбургская высшая школа, 1995. 11 с.; 5) Давлетов А.А., Вечтомов С.В., Семенцов В.А. Уголовный процесс. Задания к контрольным и курсовым работам для слушателей заочного отделения. Екатеринбург: Екатеринбургская высшая школа, 1996. 23 с.; 6) Давлетов А.А., Вечтомов С.В., Семенцов В.А. Уголовный процесс. Тематика курсовых и дипломных работ для слушателей очного обучения. Екатеринбург: Екатеринбургская высшая школа, 1996. 21 с.

В 1993 г. Ахтям Ахатович успешно защитил докторскую диссертацию в виде научного доклада на основе монографии на тему «Основы уголовно-процессуального познания» в диссертационном совете Высшей юридической заочной школы МВД России. В период

¹ С 1 октября 1990 г. указанное образовательное учреждение переименовано в Свердловский факультет ВЮЗШ МВД СССР, с 3 сентября 1991 г. – это уже Свердловская высшая школа МВД СССР, а с 1 февраля 1992 г. – Екатеринбургская высшая школа МВД России.

подготовки к защите, несмотря на чрезмерную нагрузку, Ахтям Ахатович, не будучи моим официальным научным руководителем, оказал неоценимую помощь в формировании научных взглядов на актуальные проблемы уголовного процесса. Результатом совместного творчества стали научные публикации: 1) Оперативная видео- и звукозапись в уголовном деле // Право. 1991. № 6. С. 40–48; 2) Оперативная видео- и звукозапись // Социалистическая законность. 1991. № 11. С. 25–26; 3) О необходимости прослушивания телефонных переговоров как следственного действия // Деятельность органов внутренних дел в контексте прав человека: материалы Всерос. симпозиума (2 сессия). Екатеринбург: Екатеринбургская высшая школа, 1994. С. 15–19.

23 июня 1994 г. прошла защита моей кандидатской диссертации в Уральской государственной юридической академии на тему «Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя», улучшению содержания которой способствовали рекомендации, пожелания и конструктивные замечания А.А. Давлетова.

Вскоре после моей публичной защиты А.А. Давлетов был назначен на должность заместителя начальника Екатеринбургской высшей школы МВД России по науке. Одновременно, с 1 августа 1994 г., я возглавил созданную им кафедру уголовного процесса и организации расследования преступлений, где работал до 17 октября 1997 г. Ахтям Ахатович ушел в отставку еще раньше, став блестящим адвокатом, квалифицированно и успешно оказывая доверителям юридическую помощь, продолжая и сегодня свою научную и педагогическую деятельность в Уральском государственном юридическом университете.

Где-то осенью 1995 г. Виктор Степанович Балакшин, прокурор по надзору за исполнением законов на объектах особого режима и ЗАТО, обратился ко мне с просьбой выступить рецензентом учебного пособия по основам доказательственного права, подготовленного для учащихся средней школой г. Новоуральска. В тот период времени я был куратором юридического класса при школе № 112 на осно-

вании договора между Екатеринбургской высшей школы МВД России и управлением образования Орджоникидзевского района г. Екатеринбурга, обладая некоторыми навыками организации этой работы, включая методическое наполнение преподаваемых дисциплин. Поэтому данное обращение вызвало неподдельный интерес, а ознакомление с представленным пособием высветило общие грани для сотрудничества в этой сфере.

Отрадно отметить, что в дальнейшем наше сотрудничество, переросшее в дружбу, продолжалось уже на кафедре уголовного процесса Уральской государственной юридической академии, где мы оба защищали докторские диссертации: 30 июня 2005 г. В.С. Балакшин – на тему «Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации)» и 26 октября 2006 г. В.А. Семенцов – на тему «Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве». Как до защиты докторской диссертации, так и после этого мы активно и совместно участвовали в научно-практических конференциях различного уровня, проводимых не только в Екатеринбурге, но и Омске, Тюмени, Челябинске. Объединяла нас не только наука уголовного процесса и преподавательская деятельность, но также общее увлечение волейболом в спортзале академии, коллективные пробежки на лыжах и др.

Несмотря на то, что с 1 сентября 2008 г. проживаю и работаю в г. Краснодаре, что объективно привело к снижению возможностей личного общения со своими друзьями и коллегами из г. Екатеринбурга, однако выражаю надежду на продолжение творческого сотрудничества. Желаю нашим юбилярам с богатым жизненным, научным и педагогическим опытом – Ахтяму Ахатовичу Давлетову и Виктору Степановичу Балакшину – здоровья, бодрости духа, оптимизма, творческого вдохновения и всего наилучшего!

*Семенцов Владимир Александрович,
Кубанский государственный университет,
доктор юридических наук, профессор*

Профессора Ахтям Ахатович Давлетов и Виктор Степанович Балакшин – маяки современной уголовно-процессуальной науки

Историческая закономерность – глобальные социально-экономические преобразования порождают тех, кто способен обоснованно и беспристрастно оценить их и направить все позитивное на благо социума, его социально-ценностное развитие.

Профессора Ахтям Ахатович Давлетов и Виктор Степанович Балакшин являются одними из таких представителей.

Когда Ахтям Ахатович стал полноправным членом советско-российской уголовно-процессуальной науки в кризисный для нее ситуации, аналитические

способности привели его к необходимости познания того, что составляет основу всей жизнедеятельности человека, т. е. того, что человек создан для познания всего, что составляет мироздание, что вне познания человек просто не существует. Профессиональный интерес Ахтяма Ахатовича, весь «внутренний мир» ученого, нацеленного на противостояние всему тому, что противостоит нормальной жизни людей, привел его к необходимости познания всего того, что имеет место при производстве по уголовным делам.

Опираясь на достижения советской теории доказательств, вскрыв в ней недостатки узкого, нормотивистского подхода к уголовно-процессуальному познанию, при котором решения отталкиваются от норм доказательственного права и сводятся только лишь к его объяснению, что представляет собой отступление от главного постулата любой действительной теории в виде формулы «основа – обоснование», ученый приходит к выводу о необходимости разработки, построения общей теории уголовно-процессуального познания, основные положения которой и излагаются им в монографии «Основы уголовно-процессуального познания» (1991; 1997).

В развернувшемся в постсоветской России бурном процессе по созданию нового уголовно-процессуального законодательства (проекты УПК РФ следователи один за другим) ученый выступает на многочисленных научно-практических конференциях и семинарах, принимает самое активное участие в работе диссертационных советов, в том числе в качестве члена диссертационного совета при Удмуртском государственном университете, где выполненные под его научным руководством диссертационные исследования всегда получали высокую оценку и гарантированность «зеленой улицы» в ВАКе Министерства высшего образования и науки РФ.

Начало XXI века ознаменовалось принятием УПК РФ, предназначение которого виделось в том, чтобы институт уголовного судопроизводства служил построению в России демократического, правового государства, стал эффективным средством защиты прав и свобод человека, ставшего в силу определенных жизненных ситуаций участником уголовного судопроизводства. В развернувшихся по всей стране дискуссиях профессор Давлетов выступал активным участником. В своем наиболее полном, концентрированном виде суждения о всем позитивном и негативном, что имело место в УПК РФ, Ахтям Ахатович изложил в монографии «Программа уголовного судопроизводства», выполненной им в соавторстве со своим достойным учеником Николаем Васильевичем Азаренком, опубликованной издательством «Юрлитинформ» в 2009 г.

С учетом того, что XXI век становится веком глобального проникновения цифровой технологии во все сферы жизни социума, авторы работы с позиции программированного подхода к уголовно-процессуальной деятельности вскрывают коренные элементы системной организации уголовного судопроизводства, такие как цели, задачи и средства их достижения, с позиции заложенного алгоритма работы правоприменителей, раскрывают основы теории целеполагания, обосновывая при этом, что цель уголовно-процессуальной деятельности единая «для всех времен народов», ибо главный вопрос всего уголовного судопроизводства заключен в установлении обстоятельств уголовного дела, изобличении и наказании лиц, виновных в совершении преступлений. Авторами объективно вскрывается все то негативное, что имеет место в УПК РФ 2001 г., и формулируется свое

обоснованное видение способов и средств для того, чтобы уголовное судопроизводство служило «защите общества и личности» (человека) от преступных посягательств (стр. 93). Для достижения этого авторами сформулирована система задач современного уголовного процесса, включившая в себя: а) обязанность возбуждения и разрешения уголовного дела по каждому сообщению о преступлении; б) всестороннее и полное, объективное исследование обстоятельств расследуемого события; в) установление виновности лица, совершившего преступление, и справедливое его наказание; г) непривлечение невиновного к уголовной ответственности, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергнут уголовному преследованию (стр. 119). Сформулировано все предельно четко, ясно. Генезис развития уголовного законодательства, правоприменения постсоветской уголовно-процессуальной науки четко определен.

Опубликование в 2004 г. В. С. Балакшиным монографии «Доказательства в теории и практики уголовного-процессуального законодательства» с последовавшей в 2005 году успешной защитой по названной проблеме диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, издание целой серии работ по теории уголовного-процессуального доказывания с обоснованием возможности и необходимости качественных, определенных законом средств доказывания, установление по разрешаемым уголовным делам объективной истины стало ярчайшим свидетельством того, что современная уголовно-процессуальная наука в лице Виктора Степановича Балакшина обогатилась талантливейшим аналитически мыслящим ученым, благодаря исследованиям которого уголовно-процессуальная наука постсоветской России получила возможность еще более эффективно выполнять свое назначение.

Первостепенную задачу современной уголовно-процессуальной науки по созданию качественной, согласуемой с реалиями жизни социума можно выполнить лишь объединенными усилиями всех ученых-процессуалистов России, в числе которых и наши юбиляры – Ахтям Ахатович Давлетов и Виктор Степанович Балакшин. Благополучия вам во всех областях нашей жизни, дальнейших творческих успехов на благо дальнейшего развития российской уголовно-процессуальной науки!

*Зинатуллин Зинур Зинатуллович,
Удмуртский государственный университет,
доктор юридических наук, профессор*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 343.16

Институт отказа государственного обвинителя от обвинения: поиск путей реформирования

Балакшин Виктор Степанович,
Уральский юридический институт МВД России,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: balacshin.viktor@jandex.ru

Спирин Александр Владимирович,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: a_v_spirin@bk.ru

В статье рассматривается уголовно-процессуальный институт отказа государственного обвинителя от обвинения в суде. В отечественной уголовно-процессуальной науке на протяжении длительного времени активно обсуждается вопрос о целесообразности сохранения в уголовном процессе института отказа от обвинения. Авторы статьи анализируют деятельность прокурора в судебном разбирательстве, выделяют проблемы, связанные с определением оснований и условий такого отказа, рассматривают порядок отказа прокурора от обвинения и его последствия для суда.

Ключевые слова: государственный обвинитель; прокурор; отказ от обвинения; суд; состязательность; прекращение уголовного дела.

Institute of Public Prosecutor 's Rejection of Prosecution: Finding Ways to Reform

Balakshin Victor Stepanovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Doctor of Law, Professor

Spirin Alexander Vladimirovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

The article deals with the criminal procedure institution of the refusal of the public prosecutor to charge in court. The domestic criminal procedure science has long been actively discussing the feasibility of maintaining the institution of non-prosecution in criminal proceedings. The authors of the article analyse the activities of the prosecutor in the trial, highlight problems related to the determination of the grounds and conditions of such refusal, consider the procedure for the prosecutor's refusal to charge and its consequences for the court.

Key words: public prosecutor; prosecutor; dropped charge; court; adversarial system; termination of criminal case.

В российском уголовном судопроизводстве на протяжении многих лет одной из наиболее острых, сложных и вместе с тем практически значимых является проблема отказа государственного обвинителя от обвинения. Это не случайно. Как утверждается в науке уголовно-процессуального права, *предметом судебного разбирательства* в суде первой инстанции является предъявленное подсудимому обвинение¹. Поэтому отказ государственного обвинителя от обвинения, обязательный для суда в силу ч. 7 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК), делает судебное разбирательство беспредметным, что вызывает у многих процессуалистов обоснованные вопросы.

Прежде всего, отметим, что отказ государственного обвинителя от обвинения (полный или частичный) следует четко отграничивать от смежного института изменения прокурором обвинения (ч. 8 ст. 246 УПК). Ряд ученых, объединяя перечисленные решения государственного обвинителя в одно, используют понятие «*распоряжение обвинением*»².

Возникает вопрос: чем сущность «*распоряжения обвинением*»? Можно ли обвинением «распоряжаться»? В. А. Лазарева в данное понятие вкладывает следующее содержание: распоряжение обвинением есть власть *над предметом обвинения*. Ею прокурор располагает, но в суде данная власть прокурора ограничена суверенитетом судебной власти³. Обратим внимание: в суде «прокурор сохраняет право распоряжаться обвинением», но в определенных пределах.

Исследуя данную проблему, Л. В. Головкин поставил под сомнение саму теоретическую состоятельность законоположений, позволяющих государственному обвинителю принимать такие решения. Он задается вопросом: «Кто уполномочил прокурора действовать в уголовном процессе в качестве стороны обвинения, кто уполномочил его по своему усмотрению распоряжаться обвинением по делам, которые считаются общественно опасными, т. е. касаются каждого члена общества?»⁴.

Со своей стороны отметим некоторую некорректность использования термина «распоряжение» по отношению к обвинению. Юридические словари придают этому термину несколько значений. В первом из них под распоряжением понимается один из видов *подзаконных актов органов власти и управления*, и это значение, очевидно, не может быть применено по отношению к обвинению. Во втором значении распоряжение – это *одно из правомочий собственника вещи, имущества, имущественных прав* (например, распоряжение вкладом), которым определяется юридическая судьба этих объектов. По всей вероятности, и в этом смысле о распоряжении обвинением речь вести нельзя, поскольку это чисто гражданско-правовой термин, неприменимый в уголовно-процессуальной сфере. Наконец, в третьем значении распоряжение – *акт управления, имеющий властный характер, имеющий обязательную силу для граждан и организаций*, которым распоряжение адресовано⁵. Такое понимание используемого термина наиболее близко рассматриваемой проблематике, оно подчеркивает «*властность*» решения государственного обвинителя, но оно же акцентирует обязательный характер решения прокурора для адресата распоряжения. То есть *для суда*. Ведь государственный обвинитель обращается с заявлением об отказе от обвинения к суду. Выходит, «распоряжаясь» обвинением, прокурор принимает решения, носящие для суда обязательный характер. Обращение к толкованию распространенного выражения помогло высветить важную проблему: могут ли акты прокурора в судебном разбирательстве быть обязательными для суда?

Свои дальнейшие рассуждения мы ограничим только проблемой отказа государственного обвинителя от обвинения, отметив лишь, что правовые аспекты изменения обвинения также носят достаточно спорный характер и заслуживают отдельного рассмотрения⁶.

Начнем с того, что очертим круг существующих точек зрения на проблему. Относительно принципиальной возможности для прокурора отказаться от обвинения в уголовно-процессуальной доктрине можно встретить самые разнообразные мнения. С подробным обзором различных точек зрения можно ознакомиться в ряде публикаций⁷. Спектр позиций,

¹ См.: Веселов К. Д. Отказ от обвинения на стадии обсуждения последствий вердикта присяжных заседателей // Законность. 2019. № 9. С. 28–30; Решетова Н. Ю. Соотношение конституционного принципа независимости судей и отказа прокурора от обвинения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 45–52.

² См., напр.: Буланова Н. В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: моногр. М., 2016. С. 22–23, 46; Машовец А. О. Изменение обвинения, полный или частичный отказ от него государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 94.

³ Лазарева В. А. Обвинительная власть: понятие, субъекты, формы реализации // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 17.

⁴ Головкин Л. В. Институты отказа от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях

теоретических заблуждений // Государство и право. 2012. № 2. С. 50–67.

⁵ См.: Юридический словарь: 8250 терминов / Институт новой экономики; под ред. А. Н. Азрилияна. М., 2009. С. 842; Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. М., 2010. С. 630.

⁶ См., например: Муравьев К. В., Булатов Б. Б. Изменение обвинения в суде: требуется дальнейшая корректировка механизма взаимоотношений государственного обвинения и суда // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4. С. 110 (102–111); Решетова Н. Ю. Указ. соч.

⁷ См., например: Головкин Л. В. Указ соч.; Балакшин В. С., Жу-

занимаемых учеными, крайне широк: от признания безусловного права прокурора на отказ от обвинения (*nemo invitus agere cogitur* – отказ стороны от иска прекращает дело)¹, до обоснования необходимости лишения прокурора права отказываться от обвинения, «поскольку он действует в качестве представителя общества и в выданной ему обществом условной доверенности указано – "без права отказа от иска"»².

Есть и «компромиссные» позиции. Таковой, например, можно считать точку зрения Е. А. Бравиловой. Она полагает, что прокурор должен быть *ограничен в праве распоряжения обвинением* в суде лишь правовыми (формальными) основаниями. Противоестественно и абсурдно изменение обвинения государственным обвинителем при наличии тех же обстоятельств, установленных из тех же доказательств, что изложены в обвинительном заключении, но при иной оценке этих обстоятельств государственным обвинителем в суде³. Здесь хотелось бы заметить, что, строго говоря, «тех же (как и на предварительном расследовании) доказательств» в суде быть не может: в суде происходит их новое и самостоятельное исследование, доказательства раскрываются иначе, более полно, в условиях устности и непосредственности, что расширяет возможность их сопоставления. Но во многом к аргументации Е. А. Бравиловой следует прислушаться.

Для того чтобы сформулировать свое видение по спорному вопросу, уточним значение рассматриваемого понятия. Что представляет собой отказ от обвинения?

В. С. Зеленецкий в своей, ставшей уже классической, работе *под отказом от государственного обвинения* понимал обращенное к суду заявление прокурора, в котором тот полностью или частично отрицает обоснованность обвинения и обосновывает невозможность его поддержания, фактически прекращая в целом или в определенной части продолжение обвинительной деятельности против данного лица⁴.

Современные авторы предлагают развернутое определение, в нем отражены все существенные признаки исследуемого феномена: «Отказ от обви-

нения – это мотивированное, законное и обоснованное заявление государственного обвинителя перед судом и участниками уголовного судопроизводства, выражающееся в полном или частичном отказе от обвинения, как утверждения о совершении подсудимым (осужденным в суде апелляционной инстанции) деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое органами предварительного расследования, вследствие его неподтвержденности совокупностью доказательств, надлежащим образом исследованных, проверенных и оцененных в процессе судебного разбирательства в суде первой или апелляционной инстанции»⁵.

Представляется, что на путях поиска взвешенного решения проблемы отказа от обвинения, а также последствий такого отказа для уголовного дела нужно ответить на ряд вопросов теоретического характера. Рассмотрим эти вопросы последовательно.

1. Чьи *интересы* затрагиваются такого рода отказом?

Отказ от обвинения вызван конфликтом различных интересов в уголовном судопроизводстве, и его последствия порождают конфликт интересов. Такой отказ непосредственно затрагивает следующие интересы:

- 1) законный интерес обвиняемого (интерес частный);
- 2) законный интерес потерпевшего, если он есть в деле (это тоже частный интерес);
- 3) интересы государства и общества в целом, а также интересы органов предварительного расследования (публичный интерес, интересы правосудия).

Что касается обвиняемого, то решение прокурора, очевидно, для него «выгодно» и о нарушении его интересов, как правило, речи не идет.

Более сложна ситуация с обеспечением интересов потерпевшего. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, считает В. В. Субочев, «ставит крест» на законных интересах пострадавшего от преступления лица, заключающихся в том, чтобы обвиняемый был наказан как можно более строго, чтобы обвинение не сдавало своих позиций и т. д.⁶ Действительно, интересы потерпевшего в настоящее время законодатель в анализируемой ситуации не гарантировал, что вызывает справедливую критику со стороны многих авторов и попытки предложить законодательное решение этой проблемы⁷.

Интересы государства и общества в целом (публичный интерес) затрагиваются отказом от обвинения двояко. С одной стороны, те ценности, которые охраняются и защищаются законом (ч. 1 ст. 2 УК РФ),

маканова Н. А. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики: монография. М., 2016; Бравилова Е. А. О праве прокурора распоряжаться обвинением в суде // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность. СПб. 2015. С. 318–327; Она же. О правовых последствиях изменения обвинения прокурором в суде первой инстанции // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 5. С. 188–195; Лазарева В. Л. Участие прокурора в уголовном процессе: научно-практическое пособие. М., 2016. С. 130–140.

¹ См.: Круглов И. В. Уголовный иск и механизм его доказывания: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 35.

² См.: Головкин В. Л. Указ. соч. С. 63.

³ См.: Бравилова Е. А. О праве прокурора распоряжаться обвинением в суде. С. 325–326.

⁴ См.: Зеленецкий В. С. Отказ прокурора от государственного обвинения: учебное пособие. Харьков, 1979. С. 12.

⁵ Балакшин В. С., Жумаканова Н. А. Указ. соч. С. 97.

⁶ См.: Субочев В. В. Законные интересы. М., 2012. С. 297.

⁷ См.: Михайлов А. А. Право прокурора распоряжаться обвинением в суде и его пределы // Уголовная юстиция. 2013. № 1. С. 37–46; Балакшин В. С., Жумаканова Н. А. Указ. соч. С. 157; Лазарева В. Л. Участие прокурора в уголовном процессе. С. 138.

пострадали от преступления, и в рамках конкретного уголовного дела это нарушение осталось по воле прокурора (пусть и вынуждено) без надлежащей реакции со стороны государства – уголовного преследования нарушителя. Такое отступление от выполнения своего предназначения действительно вызывает вопросы своей принципиальной правомерности¹.

Обратим внимание на «другую сторону» затронутого публичного интереса. Публичный интерес состоит и в том, чтобы обвинительная деятельность осуществлялась «исключительно в отношении лиц, действительно виновных в совершении преступлений, а также в мере, соответствующей степени их виновности, что обеспечивается полным отказом от нее в отношении невиновных и частичным отказом от нее, ее изменением до соответствующей степени виновности лица меры»². Такой подход был характерен и для советской процессуальной науки: «Прокурор, требующий с судебной трибуны осуждения виновного, и прокурор, отказывающийся с этой же трибуны от обвинения невиновного человека, в одинаковой мере защищают интересы государства... Гарантии прав личности не только не противоречат интересам государства, но прямо из них вытекают»³.

Таким образом, выполнение процессуальных действий и принятие решений в уголовном судопроизводстве в точном соответствии с требованиями Конституции РФ, уголовного и уголовно-процессуального законодательства (*соблюдение законности*), обеспечение в ходе процессуальной деятельности прав и свобод вовлекаемых в уголовное судопроизводство лиц от необоснованных ограничений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения – все перечисленное, несомненно, входит в содержание публичного интереса.

Представляется, что именно так рассуждал законодатель, формулируя общую норму, содержащуюся в ч. 4 ст. 37 УПК и предоставляющую прокурору право (и налагающую на него обязанность) в порядке и по основаниям, предусмотренным УПК, отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов принятого решения.

Проиллюстрируем сказанное на примере из судебной практики. При рассмотрении Свердловским областным судом уголовного дела по обвинению Н. и К. в совершении преступлений, предусмотренных п. «в», «ж» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 167 УК РФ, государственный обвинитель по результатам судебного следствия пришел к выводу, что некоторые доказательства, положенные в основу обвинения К., получены с нарушением закона (не разъяснены права при принятии

явки с повинной, нарушен порядок производства отдельных следственных действий). В такой ситуации поддержание обвинения и обращение к суду с требованием о признании К. виновной было бы не только противоречащим действующему закону, но сомнительным с морально-этической точки зрения. Государственный обвинитель отказался от обвинения К., судом в отношении нее было постановлено реабилитирующее решение⁴.

2. Следует уточнить, какой субъект уголовно-процессуальной деятельности вправе отказаться от обвинения в суде?

В ч. 7 ст. 246 УПК говорится о *государственном обвинителе*. Но, как правило, государственный обвинитель и прокурор, утвердивший обвинительное заключение (акт, постановление) – это разные должностные лица. Раз государственный обвинитель не утверждал обвинительного заключения и не участвовал в формировании государственного обвинения, то может ли он «распоряжаться» им? Утвердительный ответ на эти вопросы неубедителен. Это право может принадлежать прокурору, утвердившему обвинительное заключение, либо вышестоящему прокурору, иное противоречило бы принципу единства и централизации прокурорской системы⁵. На вышестоящем прокуроре лежит обязанность в случае установления, что нижестоящим прокурором не были обеспечены публичные интересы при отказе от обвинения, исправить обнаруженные отступления от требований закона. Иначе отказ от обвинения превращается в окончательное решение, которое, вопреки принципам правового государства, не может быть исправлено ни в рамках централизованной системы органов прокуратуры, ни судом⁶.

3. На каком этапе рассмотрения уголовного дела возможен отказ от обвинения (*момент отказа*)?

Этот вопрос можно уточнить: когда возможный отказ от обвинения будет *обоснованным*? Ряд авторов полагают, что полный отказ государственного обвинителя от обвинения возможен независимо от того, на каком этапе находилось судебное следствие, какие доказательства были представлены и исследованы. Более того, такой отказ возможен и «во вступительной речи»⁷. Данная точка зрения не в полной мере основана на законе, не находит подтверждения

⁴ Надзорное производство по уголовному делу № 160662159 // Архив прокуратуры Свердловской области.

⁵ См.: Королев Г. Н. Теоретические и правовые основы осуществления прокурором уголовного преследования в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 14.

⁶ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 г. № 1744-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Мамкина Даниила Даниловича и Мамкиной Нины Ивановны на нарушение их конституционных прав частью седьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Машовец А. О. Указ. соч. С. 94.

¹ См., например, аргументацию Л. В. Головки.

² Мезинов Д. А. Участие прокурора в рассмотрении дел судами: учебное пособие. Томск, 2008. С. 16.

³ См.: Перлов И. Д. Судебное разбирательство в советском уголовном процессе. Ч. I, IV. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., 1957. С. 44–45.

в решениях Конституционного Суда РФ, приказах Генерального прокурора РФ.

Обратимся к тексту УПК. Возможность отказаться от государственного обвинения возникает у прокурора тогда, когда он приходит к убеждению, что *представленные доказательства* не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение (ч. 7 ст. 246 УПК). Доказательства должны быть представлены суду и исследованы в судебном следствии.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ состоит в следующем: «Использование предусмотренных законом оснований отказа от обвинения... как правило, предполагает необходимость *предшествующего анализа всех собранных по делу доказательств* и их правовой оценки. ... Сами по себе отказ государственного обвинителя от обвинения либо изменение им обвинения в сторону смягчения, так и принятие судом соответствующего решения могут иметь место лишь по завершении исследования значимых для такого рода решений материалов дела и *заслушивания мнений* по этому поводу участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты. Непредоставление данным участникам процесса возможности изложить свое мнение лишало бы смысла или ограничивало бы обеспечивающие защиту их прав и законных интересов другие закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации правомочия»¹. Иначе говоря, в ситуации «преждевременного» отказа от обвинения должны применяться требования ч. 8 ст. 302 УПК: если основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования обнаруживаются в ходе судебного разбирательства, то суд должен продолжать рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу.

В п. 7 Приказа Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 г. № 465² содержится положение о том, что государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения *только после всестороннего исследования доказательств*.

Исходя из сказанного, правильным представляется мнение, что государственный обвинитель вправе отказаться от обвинения не ранее завершения судебного следствия, когда в предусмотренном законом порядке будет завершено исследование имеющихся в деле доказательств. В противном случае непонятно, чем руководствуется обвинитель при отказе от обви-

нения, когда все доказательства еще не были исследованы в судебном порядке³.

Более ранний отказ прокурора от обвинения в принципе возможен, но только в крайне ограниченных, носящих исключительный характер, случаях⁴.

4. От чего именно отказывается прокурор?

Вопрос, на первый взгляд, носит риторический характер. Если отталкиваться от определения обвинения, содержащегося в п. 22 ст. 5 УПК, то государственный обвинитель отказывается от утверждения о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом. При этом такой отказ лишает суд возможности не только разрешить обвинение, но и высказаться по поводу справедливости этого утверждения прокурора. Но можно ли отказаться от утверждения, вдобавок еще и сформулированного другим субъектом?

Если же обвинение рассматривать не только в материально-правовом, но и в уголовно-процессуальном смысле, т. е. как деятельность, осуществляемую прокурором в суде и направленную на доказывание им в ходе судебного следствия и судебных прений виновность лица (подсудимого)⁵, то картина несколько меняется.

Здесь будет полезным некоторое отступление и обращение к историческому опыту. По мнению ученых, в период действия Устава уголовного судопроизводства (УУС) прокурор обладал правом отказа исключительно от *процессуального обвинения*, т. е. от *процессуальной деятельности* по поддержанию обвинения, но не обладал правом отказа от материального обвинения, зафиксированного в обвинительном акте⁶ (ст. 740 УУС). Распоряжение материальным обвинением находилось в исключительной компетенции суда⁷.

В целом аналогичным образом обстоит дело в период действия УПК РСФСР 1960 г. В. С. Зеленецкий, посвятивший отказу от обвинения комплексное исследование, пришел к выводу, что отказ прокурора от обвинения лишает последнее поддержки в суде,

³ Балакшин В. С., Жумаханова Н. А. Указ. соч. С. 93.

⁴ См.: Спирин А. В. Отказ от обвинения и изменение обвинения прокурором на предварительном слушании // Законность. 2017. № 10 (996). С. 29–32; Котеля Е. Г. Порядок и правовые последствия изменения обвинения и отказа от его поддержания в суде // Уголовный процесс. 2016. № 4. С. 69–70.

⁵ См.: Исаенко В. Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 183–193.

⁶ Если прокурор находит оправдания подсудимого уважительными, то обязан, не поддерживая обвинительного акта, опровергнутого судебным следствием, заявить о том суду по совести.

⁷ См.: Рукавишников П. П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск. 2008. С. 11, 16.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ № 18-П от 8 декабря 2003 г. «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: п. 7 и 8 Приказа Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».

но не устраняет из процесса самого обвинения¹. Если предъявленное подсудимому обвинение не подтверждалось исследованными в судебном разбирательстве доказательствами, то суд постановлял *оправдательный приговор*.

К слову, вынесение оправдательного приговора при отказе прокурора от обвинения предусматривалось первоначально в проекте УПК, подготовленном в 2001 г. Однако в ходе обсуждения данное положение было подвергнуто критике. В этом ключе, в частности, выступила на одном из обсуждений проекта профессор Э. Ф. Куцева. Приведем тезисы ее выступления: «Проект предусматривает норму, – полагала она, – в соответствии с которой если прокурор отказался от обвинения, то суд должен постановить оправдательный приговор. Я спрашиваю: «А где независимость суда? Где конституционный принцип, что суд независим, подчиняется только Конституции и федеральному закону? Суд, который провел все судебное следствие... убедился в том, что подсудимый виновен в совершении преступления, а затем встает прокурор, отказывается от обвинения, и суд обязан постановить оправдательный приговор». Цитируемым автором было выдвинуто предложение не выносить оправдательный приговор в обсуждаемой ситуации, а прекращать уголовное дело². Собственно, это и было закреплено далее в УПК. Однако насколько избранное решение предпочтительнее, чем вынесение оправдательного приговора?

Возвращаясь к нашим рассуждениям применительно к действующему законодательству, согласимся с мнением П. П. Рукавишников о том, что объектом отказа является *обвинение* и в *материальном*, и в *процессуальном* смысле³. Так, авторы УПК РФ 2001 г., как было отмечено, видели реализацию принципа состязательности сторон (состязательной модели построения уголовного судопроизводства). Но, повторимся, насколько это согласуется с независимостью суда? В этом суть последнего, пятого вопроса, рассматриваемого нами.

5. Если отказ от обвинения «автоматически» влечет прекращение уголовного дела судом, не переходит ли в таком случае осуществление функции правосудия от суда к прокурору⁴, не ущемляется ли отказом прокурора от обвинения *независимость суда*?

Возражения, касающиеся возможного ущемления независимости суда при отказе обвинителя от обвинения, были рассмотрены в свое время В. М. Савицким. Приведем кратко его аргументацию: независи-

мость суда не означает независимости от обвинения в его материально-правовом и процессуальном содержании. Суд определенным образом связан предъявленным подсудимому обвинением, должен с ним считаться и исходить из него. «Нет обвинения – нет и судебной процедуры»⁵.

С другой стороны, возможность выразить свое отношение к отказу от обвинения у суда быть должна. Нельзя не признать обоснованной позицию В. В. Кальницкого, полагающего, что «осуществляя правосудие, суд вправе проверить не только обоснованность обвинения, но и правомерность отказа от него... свободно высказаться по представленному на его рассмотрение делу»⁶.

Здесь следует отметить, что в судебных решениях по уголовным делам, по которым государственный обвинитель отказался от обвинения, такая оценка судами в ряде случаев дается. Вот примеры соответствующих решений судов:

«отказ государственного обвинителя от обвинения в отношении Ш. суд находит законным, обоснованным и подлежащим удовлетворению, потому как в ходе судебного заседания факт незаконного проникновения Ш. в жилище потерпевшей не установлен»⁷;

«суд соглашается с мнением государственного обвинителя о том, что в судебном следствии не добыто доказательств причастности Н. к причинению потерпевшему тяжкого вреда здоровью, повлекшего его смерть... С учетом *мотивированного и обоснованного* материалами уголовного дела⁸ отказа государственного обвинителя от обвинения подсудимого Н. уголовное преследование в отношении него по ч. 4 ст. 111 УК РФ необходимо прекратить в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения»⁹.

Завершив краткий теоретический анализ некоторых аспектов рассматриваемой нами проблематики, сформулируем ряд выводов и предложений о принципиальном направлении реформирования института отказа государственного обвинителя от обвинения.

⁵ См.: Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 368–370.

⁶ Кальницкий В. В. Развитие уголовно-процессуальной формы вступает в противоречие с основами доказательственного права // 50 лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международ. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.): в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 398.

⁷ См.: Постановление Терского районного суда (Кабардино-Балкарская Республика) № 1-5/2018 1-95/2017 от 9 февраля 2018 г. по делу № 1-5/2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru>.

⁸ В приводимом примере суд в постановлении дает достаточно подробный анализ исследованных в судебном заседании доказательств, их недостаточности для признания подсудимого виновным.

⁹ Постановление Волжского городского суда (Волгоградская область) № 1-1144/2015 1-38/2016 от 28 апреля 2016 г. по делу № 1-1144/2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru>.

¹ См.: Зеленецкий В. С. Указ. соч. С. 8–10, 105.

² См.: Уроки реформы уголовного правосудия в России: По материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие: сб. ст. и материалов / отв. ред. Е. Б. Мизулина, А. Е. Лебедев. М., 2007. С. 689–693.

³ См.: Рукавишников П. П. Указ. соч. С. 11, 16.

⁴ Именно об этом писал А. М. Ларин (см.: Конституционные основы правосудия в СССР / под ред. В. М. Савицкого. М., 1981. С. 252).

1. Прокурор (государственный обвинитель) не может быть лишен возможности обратиться к суду с заявлением об отказе от продолжения *обвинительной деятельности* (от доказывания и обоснования вины подсудимого) полностью или частично при наличии установленных законом оснований. Иное означало бы продолжение такой деятельности не только вопреки сложившемуся внутреннему убеждению прокурора, но и вопреки публичному интересу. При этом обвинение в материально-правовом смысле, как утверждение о совершении подсудимым преступления не аннулируется. В противном случае постановление суда о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) не может быть обжаловано ни вышестоящим прокурором, ни потерпевшим, ни другими участниками процесса.

2. Такое заявление, как правило (за исключением случаев, особо оговоренных в законе), может быть сделано прокурором (государственным обвинителем) только *по окончании судебного следствия, в прениях сторон*. Другим участникам судебного разбирательства (потерпевшему, подсудимому, защитнику) должна быть предоставлена возможность высказать свое мнение по поводу заявления государственного обвинителя.

3. Заявление государственного обвинителя должно отвечать требованиям *законности, обоснованности и мотивированности*, должно быть выражено в письменной форме, исходить (или быть согласованным) от прокурора, утвердившего обвинительное заключение, или вышестоящего прокурора.

4. Для потерпевшего в УПК должна быть предусмотрена возможность самостоятельного поддержания обвинения при его несогласии с отказом государственного обвинителя от обвинения. Иначе не обеспеченными остаются *законные интересы потерпевшего*.

5. Необходимо устранить существующую жесткую *предопределенность решения суда по делу* в ситуации отказа государственного обвинителя от обвинения. В решении суда по делу (постановлении, приговоре) следует отражать не только сам факт поступления такого заявления-отказа, но и отношение суда к решению прокурора: считает ли суд отказ обоснованным либо полагает, что отказ от обвинения ущемляет частные интересы потерпевшего или интересы общества. В зависимости от позиции суда по делу он может принять одно из двух решений:

а) если суд посчитает, что отказ государственного обвинителя от обвинения является законным и обоснованным, а потерпевший не заявляет о намерении самостоятельно поддерживать обвинение, то, в зависимости от оснований отказа от обвинения, постановляет оправдательный приговор (в соответствии с ч. 2 ст. 302 УПК) либо обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания (в соответствии с ч. 6 ст. 302 УПК);

б) если суд сочтет заявление об отказе от обвинения необоснованным, в этом случае он должен воз-

вратить прокурору уголовное дело для устранения препятствий его рассмотрения в суде (не предвешая вопроса о виновности подсудимого). Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в таком случае возможно на основании решения должностного лица стороны обвинения. Если по отдельным эпизодам суд считает возможным вынесение приговора, то следует рассмотреть вопрос о выделении дела в отдельное производство.

С целью реализации данных предложений следовало бы внести соответствующие изменения в ряд норм УПК, в том числе в ч. 7 ст. 246 УПК и в ст. 237 УПК.

Представляется, что данные предложения позволят выстроить баланс законных интересов участников уголовного судопроизводства и интересов правосудия (публичного интереса), не противоречат состязательному построению уголовного судопроизводства и не нарушают независимости суда. Наконец, закрепление в законе данных принципиальных подходов позволит снизить риск возможных ошибок и злоупотреблений со стороны государственных обвинителей.

Библиографический список

1. Балакшин В. С. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики / В. С. Балакшин, Н. А. Жумаканова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 184 с.
2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 858 с.
3. Бравилова Е. А. О праве прокурора распоряжаться обвинением в суде / Е. А. Бравилова // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. – 2015. – С. 318–327.
4. Бравилова Е. А. О правовых последствиях изменения обвинения прокурором в суде первой инстанции / Е. А. Бравилова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 5. – С. 188–195.
5. Буланова Н. В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами / Н. В. Буланова. – М., 2016. – 192 с.
6. Веселов К. Д. Отказ от обвинения на стадии обсуждения последствий вердикта присяжных заседателей / К. Д. Веселов // Законность. – 2019. – № 9. – С. 28–30.
7. Головкин Л. В. Институты отказа от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений / Л. В. Головкин // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 50–67.
8. Зеленецкий В. С. Отказ прокурора от государственного обвинения: учеб. пособие / В. С. Зеленецкий. – Харьков, 1979. – 116 с.
9. Исаенко В. Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций / В. Н. Исаенко // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1. – С. 183–193.
10. Кальницкий В. В. Развитие уголовно-процессуальной формы вступает в противоречие с основами

доказательственного права // 50 лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международ. науч.-практ. конф. / В. В. Кальницкий. – Екатеринбург. – 398 с.

11. Конституционные основы правосудия в СССР / под ред. В. М. Савицкого. – М.: Наука, 1981. – 360 с.

12. Королев Г. Н. Теоретические и правовые основы осуществления прокурором уголовного преследования в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г. Н. Королев. – Н. Новгород, 2005. – 60 с.

13. Котеля Е. Г. Порядок и правовые последствия изменения обвинения и отказа от его поддержания в суде / Е. Г. Котеля // Уголовный процесс. – 2016. – № 4. – С. 69–70.

14. Круглов И. В. Уголовный иск и механизм его доказывания: дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Круглов. – Н. Новгород, 2001. – 177 с.

15. Лазарева В. А. Обвинительная власть: понятие, субъекты, формы реализации / В. А. Лазарева // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 14–18.

16. Лазарева В. Л. Участие прокурора в уголовном процессе: науч.-практ. пособие / В. А. Лазарева. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 215 с.

17. Машовец А. О. Изменение обвинения, полный или частичный отказ от него государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства / А. О. Машовец // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2 (36). – С. 93–96.

18. Мезинов Д. А. Участие прокурора в рассмотрении дел судами: учеб. пособие / Д. А. Мезинов. – Томск: Изд-во НТЛ, 2008. – 100 с.

19. Михайлов А. А. Право прокурора распоряжаться обвинением в суде и его пределы / А. А. Михайлов // Уголовная юстиция. – 2013. – № 1. – С. 37–46.

20. Муравьев К. В. Изменение обвинения в суде: требуется дальнейшая корректировка механизма взаимоотношений государственного обвинения и суда / К. В. Муравьев, Б. Б. Булатов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 4. – С. 102–111.

21. Перлов И. Д. Судебное разбирательство в советском уголовном процессе. Части третья и четвертая. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе / И. Д. Перлов. – М.: Госюриздат, – 1957. – 203 с.

22. Решетова Н. Ю. Соотношение конституционного принципа независимости судей и отказа прокурора от обвинения / Н. Ю. Решетова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2019. – № 4 (72). – С. 45–52.

23. Рукавишников П. П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. П. Рукавишников. – Иркутск, 2008. – 22 с.

24. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / В. М. Савицкий. – М., 1975. – 383 с.

25. Спирин А. В. Отказ от обвинения и изменение обвинения прокурором на предварительном слушании / А. В. Спирин // Законность. – 2017. – № 10 (996). – С. 29–32.

26. Субочев В. В. Законные интересы / В. В. Субочев. – М.: Норма, 2012. – 496 с.

27. Уроки реформы уголовного правосудия в России: по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие: сб. ст. и материалов / отв. ред. Е. Б. Мизулина, А. Е. Лебедев; вступ. ст. С. М. Миронова. – М.: Норма, 2007. – 800 с.

28. Юридический словарь: 8250 терминов / под ред. А. Н. Азрилияна. – 2-е изд. – М.: Институт новой экономики, 2009. – 1152 с.

Bibliografičeskij spisok

1. Balakshin V. S. Otkaz prokurora ot obvineniya: voprosy teorii i praktiki / V. S. Balakshin, N. A. ZHumakanova. – М.: YUrlitinform, 2016. – 184 s.

2. Bol'shoj yuridicheskiy slovar' / pod red. A. YA. Suhareva. – 3-e izd., pererab. i dop. – М.: INFRA-M, 2010. – 858 s.

3. Bravilova E. A. O prave prokurora rasporyazhat'sya obvineniem v sude / E. A. Bravilova // Obvinenie i zashchita po ugovolnym delam: istoricheskiy opyt i sovremennost'. – SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. – 2015. – S. 318–327.

4. Bravilova E. A. O pravovyh posledstviyah izmeneniya obvineniya prokurorom v sude pervoj instancii / E. A. Bravilova // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. – 2016. – № 5. – S. 188–195.

5. Bulanova N. V. Uchastie prokurora v rassmotrenii ugovolnyh del sudami / N. V. Bulanova. – М., 2016. – 192 s.

6. Veselov K. D. Otkaz ot obvineniya na stadii obsuzhdeniya posledstvij verdikta prisyzhnyh zasedatelej / K. D. Veselov // Zakonnost'. – 2019. – № 9. – S. 28–30.

7. Golovko L. V. Instituty otkaza ot obvineniya i izmeneniya obvineniya v sude: postsovetskie perspektivy v usloviyah teoreticheskikh zabluzhdenij / L. V. Golovko // Gosudarstvo i pravo. – 2012. – № 2. – S. 50–67.

8. Zeleneckij V. S. Otkaz prokurora ot gosudarstvennogo obvineniya. Uchebnoe posobie / V. S. Zeleneckij. – Har'kov, 1979. – 116 s.

9. Isaenko V. N. Gosudarstvennoe obvinenie v sisteme ugovolno-processual'nyh funkcij / V. N. Isaenko // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2019. – № 1. – S. 183–193.

10. Kal'nickij V. V. Razvitie ugovolno-processual'noj formy vstupaet v protivorechie s osnovami dokazatel'stvennogo prava // 50 let kafedre ugovolnogo processa UrGYUA (SYUI): materialy Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. / V. V. Kal'nickij. – Ekaterinburg. – 398 s.

11. Konstitucionnye osnovy pravosudiya v SSSR / pod red. V. M. Savickogo. – М.: Nauka, 1981. – 360 s.

12. Korolev G. N. Teoreticheskie i pravovye osnovy osushchestvleniya prokurorom ugolovnogogo presledovaniya v rossijskom ugolovnom processe: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / G. N. Korolev. – N. Novgorod, 2005. – 60 s.
13. Kotelya E. G. Poryadok i pravovye posledstviya izmeneniya obvineniya i otkaza ot ego podderzhaniya v sude / E. G. Kotelya // Ugolovnyj process. – 2016. – № 4. – S. 69–70.
14. Kruglov I. V. Ugolovnyj isk i mekhanizm ego dokazyvaniya: dis. ... kand. jurid. nauk / I. V. Kruglov. – N. Novgorod, 2001. – 177 s.
15. Lazareva V. A. Obvinitel'naya vlast': ponyatie, sub"ekty, formy realizacii / V. A. Lazareva // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2012. – № 1. – S. 14–18.
16. Lazareva V. L. Uchastie prokurora v ugolovnom processe: Nauchno-prakticheskoe posobie / V. A. Lazareva. – M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2016. – 215 s.
17. Mashovec A. O. Izmenenie obvineniya, polnyj ili chastichnyj otkaz ot nego gosudarstvennym obvinitelem v hode sudebnogo razbiratel'stva / A. O. Mashovec // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 2 (36). – S. 93–96.
18. Mezinov D. A. Uchastie prokurora v rassmotrenii del sudami: ucheb. posobie / D. A. Mezinov. – Tomsk: Izd-vo NTL, 2008. – 100 s.
19. Mihajlov A. A. Pravo prokurora rasporyazhat'sya obvineniem v sude i ego predely / A. A. Mihajlov // Ugolovnaya yusticiya. – 2013. – № 1. – S. 37–46.
20. Murav'ev K. V. Izmenenie obvineniya v sude: trebuetsya dal'nejshaya korrekcirovka mekhanizma vzaimootnoshenij gosudarstvennogo obvineniya i suda / K. V. Murav'ev, B. B. Bulatov // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 4. – S. 102–111.
21. Perlov I. D. Sudebnoe razbiratel'stvo v sovetskom ugolovnom processe. CHasti tret'ya i chetvertaya. Sudebnye preniya i poslednee slovo podsudimogo v sovetskom ugolovnom processe / I. D. Perlov. – M.: Gosyurizdat, – 1957. – 203 s.
22. Reshetova N. YU. Sootnoshenie konstitucionnogo principa nezavisimosti sudej i otkaza prokurora ot obvineniya / N. YU. Reshetova // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2019. – № 4 (72). – S. 45–52.
23. Rukavishnikov P. P. Otkaz gosudarstvennogo obvinitelya ot obvineniya v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / P. P. Rukavishnikov. – Irkutsk, 2008. – 22 s.
24. Savickij V. M. Ocherk teorii prokurorskogo nadzora v ugolovnom sudoproizvodstve / V. M. Savickij. – M., 1975. – 383 s.
25. Spirin A. V. Otkaz ot obvineniya i izmenenie obvineniya prokurorom na predvaritel'nom slushanii / A. V. Spirin // Zakonnost'. – 2017. – № 10 (996). – S. 29–32.
26. Subochev V. V. Zakonnye interesy / V. V. Subochev. – M.: Norma, 2012. – 496 s.
27. Uroki reformy ugolovnogogo pravosudiya v Rossii: po materialam raboty Mezhvedomstvennoj rabochej grupy po monitoringu UPK RF i v svyazi s pyatiletiem so dnya ego prinyatiya i vvedeniya v dejstvie: sb. st. i materialov / otv. red. E. B. Mizulina, A. E. Lebedev; vstup. st. S. M. Mironova. – M.: Norma, 2007. – 800 s.
28. YUridicheskij slovar': 8250 terminov / pod red. A. N. Azriliyana. –2-e izd. – M.: Institut novoj ekonomiki, 2009. – 1152 s.

Некоторые проблемы применения специальных познаний в состязательном уголовном судопроизводстве (к юбилею Ахтяма Ахатовича Давлетова)

**Зайцева Елена Александровна,
Волгоградская академия МВД России,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: zaitceva-expert@rambler.ru**

В статье анализируются положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующие привлечение защитником к участию в уголовно-процессуальном доказывании специалистов, и практика применения данных нормативных установлений с учетом научных позиций Ахтяма Ахатовича Давлетова, изложенных в ряде его публикаций.

Ключевые слова: специалист; специальные познания; состязательность сторон; полномочия защитника; альтернативная судебная экспертиза.

Some problems of application of special knowledge in adversarial criminal proceedings (for the anniversary of Akhtyam Akhatovich Davletov)

**Zaitseva Elena Alexandrovna,
Volgograd Academy of the Interior Ministry of the
Russian Federation, Doctor of Law, Professor**

The article analyzes the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which regulate the involvement of a defense attorney to participate in criminal procedural proving of specialists, and the practice of applying these regulatory provisions, taking into account the scientific positions of Akhtyam Akhatovich Davletov, set out in a number of his publications.

Key words: specialist; special knowledge; adversarial nature of the parties; the powers of a defender; alternative forensic examination.

3 сентября свой семидесятилетний юбилей отметил замечательный ученый, юрист-практик Давлетов Ахтям Ахатович, чей вклад в развитие науки отечественного уголовно-процессуального права неоспорим. Особый интерес в научном творчестве Ахтяма Ахатовича представляют его изыскания в сфере доказательственного права: изданная им в 1997 г. монография «Основы уголовно-процессуального познания»¹ вдохновляет ученых-процессуалистов², вызывает желание подискутировать³ и далее разви-

вать теоретические положения автора, отраженные в этом фундаментальном труде⁴. Среди крупных работ уважаемого профессора следует также отметить выдержавший уже пять изданий двухтомник «Уголовное судопроизводство Российской Федерации»⁵, который высоко оценил В. В. Кальницкий⁶; монографию «Про-

---

LEX RUSSICA. Теоретические проблемы отраслей права. 2014. № 8. С. 806–919.

¹ См.: Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург, 1997.

² См.: Воскобитова Л. А., Россинский С. Б. Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 1. С. 130–143.

³ См.: Россинский С. Б. Модель познания как концептуальная основа теории уголовно-процессуальных доказательств //

⁴ См.: Стельмах В. Ю. Понятие и система средств доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 6 (194). С. 90–95.

⁵ См.: Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. Екатеринбург, 2017.

⁶ См.: Кальницкий В. В. Рецензия на 2-х томное издание: Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Общая часть: курс лекций. Екатеринбург, 2010; Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской

грамма уголовного судопроизводства»¹, подготовленную в соавторстве с Н. В. Азаренком.

Таким образом, творческое вдохновение Ахтям Ахатович черпает не только в проблематике доказывания, которое является источником новых идей и сосредоточением научного интереса многих ученых, в работах уважаемого профессора можно найти материал по самым разным вопросам теории и практики уголовного судопроизводства. Особое внимание А.А. Давлетов уделяет исследованию различных аспектов реализации уголовно-процессуальных полномочий адвокатов: собственная адвокатская практика позволяет ученому выявлять наиболее острые вопросы правоприменения, высвечивать актуальные проблемы защиты прав и законных интересов доверителей.

Для меня, как процессуалиста, длительное время занимающегося проблемами применения специальных познаний в состязательном уголовном судопроизводстве, несомненный научный интерес представляют работы Ахтяма Ахатовича, посвященные участию специалиста в доказывании по уголовным делам. Читая эти статьи, понимаешь, насколько автор глубоко изучил указанные вопросы, как смог дальновидно предсказать тенденции в развитии законодательства о специалисте!

Так, еще в 2003 г. с удовлетворением отметив появление новых направлений в деятельности специалиста, А.А. Давлетов точно обозначил ключевую проблему, которая до сих пор, несмотря на усилия законодателя, так и не получила должного разрешения: отсутствие «того процессуального механизма, который должен быть в УПК для реализации названных возможностей специалиста. Именно этот аспект имеет определяющее значение, ибо в процессуальной деятельности важна не столько правовая идея, сколько порядок, процедура ее практического применения»².

Анализируя в системном единстве уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие производство следственных действий с участием специалиста, и положения ч. 1 ст. 58 УПК РФ, закрепляющие консультационную деятельность специалиста («разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию»), уважаемый профессор верно констатирует отсутствие того самого «процессуального механизма» получения этих разъяснений в досудебном производстве и лишь фрагментарное упоминание допроса специалиста при производстве в суде первой инстанции.

При этом как нельзя актуально (спустя почти 17 лет с момента опубликования данной статьи) звучит озабоченность автора данной непоследовательно-

Федерации. Особенная часть : курс лекций. Екатеринбург, 2011// Законодательство и практика. 2011. № 1 (26). С. 81–82.

¹ См.: Азаренко Н. В., Давлетов А. А. Программа уголовного судопроизводства / Н. В. Азаренко, А. А. Давлетов. М., 2009.

² Давлетов А. А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы [Электронный ресурс] // Российская юстиция. 2003. № 9. СПС «КонсультантПлюс».

стью законодателя, который в ч. 1 ст. 58 УПК РФ декларировал в качестве цели привлечения специалиста дачу им разъяснений по специальным вопросам, однако не обеспечил должного нормативного сопровождения для реализации указанного направления консультационной деятельности специалиста. «Допрос специалиста есть самостоятельное следственное действие, подлежащее безотлагательному внесению в УПК РФ!» - пишет Ахтям Ахатович, обращая также внимание на отсутствие в ст. 74 УПК РФ нормы о показаниях специалиста как самостоятельном виде доказательств и на недопустимость допроса специалиста как свидетеля.

Следует подчеркнуть, что статья «Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы» готовилась к опубликованию в то время, когда в Государственной Думе шло обсуждение во втором чтении³ Проекта федерального закона № 279596-3, который потом был подписан Президентом РФ 4 июля 2003 г. как Федеральный закон № 92-ФЗ⁴, закрепивший в УПК РФ новые виды доказательств – заключения и показания специалиста. Но, несмотря на расширение перечня источников доказательств в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, законодатель не создал беспроblemное нормативное регулирование данного аспекта деятельности специалиста, что мы можем с сожалением констатировать и в настоящее время. Правоприменителю в условиях сохраняющихся лакунов в праве остается только лишь использовать закон по аналогии, обращаясь при проведении допроса специалиста к нормативной модели допроса эксперта и свидетеля. Но такое положение вещей неприемлемо – 17 лет в УПК РФ существует фактически декларативная норма, не обеспеченная достойным механизмом реализации. Однако законодатель и далее «плодит» «прогрессивные» новеллы, не утруждая себя системным подходом к совершенствованию тех или иных уголовно-процессуальных институтов, что приводит к появлению все новых и новых «норм-деклараций», жизнеспособность которых вызывает обоснованные сомнения. А сам УПК остается «неконцептуальным, несистемным... неспособным обеспечивать то, для чего он создан, – эффективное регулирование уголовно-процессуальных отношений», как тонко подметил в данной статье Ахтям Ахатович.

В числе тех самых «норм-деклараций», касающихся участия специалиста в уголовном деле, особо следует выделить ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ, введенную Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ⁵,

³ Именно в тексте законопроекта, подготовленного ко второму чтению 20 июня 2003 г., появились новеллы о заключении и показаниях специалиста.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

⁵ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от

которая напрямую касается научных интересов А. А. Давлетова и автора настоящей статьи. Данное нормативное установление направлено на создание гарантий обеспечения стороны защиты участием независимого от органов предварительного расследования специалиста: «2.1. Стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных статьей 71 настоящего Кодекса».

Еще до введения указанной новеллы Федерального закона № 73-ФЗ защитник, в соответствии п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, был наделен правом привлекать специалиста к участию деле, однако данная норма также была лишена процедурного обеспечения. Вряд ли можно признать достойным нормативным регулированием формальную ссылку законодателя на ст. 58 УПК РФ, которая закрепляла статус специалиста и цели его участия в деле, которые, по сути, и определяли основные формы участия специалиста в производстве по уголовному делу. В числе таковых законом упоминаются:

1) *оказание специалистом содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов.* Эта формулировка позволяет говорить о возможности участия специалиста в проводимых защитником действиях, направленных на получение предметов и документов в рамках ч. 3 ст. 86 УПК РФ для представления их следователю в качестве основы для формирования доказательств. Однако, очевидно, что ввиду отсутствия нормативного регулирования подобного участия «специалиста» в адвокатских действиях, сведущее лицо, привлекаемое защитником, сложно назвать специалистом в смысле ст. 58 УПК РФ, т. к. защитник не наделен полномочием по разъяснению прав, обязанностей и ответственности такому сведущему лицу, полномочием по процессуальному закреплению его статуса – это является исключительной прерогативой лидирующих субъектов уголовного судопроизводства;

2) *применение специалистом технических средств.* По сути, изложенные выше аргументы в полной мере подходят для данной формы привлечения сведущего лица адвокатом-защитником, фиксирующим для адвокатского досье информацию с помощью технических средств, применяемых указанным сведущим лицом;

3) *постановка вопросов эксперту.* Безусловно, результативность судебной экспертизы во многом предопределяется корректной и полной постановкой вопросов эксперту. В досудебном производстве такая возможность участвовать в формулировании задания эксперту предоставляется защитнику в рамках реализации процедур, предусмотренных ч. 3 ст. 195 и

п. 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ. И именно эта форма позволяет защитнику вовлечь сведущее лицо в процессуальные отношения в качестве специалиста, т. к. действиями, урегулированными ч. 3 ст. 195 и п. 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ, формально руководит следователь или дознаватель, назначивший судебную экспертизу. Только органы предварительного расследования обеспечивают реализацию прав участников со стороны защиты и обвинения при назначении судебной экспертизы, они же формально закрепляют статус сведущего лица, приглашенного защитником в качестве специалиста, согласно ст. 58 и ст. 168 УПК РФ;

4) *разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста.* Эта консультационная форма участия специалиста в деле выражается в даче письменных (заключение специалиста – ч. 3 ст. 80 УПК РФ) и устных (показания специалиста – ч. 4 ст. 80 УПК РФ) разъяснений данного сведущего лица. Также пояснения специалиста могут найти отражение в протоколе следственного действия, проводимого с его участием, если он по ходу выполняемых им действий дает комментарии или делает заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол (ч. 4 и 6 ст. 166 УПК РФ). Что касается письменного заключения, предоставляемого сведущим лицом защитнику, то по большому счету, в системе действующего нормативного регулирования вряд ли можно признать данную деятельность процессуальной¹, т. к. статус этого сведущего лица как специалиста еще не закреплён. Только следователь и дознаватель могут формально установить статус компетентного лица как специалиста, однако сделают они это гораздо позже (если сочтут это необходимым), когда к ним поступит такое заключение от защитника. В реальности, исходя из буквального толкования закона, только властные субъекты наделены полномочием определять официально статус лица как специалиста и получать от него заключение специалиста. В случае же инициирования защитником письменной консультации в виде «заключения специалиста» от сведущего лица, чей статус специалиста еще формально не определен, получается *письменный документ, содержащий суждения сведущего лица, которое специалистом в смысле ст. 58 УПК РФ еще не является.* Соответственно, называть его «заключением специалиста» не совсем корректно. Скорее всего, данную консультацию можно признать документом-доказательством (в смысле ст. 84 УПК РФ).

То обстоятельство, что в досудебном производстве по уголовным делам процессуальный статус

¹ О том, что из-за отсутствия нормативной регламентации в УПК РФ порядка получения заключения специалиста ставится под сомнение допустимость данного законодательства, см. подробнее: Божьев В. П. Недостатки системного характера в регулировании процесса доказывания по уголовному делу // Совершенствование борьбы с преступностью в сфере экономики: сб. аналит. и метод. материалов. М., 2006. С. 110–116; Зайцева Е. А., Гарисов С. М. К вопросу о заключении специалиста // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 4 (11). С. 67–73.

сведущего лица в качестве специалиста определяют властные субъекты, осуществляющие производство по уголовному делу, не вызывает сомнения: это вытекает из буквального толкования ранее существовавшей системы норм (ст. 58 и 168 УПК РФ), это прослеживается и из новелл Федерального закона от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ: «Стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу ...» (ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ).

С учетом вышеизложенного анализ ч. 2.1. ст. 58 УПК РФ дает основание утверждать следующее:

1) порядок вовлечения специалиста в доказательственную деятельность остался прежним – защитник ходатайствует о его привлечении перед лицом, осуществляющим предварительное расследование;

2) следователь должен мотивировать отказ в удовлетворении подобного ходатайства наличием оснований для отвода специалиста согласно ст. 71 УПК РФ. Эта оговорка законодателя весьма значительна: новелла о запрете препятствовать вовлечению в доказывание такого специалиста «меркнет» перед уточнением данного положения, сделанного законодателем: защитнику можно отказать в допуске специалиста при наличии оснований для отвода последнего. А, как известно, приглашение специалиста на договорной основе формирует одно из оснований для его отвода – финансовую зависимость от нанявшей его стороны. Эти договорные отношения между защитником и сведущим лицом могут быть истолкованы правоприменителем или как одно из общих оснований для отвода (ч. 2 ст. 61 УПК РФ – «иные обстоятельства, дающие основание полагать, что» специалист «лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела»), или как одно из специальных оснований для отвода (распространяются и на эксперта, и на специалиста): «если он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей» (п. 2 ч. 2 ст. 70 УПК РФ).

Сам факт приглашения сведущего лица защитником подразумевает возникновение между специалистом и доверителем защитника или самим защитником гражданско-правовых отношений по поводу возмездного оказания услуг¹ (ст. 779 ГК РФ) – а это прямой повод следователю усомниться в объективности и беспристрастности такого специалиста. Таким образом, упоминание в ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ оснований для отвода специалиста фактически блокирует инициативу защитника на вовлечение в производство по уголовному делу специалиста, с которым он заключил соответствующий договор возмездного оказания услуг.

¹ По сути, об этом прямо говорится в п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (см.: Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102; Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5027).

Как же в этих условиях обеспечить участие специалиста по инициативе защитника, чтобы следователь не воспользовался ситуацией с отводом? Если представить алгоритм с привлечением сведущего лица по инициативе стороны защиты, с которым защитник не будет заключать договор об оплате его услуг, то вряд ли найдется много желающих компетентных лиц оказывать помощь защитнику на безвозмездной основе. Даже если защитник сам не будет «ангажировать» специалиста, а просто выступит с инициативой пригласить конкретное сведущее лицо, нередко следователи ищут повод поставить под сомнение его компетентность². По сути, судьба реализации состязательных начал при привлечении сведущих лиц в системе существующих уголовно-процессуальных отношений зависит в досудебном производстве от усмотрения следователя и дознавателя³.

Для полноты воплощения замысла законодателя в части создания дополнительных гарантий осуществления адвокатской деятельности выход видится нам один – внести дополнения в ст. 71 УПК РФ, обозначив, что не является основанием для отвода специалиста заключение с ним защитником договора об оказании на возмездной основе научно-технической и консультационной помощи. Данная новелла в виде ч. 3 ст. 71 УПК РФ могла бы иметь следующее содержание:

«3. Оказание специалистом на договорной основе консультационных услуг адвокату в целях разъяснения ему вопросов, связанных с оказанием юридической помощи по уголовному делу, в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не является основанием для отвода специалиста.»

Безусловно, такие дополнения УПК РФ послужили бы дополнительной гарантией укрепления состязательных основ досудебного производства по уголовным делам. Однако и подобных нововведений для адвокатского сообщества, полагаем, было бы недостаточно. Если обратиться к практике применения еще одной новеллы Федерального закона № 73-ФЗ, устанавливающей, что защитнику «не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами» (ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ), то, как подчеркивает А. А. Давлетов, «отношение органов предварительного расследования к просьбе защиты приобщить к уголовному делу собранные материалы ничуть не изме-

² Ранее описывались ситуации, когда суд и органы предварительного расследования не признавали компетентными лиц, приглашенных защитниками, несмотря на наличие у сведущего лица ученой степени кандидата наук в соответствующей сфере (см.: Гарисов С. М. Использование специальных познаний в судебном производстве по уголовным делам: монограф. Волгоград, 2010. С. 136).

³ Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2011. С. 331.

нилось. Многие следователи и дознаватели даже не заметили этих новшеств и по-прежнему повсеместно отказывают адвокату в удовлетворении заявленного ходатайства»¹.

Возможно, именно поэтому адвокатское сообщество остается неудовлетворенным шагами законодателя в части введения состязательных начал при привлечении сведущих лиц в уголовно-процессуальное доказывание. Как результат – попытка представителей адвокатского сообщества привлечь внимание руководителя государства к данной проблеме: на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека 10 декабря 2019 г. Генри Маркович Резник констатировал: «сторона защиты практически бесправна в вопросе проведения экспертизы: ее может назначить только следователь или суд»². Г. М. Резник в своем обращении к Президенту РФ «заявил о необходимости предоставления стороне защиты права проводить полноценную экспертизу»³.

Термин «полноценная экспертиза» можно понимать двояко: во-первых, как альтернативную несудебную экспертизу, проведенную по инициативе и за средства невластных субъектов доказывания, – при условии признания ее в законе равнозначной судебной экспертизе; во-вторых, как судебную экспертизу, в обязательном порядке назначаемую при наличии об этом ходатайства стороны защиты.

Первое явление существует в уголовно-процессуальной реальности не один десяток лет – частные экспертные бюро обслуживают стороны процесса, предоставляя в их распоряжение акты (заключения) несудебных экспертиз, отношение к которым у властных субъектов весьма недоверчивое. Тому причин несколько: и финансовая зависимость частного эксперта от нанимателя, и отсутствие механизмов регулярного подтверждения компетенции частных экспертов в производстве конкретных видов исследований. И пока сохраняются указанные причины, заключение альтернативной экспертизы не сможет составить конкуренцию заключению судебного эксперта.

Что касается второго варианта «полноценной судебной экспертизы», то ее введение в процесс Г. М. Резник связывает с фигурой следственного судьи, который должен будет помогать стороне защиты в формировании и депонировании доказательств. Идея сама по себе «замачивая», однако, ее реализа-

ция полностью «переформатирует» отечественное уголовное судопроизводство – облик предварительного расследования изменится кардинально, превратив его в поле для состязательности⁴. Готовы ли наши следователи и дознаватели честно состязаться с равноправным оппонентом перед лицом беспристрастного следственного судьи? Способно ли судейское сообщество «поставить» в досудебное производство достаточное количество квалифицированных кадров для замещения должностей следственных судей? Выдержит ли госбюджет такое обременение в настоящий непростой с финансовой точки зрения период? Как видим, вопросов много, а ответы на них весьма непростые...

Библиографический список

1. Азаренок Н. В. Программа уголовного судопроизводства / Н. В. Азаренок, А. А. Давлетов. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 208 с.
2. Божьев В. П. Недостатки системного характера в регулировании процесса доказывания по уголовному делу / В. П. Божьев // Совершенствование борьбы с преступностью в сфере экономики: сб. аналит. и метод. материалов. – М., 2006. – С. 110–116.
3. Воскобитова Л. А. Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве / Л. А. Воскобитова, С. Б. Россинский // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 1. – С. 130–143.
4. Гарисов С. М. Использование специальных познаний в судебном производстве по уголовным делам: монография / С. М. Гарисов, Е. А. Зайцева. – Волгоград: ВА МВД России, 2010. – 196 с.
5. Генри Резник выступил на заседании СПЧ, проведенном Президентом РФ Владимиром Путиным [Электронный ресурс] // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы. – URL: <https://www.advokatymoscow.ru/press/news/6388/> (дата обращения: 19.02.2020).
6. Давлетов А. А. Обязан ли следователь приобщать к уголовному делу и закреплять в качестве доказательств материалы, представленные адвокатом-защитником? [Электронный ресурс] / А. А. Давлетов // Адвокатская практика. – 2019. – № 4. – С. 33–38; СПС «КонсультантПлюс».
7. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания / А. А. Давлетов. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 1997. – 191 с.
8. Давлетов А. А. Следственный судья в современной модели уголовного процесса / А. А. Давлетов, Н. В. Азаренок // Российский судья. – 2020. – № 6. – С. 19–26.
9. Давлетов А. А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы [Электронный

¹ Давлетов А. А. Обязан ли следователь приобщать к уголовному делу и закреплять в качестве доказательств материалы, представленные адвокатом-защитником? [Электронный ресурс] // Адвокатская практика. 2019. № 4. С. 33–38. СПС «КонсультантПлюс».

² Генри Резник выступил на заседании СПЧ, проведенном Президентом РФ Владимиром Путиным [Электронный ресурс] // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/press/news/6388/> (дата обращения: 19.02.2020).

³ Там же.

⁴ Ахтям Ахатович Давлетов не без причины весьма скептически оценивает внедрение концепции следственных судей в уголовный процесс России (см.: Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Следственный судья в современной модели уголовного процесса // Российский судья. 2020. № 6. С. 19–26).

ресурс] / А. А. Давлетов // Российская юстиция. – 2003. – № 9; СПС «КонсультантПлюс».

10. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций / А. А. Давлетов. – 5-е изд. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2017. – 347 с.

11. Зайцева Е. А. К вопросу о заключении специалиста / Е. А. Зайцева, С. М. Гарисов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2009. – № 4 (11). – С. 67–73.

12. Кальницкий В. В. Рецензия на 2-х томное издание: Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Общая часть: курс лекций. Екатеринбург, 2010. 250 с.; Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Особенная часть: курс лекций. Екатеринбург, 2011. 264 с. // Законодательство и практика. – 2011. – № 1 (26). – С. 81–82.

13. Россинский С. Б. Модель познания как концептуальная основа теории уголовно-процессуальных доказательств / С. Б. Россинский // LEX RUSSICA. Теоретические проблемы отраслей права. – 2014. – № 8. – С. 806–919.

14. Стельмах В. Ю. Понятие и система средств доказывания в уголовном судопроизводстве / В. Ю. Стельмах // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 6 (194). – С. 90–95.

15. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н. А. Колоколова. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 1038 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Azarenok N. V. Programma ugolovnogogo sudoproizvodstva / N. V. Azarenok, A. A. Davletov. – М.: YurLitinform, 2009. – 208 с.

2. Bozh'ev V. P. Nedostatki sistemnogo haraktera v regulirovanii processa dokazyvaniya po ugolovnomu delu / V. P. Bozh'ev // Sovershenstvovanie bor'by s prestupnost'yu v sfere ekonomiki: sb. analit. i metod. materialov. – М., 2006. – С. 110–116.

3. Voskobitova L. A. Voprosy poznaniya v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve / L. A. Voskobitova, S. B. Rossinskij // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – Т. 9. – № 1. – С. 130–143.

4. Garisov S. M. Ispol'zovanie special'nyh poznaniy v sudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: monografiya / S. M. Garisov, E. A. Zajceva. – Volgograd: VA MVD Rossii, 2010. – 196 с.

5. Genri Reznik vystupil na zasedanii SPCH, provedennom Prezidentom RF Vladimirom Putinyim [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sayt Advokatskoj palaty goroda Moskvy. – URL: <https://www.advokatymoscow.ru/press/news/6388/> (data obrashcheniya: 19.02.2020).

6. Davletov A. A. Obyazan li sledovatel' priobshchat' k ugolovnomu delu i zakrepyat' v kachestve dokazatel'stv materialy, predstavlennye advokatom-zashchitnikom? [Elektronnyj resurs] / A. A. Davletov // Advokatskaya praktika. – 2019. – № 4. – С. 33–38; СПС «КонсультантПлюс».

7. Davletov A. A. Osnovy ugolovno-processual'nogo poznaniya / A. A. Davletov. – Ekaterinburg: Gumanitarnyj un-t, 1997. – 191 s.

8. Davletov A. A. Sledstvennyj sud'ya v sovremennoj modeli ugolovnogogo processa / A. A. Davletov, N. V. Azarenok // Rossijskij sud'ya. – 2020. – № 6. – С. 19–26.

9. Davletov A. A. Specialist v ugolovnom processe: novye vozmozhnosti i problemy [Elektronnyj resurs] / A. A. Davletov // Rossijskaya yusticiya. – 2003. – № 9; СПС «КонсультантПлюс».

10. Davletov A. A. Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossijskoj Federacii: kurs lekcij / A. A. Davletov. – 5-е изд. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2017. – 347 с.

11. Zajceva E. A. K voprosu o zaklyuchenii specialista / E. A. Zajceva, S. M. Garisov // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2009. – № 4 (11). – С. 67–73.

12. Kal'nickij V. V. Recenziya na 2-h tomnoe izdanie: Davletov A. A. Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossijskoj Federacii. Obshchaya chast': kurs lekcij. Ekaterinburg, 2010. 250 s.; Davletov A. A. Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast': kurs lekcij. Ekaterinburg, 2011. 264 s. // Zakonodatel'stvo i praktika. – 2011. – № 1 (26). – С. 81–82.

13. Rossinskij S. B. Model' poznaniya kak konceptual'naya osnova teorii ugolovno-processual'nyh dokazatel'stv / S. B. Rossinskij // LEX RUSSICA. Teoreticheskie problemy otraslej prava. – 2014. – № 8. – С. 806–919.

14. Stel'mah V. YU. Ponyatie i sistema sredstv dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / V. YU. Stel'mah // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 6 (194). – С. 90–95.

15. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: teoriya i praktika / pod red. N. A. Kolokolova. – М.: Izdatel'stvo YUrajt, 2011. – 1038 с.

De lege ferenda по структуре Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

**Зинатуллин Зинур Зинатуллович,
Удмуртский государственный университет,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: kafedrauppd@mail.ru**

Действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации 20 лет. В результате внесенных в него многочисленных изменений и дополнений он не только самым существенным образом отличается от своей первоначальной редакции, но и создает множество проблем для правоприменения. Формирование отвечающего современным условиям УПК РФ становится самой насущной проблемой сегодняшнего дня.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; границы уголовно-процессуальной деятельности; структура Общей и Особенной частей УПК РФ; цифровое пространство.

De lege ferenda on the structure of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

**Zinatullin Zinur Zinatulloviich,
Udmurt State University, Doctor of Law, Professor**

The current Criminal Procedure Code of the Russian Federation is 20 years old. As a result of numerous changes and additions made to it, it not only differs in the most significant way from its original version, but also creates many problems for law enforcement. The formation of the RF Code of Criminal Procedure that meets modern conditions is becoming the most pressing problem of today.

Key words: Criminal Procedure Code of the Russian Federation; boundaries of criminal procedural activity; structure of the General and Special parts of the RF Criminal Procedure Code; digital space.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. стал первым кодифицированным уголовно-процессуальным законом постсоветской России. Все его основные постулаты пропитаны идеями верховенства права во всех областях социальной жизни, приоритета прав, свобод и законных интересов личности, служения человеку как высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ). Ярким свидетельством этого стало сформулированное в ст. 6 УПК РФ назначенные уголовное судопроизводства.

В силу того, что в постсоветской уголовно-процессуальной науке достаточно полно и обстоятельно дана общая характеристика всего УПК РФ, отдельных его частей и институтов¹ и руководствуясь предназначением науки способствовать прогрессивному развитию всего, что служит человеку, основное внимание сосредоточим на вопросах оптимизации, как всего института уголовного судопроизводства, так и отдельных его составляющих, в качестве действенно-

го правового инструмента как защиты прав, свобод и законных интересов личности, так и противодействия преступности.

За 20 летний период действия УПК РФ в него внесено столько изменений и дополнений, что он стал существенно отличаться от своей первоначальной редакции².

Процесс в этимологическом своем значении есть не что иное, как «ход развития какого-нибудь явления»³. Процесс, как видим, не какое-то застывшее явление; процесс есть движение, развитие. В ходе такого движения процесс не может оставаться безучастным к происходящим в жизни социума изменениям, игнорировать их. Этим объясняется и большинство из тех корректировок, что уже внесено в действующий УПК РФ.

Резким ростом числа зарегистрированных в России преступлений во многом объясняется конструирование упрощенного порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40. УПК РФ), а вслед за ним и

¹ См.: Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России: материалы Международ. науч. практ. конф., посвященной принятию нового УПК РФ. М., 2002; Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. I. М., 2004; Ч. II. М., 2005.

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс РФ. М., 2020.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка М., 1978. С. 577.

распространение такого порядка при заключении подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ). Институты эти на практике устоялись и способствовали не только стабилизации, но и снижению преступности, а также повышению уровня раскрываемости преступлений.

В связи с расширением в хозяйственной, экономической жизни постсоветской России предпринимательской деятельности в уголовно-процессуальное законодательство внесено значительное количество корректировок в части регулирования порядка досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных предпринимателями.

Выразилась это, в частности:

а) в расширении перечня составов преступлений в сфере экономики, отнесенных к категории частного публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ);

б) в дополнении оснований и соответствующей корректировке порядка возбуждения и отказа в возбуждении уголовного дела, а также порядка прекращения производства по уголовным делам в сфере экономики (ст. 20 – 23, 28.1, ч. 1.2. ст. 140, ч. 7–9 ст. 144, ч. 4.1. ст. 148 УПК РФ);

в) в установлении запрета на применение в качестве меры пресечения заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении перечисленных в части 1.1 ст. 108 УПК РФ преступлений, при отсутствии указанных в пунктах 1–4 части 1 ст. 108 УПК РФ обстоятельств; в установлении специального порядка признания предметов и документов вещественными доказательствами по делам о преступлениях в сфере экономики (ст. 81.1 УПК РФ);

г) в предоставлении подозреваемому права с момента избрания в отношении него в качестве меры пресечения заключения под стражу или домашнего ареста иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого в сфере предпринимательской деятельности (п. 3.1. ч. 4 ст. 46 УПК РФ). При условии обоснованности соответствующими доказательствами все эти превенции предпринимателям представляются вполне оправданными, особенно в условиях пандемии коронавируса 2019–2020 гг.

Оправданными представляется и расширение сферы прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), и прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), в связи с возмещением ущерба (ст. 28.1 УПК РФ), а также прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ). Прекращение уголовного дела или уголовного преследования во всех таких случаях может иметь место лишь по подозрению или обвинению в совершении преступления небольшой или средней тяжести и, естественно, при обосновании принимаемого решения соответствующими доказательствами.

Вместе с тем ряд внесенных в УПК РФ изменений и дополнений вызывает к себе вопросы ввиду, прежде всего, их несогласованности с отдельными канонами жизни социума либо доминантами самого уголовного судопроизводства. Речь, в частности, о правомерности наличия в УПК РФ главы 52, регулирующей особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, что противоречит конституционной норме о равенстве всех граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), а также неотвратимости ответственности за виновно совершенное преступление (ст. 5 УК РФ 1996 г.).

Включение же в УПК РФ главы 32.1, посвященной регулированию порядка производства дознания в сокращенной форме, есть прямое отступление от доминантной установки о том, что любое уголовно-процессуальное решение должно быть обоснованным и исследованным в установленном законом порядке доказательствами по уголовному делу (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Непонятно, как можно собирать по уголовному делу доказательства, не установив, не исследовав, что соответствующие сведения о подлежащих доказыванию обстоятельствах уголовного дела (ч. 1 ст. 74 УПК РФ) соответствуют предъявляемым к доказательствам требованиям. Возникает и ряд других, не поддающихся какому-либо разъяснению и обоснованию вопросов¹.

Много и других парадоксов в содержании действующего УПК РФ. Ограничимся анализом лишь одного из них на основании Федерального закона от 30 сентября 2018 г. № 376-ФЗ. Лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве в установленном ст. 317.1–317.3 УПК РФ порядке, наделяется процессуальным статусом свидетеля по уголовному делу своих соучастников, совершивших преступления вместе с ними. Законодатель в данном случае проигнорировал то, что в соответствии с Русской Правдой (Правда Ярославичей) и Судебником 1497-го года в качестве свидетелей, именуемых «видоками», по уголовному делу разрешалось выступать только «очевидцам совершившегося факта»², а также то, что во времена Петра I согласно «Краткому изображению процессов» к свидетельствованию не допускались «негодные» и «презираемые» люди³.

¹ См.: Кальницкий В. В., Муравьев К. В. Законопроект о сокращенном дознании концептуально эклектичен // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях. М., 2012. С. 292–97; Аширбекова М. Т. О критерии дифференциации форм дознания // Дознание в сокращенной форме. Волгоград, 2013. С. 7–15. Оценивая институт дознания в сокращенной форме в целом положительно, Б. Я. Гаврилов и А. Н. Кузнецов излагают множество условий, при которых такая форма не представляла бы собой суррогат расследования уголовных дел (см.: Гаврилов Б. Я., Кузнецов А. Н. Производство дознания в сокращенной форме. Воронеж, 2014. С. 73–79).

² Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С. 641–642.

³ Там же С. 711.

Проигнорировано прочно устоявшееся в уголовно-процессуальной доктрине суждение о том, что свидетелем может быть только лицо, познавшие подлежащие доказыванию обстоятельства дела посредством своих чувств и «не в связи со своими уголовно наказуемыми действиями», а «не имеющее никакого личного интереса в деле» в силу своей «полной непричастности к совершению преступления»¹. Правы авторы, утверждающие, что «заключившее же досудебное соглашение о сотрудничестве лицо в силу исходящего от него ходатайства о заключении такого соглашения с указанием в нем действий, которые он обязуется совершить при выполнении взятых им обязательств, безусловно, имеет личные интересы, в числе которых стремление к применению к нему более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершенное преступление или даже освобождение от отбывания наказания (часть 5 ст. 317.7. УПК РФ)»². Представляется, что законодателю просто надлежало дополнить УПК РФ статьей 47.1 «Обвиняемый, заключивший соглашение о сотрудничестве», а не наделять такое лицо процессуальным статусом свидетеля.

Отдельные из внесенных в УПК РФ изменений и дополнений являются непродуманными, надлежащим образом не обоснованными.

Большие сомнения, к примеру, вызывает правомерность включения на основе Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ в число мер уголовно-процессуального пресечения запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ), да еще и на основе судебного решения, при наличии устоявшейся, широко применяемой на практике такой меры пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ). Не делает чести законодателю и то, что в перечне возможных мер пресечения названная мера обозначена просто как «подписка о невыезде» (п. 1 ст. 98 УПК РФ), а в ст. 102 УПК РФ она получила наименование «подписка о невыезде и надлежащем поведении». Последнее, конечно же, полнее отражает содержание и назначение такой меры уголовно-процессуального пресечения.

Ограничимся изложенным и перейдем к обоснованию своего видения структуры и содержания того УПК РФ, который бы более согласовался с реалиями российского социума с учетом его дальнейшего развития в XXI в. с глобальным внедрением во все сферы жизни современных достижений научно-технического прогресса, т. е. всего того, что получило наименование «цифровая технология».

Предварительно заметим, что в своей основе такие предложения отражены в ряде наших публика-

ций. Но законодатели продолжают не принимать их во внимание, как, впрочем, и многие другие глубоко обоснованные рекомендации ученых-процессуалистов, посвятивших свою жизнь служению российской уголовно-процессуальной науке³.

Представляется необходимым прежде всего четко определиться с предметом и границами уголовно-процессуального регулирования.

При всех существующих разночтениях уголовное судопроизводство есть не что иное, как осуществляемая в установленном законом порядке и форме деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда по возбуждению, расследованию и разрешению уголовного дела о преступлениях. Его предметом являются именно преступления как самые опасные для общества социальные явления. Отсюда и предметом уголовно-процессуального регулирования выступают те правовые отношения, которые формируются в процессе производства по уголовным делам.

Как только заявитель (информатор) своей подписью на протоколе заявления подтверждает, что он предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ, между ним и принявшим заявление должностным лицом правоохранительных органов возникают урегулированные ст. 141–143 УПК РФ уголовно-процессуальные отношения, возникает производство по проверке сообщения о преступлении в установленной ст. 144–145 УПК РФ уголовно-процессуальной форме. Это и есть начало производства по уголовным делам. Факт же обращения вступившего в законную силу судебного приговора к исполнению есть свидетельство об окончании производства по конкретному уголовному делу. Разрешение вопросов, возникающих в процессе фактического исполнения приговоров должно регламентироваться не уголовно-процессуальным, а уголовно-исполнительным законодательством.

Что касается структуры УПК РФ, то он должен состоять из Общей и Особенной частей, и части, посвященной регулированию международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Общая часть должна содержать разделы:

I. «Основные положения», включающие все главы:

1. «Уголовно-процессуальное законодательство».
2. «Назначение, задачи и принципы уголовного судопроизводства».

II. «Участники уголовного судопроизводства» с главами:

1. «Суд (судья)».

2. «Участники уголовного судопроизводства, осуществляющие предварительное расследование уго-

¹ См: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 568; Шпилев В. Н. Участники уголовного процесса. М., 1970. С. 14–15; Якимович Ю. К. Участники уголовного процесса. СПб., 2015. С. 10.

² Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Очередные парадоксы уголовно-процессуального регулирования (в связи с федеральным законом № 72-ФЗ от 18.04.2018 и № 376-ФЗ от 30.10.2018) // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 4. С. 22.

³ См.: Азаров В. А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка концептуальных основ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск, 2013; Деришев Ю. В. Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ. Омск, 2003; Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Программа уголовного судопроизводства М., 2009; цикл монографических работ профессора Уральского государственного юридического университета В. С. Балакшина и др.

ловных дел».

3. «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения».

4. «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты».

5. «Иные участники уголовного судопроизводства».

6. «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве».

III. «Уголовно-процессуальное доказывание» с главами:

1. «Предмет и средства уголовно-процессуально-го доказывания».

2. «Структура уголовно-процессуального доказывания».

IV. «Меры процессуального принуждения» с главами:

1. «Задержание подозреваемого».

2. «Меры пресечения».

3. «Иные меры процессуального принуждения».

V. «Ходатайства и жалобы».

VI. «Иные положения».

Особенная часть должна включать в себя:

I. «Досудебное производство по уголовным делам» с главами:

1. «Установление основания для возбуждения уголовного дела».

2. «Производство предварительного расследования» (с исключением дознания в сокращенной форме).

III. «Судебное производство» с главами:

1. «Производство в суде первой инстанции в общем порядке».

2. «Упрощенные порядки судебного разбирательства», включающие в себя главы:

а) «Принятие судебного решения при согласии обвиняемого с обвинением»;

б) «Принятие судебного решения при заключении обвиняемым соглашения о сотрудничестве»;

в) «Производство у мирового судьи».

3. «Усложненные порядки судебного разбирательства» с включением глав:

а) «Производство в суде с участием присяжных заседателей».

б) «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних».

4. «Производство в судах апелляционной, кассационной, надзорной инстанции и в порядке возобновления производства по уголовным делам ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств».

Часть III УПК РФ – «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства».

Часть IV УПК РФ – «Уголовно-процессуальные акты в условиях цифрового пространства».

Вопросы, связанные с осуществлением уголовного преследования (желательно вообще отказаться от термина «уголовное преследование»), отказом в возбуждении производства по уголовному делу, приостановлением, прекращением по нему производства должны регулироваться в разделах УПК РФ,

посвященных производству по уголовному делу в его отдельных стадиях.

В рамках сформулированных частей, разделов и глав УПК РФ необходимо скорректировать, внести изменения и дополнения в ряд уголовно-процессуальных образований и отдельных норм. Так, весьма дискуссионным является, в частности, вопрос о необходимости в УПК РФ статьи 5, посвященной раскрытию основных понятий, используемых в УПК РФ. Все дефиниции УПК РФ невозможно охватить. К тому же, вряд ли они могут выступать в качестве не подлежащих сомнению истин. Необходимо, наряду с сохранением ст. 6 УПК РФ о назначении судопроизводства, сформулировать в УПК РФ статью: «Задачи уголовного суда производства»; систему уголовно-процессуальных принципов – дополнить принципами равенства всех граждан перед законом и судом (главе 52 УПК РФ не место в уголовно-процессуальном законодательстве); публичности (официальности производства по уголовным делам); восстановить рассеянный по главам УПК РФ принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела; выделить из закрепленного в статье 11 УПК РФ принципа охраны, прав и свобод человека и гражданина принцип обеспечения безопасности жизни, здоровья имущественного состояния участников уголовного процесса. В разделе «Уголовно-процессуальное доказывание» необходимо четко сформулировать дефиниции доказательств и источников доказательств. В позитивной форме следует изложить содержание ст. 89 УПК РФ об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Ряд корректировок необходимо внести в главу, посвященную регулированию предварительного расследования.

Сохранение части 5 ст. 165 УПК РФ в существующей редакции без указания того, что надлежит вкладывать в содержание «исключительных случаев», есть не что иное, как благоприятная почва для нарушения конституционного права человека на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ). Требуется своего разъяснения и фразеологический оборот «при наличии достаточных оснований полагать», используемый законодателем при регламентации оснований и порядка производства таких следственных действий, как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), а также получение информации о соединениях между абонентами (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), производство которых связано с возможным ограничением права каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ). Необходимо более точно сформулировать в ст. 171 УПК РФ основание для формирования по уголовному делу обвинения, исключить из УПК РФ такие категории, как «уведомление о подозрении», (ст. 223.1 УПК РФ, «обвинительный акт» (ст. 225 УПК РФ) (предварительное расследование должно завершаться обвинительным заключением либо постановлением о прекращении производства

по уголовному делу). Значительное число корректировок необходимо внести в регламентацию производства в судебных стадиях уголовного процесса. Необходимо, в частности, исключить статьи о возможности производства в судебном разбирательстве таких процессуальных действий, как следственный эксперимент и освидетельствование (ст. ст. 288 и 290 УПК РФ), а также опознание личности (ст. 289 УПК РФ), ввести в УПК РФ ст. 319.1, посвященную урегулированию прав и обязанностей медиатора по уголовным делам частного обвинения. Завершить данную статью считаем необходимым указанием на то, что при формировании законодательных актов и их принятии необходимо строго соблюдать весь алгоритм законотворчества, от установления и обоснования необходимости в том или ином законодательном акте, разработки проекта группой аналитически мыслящих ученых и практиков, организации самого широкого обсуждения проекта не только в центре России, но и в периферийных регионах, обобщении всех сформированных при этом предложений, до доработки законопроекта в его окончательном виде и внесения его в законодательный орган для обсуждения и принятия. Понятно, что все это требует весьма значимых материальных и временных затрат. Но при этом необходимо помнить о том, что уголовное судопроизводство всегда, во всех случаях так или иначе связано с решением человеческих судеб, с высшей ценностью всего мироздания – Человеком (ст. 2 Конституция Российской Федерации).

Библиографический список

1. Азаров В. А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка концептуальных основ / В. А. Азаров // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики. – Красноярск, 2013.
2. Аширбекова М. Т. О критерии дифференциации форм дознания / М. Т. Аширбекова // Дознание в сокращенной форме. – Волгоград. – 2013. С. 7–15.
3. Гаврилов Б. Я. Производство дознания в сокращенной форме / Б. Я. Гаврилов, А. Н. Кузнецов. – Воронеж, 2014.
4. Давлетов А. А. Программа уголовного судопроизводства / А. А. Давлетов, Н. В. Азаренок. – М., 2009.
5. Деришев Ю. В. Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ / Ю. В. Деришев. – Омск, 2003.
6. Зинатуллин З. З. Очередные парадоксы уголовно-процессуального регулирования (в связи с Федеральным законом № 72-ФЗ от 18.04.2018 и № 376-ФЗ от 30.10.2018) / З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 4.
7. Кальницкий В. В. Законопроект о сокращенном дознании концептуально эклектичен / В. В. Кальницкий, К. В. Муравьев // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях. – М., 2012. – С. 292–297.
8. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России: материалы Междуна-

род. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового УПК РФ. – М., 2002.

9. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России / И. Л. Петрухин. – М., 2004. – Ч. I; М., 2005. – Ч. II.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1973.
11. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб., 1995.
12. Шпилев В. Н. Участники уголовного процесса / В. Н. Шпилев. – М., 1970.
13. Якимович Ю. К. Участники уголовного процесса / Ю. К. Якимович. – СПб., 2015.

Bibliograficheskiy spisok

1. Azarov V. A. Uголовно-processual'nyy kodeks Rossijskoj Federacii: ocenka konceptual'nyh osnov / V. A. Azarov // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu i pravoprimenitel'noj praktiki. –Krasnoyarsk, 2013.
2. Ashirbekova M. T. O kriterii differenciacii form doznaniya / M. T. Ashirbekova // Doznanie v sokrashchennoj forme. – Volgograd. – 2013. S. 7–15.
3. Gavrilov B. YA. Proizvodstvo doznaniya v sokrashchennoj forme / B. YA. Gavrilov, A. N. Kuznecov. – Voronezh, 2014.
4. Davletov A. A. Programma uголовnogo sudoproizvodstva / A. A. Davletov, N. V. Azarenok. – М., 2009.
5. Derishev YU. V. Problemy organizacii dosudebnogo proizvodstva po UPK RF / YU. V. Derishev. – Omsk, 2003.
6. Zinatullin Z. Z. Oчерednye paradoksy uголовno-processual'nogo regulirovaniya (v svyazi s Federal'nym zakonom № 72-FZ ot 18.04.2018 i № 376-FZ ot 30.10.2018) / Z. Z. Zinatullin, T. Z. Zinatullin // Sudebnaya vlast' i uголовnyj process. – 2018. – № 4.
7. Kal'nickij V. V. Zakonoproekt o sokrashchenom doznanii konceptual'no eklectichen / V. V. Kal'nickij, K. V. Murav'ev // Sovershenstvovanie deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po bor'be s prestupnost'yu v sovremennyh usloviyah. – М., 2012. – S. 292–297.
8. Konceptual'nye osnovy reformy uголовnogo sudoproizvodstva v Rossii: materialy Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj prinyatiyu novogo UPK RF. – М., 2002.
9. Petruhin I. L. Teoreticheskie osnovy reformy uголовnogo processa v Rossii / I. L. Petruhin. – М., 2004. – CH. I; М., 2005. –CH. II.
10. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom uголовnom processe. – М., 1973.
11. CHel'cov-Bebutov M. A. Kurs uголовno-processual'nogo prava / M. A. CHel'cov-Bebutov. – SPb., 1995.
12. SHpilev V. N. Uchastniki uголовnogo processa / V. N. SHpilev. – М., 1970.
13. YAkimovich YU. K. Uchastniki uголовnogo processa / YU. K. YAkimovich. – SPb., 2015.

Уголовно-процессуальная ответственность следователя

Семенцов Владимир Александрович,
Кубанский государственный университет,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: crimpro@yandex.ru

В статье обосновывается, что уголовно-процессуальная ответственность следователя наступает в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им своих обязанностей при наличии процессуальной санкции за это и в случае констатации уполномоченным лицом факта нарушения. Предлагается предусмотреть в УПК РФ правило об ответственности следователя за законность, обоснованность и своевременность принятия решений и проведения процессуальных действий с созданием соответствующего механизма.

Ключевые слова: следователь; обязанности; нарушения; ответственность; руководитель; прокурор; суд.

Criminal procedural responsibility of the investigator

Sementsov Vladimir Aleksandrovich,
Kuban State University, Doctor of Law, Professor

It is proved that the criminal procedural responsibility of an investigator occurs in the case of non-performance or improper performance of its duties, while procedural penalties for it and Konsta-doing a violation by an authorized person. It is proposed to provide for a rule in the criminal procedure code of the Russian Federation on the responsibility of the investigator for the legality, reasonableness and timeliness of decision-making and conducting procedural actions, with the creation of an appropriate mechanism.

Key words: investigator; responsibilities; violations; responsibility; the head; the Prosecutor and the court.

В современном отечественном уголовном судопроизводстве к числу актуальных относится вопрос об ответственности следователя за допущенные им нарушения при исполнении профессиональных обязанностей, и эта ответственность может быть административной, гражданско-правовой, дисциплинарной, уголовной и уголовно-процессуальной. «Везде, где идет речь об обязанностях и их исполнении, – отмечал М. С. Строгович, – неизбежно присутствует ответственность за надлежащую их реализацию»¹.

Каждый из названных видов юридической ответственности требует своего самостоятельного исследования в силу очевидной актуальности, в связи с чем ограничимся в нашей статье определением содержания уголовно-процессуальной ответственности следователя в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им своих обязанностей и, конечно, с терпением неблагоприятных последствий за допущенные нарушения.

Еще в 1988 г. Г. Ж. Сулейменова определяла уголовно-процессуальную ответственность следователя, как закрепленную в нормах уголовно-процессуального закона и реализуемую в системе отношений

необходимость дать ответ за свою деятельность по расследуемому уголовному делу. По мнению Г. Ж. Сулейменной, основание уголовно-процессуальной ответственности следователя – это вынесение компетентным органом правоприменительного акта, где констатируется правонарушение, решаются вопросы, связанные с применением к следователю мер процессуального воздействия, их объем, порядок наложения и др.²

В. С. Вепрев рассматривает уголовно-процессуальную ответственность в качестве самостоятельного охранительного средства в сфере уголовно-процессуального права, где оно находит свое выражение в обеспечении надлежащего исполнения участниками процессуальных обязанностей, а также в правомерной реализации принадлежащих им субъективных прав и усмотрения³.

В 2019 г. С. В. Красильниковым уточнено понятие уголовно-процессуальной ответственности, под

¹ Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 72–73.

² См.: Сулейменова Г. Ж. Уголовно-процессуальная ответственность следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 19–20, 25.

³ См.: Вепрев В. С. Основания уголовно-процессуальной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 13.

которой предложено понимать обязанность претерпеть негативные последствия, предусмотренные карательной (штрафной) санкцией за уголовно-процессуальное противоправное деяние, с целью покарать нарушителя, обеспечив тем самым общую и частную превенцию. Одновременно С. В. Красильников обосновывает наличие исключительно негативной формы уголовно-процессуальной ответственности¹.

О следователе как субъекте правонарушений в сфере уголовно-процессуального права писал С. А. Шейфер, обосновывая возможность применения к нему правосоставительных санкций, а в исключительных случаях – уголовной ответственности².

В тексте УПК РФ термин «ответственность» упоминается 68 раз, в том числе при характеристике процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, когда наряду с их правами и обязанностями упоминается ответственность. Например, в ч. 1 ст. 11 УПК РФ предусмотрена обязанность суда, прокурора, следователя, дознавателя разьяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность, а также обеспечивать возможность осуществления этих прав. Согласно ч. 5 ст. 164 УПК РФ одним из общих правил производства следственных действиях служит требование о разьяснении следователем их участникам прав и ответственности.

Однако не ясно, какая наступает ответственность у того же следователя, если он не исполняет процессуальные обязанности вопреки цели досудебного производства и его задачам, когда принимаемые им решения, производимые процессуальные действия не соответствуют требованиям закона либо ошибочны. И здесь уместно будет обратиться к содержанию ч. 1 ст. 127 ранее действовавшего УПК РСФСР 1960 г., где на следователя прямо и недвусмысленно возлагалась полная ответственность за законное и своевременное проведение предварительного следствия. Казалось бы, и в УПК РФ 2001 г. правило об ответственности следователя должно было получить не только свое закрепление, но и дальнейшее развитие.

Но этого, к сожалению, не произошло, поскольку в ст. 38 УПК РФ, регламентирующей процессуальное положение следователя, и в п. 41 ст. 5 УПК РФ, где формулируется понятие следователя, об его ответственности ни слова, что, по всей видимости, объясняется общей тенденцией к либерализации законодательства. Конечно, из данного факта не стоит делать вывод, что следователь, осуществляя свою деятель-

ность в пределах предоставленных полномочий, может действовать безответственно. Ответственность следователя вытекает из тех установлений, которые содержатся в ч. 1 и 2 ст. 21 УПК РФ, относительно его обязанности осуществлять уголовное преследование в каждом случае обнаружения признаков преступления, принимая меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в их совершении. Думается, не случайно ч. 2 ст. 38 УПК РФ посвящена именно полномочиям, а не правам следователя, что для лица, осуществляющего досудебное производство, означает наличие не только процессуальных прав и обязанностей, но и ответственности.

Условия уголовно-процессуальной ответственности следователя выражаются в наличии соответствующей процессуальной нормы, где закреплена такая ответственность, и установлении самого факта процессуального нарушения, вызывающего необходимость применения этой нормы. В числе таких фактов можно указать неправомерные действия или бездействие следователя, выразившееся в нарушении или невыполнении возложенных на него процессуальных обязанностей, злоупотреблении предоставленными ему законом правами, повлекшие за собой принятие решения, производство процессуального действия, не отвечающего требованиям законности и обоснованности.

«Несоблюдение следователем уголовно-процессуальной формы, – справедливо считают А. А. Давлетов, Н. В. Азарёнок, Р. Ш. Асанов, – влечет различные правовые последствия: исключение доказательств, возвращение дела на дополнительное расследование, частное определение суда»³.

Примером же уголовно-процессуальной нормы, предусматривающей ответственность следователя, послужат предписания ч. 3 ст. 7 УПК РФ, согласно которым признаются недопустимыми те доказательства, что получены им с нарушением закона. Последствием такого нарушения может быть также вред, причиненный заинтересованному лицу в результате ущемления его прав и свобод, который, согласно ч. 4 ст. 11 УПК РФ, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, установленным уголовно-процессуальным законом.

Кроме того, обязательным элементом ответственности является наличие санкции, без которой беспредметна уголовно-процессуальная норма, регламентирующая статус следователя. Думается, что правы Н. А. Громов и С. А. Полунин, выделяющие три вида санкций в уголовном судопроизводстве, отличающиеся друг от друга способом охраны уголовно-процессуальных норм от нарушений: правосоставительные, штрафные (карательные) и санкции ничтожности⁴.

¹ См.: Красильников С. В. Уголовно-процессуальная ответственность и ее реализация: дис. канд. юрид. наук. М., 2019. С. 10.

² См.: Шейфер С. А. Проблемы теории и практики уголовно-процессуальной ответственности // Актуальные проблемы юридической ответственности: материалы межвуз. науч.-практ. конф., 24–25 апреля 2003 г. Тольятти: ВУИТ, 2003. С. 120–124.

³ Давлетов А. А., Азарёнок Н. В., Асанов Р. Ш. Проблема функций следователя в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 1. С. 68.

⁴ Громов Н. А., Полунин С. А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М., 1998. С. 51.

В числе правосстановительных санкций следует указать возвращение следователю уголовного дела на дополнительное расследование руководителем следственного органа, прокурором или судом (п. 15 ч. 2 ст. 37, п. 11 ч. 1 ст. 39, ст. 237 УПК РФ), рассмотрение и разрешение жалоб на действия (бездействие) и решения следователя (ч. 3 ст. 29, ст. 124–125 УПК РФ).

Карательные санкции применяются как уголовно-процессуальное наказание в виде отмены незаконного или необоснованного постановления следователя (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), при отстранении следователя от дальнейшего производства расследования по решению руководителя следственного органа, если допущено нарушение требований закона (п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Одновременно уточним, что под санкциями ничтожности следует понимать ту группу уголовно-процессуальных санкций, которые обеспечивают выполнение следователем своих обязанностей. В литературе в числе санкций ничтожности указывают те, что, связанные с процессом доказывания, процессуальными сроками и порядком совершения процессуальных действий¹. Так, если в ходе допроса свидетель не может указать источник своей осведомленности, то эти сведения признаются недопустимым доказательством (ч. 2 ст. 88 УПК РФ), поскольку получены с нарушением требований уголовно-процессуального закона (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

Причем должна учитываться специфика уголовно-процессуального права, где, во-первых, преобладают правосстановительные, т. е. обеспечивающие восстановление нарушенного закона санкции и санкции ничтожности, направленные на выполнение следователем своих обязанностей, а не карательные санкции, как, например, в нормах уголовного права, и во-вторых, санкции за процессуальные нарушения могут и вовсе отсутствовать в УПК РФ, поскольку охраняются не только уголовно-процессуальным законом.

Юридическим основанием установления и реализации уголовно-процессуальной ответственности следователя служит решение уполномоченного лица с констатацией факта правонарушения, указанием вида (меры) процессуальной ответственности и формулированием требования об обращении решения к исполнению. С учетом процессуальной самостоятельности следователя в значении недопустимости произвольного и (или) необоснованного вмешательства в его процессуальную деятельность, за исключением случаев, специально оговоренных в уголовно-процессуальном законе, такими лицами могут быть руководитель следственного органа, прокурор и суд, в пределах предоставленных им полномочий.

Представляется очевидным, что деятельность следователя напрямую связана с процессуальным руководством и прокурорским надзором. Более того, задача руководителя следственного органа – обеспечить высокое качество, полноту и объективность работы следователей, но без посягательства на их про-

цессуальную самостоятельность. Важно и то, что, при всем уважении к фигуре руководителя следственного органа, он не может лучше следователя вникнуть в сущность расследуемых обстоятельств преступления, правильно оценить совокупность имеющихся доказательств, принять на их основе оптимально верное решение.

По действующему закону следователь должен заручиться согласием руководителя следственного органа для двух групп процессуальных действий: 1) когда требуется получить судебное дозволение на их производство (их перечень дан в ч. 2 ст. 29 УПК РФ); 2) если решение суда не требуется, но имеется прямое указание закона императивного характера – об обязательности получения согласия руководителя (ст. 25, 25.1, 28, 28.1, ч. 1 ст. 67, ст. 162, ч. 9 ст. 166, ч. 6 ст. 220, п. 2 ч. 1 ст. 221, ч. 3 ст. 317.1, ч. 1 ст. 427 УПК РФ). Еще в двух случаях уже даже не следователь, а его руководитель принимает решение: о соединении уголовных дел (ч. 3 ст. 153 УПК РФ) и о восстановлении утраченного уголовного дела либо его материалов (ч. 1 ст. 158.1 УПК РФ)².

Столь значительное число согласований с руководителем следственного органа (и этот перечень не исчерпывающий) невольно вызывает вопрос о том, а обладает ли следователь процессуальной самостоятельностью и должен ли только он лично нести ответственность за законность и своевременность своей деятельности?

Верным является утверждение профессора В. С. Балакшина о том, что «изменения и дополнения, внесенные в УПК РФ... сыграли с процессуальной самостоятельностью следователя злую шутку. Надежно заслонив его от влияния прокурора, что было явным перебором, инициаторы названных законов мало что оставили из того, что могла бы гарантировать процессуальную самостоятельность следователя от указаний и решений руководителя следственного органа»³.

На наш взгляд, применяемый сегодня ведомственный тотальный контроль за следователем со стороны его руководителя (организационный и процессуальный) не обеспечивает былой процессуальной самостоятельности и личной ответственности за законность и своевременность деятельности.

И еще одно обстоятельство. Учитывая, что деятельность следователя протекает под постоянным контролем руководителя следственного органа, то и ответственность за ее результат должна быть общей, а не только следователя, поскольку основана на единстве решаемых задач. В связи с этим считаем возможным утверждать, что полномочием по привлечению следователя к уголовно-процессуальной ответственности должен обладать вышестоящий руководитель

² См. об этом: Органы предварительного следствия России и процессуальная самостоятельность следователя: монография / под ред. д-ра юрид. наук., проф. В. А. Семенцова. М., 2021. С. 143–156.

³ Балакшин В. Независимый – зависимый следователь // Законность. 2011. № 10. С. 31.

¹ См.: Громов Н. А., Полуниин С. А. Указ. соч. С. 96.

следственного органа, как это имеет место при обжаловании указаний непосредственного руководителя (ч. 3 ст. 39 УПК РФ) либо если это дисциплинарная ответственность. Так, согласно приказу от 5 мая 2014 г. № 35 полномочиями по привлечению к дисциплинарной ответственности обладают руководители не ниже следственных управлений Следственного комитета по субъектам Российской Федерации и приравненных к ним специализированных следственных управлений и следственных отделов¹.

Что касается взаимоотношений следователя с прокурором, то, как известно, они были существенно скорректированы 5 июня 2007 г. и в последующем с целью совершенствования тех правовых механизмов, что обеспечивают процессуальную самостоятельность следователя. Но указанная цель реформирования оказалась декларацией, а на деле отсутствие системного, постоянного и действенного прокурорского надзора за следствием в результате существенного сокращения полномочий прокурора порождает теперь благоприятные условия для нарушений, допускаемых следователями. Остается только констатировать, что в этих условиях у прокурора отсутствуют необходимые и достаточные полномочия по привлечению следователя к уголовно-процессуальной ответственности за допущенные нарушения, за исключением возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, что не позволяет эффективно и полноценно осуществлять прокурорский надзор за законностью и обоснованностью деятельности следователя.

Широкие полномочия в досудебном производстве по контролю за деятельностью следователя предоставлены суду. Именно суд способен объективно оценить законность и обоснованность деятельности следователя, не отвечая за количественные и качественные показатели его работы, будучи заинтересованным в устранении каждого нарушения закона, что традиционно рассматривается как основа правосудия по уголовным делам. В качестве дополнительного аргумента о приоритете суда перед руководителем следственного органа и прокурором по установлению и реализации уголовно-процессуальной ответственности следователя необходимо указать судебную процедуру решения отдельных вопросов досудебного производства, отличающуюся строгой законодательной регламентацией и позволяющую наиболее полно обеспечить решение возложенных на суд задач.

Вместе с тем полномочия суда не могут быть безграничными и судебный приоритет должен проявляться для обеспечения соблюдения конституцион-

ных прав и свобод участников, не подменяя собой процессуальное руководство и прокурорский надзор при решении других вопросов досудебного производства.

Итак, уголовно-процессуальная ответственность следователя наступает в случае неисполнении или ненадлежащего исполнения им своих обязанностей в виде действий (бездействия) при наличии процессуальной санкции за это и в случае констатации факта нарушения уполномоченным лицом.

Правило об ответственности следователя за законность, обоснованность и своевременность принятия решений и проведения процессуальных действий должно быть закреплено в ст. 38 УПК РФ с созданием механизма ответственности за результаты процессуальной деятельности, но это уже тема отдельного исследования.

Библиографический список

1. Балакшин В. С. Независимый – зависимый следователь / В. С. Балакшин // Законность. – 2011. – № 10. – С. 29–34.
2. Вепрев В. С. Основания уголовно-процессуальной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. С. Вепрев. – Челябинск, 2006. – 22 с.
3. Громов Н. А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России / Н. А. Громов, С. А. Полунин. – М.: Городец, 1998. – 152 с.
4. Давлетов А. А. Проблема функций следователя в уголовном процессе / А. А. Давлетов, Н. В. Азарёнок, Р. Ш. Асанов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2020. – № 1. – С. 57–70.
5. Красильников С. В. Уголовно-процессуальная ответственность и ее реализация: дис. канд. юрид. наук / С. В. Красильников. – М., 2019. – 218 с.
6. Органы предварительного следствия России и процессуальная самостоятельность следователя: монография / под ред. д-ра. юрид. наук., проф. В. А. Семенцова. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 200 с.
8. Строгович М. С. Сущность юридической ответственности / М. С. Строгович // Советское государство и право. – 1979. – № 5. – С. 72–78.
9. Сулейменова Г. Ж. Уголовно-процессуальная ответственность следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г. Ж. Сулейменова. – М., 1988. – 28 с.
10. Шейфер С. А. Проблемы теории и практики уголовно-процессуальной ответственности / С. А. Шейфер // Актуальные проблемы юридической ответственности: материалы межвуз. науч.-практ. конф., 24–25 апреля 2003 г. – Тольятти: ВУиТ, 2003. – С. 120–124.

Bibliograficheski spisok

1. Balakshin V. Nezavisimyj – zavisimyj sledovatel' / V. Balakshin // Zakonnost'. – 2011. – № 10. – С. 29–34.
2. Veprev V. S. Osnovaniya ugodovno-processual'noj otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / V. S. Veprev. – Chelyabinsk, 2006. – 22 s.

¹ Приказ Следственного комитета РФ от 5 мая 2014 г. № 35 «О полномочиях руководителей следственных органов и учреждений Следственного комитета Российской Федерации по привлечению сотрудников к дисциплинарной ответственности» (с изм. и доп. от 25 июля 2016 г.). Зарегистрировано в Минюсте РФ 4 июня 2014 г. Регистрационный № 32569 // Российская газета. 2014. 16 июня.

3. Gromov N. A. Sankcii v ugovolno-processual'nom prave Rossii / N. A. Gromov, S. A. Polunin. – M.: Gorodec, 1998. – 152 s.

4. Davletov A. A. Problema funkcij sledovatelya v ugovolnom processe / A. A. Davletov, N. V. Azaryonok, R. SH. Asanov // Sudebnaya vlast' i ugovolnyj process. – 2020. – № 1. – S. 57–70.

5. Krasil'nikov S. V. Ugolovno-processual'naya otvetstvennost' i ee realizaciya: dis. kand. jurid. nauk / S. V. Krasil'nikov. – M., 2019. – 218 s.

6. Organy predvaritel'nogo sledstviya Rossii i processual'naya samo-stoyatel'nost' sledovatelya: monografiya / pod red. d-ra. jurid. nauk., prof. V. A. Semencova. – M.: YUrlitinform, 2021. – 200 s.

8. Strogovich M. S. Sushchnost' yuridicheskoy otvetstvennosti / M. S. Strogovich // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1979. – № 5. – S. 72–78.

9. Sulejmenova G. ZH. Ugolovno-processual'naya otvetstvennost' sledovatelya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / G. ZH. Sulejmenova. – M., 1988. – 28 s.

10. SHEjfer S. A. Problemy teorii i praktiki ugovolno-processual'noj otvetstvennosti / S. A. SHEjfer // Aktual'nye problemy yuridicheskoy otvetstvennosti: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf., 24–25 aprelya 2003 g. – Tol'yatti: VUiT, 2003. – S. 120–124.

Привлечение присяжного заседателя к участию в апелляционном производстве

**Кальницкий Владимир Васильевич,
Омская академия МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации,
кандидат юридических наук, профессор
e-mail: prozess_oma@mail.ru**

Анализируется беспрецедентное по своему содержанию Постановление Конституционного Суда РФ, допустившее заслушивание присяжных заседателей в суде апелляционной инстанции по вопросам, связанным с организацией их совещания, в том числе соблюдением его тайны. Рассматриваются сугубо процессуальные вопросы, возникающие в связи разрешенным привлечением присяжных заседателей к установлению фактов оказываемого на них неправомерного воздействия: субъекты и порядок опроса на этапе подготовки и обоснования апелляционной жалобы или представления, правовая природа сообщаемых сведений, элементы процессуального статуса, возможность распространения правовой позиции на стадии кассационного производства и возобновления дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Несмотря на осознаваемую обязательность рассматриваемого Постановления и потребность поиска форм его реализации, на доктринальном уровне высказывается сожаление в связи с тем, что данная правовая позиция стала возможной, поскольку обозначен нежелательный и опасный отход от принципа абсолютной привилегии судьи против свидетельствования.

Ключевые слова: опрос присяжных заседателей; заслушивание присяжных заседателей в суде апелляционной инстанции; привилегия против свидетельствования.

The involvement of the juror to participate in the appeal proceedings

**Kalnitsky Vladimir Vasilievich,
Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of
Russia, Honored lawyer of the Russian Federation,
Candidate of Law, Professor**

The article analyzes an unprecedented decision of the constitutional Court of the Russian Federation that allowed jurors to be heard in the court of appeal on issues related to the organization of their meeting, including the observance of its secrecy. The article deals with purely procedural issues that arise in connection with the permitted involvement of jurors in establishing the facts of unlawful influence exerted on them: the subjects and procedure for questioning at the stage of preparing and justifying an appeal or presentation, the legal nature of the reported information, elements of the procedural status, the possibility of extending the legal position at the stage of cassation proceedings and resuming cases due to new or newly discovered circumstances. Despite the perceived obligation of the Decision under consideration and the need to search for forms of its implementation, at the doctrinal level, it is regretted that this legal position has become possible, since it indicates an undesirable and dangerous departure from the principle of absolute privilege of the judge against testifying.

Key words: interview of jurors; hearing of jurors in the court of appeal; privilege against testifying.

В учебной литературе разъяснено, что акты Конституционного Суда РФ о признании неконституционности или конституционности нормы УПК РФ, «содержащие конкретные обязательные для право-

применителя правила поведения при производстве по уголовным делам (впредь до принятия закона в рамках исполнения решения Конституционного Суда РФ или независимо от такого принятия), всегда явля-

ются полноценными источниками права»¹. Исходя из данного критерия, к источникам уголовно-процессуального права следует отнести решение Конституционного Суда РФ², согласно которому присяжный заседатель, несмотря на требования п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, может быть заслушан в суде апелляционной инстанции по ограниченному кругу вопросов, связанных с организацией вынесения вердикта. Надо, правда, оговориться, что определенность общего предписания о возможности привлечения присяжного заседателя к участию в апелляционном производстве, которое само по себе можно рассматривать как обязательное правило поведения, претендующее на нормативность, размывается отсутствием детального толкования ряда важных процедурных аспектов, а также некоторыми не вполне согласованными положениями описательно-мотивировочной и резолютивной частей Постановления. Данное обстоятельство предполагает необходимость доктринальной проработки вопроса и, в конечном итоге, его законодательного описания.

Существо и общая оценка позиции Конституционного Суда РФ. В уголовном деле в отношении заявителя в Конституционный Суд РФ, как утверждает сторона защиты, был допущен ряд нарушений тайны совещания присяжных заседателей. Верховный Суд РФ, рассматривая апелляционную жалобу, отказался исследовать материалы опроса присяжных заседателей, якобы подтверждающие указанные нарушения, и оставил доводы защиты в этой части без реагирования³. На наш взгляд, это было правильное решение. По смыслу, придаваемому на тот момент положению пункта 1 части 3 ст. 56 УПК РФ, под обстоятельствами дела, о которых нельзя допрашивать присяжных заседателей, понимались не только вопросы существа обвинения, но и все организационно-процедурные аспекты, включая совещания. Это подтверждается развитием проектной нормы. В первоначальной редакции говорилось, что судья и присяжные заседатели не подлежат допросу «об обстоятельствах уголовного дела, которые им стали известны в связи с участием в производстве по уголовному делу, а также в ходе обсуждения в совещательной комнате вопро-

сов, возникших при вынесении судебного решения»⁴. По результатам второго чтения заключительная часть предложения, касающаяся обсуждения вопросов в совещательной комнате, была исключена⁵: норма приобрела современную редакцию. Такое сокращение объясняется, видимо, тем, что разработчики закона сделали акцент на недопустимости свидетельствовать об исследуемом жизненном случае и других связанных с ним существенных обстоятельствах, подлежащих доказыванию, на каком бы этапе судопроизводства они не стали известны судьям, в том числе в совещательной комнате. При такой трактовке пункта 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ Конституционный Суд РФ формально имел основания разграничить предмет допроса (опроса, заслушивания) присяжных заседателей на вопросы существа, не подлежащие воспроизведению подобным образом, и сугубо технические (поведенческие), по которым допустимо получать от них информацию. В целом логика Конституционного Суда РФ такова: коль скоро нарушение тайны совещания судей признается существенным нарушением закона, то проверка сведений о таком нарушении приоритетна, в том числе посредством обращения к участникам совещания; только полная независимость суда от постороннего влияния в ходе обсуждения судебного акта обеспечивает качественную судебную защиту, поэтому сведения о недопустимом воздействии на присяжных должны быть прозрачными, а, значит, подлежащими интерпретации всеми осведомленными лицами, в частности самими присяжными заседателями.

Надо сказать, что постановка вопроса о получении показаний от судей (присяжные заседатели – это судьи) является порождением нового времени и предопределена, можно предположить, двумя обстоятельствами. Во-первых, введением апелляционного производства, которое, в отличие от кассации, предполагает проведение судебного следствия. В части 2 ст. 72 УПК РСФСР, устанавливавшей привилегию не свидетельствовать, вообще не было упоминания судьи и народных заседателей. В этом законодатель, скорее всего, не видел потребности. Во-вторых, изменением формата участия в отправлении правосудия граждан: от единой коллегии профессионального судьи и народных заседателей, где совещание совместное, перешли к раздельному обсуждению вопросов факта и права, что сделало совещание присяжных заседателей обособленным. По нашему мнению, будь в настоящее время суд с участием народных заседателей, не возникло бы и мысли о возможном заслушивании народных заседателей в вышестоящем суде,

¹ Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. М., 2016. С. 233.

Решения Конституционного Суда РФ также предлагается считать источниками уголовно-процессуального права в случаях признания тех или иных норм неконституционными, поскольку тем самым фактически изменяется уголовно-процессуальное законодательство (См.: Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. Екатеринбург, 2016. С. 21).

² По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гр. Р. А. Алиева: постановление Конституционного Суда РФ от 7 июля 2020 г. № 33-П // СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 февраля 2019 г. № 45-АПУ19-2сп // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сб. статей и материалов / под ред. Е. Б. Мизулиной, В. Н. Плигина. М., 2006. С. 362.

⁵ Там же. С. 572. Интересно, что аналогичное действующее положение п. 1 ч. 2 ст. 78 УПК РК соответствует проектной норме в УПК РФ.

поскольку не было бы даже формальных оснований отделить их от профессионального судьи. Совещание коллегии в полном составе, включая профессионального судью, служило дополнительной гарантией его надлежащей организации. Это обстоятельство, на наш взгляд, косвенно подтверждает большой вес (соответственно и защищенность) народного заседателя по сравнению с присяжным заседателем. Разработчики теоретической модели позднего советского уголовно-процессуального законодательства исходили из абсолютной ценности тайны совещания единой коллегии судей и народных представителей. В законопроекте предусматривалось, что не подлежат допросу в качестве свидетелей «судья, народный заседатель – об обстоятельствах обсуждения в совещательной комнате вопросов, возникших при вынесении приговора, определения, постановления» (ст. 199)¹. Как видим, в проектной норме предлагалось оградить всех судей от свидетельствования по любым обстоятельствам, связанным с совещанием, в том числе и сугубо организационным, а не только касающимся существа дела. Это было глубоко продуманное и мудрое предложение.

Отдавая дань квалификации судей Конституционного Суда РФ, демонстрирующих образцы высокопрофессионального разрешения сложнейших коллизионных правовых ситуаций, в том числе изысканности анализа при вынесении рассматриваемого решения, признаем, что, пожалуй, впервые предложенная ими позиция нами не разделяется. Отныне дозволено ранее немислимое: судьи должны давать отчет о своей деятельности. Предваряя последующее изложение, скажем, что выдвинутая идея строгого ограничения предмета заслушивания присяжных заседателей в апелляционной инстанции вряд ли жизнеспособна, особенно если принять во внимание возможную активность сторон на этапе подготовки и обоснования жалоб. В условиях состязательной борьбы стороны вряд ли станут отслеживать грань, за которую нельзя перейти, а повод для обращения к присяжному заседателю за объяснениями всегда может быть усмотрен. Но и в этой, казалось бы, малости – предложении судье объясниться – кроется большая опасность заложить ростки профессионального и общественного недоверия суду, кроме того, это просто неуважительно. От культивируемой в предшествующий период презумпции безупречности суда, могущей быть опровергнутой только объективными данными, предлагается перейти к получению объяснений от судей: не допустили ли они нарушения закона?

Предмет заслушивания присяжного заседателя в суде апелляционной инстанции. Разграничение вопросов существа уголовного дела, по которым по-прежнему не дозволяется допрашивать присяжных

заседателей, и вопросов, связанных с организационной стороной обсуждения и вынесения вердикта, отныне ставших предметом заслушивания присяжных, является ключевым в рассматриваемой правовой позиции. Конституционный Суд РФ дал общее описание тех и других сведений. В первом случае это «составляющие тайну совещания присяжных сведения, касающиеся существа и обстоятельств разрешения в совещательной комнате поставленных перед ними вопросов», во втором – «факты нарушений уголовно-процессуального закона, которые ставят (могут поставить) под сомнение независимость и беспристрастность присяжных». Приведен и перечень фактов второй группы: «информация о высказывании присяжными своих мнений по рассматриваемому уголовному делу до обсуждения вопросов при вынесении вердикта, об их общении с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств этого дела, о собирании данных по делу вне судебного заседания, о стороннем воздействии на них при обсуждении вердикта и при голосовании, о присутствии в совещательной комнате других лиц, помимо присяжных».

Обращает на себя внимание, что предмет заслушивания присяжных заседателей, очерченный в обращении в Конституционный Суд РФ и фактически предложенный в его итоговом решении, заметно различается. В жалобе ставился вопрос о допросе присяжных «об обстоятельствах нарушения тайны совещания при вынесении ими вердикта либо об ином противоправном воздействии на присяжных при отправлении ими правосудия», т. е. речь шла об объективных фактах непосредственного воздействия на судей. Такие сведения точечные, они связаны исключительно с внешним вмешательством, которое можно лаконично подтвердить или опровергнуть. Если бы Конституционный Суд РФ остался в пределах такого предмета заслушивания присяжных заседателей, то угроза вмешательства в их деятельность оказалась бы минимальной, хотя, по нашему мнению, и такое заслушивание неприемлемо. Однако перечень организационных вопросов, по которым отныне допускается привлечение присяжных заседателей к свидетельствованию, оказался существенно расширенным. В мотивировочной части Постановления Конституционный Суд РФ исходит из недопустимости «стороннего воздействия на суд» и «внепроцессуального обсуждения материалов дела с другими лицами». Нетрудно видеть различие этих аспектов: в первом случае это прямое стороннее вмешательство в виде конкретного несанкционированного действия постороннего лица, предполагающее пассивное поведение присяжного заседателя, во втором – активное «соучастие» присяжного, имеющее место, скорее всего, за рамками совещательной комнаты. Итоговый примерный перечень сведений, которые могут стать предметом заслушивания присяжных заседателей, еще больше расширен, причем за счет либо действий самих присяжных, либо обстоятельств преимуще-

¹ Ветрова Г. Н., Кокорев Л. Д., Корневский Ю. В. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. В. М. Савицкого. М., 1990. С. 133.

ственно субъективного свойства, в том числе затрагивающих трудно проверяемые процессы формирования внутреннего убеждения присяжных заседателей.

Не станем спорить по поводу доктринальной чистоты деления всех обстоятельств, связанных с осведомленностью присяжных заседателей, на обстоятельства существа дела и прочие обстоятельства. Полагаем, что высокая квалификация судей апелляционных инстанций позволит отграничить одни сведения от других и не допустить произвольного умаления привилегии против привлечения к свидетельствованию.

Большие сомнения вызывает сама потребность в обращении за информацией к присяжным заседателям, поскольку сведения об имевших место нарушениях тайны совещания судей объективного характера всегда успешно устанавливались из источников, не связанных с участниками совещания. Не хочется думать, но, возможно, эмоциональность и напористость апелляционной жалобы определенным образом повлияла на позицию Конституционного Суда РФ. Осужденный сослался, в его понимании, на десятки допущенных в уголовном деле нарушений уголовно-процессуального закона, в том числе и связанных с тайной совещания, которые могут создать впечатление полного беззакония при рассмотрении дела и в большей степени при обсуждении и вынесении вердикта. В таких условиях ссылка апелляционной инстанции в своем определении на юридическую несостоятельность доводов о нарушении тайны совещания присяжных хотя и является с правовой точки зрения безупречной, выглядит несколько формально. На такие доводы, как представляется, требовалось дать мотивированный ответ, основанный на источниках информации, не связанных с обращением непосредственно к самим присяжным заседателям.

Поскольку фактическая (не доктринальная) грань между дозволенным и недозволенным в отношении присяжных заседателей истончена, у нечистоплотных юристов может возникнуть соблазн для опорочивания народных судей, а значит, итогового решения по делу в целом. Например, едва ли возможна в условиях современных средств массовой информации полная неосведомленность присяжного заседателя о существе дела. Поэтому повод для выяснения данного обстоятельства существует практически постоянно и сопровождает каждый судебный процесс.

Привилегия от свидетельствования, предоставленная судьям, защищает от дачи показаний не только конкретного субъекта, но судей как носителей судебной власти в целом от какого бы то ни было прикосновения, могущего быть использованным для воздействия в несправедных целях. В условиях даже частичного снятия такой привилегии разрушается атмосфера доверия к суду, доступ к судье, разрешившему дело (по сути, привлечение его к ответу), становится обыденным.

Порядок получения необходимой информации от присяжных заседателей, фрагментарно отраженный

в Постановлении Конституционного Суда РФ, а также потенциально возможный на нормативном уровне с учетом смысла правовой позиции в целом.

Допуская проверку сведений о нарушении тайны совещания присяжных заседателей с непосредственным заслушиванием самих присяжных, Конституционный Суд РФ говорит, что такая проверка должна состояться «в суде, как минимум, апелляционной инстанции». Естественно возникают вопросы: надо ли каким-то образом регламентировать получение информации, исходящей от присяжных заседателей, судом кассационной инстанции или различия в процедурах данных судебно-контрольных производств снимают такую необходимость; нет ли в сведениях о нарушениях тайны совещания присяжных заседателей признаков «иных новых обстоятельств» фактического свойства, наличие которых влечет процедуру возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Можно предположить, что снятие абсолютного запрета на интерпретацию присяжными заседателями обстоятельств, связанных с организацией совещания, вызовет случаи досудебного обращения к ним сторон в целях формирования дополнительных материалов, обосновывающих кассационное обращение, либо, если правоприменители станут усматривать в таких фактах иные новые обстоятельства, – привлечение присяжных заседателей к расследованию, предусмотренному ч. 4 ст. 415, ст. 416 УПК РФ. В любом случае такая возможная досудебная активность заинтересованных лиц в опросе присяжных, не имеющая четких пределов, вызывает беспокойство.

То обстоятельство, что стороны вправе опрашивать присяжных заседателей в целях подготовки материала, обосновывающего апелляционную жалобу, сомнений в настоящее время не вызывает. В рассматриваемом Постановлении Конституционного Суда РФ неоднократно в разном контексте или подразумевается, или прямо подчеркивается право сторон обращаться к присяжным заседателям за соответствующей информацией и представлять ее в суд апелляционной инстанции. В частности, в документе говорится: «...предпосылкой для изучения судом такой информации, в том числе для заявления ходатайств о приглашении в судебное заседание присяжных... может явиться опрос адвокатом с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу...»; «...присяжные по обоснованному ходатайству стороны, оспаривающей приговор, могут быть приглашены в судебное заседание суда апелляционной инстанции...»; «...о вызове которых в судебное заседание вправе заявить лицо, подавшее жалобу или представление...». Несмотря на текстуальную выраженность в Постановлении, еще раз сделаем акцент на революционных по своему характеру следствиях, вытекающих из процитированных положений: и защитник, и государственный обвинитель вправе предложить присяжному заседателю дать пояснения по организационным аспектам их совещания

при вынесении вердикта. Применительно к защитнику нормативной основой для такого обращения за информацией к присяжному заседателю в Постановлении называется опрос адвокатом лиц с их согласия, т. е. п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Государственному обвинителю, несмотря на принципиальное положение о процессуальном равенстве сторон, такое полномочие на данном этапе судопроизводства прямо законом не предоставлено.

На основе анализа описательно-мотивировочной и резолютивной частей Постановления могут быть сформулированы суждения о характере сообщаемой присяжными заседателями информации и по ряду сугубо процессуальных аспектов ее получения. Присяжные заседатели вправе поделиться имеющимися сведениями, но не обязаны это делать. Они не допрашиваются ни на этапе подготовки апелляционной жалобы, ни непосредственно в суде апелляционной инстанции. Форма выражения ими информации является свободной, не ограниченной нормативно-регламентированным понятием «показания». Вместе с тем законодателю разрешено предусмотреть уголовную ответственность присяжных заседателей за представление суду апелляционной инстанции заведомо ложных сведений (от объяснений можно воздержаться, но если они даны, то должны соответствовать реальности). Апелляционная инстанция вправе пригласить в судебное заседание присяжных заседателей, принуждение к явке исключается. Из резолютивной части Постановления следует, что суд апелляционной инстанции вправе пригласить присяжных заседателей для заслушивания «по обоснованному ходатайству стороны, оспаривающей приговор». Законодателю придется определиться в том, следует ли допустить такое приглашение по инициативе суда. На наш взгляд, такое дозволение не усугубит ситуацию, поскольку главная опасность частичного снятия с присяжных заседателей привилегии против свидетельствования заключается не в судебном заслушивании, а в практически неконтролируемом досудебном воздействии сторон.

Большой потенциал, имеющий значение не только применительно к рассматриваемой ситуации, содержится в положении о заслушивании присяжных заседателей в судебном заседании без придания им процессуального статуса свидетеля. Очевидно, что Конституционный Суд РФ заложил основу для конструирования совершенно нового подхода к участию свидетельствующих лиц в судебном следствии, поскольку до данного момента существовало незыблемое правило о представлении суду вербальных сведений только в форме показаний, даваемых лицом, наделенным процессуальным статусом.

Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ не настаивает на придании сведениям, сообщаемым присяжными заседателями в суде апелляционной инстанции, статуса показаний, он счел нужным оговориться, что к таким сведениям неприменимо правило о недопустимости отказа в исследовании доказа-

тельств по причине непредставления в суде первой инстанции, т. е. фактически приравнивает информацию, исходящую в судебном следствии от присяжных, и доказательства.

Законодателю предстоит вынужденная и ответственная работа по «переводу» весьма насыщенной уголовно-процессуальными положениями правовой позиции на язык норм права. Широкое обсуждение предмета регулирования должно способствовать в первую очередь упорядочиванию привлечения присяжных заседателей к свидетельствованию представителями несудебных органов, осуществляемому на этапе подготовки и обоснования жалоб и представлений в судебно-контрольные инстанции.

Библиографический список

1. Ветрова Г. Н. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / Г. Н. Ветрова, Л. Д. Кокорев, Ю. В. Корневский, А. М. Ларин и др.; под ред. В. М. Савицкого. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1990.
2. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций / А. А. Давлетов. – 4-е изд. – Екатеринбург, 2016.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – М.: Статут, 2016.
4. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сб. статей и материалов / под ред. Е. Б. Мизулиной и В. Н. Плигина. – М.: Юрист, 2006.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vetrova G. N. Uголовno-processual'noe zakonodatel'stvo Soyuzа SSR i RSFSR. Teoreticheskaya model' / G. N. Vetrova, L. D. Kokorev, YU. V. Korenevskij, A. M. Larin i dr.; pod red. V. M. Savickogo. – M.: Izd-vo IGI P AN SSSR, 1990.
2. Davletov A. A. Uголовnoe sudoproizvodstvo Rossijskoj Federacii: kurs lekcij / A. A. Davletov. –4-e Izd.– Ekaterinburg, 2016.
3. Kurs uголовnogo processа / pod red. L. V. Golovko. – M.: Statut, 2016.
4. Uroki reformy uголовnogo pravosudiya v Rossii (po materialam raboty Mezhdedomstvennoj rabochej gruppy po monitoringu UPK RF i v svyazi s pyatiletiem so dnya ego prinyatiya i vvedeniya v dejstvie): sb. statej i materialov / pod red. E. B. Mizulinoj i V. N. Pligina. – M.: YUrist, 2006.

Проблемные аспекты участия юридического лица в качестве потерпевшего в уголовном судопроизводстве при реорганизации и ликвидации юридических лиц

Ретюнских Ирина Алексеевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: retunskich@mail.ru

Генералова Алена Сергеевна,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: ageneralova8@mvd.ru

В статье авторы подчеркивают, что в связи с развитием экономических отношений первостепенной задачей государства является обеспечение надежной защиты прав и законных интересов участников экономической деятельности. УПК РФ, принятый в 2001 году, сделал первые шаги в укреплении процессуального положения организаций, потерпевших от преступления. Законодатель в ст. 6 УПК РФ закрепил идею об усилении защиты прав и законных интересов не только физических, но и юридических лиц, которым преступлением причинен вред. Потерпевшим помимо физического лица может быть признано юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Проанализировав Гражданский кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ, авторы выявляют ряд ключевых вопросов, возникающих при расследовании уголовных дел о преступлениях с участием юридического лица в качестве потерпевшего.

Ключевые слова: потерпевший; юридическое лицо; реорганизация юридического лица; ликвидация юридического лица; правопреемство.

Problematic aspects of the participation of a legal entity as a victim in criminal proceedings during the reorganization and liquidation of legal entities

Retyunskikh Irina Alekseevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

Generalova Alena Sergeevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

In the article, the authors emphasize that in connection with the development of economic relations, the primary task of the state is to ensure reliable protection of the rights and legitimate interests of economic entities. The code of criminal procedure of the Russian Federation, adopted in 2001, made the first steps in strengthening the procedural status of organizations that are victims of crime. The criminal procedure code of the Russian Federation has a provision according to which criminal proceedings are intended to protect the rights and legitimate interests of persons and organizations who have suffered from crimes. In addition to an individual, a legal entity may be recognized as a victim if the crime causes damage to its property and business reputation. After analyzing the civil code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation, the authors identify a number of key issues that arise in the investigation of criminal cases involving a legal entity as a victim.

Key words: victim; legal entity; reorganization of a legal entity; liquidation of a legal entity; succession.

Одной из главных задач России как правового государства является защита прав и интересов лиц, пострадавших от преступлений. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепил новый взгляд на правовое положение потерпевшего в уголовном процессе. УПК РСФСР 1960 года определял потерпевшего только как физическое лицо, которому причинен физический, имущественный или моральный вред. С развитием экономических отношений в России вектор преступности изменился в сторону субъектов экономической деятельности. Ущерб, причиняемый предприятиям и организациям в результате преступной деятельности, исчисляется десятками миллионов. Назрела необходимость защитить права организаций. Как результат, в действующем УПК впервые в истории отечественного уголовно-процессуального права была закреплена возможность признания юридических лиц потерпевшими. Согласно ст. 42 УПК РФ юридическое лицо признается потерпевшим в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Большинство авторов позитивно оценили изменения в УПК РФ, справедливо полагая, что новелла положительным образом скажется на укреплении процессуальных гарантий потерпевшего юридического лица. Таким образом, с 2001 года юридическое лицо является полноправным участником уголовно-процессуальных отношений, имея возможность отстаивать свои права и законные интересы не только в качестве гражданского истца, но и потерпевшего. Введение нового уголовно-процессуального института требует от законодателя тщательной его проработки. В случае юридического лица – создания эффективного механизма реализации прав и выполнения обязанностей коммерческими организациями в уголовном судопроизводстве.

В УПК РФ о роли юридических лиц в уголовном судопроизводстве говорится в нескольких статьях: ст. 23, ст. 42, ст. 44, ст. 45, ст. 54, ст. 55, ст. 106, ст. 139, ст. 202. Как указывалось выше, нормативное урегулирование процессуальных правоотношений, где одной из сторон выступает юридическое лицо, явилось позитивным шагом. Следователи, расследующие преступления, совершенные в сфере экономики, все активнее работают с категорией «юридическое лицо», признавая именно коммерческие организации в качестве потерпевших. Однако вопросы участия юридического лица в уголовном деле в случае его реорганизации и ликвидации на практике вызывают сложности, особенно в части правопреемства.

Исследуя процессуальный статус юридического лица в качестве потерпевшего с учетом перспективы возможной его ликвидации в процессе производства по уголовному делу, необходимо особое внимание обратить на два аспекта: во-первых, моменты возникновения и прекращения юридического лица как субъекта правоотношений, во-вторых, на то, кто имеет право представлять интересы юридического лица в уголовном процессе после его реорганизации или

ликвидации. Момент возникновения юридического лица определяется п. 3 ст. 49 ГК РФ. Юридическое лицо считается возникшим, когда внесена соответствующая запись о ее создании в единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ), с этого же момента и возникает правоспособность юридического лица. До момента государственной регистрации организация, созданная учредителями, не может приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, не может нести самостоятельную имущественную ответственность, быть истцом и ответчиком в суде. Указанные признаки появляются у организации лишь с момента внесения сведений о ней в ЕГРЮЛ.

Прекращает своё существование юридическое лицо после внесения соответствующих сведений в ЕГРЮЛ (п. 9 ст. 63 ГК РФ), то есть с момента внесения в ЕГРЮЛ записи о прекращении деятельности юридического лица организация, которая была зарегистрирована в качестве юридического лица, утрачивает правоспособность, перестает быть субъектом гражданского права.

Для того чтобы правильно решить вопрос, каких лиц следует признавать потерпевшими и представлять после реорганизации и ликвидации юридического лица, необходимо разграничить правопреемство в гражданско-правовом и в уголовно-процессуальном смысле.

В соответствии с гражданским законодательством в случае выбытия одной сторон в гражданско-правовом споре права и обязанности выбывшей стороны по судебному решению переходят к правопреемнику (ст. 44 ГПК РФ). Такими случаями могут быть смерть гражданина, уступка права требования, а также реорганизация юридического лица и другие.

Гражданское законодательство допускает пять форм реорганизации, от особенностей каждой из которых зависит порядок правопреемства.

- 1) при слиянии юридических лиц правопреемство переходит к вновь возникшему юридическому лицу;
- 2) при присоединении одного юридического лица к другому к последнему переходят права и обязанности присоединенного юридического лица;
- 3) при разделении юридического лица его права и обязанности переходят к вновь возникшим юридическим лицам в соответствии с передаточным актом;
- 4) при выделении из состава юридического лица одного или нескольких юридических лиц к каждому из них переходят права и обязанности реорганизованного юридического лица в соответствии с передаточным актом;
- 5) при преобразовании юридического лица из одной организационно-правовой формы в юридическое лицо другой организационно-правовой формы правопреемство не происходит.

Таким образом, при реорганизации происходит прекращение деятельности юридических лиц с переходом правопреемства к вновь созданным, за исключением одной формы – выделения нового юридиче-

ского лица из состава другого юридического лица. В итоге, говоря о гражданско-правовой сфере жизни общества, созданное в результате реорганизации новое юридическое лицо продолжает вести полноценную хозяйственную деятельность. В соответствии с Гражданским кодексом РФ юридические лица в рамках гражданского судопроизводства могут иметь представителей, в качестве которых выступают дееспособные лица, полномочия которых на ведение дела оформлены и подтверждены доверенностью.

Согласно п. 1 ст. 61 ГК РФ ликвидация юридического лица предполагает полное прекращение деятельности этого юридического лица. В то же время содержание п. 1 ст. 61 ГК РФ не исключает сингулярного правопреемства, то есть перехода части определенных (отдельных) прав и/или обязанностей от одного лица к другому. При этом к правопреемнику переходят только имущественные права. Данное мнение высказывается многими авторами¹.

Из этого следует, что в гражданско-правовом смысле учредители ликвидированного юридического лица получают вещные права на оставшееся после удовлетворения требования кредиторов имущество (ч. 8 ст. 63 ГК РФ). Это имущество перечисляется в ликвидационном балансе и передается по акту приема-передачи учредителям. Учредители продолжают быть активными участниками гражданско-правовых отношений и, как было сказано выше, например, вправе распоряжаться имуществом организации.

Таким образом, гражданско-процессуальное законодательство содержит положения о правопреемстве юридических лиц не только в случае реорганизации, но и прекращения их деятельности.

Однако данные положения никак не распространяются на уголовно-процессуальные отношения. Известно, что нормы УПК РФ носят императивный характер, что означает: можно поступать «только так и никак иначе», как закреплено в уголовно-процессуальном законе.

В отличие от гражданско-процессуального уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, регламентирующих порядок правопреемства. О правопреемстве в уголовном судопроизводстве речь идет только в части восьмой ст. 42 и части 3 ст. 318 УПК РФ, в соответствии с которыми по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников². Как видно, здесь речь идет исключи-

тельно о потерпевшем, которым является физическое лицо, умершее в результате совершения в отношении него преступления. Относительно юридического лица эта норма не применима, поскольку императивный метод, действующий в уголовном процессе, предполагает отсутствие альтернативного регулирования отношений. В уголовно-процессуальном законе четко прописаны правила правопреемства только в отношении потерпевшего – физического лица, умершего в результате совершения преступления. А раз закон разрешает правопреемство только так и никак иначе, то в рамках уголовно-процессуальных отношений права ликвидированного юридического лица аннулируются и не переходят к третьим лицам.

Следует также учесть, что правопреемство юридических лиц зачастую носит сложный характер, может быть предметом длительных споров в порядке гражданского судопроизводства и, строго говоря, не входит в предмет доказывания по уголовному делу. УПК РФ обязывает доказать характер и размер вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73). Вопросы правопреемства юридических лиц доказыванию не подлежат, так как находятся за рамками уголовного судопроизводства.

Некоторые ученые полагают, что вопросы правопреемства в уголовном судопроизводстве все же должны разрешаться в соответствии с гражданским законодательством. Поскольку реорганизация юридического лица предполагает переход прав и законных интересов правопреемнику, отсюда следует, что при реорганизации юридического лица возможно уголовно-процессуальное правопреемство. Права реорганизованного юридического лица переходят к вновь образованной организации.

Правопреемство в этом случае представляется следующим образом: лицо, ведущее уголовное судопроизводство, на основании ходатайства юридического лица, созданного в результате реорганизации, о признании его потерпевшим по уголовному делу и документов, подтверждающих реорганизацию и гражданское правопреемство, выносит постановление о признании юридического лица потерпевшим, при этом выносит постановление о прекращении участия в качестве потерпевшего прежнего юридического лица.

Если в случае реорганизации юридического лица некоторые исследователи видят вышеописанный вариант правопреемства потерпевшего приемлемым, то в случае ликвидации юридического лица, подобная схема не работает. Таким образом, если в ходе уголовного судопроизводства потерпевшее юридическое лицо было ликвидировано, то у лица, осуществляющего производство по делу, возникает вопрос: кого сейчас признавать потерпевшим по уголовному делу?

Следует отметить, что следственная практика складывается различным образом. Иногда следова-

го лица – потерпевшего по уголовному делу // Российский юридический журнал. 2009. № 5 (68). С. 207.

¹ См., например: Лисецкий С. К. Современные тенденции модернизации гражданского законодательства в сфере ликвидации юридических лиц // Власть Закона. 2015. № 4. С. 90–95; Морхат П. М. Прекращение производства по делу в связи с ликвидацией организации (стороны в деле): анализ судебной практики // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2018. № 1. С. 74–80.

² Прошляков А. Д. О неотчуждаемости статуса юридическо-

телям «проще», если в деле участвует номинальный потерпевший. Поэтому в уголовном деле в качестве представителя потерпевшего юридического лица продолжает выступать лицо, которое и вступило в уголовное судопроизводство в качестве представителя в самом его начале, либо потерпевшими по уголовному делу признаются учредители ликвидированного юридического лица или генеральный директор.

Таким образом, при ликвидации юридического лица, признанного потерпевшим по уголовному делу, дальнейшее производство по нему ведется без участия этого лица. «Его законные интересы в этом случае должны отстаивать следователь, дознаватель, прокурор, а правопреемники юридического лица – потерпевшего по уголовному делу – могут защищать свои права в порядке гражданского судопроизводства. Это не противоречит ст. 52 Конституции РФ, в соответствии с которой государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, а также назначению уголовного судопроизводства – защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений»¹.

Развивая данную точку зрения, можно предположить, раз правопреемником имущества, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов ликвидированного юридического лица, являются учредители пропорционально их участию в юридическом лице, то причиненный вред отражается на их имущественной сфере. Следовательно, учредители ликвидированного юридического лица по уголовному делу могут быть признаны только гражданскими истцами.

В качестве выводов отметим, что порядок правопреемства различается в зависимости от того, произошла реорганизация или ликвидация юридического лица. При реорганизации права и законные интересы переходят к вновь созданным юридическим лицам. Нормы УПК РФ не содержат дозволения участвовать в уголовном деле ликвидированному юридическому лицу, поэтому делегирования прав ликвидированного юридического лица не предусмотрено при производстве по уголовному делу. При ликвидации юридического лица, признанного потерпевшим по уголовному делу, дальнейшее производство по нему ведется без участия этого лица. Его законные интересы в этом случае должны защищать и отстаивать прокурор, следователь, дознаватель, а учредители ликвидированного юридического лица признаются гражданскими истцами и вправе защищать свои права в порядке гражданского судопроизводства в рамках гражданского иска.

Библиографический список

1. Гаврилов М. А. Проблемы процессуального правопреемства в случае ликвидации юридического лица – потерпевшего по уголовному делу / М. А. Гаврилов // Законность. – 2018. – № 11. – С. 50–51.

2. Лисецкий С. К. Современные тенденции модернизации гражданского законодательства в сфере ликвидации юридических лиц / С. К. Лисецкий // Власть Закона. – 2015. – № 4. – С. 90–95.

3. Морхат П. М. Прекращение производства по делу в связи с ликвидацией организации (стороны в деле): анализ судебной практики / П. М. Морхат // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2018. – № 1. – С. 74–80.

4. Прошляков А. Д. О неотчуждаемости статуса юридического лица – потерпевшего по уголовному делу / А. Д. Прошляков // Российский юридический журнал. – 2009. – № 5 (68). – С. 206–208.

5. Тонких А.С. Проблемы правового статуса потерпевшего в российском уголовном процессе / А. С. Тонких // Российский следователь. – 2016. – № 22. – С. 23–26.

Bibliograficheskij spisok

1. Gavrilov M. A. Problemy processual'nogo pravopreemstva v sluchae likvidacii yuridicheskogo lica – poterpevshego po ugovolnomu delu / M. A. Gavrilov // Zakonnost'. – 2018. – № 11. – С. 50–51.

2. Liseckij S. K. Sovremennye tendencii modernizacii grazhdanskogo zakonodatel'stva v sfere likvidacii yuridicheskikh lic / S. K. Liseckij // Vlast' Zakona. – 2015. – № 4. – С. 90–95.

3. Morhat P.M. Prekrashchenie proizvodstva po delu v svyazi s likvidaciej organizacii (storony v dele): analiz sudebnoj praktiki / P. M. Morhat // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. – 2018. – № 1. – С. 74–80.

4. Proshlyakov A.D. O neotchuzhdaemosti statusa yuridicheskogo lica – poterpevshego po ugovolnomu delu / A. D. Proshlyakov // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2009. – № 5 (68). – С. 206–208.

5. Tonkih A.S. Problemy pravovogo statusa poterpevshego v rossijskom ugovolnom processe / A. S. Tonkih // Rossijskij sledovatel'. – 2016. – № 22. – С. 23–26.

¹ Прошляков А. Д. Указ. соч. С. 208.

О неопределенности в вопросе исчисления сроков фактического задержания подозреваемого

Ушаков Андрей Юрьевич,
Нижегородский филиал
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации»,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: 7-umnik@rambler.ru

Расулова Наталья Сергеевна,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: rasulovanatalya@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о процессуальной форме закрепления начала фактического задержания. Анализируются мнения отдельных юристов по данному вопросу, а также рассматривается зарубежный опыт исчисления сроков фактического задержания.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное задержание; момент фактического задержания; мера процессуального принуждения; фактический захват; доставление.

About uncertainty in the issue of calculating the terms of actual detention of a suspect

Ushakov Andrey Yurievich,
Nizhny Novgorod branch of FGKOU VO «St. Petersburg
Academy Investigative Committee of the Russian
Federation», Candidate of Law, Associate Professor

Rasulova Natalya Sergeevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article deals with the issue of the procedural form of fixing the beginning of actual detention. The author analyzes the opinions of individual lawyers on this issue, as well as considers foreign experience in calculating the terms of actual detention.

Key words: criminal-procedural detention; moment of actual detention; measure of procedural compulsion; actual capture; delivery.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве задержание подозреваемого входит в систему мер процессуального принуждения, соответственно, в первую очередь сопровождается ограничением конституционных прав, связанных со свободой и личной неприкосновенностью (ст. 22 Конституции РФ). В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ задержание лица в порядке ст. 91–92 УПК РФ является одним из оснований возникновения процессуального статуса подозреваемого, являющегося участником стороны защиты. Основания и порядок применения данной меры регламентированы гл. 12 УПК РФ, которая так и называется «Задержание подозреваемого».

Однако, несмотря на наличие целой главы, в законе до сих пор не отражен четкий и полный порядок применения данной меры государственного принуждения, а, наоборот, присутствуют неоднозначные и противоречащие друг другу нормы, что порождает их различное толкование и не позволяет сформировать единообразную практику. В данной публикации мы хотели бы обозначить один из самых неопределенных, на наш взгляд, с позиции законодателя важных аспектов – исчисление сроков задержания. Правильное определение срока задержания неразрывно связано не только с обеспечением конституционных прав гражданина и дальнейшим исчислением срока

избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (домашнего ареста), но и со сроками производства сопутствующих данной мере процессуальных действий: составление протокола задержания, сообщение о задержании прокурору, обеспечение права на телефонный звонок, допрос подозреваемого и т. д., вплоть до предъявления обвинения, т. е. «установление срока фактического задержания является фундаментом для последующего производства по делу в целом»¹. Именно поэтому вопрос исчисления начала срока задержания наиболее актуален и требует своего разрешения.

Так, в соответствии с п. 11 ст. 5 УПК РФ лицо может быть задержано по подозрению в совершении преступления не более чем на 48 часов с момента фактического задержания. В п. 15 этой же статьи под «моментом фактического задержания» понимается момент производимого в порядке УПК РФ фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Анализ юридической литературы и публикаций последних лет показал, что больше всего поводов для научной дискуссии дает определение точки хронологического отсчета фактического задержания лица, особенно когда это лицо подвергнуто задержанию непосредственно на месте совершения преступления. Данное обстоятельство вполне понятно, т. к. в рамках применения других мер процессуального принуждения временные нюансы перехода фактических отношений принуждающих и принуждаемых не столь заметны, как в формате уголовно-процессуального задержания. Закон в этом случае обязывает предельно точно определять сроки задержания, учитывать их буквально до минуты, чтобы соблюсти права, свободы и гарантии человека и гражданина, определенные Конституцией Российской Федерации.

Законодательная неопределенность по отношению к процессуальной форме закрепления начала фактического задержания раз за разом не только разворачивает научные дискуссии, но и используется в качестве основного аргумента в обжаловании действий должностных лиц, принимающих участие в реализации рассматриваемой нами процедуры.

Терминологический плюрализм, закрепленный на нормативном уровне, а именно в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, счел необходимым использовать две словесные формулы – «момент фактического задержания» и собственно «момент задержания».

Как мы отметили выше, по поводу «фактического задержания» в УПК РФ содержится только упоминания. Более точная регламентация процедуры задержания подозреваемого начинается лишь «...с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю...», именно от этой точки начинается идти отсчет времени (напомним, что это 3

часа), отведенного на составление протокола задержания. Таким образом, получается, что исходная точка времени фактического задержания, а также время доставления задержанного лица к месту производства предварительного расследования находятся за рамками уголовно-процессуального регулирования, и именно это обстоятельство раз за разом заставляет обращать на себя внимание и разворачивает размышления о процессуальной форме закрепления начала фактического задержания².

Основная масса научных трудов, посвященных исходной точке времени фактического задержания, а также времени доставления задержанного лица к месту производства предварительного расследования, сводится к тому, что «без надлежащего документирования задержание не будет считаться процессуальным действием и не будет порождать юридического факта»³. Ряд исследователей предлагают составлять в связи с этим письменный документ лицом, осуществляющим задержание подозреваемого, в котором будет указано время именно фактического задержания⁴, а отдельные авторы пытаются решить эту проблему, перемещая время составления протокола о задержании ближе к фактическому захвату.

С. Попов и Г. Цепляева указанный протокол предлагают составлять немедленно после задержания лица в качестве подозреваемого⁵.

В связи с неразрешенностью этого вопроса у правоприменителей со стороны обвинения и стороны защиты складываются отличные друг от друга мнения о моменте «фактического задержания» и начале исчисления его сроков. Защитники, указывая на необходимость обеспечения конституционных прав личности, полагают, что фактическое задержание наступает в момент ограничения физической свободы лица, независимо от оснований, по которым это произошло, включая отсутствие возбужденного уголовного дела. Следователи, дознаватели утверждают, что фактическое задержание начинается с момента доставления лица в орган, осуществляющий производство по уголовному делу. В настоящее время в практической деятельности временем задержания

² См. мнения на данный счет: Осипян Р. Проблемы правового регулирования сроков уголовно-процессуального задержания и пути их совершенствования [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/98458-problemy-pravovogo-regulirovaniya.html> (дата обращения: 08.10.2020); Францифоров Ю. В., Овчинникова Н. О. Правовая регламентация задержания подозреваемого // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 136; Кемаева В. Н., Кручинкина А. В. Проблемы фактического задержания лица подозреваемого в совершении преступления // Научные открытия 2016: сб. ст. XII научн.-практ. конф. Астрахань, 2016. С. 526 и т. д.

³ Абдрахманов Р. Проблемы уголовно-процессуального задержания // Законность. 2003. № 3. С. 21.

⁴ Крашенинников Н. И., Лукашевич В. З. Подозреваемый по новому УПК РФ // Законность. 2002. № 7. С. 199.

⁵ Попов С., Цепляева Г. Нормы нового УПК о подозреваемом не обеспечивают гарантии его конституционных прав // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 31.

¹ Семенов Е. А., Золочевская Л. С. Задержание: как исчислять срок и что писать в протоколе [Электронный ресурс] // Уголовный процесс. 2019. № 2. URL: <https://e.ugpr.ru/702834>.

по деловому обыкновению считается время доставления заподозренного лица в орган расследования. Данное обыкновение сложилось и действовало ещё в советское время (см. Указ Президиума ВС СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX «Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления»).

В свою очередь, О. Ю. Кальнова, вспоминая о советском Положении о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, подчеркивает, что «такая позиция законодателя была наиболее удобна для следователя, дознавателя... в наше время, когда ценятся права и свободы человека, данная норма не допустима, поскольку задержанием ограничивается ряд прав гражданина, а доставление может занимать длительный промежуток времени»¹.

В этой связи стоит задуматься о такой реальной практической ситуации, когда пострадавшие и очевидцы задерживают лицо, совершившее, по их мнению, преступление и доставляют его в отдел полиции. Такие случаи в жизни встречаются достаточно часто. В подобной ситуации определить точное время ограничения свободы лица практически невозможно, вероятность того, что при внезапно совершенном преступлении в отношении пострадавшего (в ситуации необходимой обороны) у него найдется хотя бы секунда, чтобы выяснить тот промежуток времени, когда ему удалось ограничить свободу нападающего, близится к нулю. К тому же срок доставления лица, совершившего преступление, в орган предварительного расследования не закреплен в УПК РФ. Кроме того, в приведенном примере фактическое задержание осуществляют неуполномоченные на то лица, следовательно, об уголовно-процессуальном задержании не может быть и речи. Также не стоит забывать о том, что существуют ситуации, когда основанием для возбуждения уголовного дела является явка с повинной, в этом случае фактическое задержание, на наш взгляд, отсутствует. Лицо добровольно приходит в орган внутренних дел, что не является мерой принуждения, более того, у этого лица отсутствует какой-либо процессуальный статус, если уголовное дело не было возбуждено.

В данной связи некоторые ученые склонны считать, что «фактическое задержание» лица, его доставление и производимая затем проверка причастности к преступлению являются самостоятельной, доследственной и допроцессуальной деятельностью, которую следует разграничивать с задержанием как мерой процессуального принуждения, и временной промежуток ограничения свободы в этот период не

включать в общий срок уголовно-процессуального задержания².

Одним словом, проблема фактического задержания находится на пике научного обсуждения. В любой современной монографии она помещается в центр дискуссии. И порой складывается впечатление, что решение проблемы находится в недостижимой сфере. Однако пока наша наука и практика рассматривают указанную проблему почти как вечную и неразрешимую, законодатель Республики Казахстан попытался решить ее кардинальным образом. В уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (далее – УПК РК) на нормативном уровне закреплено такое понятие, как «доставление», и прописаны под него коротенькие, но внятные правила. Таким образом, он добавил дополнительное процедурное звено, которое ранее выпадало за рамки уголовного процесса и вызывало острейшую полемику. Так, согласно ст. 129 УПК РК, которая так и называется «Доставление», под доставлением понимается «мера процессуального принуждения, применяемая на срок не более трех часов в целях выяснения причастности лица к уголовному правонарушению».

Как видим, решение достаточно простое. Вместо того, чтобы искать способы введения трудно совместимых элементов в систему уже известной меры принуждения, именуемой задержание, УПК РК выделил этот элемент в отдельную меру процессуального принуждения, которая может быть или не быть предпосылкой к уголовно-процессуальному задержанию.

Такими образом, зарубежный законодатель превратил непроцессуальное действие, рассеянное по разным отраслям права (и даже находящееся вне правового поля), в полноценную процессуальную процедуру. И, возможно, здесь тоже есть отдельные нестыковки с классической уголовно-процессуальной теорией, однако анализ русскоязычных публикаций на тему уголовно-процессуального задержания в Республике Казахстан показывает, что вопрос, известный российской юридической науке под именем «проблема фактического задержания» (в том числе и исчисления соответствующих сроков), ушел из научных дискуссий казахстанских ученых и они сосредоточились на других аспектах³.

Полагаем, что данный подход требует серьезной оценки и в отечественной науке, мы не относим себя к сторонникам слепого заимствования зарубежных норм, но в данном случае подобный подход мог бы быть вполне приемлемым и статья «Доставление»

¹ Кальнова О. Ю. Проблемы правовой регламентации задержания и содержания под стражей подозреваемого в Российской Федерации // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XIX Международ. науч.-практ. конф.: в 2 ч. М., 2019. С. 152–154.

² См.: Коврига З. Ф. Уголовный процесс России: учебное пособие / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. Воронеж, 2002. С. 161; Круглов И. В., Бопхоев Х. В. Фактическое задержание и доставление лица, задержанного по подозрению в совершении преступления // Российский следователь. 2005. № 5. С. 5.

³ Сарсенбаев А. С. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 310–318.

могла бы функционально улучшить российское уголовно-процессуальное законодательство в части регламентации фактического задержания и исчисления его сроков.

Библиографический список

1. Абдрахманов Р. Проблемы уголовно-процессуального задержания / Р. Абдрахманов // Законность. – 2003. – № 3.
2. Кальнова О. Ю. Проблемы правовой регламентации задержания и содержания под стражей подозреваемого в Российской Федерации / О. Ю. Кальнова // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XIX Международ. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – М., 2019. – С. 152–154.
3. Кемаева В. Н. Проблемы фактического задержания лица подозреваемого в совершении преступления / В. Н. Кемаева // Научные открытия 2016: сб. ст. XII научн.-практ. конф. – Астрахань, 2016.
4. Крашенинников Н. И. Подозреваемый по новому УПК РФ / Н. И. Крашенинников, В. З. Лукашевич // Законность. – 2002. – № 7.
5. Круглов И. В. Фактическое задержание и доставление лица, задержанного по подозрению в совершении преступления / И. В. Круглов, Х. В. Бопхоев // Российский следователь. – 2005. – № 5.
6. Осипян Р. Проблемы правового регулирования сроков уголовно-процессуального задержания и пути их совершенствования [Электронный ресурс] / Р. Осипян. – URL : <https://www.zakon.kz/98458-problemy-pravovogo-regulirovaniya.html> (дата обращения: 08.10.2020).
7. Попов С. Нормы нового УПК о подозреваемом не обеспечивают гарантии его конституционных прав / С. Попов, Г. Цепляева // Российская юстиция. – 2002. – № 10.
8. Сарсенбаев А. С. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан / А. С. Сарсенбаев // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 2. – С. 310–318.
9. Семенов Е. А. Задержание: как исчислять срок и что писать в протоколе [Электронный ресурс] / Е. А. Семенов, Л. С. Золочевская // Уголовный процесс. – 2019. – № 2. – URL: <https://e.ugpr.ru/702834>.
10. Уголовный процесс России: учеб. пособие / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002.
11. Францифоров Ю. В. Правовая регламентация задержания подозреваемого / Ю. В. Францифоров, Н. О. Овчинникова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 1.

Bibliograficheskij spisok

1. Abdrahmanov R. Problemy ugovolno-processual'nogo zaderzhaniya / R. Abdrahmanov // Zakonnost'. – 2003. – № 3.

2. Kal'nova O. YU. Problemy pravovoj reglamentacii zaderzhaniya i sodержaniya pod strazhej podozrevaemogo v Rossijskoj Federacii / O. YU. Kal'nova // Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii: sb. st. XIX Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. – М., 2019. – С. 152–154.

3. Kemaeva V. N. Problemy fakticheskogo zaderzhaniya lica podozrevaemogo v sovershenii prestupleniya / V. N. Kemaeva // Nauchnye otkrytiya 2016: sb. st. XII nauchn.-prakt. konf. – Astrahan', 2016.

4. Krasheninnikov N. I. Podozrevaemyj po novomu UPK RF / N. I. Krasheninnikov, V. Z. Lukashevich // Zakonnost'. – 2002. – № 7.

5. Kruglov I. V. Fakticheskoe zaderzhanie i dostavlenie lica, zaderzhannogo po podozreniyu v sovershenii prestupleniya / I. V. Kruglov, H. V. Bophoev // Rossijskij sledovatel'. – 2005. – № 5.

6. Osipyany R. Problemy pravovogo regulirovaniya srokov ugovolno-processual'nogo zaderzhaniya i puti ih sovershenstvovaniya [Elektronnyj resurs] / R. Osipyany. – URL : <https://www.zakon.kz/98458-problemy-pravovogo-regulirovaniya.html> (data obrashcheniya: 08.10.2020).

7. Popov S. Normy novogo UPK o podozrevaemom ne obespechivayut garantii ego konstitucionnyh prav / S. Popov, G. Ceplyayeva // Rossijskaya yusticiya. – 2002. – № 10.

8. Sarsenbaev A. S. Zaderzhanie podozrevaemogo kak mera ugovolno-processual'nogo prinuzhdeniya v ugovolnom sudoproizvodstve Respubliki Kazahstan / A. S. Sarsenbaev // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2018. – Т. 12. – № 2. – С. 310–318.

9. Semenov E. A. Zaderzhanie: kak ischislyat' srok i chto pisat' v protokole [Elektronnyj resurs] / E. A. Semenov, L. S. Zolochevskaya // Ugolovnyj process. – 2019. – № 2. – URL: <https://e.ugpr.ru/702834>.

10. Ugolovnyj process Rossii: uchebnoe posobie / pod red. Z. F. Kovrigi, N. P. Kuznecova. – Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2002.

11. Franciforov YU. V. Pravovaya reglamentaciya zaderzhaniya podozrevaemogo / YU. V. Franciforov, N. O. Ovchinnikova // Sudebnaya vlast' i ugovolnyj process. – 2016. – № 1.

Правовые позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации как средство преодоления пробелов и противоречий закона и коллизий практической правоприменительной деятельности в уголовном процессе России

Бугрова Екатерина Геннадьевна,
Нижегородская академия МВД России
e-mail: baranova.nnov@mail.ru

В статье исследуются вопросы преодоления противоречий закона и коллизий практической правоприменительной деятельности в уголовном процессе России путем формирования правовых позиций в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, предлагается авторское определение правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ. Исследование заключается в анализе и оценке практических примеров деятельности Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: судебная правовая позиция; постановление Пленума Верховного Суда РФ; суд; противоречия закона; коллизии практической правоприменительной деятельности; преодоление пробелов.

Legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as a means of overcoming gaps and contradictions of the law and conflicts of practical law enforcement in the criminal process of Russia

Bugrova Ekaterina Gennadiyevna,
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry
of the Interior of Russia

The article examines the issues of overcoming the contradictions of the law and conflicts of practical law enforcement in the criminal process of Russia by forming the legal positions of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. As a result, the author proposes a definition of the legal position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The research consists in analyzing and evaluating practical examples of the activities of the Supreme Court of the Russian Federation

Key words: judicial legal position; resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; court; contradictions of the law; conflicts of practical law enforcement; overcoming gaps.

Полагаем, следует начать исследование с восприятия судебных правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ, формируемых посредством постановлений данного органа. Правовая позиция – это теоретически выработанный и эмпирически обоснованный высшей судебной инстанцией на основе обобщения закономерностей судебной практики РФ руководящий акт официального судебного толкования права, направленный на обоснованное применение закона и являющийся обязательным для государственных

органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс и иных участников уголовного судопроизводства. Существуют правила легального толкования права, нарушение которых ведет к противоречиям в законе и коллизиям в правоприменительной практике. Таковыми являются следующие: 1) суд в толковании не должен подменять исходную волю закона; 2) при формировании правовой позиции суд должен избегать абсурдных решений в толковании; 3) акт толкования не должен создавать новые коллизионные ситуации.

Деятельность Пленума Верховного Суда РФ по толкованию уголовно-процессуальных норм уже достаточно давно является «спасательным кругом» для правоприменителя. Особую ценность представляют те судебные правовые позиции, которые дают категоричные ответы на дискуссионные вопросы, когда в правоприменении появляются коллизии и споры, когда для обеспечения единства правового пространства требуется императивное вмешательство со стороны законодателя или, в нашем случае, высших судебных органов. Соответствующие примеры мы можем видеть на практике.

При рассмотрении вопросов о необходимости судебного решения для получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, возникли разные ситуации. Возьмем определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу № 86-ДП07-11¹, где суд настаивает на императивности вынесения судебного акта, дающего разрешение на получение информации о соединениях между абонентами. В свою очередь, если взять надзорное определение Верховного Суда РФ от 2 июня 2006 г. по делу № 9-ДП06-10², то суд не видит особой ценности и необходимости в подобном разрешении³. Как следствие, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 19 определяет в качестве **единственно легитимного основания** к реализации указанного следственного действия **судебное решение**⁴. Отметим, данная императивность со стороны пленума оказывает позитивное воздействие на практику за счет жесткого толкования, а именно предоставления единственно верного варианта разрешения спора.

Правовые позиции, объективированные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, представляют как юридическую ценность, так и смысловую для всех участников уголовного судопроизводства (не только для судов).

Один из актов толкования Пленума Верховного Суда РФ устраняет трудности, которые возникают в процессе переквалификации преступления. А именно: когда действия подсудимого были переквалифицированы, в результате чего дело перешло в разряд частного обвинения, а также при этом имеется за-

явление о преступлении, но потерпевший или его законный представитель **заявили о примирении с подсудимым, тогда дело должно подлежать прекращению по основанию, предусмотренному в ч. 2 ст. 20 УПК РФ**. Кроме того, данное заявление может быть подано в устной форме непосредственно в суде, однако **при отказе в его подаче, дело будет прекращено на основании п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ**⁵. Ценность этой позиции заключается в том, что во втором случае это основание для реабилитации (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ), а в первом – нет. Закон подобного разъяснения не дает, что ограничивает возможности подсудимого на защиту своих интересов.

Часто Пленум Верховного Суда РФ дает такие уточнения, которые напрямую не содержатся в нормативных документах, однако следуют из их общего смысла. Некоторые постановления описывают более конкретные ситуации, которые могут возникнуть в правоприменительной практике, а не дают абстрактные нормы, как это делается в законе. К примеру: когда в результате злоупотребления полномочиями руководителем коммерческой или иной организации, а также если руководитель получил незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе, **вред причинен исключительно этой организации**, уголовное преследование руководителя осуществляется по заявлению или с согласия органа управления организации, в компетенцию которого входит избрание или назначение руководителя, а также с согласия члена органа управления организации или лиц, имеющих право принимать решения, определяющие деятельность юридического лица⁶.

Законодатель нередко использует в нормативно-правовых актах оценочные понятия и размытые формулировки, а также дает открытые перечни (оснований, расходов, издержек, документов и т.д.). В частности, в ст. 131 УПК РФ (процессуальные издержки) есть указание на **иные расходы**, но не сделано примечания об их содержании. Пленум Верховного Суда РФ формирует свою позицию по данному вопросу, объясняя, что относится к иным расходам, а именно: «К иным расходам, понесенным в ходе производства по уголовному делу, относятся, в частности, *расходы, непосредственно связанные с собиранием и исследованием доказательств и предусмотренные УПК РФ (например, расходы, связанные с участием педагога, психолога и иных лиц в производстве следственных действий)*. Кроме того, к ним относятся подтвержден-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу № 86-ДП07-11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 12. С. 11.

² Надзорное определение Верховного Суда РФ от 2 июня 2006 г. по делу № 9-ДП06-10 // Бюллетень Верховного Суда РФ 2008. № 2. С. 11.

³ Ковтун Н. Н. Судебное толкование в системе российского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство в 3 т. / Н. А. Колоколов [и др.]; под ред. Н. А. Колоколова. М., 2020. Т. 1. С. 156–157.

⁴ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 // Российская газета. 2017. 9 июня.

⁵ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // СПС «КонсультантПлюс»

⁶ См.: О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // СПС «КонсультантПлюс»; О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 // СПС «КонсультантПлюс».

ные соответствующими документами *расходы потерпевшего на участие представителя, расходы иных заинтересованных лиц на любой стадии уголовного судопроизводства при условии их необходимости и оправданности»*¹.

По спорным вопросам, касающимся процессуальных издержек, есть еще несколько позиций Пленума Верховного Суда РФ. Так, в постановлении, принятом судом в порядке ст. 399 УПК РФ (порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора), следует решать вопрос об определении размера и о распределении процессуальных издержек в соответствии со ст. 131 и 132 УПК РФ². Кроме того, по результатам предварительного слушания судьей в соответствии со ст. 131 и 132 УПК РФ при наличии к тому оснований может быть решен вопрос о возмещении процессуальных издержек (например, связанных с участием в деле защитника, потерпевшего, свидетеля, переводчика, когда дело или уголовное преследование прекращено по результатам предварительного слушания). При этом, исходя из положений ч. 1 ст. 132 УПК РФ, согласно которым процессуальные издержки возмещаются за счет средств федерального бюджета либо подлежат взысканию с осужденного, **судья не вправе возложить обязанность по возмещению расходов, относящихся к процессуальным издержкам, на обвиняемого, если в отношении него не был постановлен обвинительный приговор**³.

Судебные правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ направлены не только на разъяснение норм с целью оптимизации работы судов и правоохранительных органов, но и на оказание помощи другим участникам уголовного судопроизводства с целью защиты их прав и законных интересов. Вопрос процессуальных издержек во многом касается потерпевшей стороны, которая заинтересована в возмещении своих расходов. Однако бывают ситуации, когда по какой-то причине суд в приговоре не разрешает вопрос о распределении процессуальных издержек, что является нарушением п. 3 ч. 1 ст. 309 УПК РФ. При этом возникает проблема в том, как потерпевший должен защитить свои права на возмещение в его пользу процессуальных издержек. Нормативно эта проблема не разрешена. Пленум Верховного Суда РФ установил порядок, **согласно которому «вопрос о распределении процессуальных издержек в виде расходов, понесенных потерпевшим и его законным**

представителем, представителем в связи с участием в уголовном деле, на покрытие расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием (расходы на проезд, наем жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства; п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК), суммы, выплачиваемой в возмещение недополученной заработной платы, или суммы, выплачиваемой за отвлечение от обычных занятий (п. 2 и 3 ч. 2 ст. 131 УПК) – **может быть разрешен в порядке исполнения приговора в соответствии с главой 47 УПК РФ**»⁴.

Ценными, на наш взгляд, являются положения, касающиеся явки с повинной. Нормативно закреплено: одним из поводов для возбуждения уголовного дела может выступать явка с повинной, которая заключается в добровольном сообщении лица о совершенном им преступлении (ст. 140, 142 УПК РФ). Однако Пленум Верховного Суда РФ признает данный **повод еще как обвинительное доказательство**, при условии, что лицу, явившемуся с повинной, были разъяснены права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ, и была обеспечена возможность осуществления этих прав⁵. Помимо вышеуказанной позиции, пленум закрепил, что **сведения, которые получены от обвиняемого в ходе явки с повинной, являются допустимым доказательством**⁶. Пленум также акцентирует внимание на том, что данное правило действует и при отсутствии защитника, и при отказе от изложенных сведений в дальнейшем. Таким образом, несмотря на то, что процессуальном законодательстве явка с повинной не рассматривается в качестве источника доказательства, так как не содержит непосредственно показаний подозреваемого или обвиняемого, полученных в ходе следственных действий, пленум позволяет отнести явку с повинной к обвинительным доказательствам.

Также УПК РФ признает в качестве недопустимого доказательства показания подозреваемого, обвиняемого, полученные в отсутствие защитника, даже если лицо от защиты отказалось. Пленум Верховного Суда РФ устанавливает иную норму, согласно которой явка с повинной, полученная в указанных выше условиях, является допустимым доказательством. Считаем, это

¹ О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 // СПС «КонсультантПлюс».

³ О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // СПС «КонсультантПлюс».

положительная тенденция, так как в действительности данный повод для возбуждения уголовного дела содержит в себе некоторые сведения, которые крайне важны для рассмотрения дела в суде и признания виновности или невиновности лица, несмотря на то, что лицо от них отказалось в дальнейшем.

В своих постановлениях Пленум Верховного Суда РФ акцентирует внимание на тех моментах, которые напрямую не указаны в законодательстве, но о которых следует знать участникам уголовного судопроизводства, так как это их права и возможности. Например, законодатель полагает, что участники смогут понять норму по аналогии, уже представленной в законе, однако, считаем, что в этом не стоит быть уверенным. К примеру, ст. 314 УПК РФ предусматривает возможность применения особого порядка принятия судебного решения для дел как частного-публичного и публичного обвинения, так и частного обвинения. В свою очередь, ст. 315 УПК РФ указывает на обстоятельства, при которых обвиняемый вправе заявить ходатайство. При этом в законодательстве нет конкретных сроков, когда может быть подано ходатайство лица, обвиняемого в частном порядке. Пленум установил конкретную доминанту. А именно: с учетом особенностей судопроизводства по делам частного обвинения ходатайство об особом порядке судебного разбирательства по ним может быть заявлено в период **от момента вручения лицу заявления потерпевшего о привлечении его к уголовной ответственности до вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания**¹. Верховный Суд РФ восполнил имеющийся пробел в законе, тем самым сделав вклад в обеспечение внутренней согласованности уголовно-процессуального права.

На следующих примерах мы можем также увидеть, как пленум восполняет пробелы, создавая новое правило. Формирует судебную правовую позицию, которая разрешает проблему на практике, так как она не урегулирована в уголовно-процессуальном законе. В соответствии с ч. 2 ст. 399 УПК РФ осужденному дана гарантия на участие в рассмотрении вопросов, которые связаны с исполнением приговора, путем личного присутствия или посредством видеоконференцсвязи. Сам вопрос о том, каким способом будет реализовано право осужденного присутствовать при этом, отдается на разрешение суду. В связи с этой нормой были сформированы судебные правовые позиции, которые раскрывают ее и дают судам руководство к действию в конкретной ситуации. Так, п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 установлено: «Вопрос о замене неотбытого срока обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы лишением свободы **разрешается в присутствии лица**, в отно-

шении которого принимается такое решение»². Еще одна точная формулировка, позволяющая суду толковать диспозитивную норму только в одном ключе, закреплена в п. 46 Постановления № 2³. Она выглядит следующим образом: «**Вопрос об отмене условного осуждения разрешается только в присутствии лица**, в отношении которого принимается такое решение».

Таким образом, Пленум сформировал новые (нормативные) правила, суть которых заключается в обязательном присутствии осужденного в судебном заседании при разрешении вопроса об ухудшении его положения. Ценность такой нормы заключается в формировании нового уровня гарантий прав осужденного, в частности, его права на защиту при исполнении приговора.

Рассмотрим следующий пример положительного воздействия Пленума Верховного Суда РФ на формирование уголовно-процессуального права. В соответствии с ч. 5 и ч. 6 ст. 6.1 УПК РФ заинтересованные лица имеют право обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрении дела, а он, в свою очередь, в срок не позднее 5 суток должен принять по нему решение. Однако не нашли нормативного отражения ни порядок действия председателя, ни его права и обязанности в данном вопросе. В связи с чем целесообразно обратиться к позиции Верховного Суда РФ, закрепленной в п. 22 и 23 постановления Пленума от 29 марта 2016 г. № 11⁴. Положения п. 22 указывают на то, как председателю следует рассматривать заявление и какие при этом у него есть возможности, а именно: «*председатель суда вправе истребовать от судьи, в производстве которого находится дело, в связи с которым подано заявление об ускорении, информацию о движении дела и действиях, направленных на его своевременное рассмотрение*». При этом, как разъясняет пленум, председатель не изучает суть уголовного дела, не дает по нему никаких указаний. Он лишь обеспечивает разумный срок. Таким образом, судебная правовая позиция создала действенный инструмент по устранению затягивания процесса, который допустил судья по различным причинам.

Позиция, предусмотренная в п. 23, раскрывает порядок действий председателя суда. Ведь положения ч. 6 ст. 6.1 УПК РФ указывают на то, что председателю следует вынести мотивированное постановление об

¹ О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 // СПС «КонсультантПлюс».

² О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21 // СПС «КонсультантПлюс».

³ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

ускорении производства по делу, а также он может предпринять иные процессуальные действия для обеспечения разумного срока. Однако, несмотря на наличие нормы, также отсутствует перечень мер воздействия, которыми может воспользоваться председатель. Пункт 23 Постановления № 11 устанавливает, что «*председатель суда вправе обратить внимание судьи на необходимость принятия мер к оперативному извещению лиц, участвующих в деле, получению доказательств, истребованных судом, осуществлению контроля за сроками проведения экспертизы, возобновлению производства по делу в случае устранения обстоятельств, вызвавших его приостановление*». Таким образом, Верховный Суд РФ определил перечень возможностей председателя суда, с помощью которых он может ускорить процесс по делу. Тем самым, разъяснив председателю его новую функцию и восполнив законодательный пробел, пленум способствовал обеспечению единства в применении уголовно-процессуальной нормы.

Формирование судебных правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ оказывает положительное влияние на обеспечение единообразного применения законодательства с целью установления единого правового пространства на всей территории государства. Для этого в своих постановлениях Пленум Верховного Суда РФ разрешает несколько основных задач: 1) восполнение пробелов в уголовно-процессуальном праве; 2) устранение противоречий, имеющих в законодательстве; 3) устранение коллизий в правоприменительной деятельности.

Библиографический список

Ковтун Н. Н. Судебное толкование в системе российского уголовно-процессуального права / Н. Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство: в 3 т. / Н. А. Колоколов [и др.]; под ред Н. А. Колоколова. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2020. – Т. 1. – С. 156–157.

Bibliograficheskiy spisok

Kovtun N. N. Sudebnoe tolkovanie v sisteme rossijskogo ugovovno-processual'nogo prava / N. N. Kovtun // Uголовное судопроизводство: в 3 т. / Н. А. Колоколов [и др.]; под ред Н. А. Колоколова. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2020. – Т. 1. – С. 156–157.

Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве

Умнягина Юлия Андреевна,
Нижегородская академия МВД России
e-mail: miss.umniagina@yandex.ru

Автором рассматриваются различные подходы к классификации электронных носителей информации. Обоснована необходимость законодательного закрепления понятия «электронный носитель информации» и признания таковыми персональных цифровых устройств.

Ключевые слова: информация; электронный носитель информации; классификация электронных носителей информации; мобильный телефон; абонентские устройства.

Electronic media in criminal proceedings

Ummagine Yuliya Andreevna,
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry
of the Interior of Russia

The author considers various approaches to the classification of electronic media. Justifies the need for legislative consolidation of the concept of electronic media and the recognition of personal digital devices as such.

Key words: information; electronic data carrier; classification of electronic data carriers; mobile phone; subscriber devices.

Приоритетными направлениями внутренней политики Российской Федерации являются развитие информационной инфраструктуры, формирование информационного пространства, создание коммуникационных технологий, обеспечение их конкурентоспособности на международном уровне, что подтверждается положениями Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы¹ и программой «Цифровая экономика Российской Федерации»².

Стремительно развивающийся процесс информатизации общества обуславливает актуальность и определяется порядок собирания электронных доказательств, внедрение которых вызвано развитием телекоммуникационных технологий. В настоящее время большой процент уголовных дел сопровождается изъятием электронных носителей информации, следовательно, проблема процессуального регулирования встает особенно остро.

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2017. № 20. Ст. 2901.

² Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 195-р // СЗ РФ. 2019. № 8. Ст. 803.

При совершении преступлений с использованием информационных технологий, как и при иных противоправных деяниях, остаются следы, однако в рассматриваемом случае следы носят не материальный, а цифровой характер. Для использования цифровых данных в уголовном судопроизводстве следует придать им необходимую процессуальную форму. Статья 82 УПК РФ в п. 5 ч. 2 признает в качестве вещественных доказательств электронные носители информации, не упоминая электронную информацию, соответственно, процессуальной формой электронной информации является электронный носитель, который в последующем фигурирует в ходе производства по делу как вещественное доказательство³.

Принцип действия электронных носителей основывается на преобразовании электромагнитной энергии с целью последующего приема, передачи, хранения и обработки цифровой информации⁴.

О. В. Овчинникова выделяет три способа фиксации электронной информации на материальных носителях в зависимости от цифровых данных. В первую группу она относит устройства, предназначенные для

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

⁴ См.: Электроника // Большая советская энциклопедия: в 30 т. М., 1969–1978. Т. 30. С. 746.

переноса и хранения информации, такие как внешние жесткие диски, USB-накопители, карты памяти и др. Во вторую группу входят ноутбуки, компьютеры, планшеты и мобильные телефоны, которые можно объединить одним смысловым названием – персональные цифровые устройства. Телекоммуникационная сеть Интернет, включая все виртуальное информационное пространство, выделяется О. В. Овчинниковой в третью, завершающую группу.

Б. Я. Гаврилов разделяет электронные носители информации на две большие группы, в основе которых находится критерий энергозависимости. В первую группу относятся электронные устройства, память которых функционирует только за счет постоянного источника питания, следовательно, Б. Я. Гаврилов объединил в первую группу энергозависимые электронные носители информации. Особенностью таких носителей является то, что информация сохраняется на них лишь непродолжительное время, в последующем автоматически заменяется новой, а при отключении питания, т. е., при потере необходимой для работы энергии, обнуляется. К таким носителям можно отнести оперативные запоминающие устройства. Вторая группа представлена энергонезависимыми электронными носителями информации. К ним относятся внешние жесткие диски, USB-накопители, лазерные диски и т. д.¹

М. П. Перякина, С. В. Унжакова и Н. Э. Шишкина выделяют электронные носители информации, способные к многократной записи информации и носители, на которые цифровая информация может быть записана лишь однажды².

С. В. Зуев выделяет пять групп электронных носителей доказательственной информации³. К первой группе относятся устройства преимущественно личного пользования, так называемые персональные информационно-технологические устройства. К ним относятся: мобильные телефоны, компьютеры, ноутбуки, планшеты, переносные электронные носители информации (флеш-накопители и карты памяти). Также к первой группе С. В. Зуев относит банковские карты и персональные страницы в социальной сети.

Вторая группа «Информационные системы» представлена всевозможными базами данных, средствами накопления и использования информации, посредством баз данных в различных организациях, предприятиях и учреждениях. Ко второй группе относятся корпоративные, ведомственные, государственные

информационные системы, охранные, платежные и банковские системы; электронные системы и системы контроля доступа, и др.

К третьей группе С. В. Зуев относит информационно-технологические устройства «Сетевой инфраструктуры», такие, как глобальная компьютерная сеть «Интернет», облачные технологии, корпоративные и локальные компьютерные сети, навигационные системы и др.

В свою очередь, облачные технологии подразделяются на три категории в зависимости от уровня облачных вычислений. Первая категория включает в себя низший уровень, в котором пользователи ограничены базовыми ресурсами. Потребитель имеет доступ к системе хранения, но не управляет инфраструктурой облака. На втором уровне пользователи получают возможность установки собственных приложений, но по-прежнему не имеют доступа к базовой инфраструктуре облака. Третий, высший уровень облачных вычислений позволяет хранить в облаке не только информацию, но и связанные с ней приложения. При этом пользователь также не управляет базовой инфраструктурой, за исключением нескольких настроек конфигурации приложения.

Четвертая группа представлена «Системами информационной безопасности», к которым относятся антивирусные программные обеспечения, аппаратно-программные комплексы, системы аутентификации и идентификации и др.

Пятая группа информационно-технологических устройств, представлена устройствами фиксации, направленными на борьбу с правонарушениями и преступлениями. К ним относятся биометрические системы, системы видеонаблюдения, криминалистической регистрации, а также системы, направленные на предупреждение, обнаружение и ликвидацию последствий компьютерных атак, и др.

Особый интерес представляют персональные информационно-технологические устройства, в особенности мобильные телефоны. В теории уголовного процесса вопрос о признании мобильных телефонов электронными носителями информации является спорным. Само понятие «электронный носитель информации» до сих пор не нашло процессуального закрепления в нормах уголовно-процессуального законодательства, что приводит к дискуссиям относительно того, что именно следует понимать под электронным носителем и какие именно устройства могут подходить под представленную дефиницию.

В ходе двух различных следственных действий – обыска и выемки – были изъяты мобильные телефоны iPhone 6 и iPhone 5S. В уголовном деле была использована содержащаяся в них информация, а именно фотографии, видеозаписи. Сторона защиты подала ходатайство о недопустимости признания сотовых телефонов в качестве вещественных доказательств, так как они были изъяты с нарушением требований УПК РФ. Государственный обвинитель ответил на заявленное ходатайство следующим образом: «Совре-

¹ См.: Гаврилов Б. Я. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / Б. Я. Гаврилов. М., 2017. С. 72.

² См.: Перякина М. П. Процессуальные и криминалистические аспекты изъятия электронных носителей информации в свете защиты прав участников уголовного судопроизводства / М. П. Перякина, С. В. Унжакова, Н. Э. Шишкина // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3(86). С. 81–84.

³ См.: Зуев С. В. Основы теории электронных доказательств: моногр. М., 2019. С. 32.

менные электронные носители представляют собой сложные устройства, и на данный момент существует общее для всех сфер и юридически не определенное понятие, которое в полной мере не раскрывает признаки электронного носителя, толкование представленного понятия должно быть максимально суженым и обоснованным. Следовательно, недопустимо признавать мобильные телефоны электронным носителем информации, соответственно, наличие специальных знаний для изъятия iPhone 6 и iPhone 5S не требовалось».

Суд разделил позицию государственного обвинителя, указав, что «сотовые телефоны являются предметами повседневного бытового использования и не подходят под категорию электронных носителей информации, и не требуют наличия специальных знаний для их изъятия»¹.

Данная позиция суда и государственного обвинителя является неправомерной и необоснованной. В соответствии с уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации обязанность по опровержению доводов, представленных в ходатайстве стороны защиты, об исключении доказательств, полученных с нарушением уголовно-процессуального законодательства, лежит на прокуроре (ч. 4 ст. 235 УПК РФ)².

В рассматриваемом случае государственный обвинитель пренебрег правилами доказывания и сделал вывод путем собственных умозаключений, следовательно, прокурор необоснованно применил ограничительное толкование к понятию электронного носителя информации.

На данный момент определением электронного носителя информации условно принято считать понятие, утвержденное ГОСТом 2.051 – 2013 «Единая система конструкторской документации (ЕСКД). Электронные документы. Общие положения». Подпункт 3.1.9 вышеуказанного ГОСТа гласит: «электронный носитель – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники»³. Расплывчатость определения, неточность формулировки, отсутствие всех необходимых признаков электронного носителя приводят к неоднозначному толкованию рассматриваемого понятия.

Таким образом, представленный пример наглядно демонстрирует необходимость законодательного за-

крепления определения «электронный носитель информации».

Конституционный Суд так же неоднозначно использует понятие электронного носителя информации в отношении мобильных телефонов. В определении Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 3205-О, сотовый телефон обозначается как «абонентское устройство», данное понятие приравнивается к иным техническим средствам. Выдержка из Определения Конституционного Суда РФ: «Получение информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств (а равно иных технических средств)». В представленном случае суд избегает прямого указания на мобильный телефон как на электронный носитель информации, допуская лишь расплывчатую формулировку «абонентские устройства»⁴.

В соответствии с пунктом 2 Постановление Правительства РФ «О порядке оказания услуг телефонной связи» под абонентским устройством понимается пользовательское оборудование, подключаемое к сети подвижной связи⁵. В современном мире сотовые телефоны используются не только для совершения телефонных звонков и отправки сообщений, а включают в себя огромный объем информации, начиная от планирования встреч, до информации о банковских счетах и операциях. Следовательно, современные «гаджеты» включают в себя намного больше функций и возможностей, являются своеобразной базой данных разнообразных сфер человеческой деятельности, тем самым подходят под определение «электронный носитель информации».

В Определении Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О суд одновременно использует понятия «абонентские устройства» и «электронный носитель информации» в отношении изъятых мобильных телефонов. Выдержка из определения Конституционного Суда РФ звучит так: «...отказали в удовлетворении требований стороны защиты о признании недопустимыми доказательствами протоколов осмотров электронных носителей информации, содержащих сведения о текстах сообщений, мотивировав такой отказ отсутствием необходимости получения для этого судебного решения», «производство осмотра и компьютерно-технических экспертиз изъятых абонентских устройств»⁶.

¹ Уголовное дело № 1-25/18 // Архив Ленинского районного суда г. Ульяновска, 2018.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

³ ГОСТ 2.051-2013: Единая система конструкторской документации (ЕСКД). Электронные документы. Общие положения (с Поправкой): межгосударственный стандарт: издание официальное: утвержден и введен в действие Росстандартом 22 ноября 2013 г.: введен впервые: дата введения 1 июня 2014 г. М., 2014.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 3205-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габашвили Игоря Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью второй статьи 177 уголовно-процессуального кодекса российской федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28112019-n-3205-o> (дата обращения: 15.10.2020).

⁵ О порядке оказания услуг телефонной связи: Постановление Правительства РФ от 9 декабря 2014 г. № 1342 // СЗ РФ. 2014. № 51. Ст. 7471.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жа-

Следующим примером может послужить Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2017 г. № 204-О, в котором в отношении сотового телефона используются такие понятия, как «цифровой» и «электронный носитель информации». Выдержка из Определения Конституционного Суда РФ: «цифровые носители информации, отражающей взаимоотношения обвиняемого и свидетелей», «не допускают произвольное изъятие при обыске электронных носителей информации, содержащих охраняемую законом тайну, а потому конституционные права не нарушают»¹.

Анализ определений Конституционного Суда РФ еще раз подтверждает необходимость законодательного закрепления понятия «электронный носитель информации» с целью разрешения противоречий, затрагивающих рассматриваемую проблему, и устранения коллизий при применении норм об электронной информации и электронных носителях информации. На данном этапе уголовно-процессуальное законодательство не в полной мере готово идти в ногу с развивающимися информационными технологиями.

Современный мир претерпевает большие технологические изменения, Уголовно-процессуальный кодекс РФ и сопутствующие законодательные акты следует привести в соответствие с информационным прогрессом. Нормы процессуального законодательства должны изменяться параллельно с общественными отношениями, которые они регулируют. Мобильные телефоны как персональные электронные устройства следует признать электронными носителями информации и осуществлять их изъятие в соответствии с нормами УПК РФ, регламентирующими изъятие рассматриваемых вещественных доказательств.

Библиографический список

1. Гаврилов Б. Я. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учеб. пособие / Б. Я. Гаврилов. – М.: Изд-во Проспект, 2017.

2. Зуев С. В. Основы теории электронных доказательств: моногр. / С. В. Зуев. – М.: Юрлитинформ, 2019.

3. Перякина М. П. Процессуальные и криминалистические аспекты изъятия электронных носителей информации в свете защиты прав участников уголов-

ной жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25012018-n-189-o> (дата обращения: 15.10.2020).

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2017 г. № 204-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сандаковой Ирины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 29 и частью третьей статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26012017-n-204-o> (дата обращения: 15.10.2020).

ного судопроизводства / Перякина М. П., Унжакова С. В., Шишкина Н. Э. // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 3 (86). – С. 81–84.

4. Электроника // Большая советская энциклопедия: в 30 т. – М., 1969–1978. – Т. 30.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gavrilov B. YA. Sposoby polucheniya dokazatel'stv i informacii v svyazi s obnaruzheniem (vozmozhnost'yu obnaruzheniya) elektronnyh nositelej: uchebnoe posobie / B. YA. Gavrilov. – Moskva: Izd-vo Prospekt, 2017.

2. Zuev S. V. Osnovy teorii elektronnyh dokazatel'stv: monogr. / S. V. Zuev. – Moskva: YUrlitinform, 2019.

3. Peryakina M. P. Processual'nye i kriminalisticheskie aspekty iz'yatiya elektronnyh nositelej informacii v svete zashchity prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva / Peryakina M. P., Unzhakova S. V., SHishkina N. E. // Sibirskiy yuridicheskij vestnik. – 2019. – № 3 (86). – С. 81–84.

4. Elektronika // Bol'shaya sovetskaya enciklopediya: v 30 t. – М., 1969–1978. – Т. 30.

Правомерность осуществления оперативно-розыскных мероприятий как безусловная гарантия достижения целей уголовного судопроизводства

**Царева Юлия Викторовна,
 Нижегородская академия МВД России,
 кандидат юридических наук
 e-mail: *yu.v.tsareva@gmail.com***

**Салеева Юлия Евгеньевна,
 Академия управления МВД России,
 кандидат юридических наук
 e-mail: *viva13@bk.ru***

В настоящей статье авторами предпринята попытка установить причинно-следственную связь между правомерностью осуществления оперативно-розыскной деятельности, предшествующей принятию решения о возбуждении уголовного дела, и достижением целей уголовного судопроизводства, вытекающих из его назначения, предусмотренного ст. 6 УПК РФ, в виде защиты лиц и организаций, а также интересов общества и государства от преступных посягательств.

Авторами реализован нестандартный подход к исследованию проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам, суть которого заключается в иллюстрации полярных примеров следственной (правоприменительной) практики, свидетельствующих о диаметрально противоположном подходе должностных лиц органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, к ее организации и содержанию.

Применение выбранного метода привело к формулировке тезиса о том, что результат оперативно-розыскной деятельности может как способствовать достижению целей уголовного судопроизводства, так и препятствовать этому. Вместе с тем соблюдение установленного порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий путем неукоснительного следования закону – это необходимое условие, а в некоторых случаях – и гарантия достижения цели уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; доказывание по уголовным делам; назначение уголовного процесса; достижение целей уголовного судопроизводства; соблюдение закона; правомерность.

Legality of implementation operational-search measures as an unconditional guarantee of achieving the goals of criminal proceedings

**Tsareva Yulia Viktorovna,
 Nizhniy Novgorod academy of the Ministry
 of the Interior of Russia, Candidate of Law,**

**Saleeva Yulia Evgenievna,
 Nizhniy Novgorod academy of the Ministry
 of the Interior of Russia, Candidate of Law**

In this article, the authors made an attempt to establish a causal relationship between the legality of the implementation of operational-search activities prior to making a decision to initiate a criminal case, and the achievement of the goals of criminal proceedings arising from its purpose, provided for in Article 6 of the CCP RF, in the form of protection of individuals and organizations, as well as the interests of society and the state from criminal encroachments.

The authors have implemented a non-standard approach to the study of the problem of using the results of operational-search activity in proving in criminal cases, the essence of which is to illustrate polar examples of investigative (law enforcement) practice, testifying to the diametrically opposite approach of officials of the body carrying out operational-search activity to its organization and content.

The application of the chosen method led to the formulation of the thesis that the result of operational-search activity can both contribute to the achievement of the goals of criminal proceedings, and prevent it. At the same time, compliance with the established procedure for conducting operational-search measures by strictly following the law is a necessary condition, and in some cases, a guarantee to achieve the goal of criminal proceedings.

Key words: operational-search activity; proof in criminal cases; purpose of criminal procedure; achievement of the goals of criminal proceedings; observance of the law; legality.

В правде есть что-то... естественное и прекрасное. Если вы до нее доищетесь, то какой бы лабиринт нелепых взглядов и толкований ни опутывал дело, вы всегда будете чувствовать себя крепким и свободным.

*С. А. Андреевский
(Русский поэт, критик и судебный оратор)*

Авторы полагают, что ничто так не показывает проблематику, как контрастность взглядов, обращенных к тому или иному правовому явлению. В этой связи позволим себе обратиться к научному труду В. С. Горбаня¹, в котором высказывается мысль, что контрастность подходов к определению нацеленности и принадлежности тех или иных правовых воззрений помогает уяснить и раскрыть их содержание, увидеть и проанализировать их позитивные и негативные стороны. Что попытаемся сделать и мы.

В нашем случае речь пойдет о проблеме достижения (или наоборот) целей уголовного процесса в результате неправомερных действий представителей органа, наделенного правом производства оперативнорозыскной деятельности (далее – ОРД).

В связи с этим, с одной стороны, описывается пример, показывающий доминирование у должностных лиц указанных органов личной заинтересованности над интересами службы в органах государственной власти, которая выражается в неоправданном и необоснованном стремлении привлечь лицо к уголовной ответственности любой ценой. И вместе с тем пример неправомερных действий провокационного характера, осуществляемых под видом неукоснительного соблюдения законности и должного выполнения возложенных на них полномочий.

С другой стороны, исследуется частный случай, демонстрирующий неукоснительное соблюдение сотрудниками аналогичных подразделений, деятельность которых носит оперативный характер, требований закона и должностного регламента. Пример превалирования интересов службы над личными интересами, послуживший отправной точкой для следования четкому алгоритму запланированных действий лиц, способных найти выход из любой, даже самой

непростой ситуации, обусловленной факторами, не зависящими от лиц, производящих ОРД.

И, естественно, только один из них может служить основой для беспрепятственного выполнения следователем действий, связанных с проверкой результатов ОРД следственным путем, получением большого объема значимых для уголовного дела доказательств, а также вынесения обвинительного приговора судом и назначения виновному справедливого наказания, отвечающего требованиям норм уголовного и уголовно-процессуального закона.

Говоря о наказании как конечном этапе уголовного преследования, предлагаем обратиться к положениям статьи 6 УПК РФ, где указывается, что осуждение и справедливое наказание виновного в той же мере соответствует назначению уголовного судопроизводства, что и оправдание невиновного.

А.Ф. Кони в одной из своих работ по этому поводу отмечал: «Судья – орган государства. Напряжение душевных сил судьи для отыскания истины в деле есть исполнение поручения государства... Поэтому судья, решая дело (курсив наш. – Авт.), никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить: «Я так хочу». Он должен говорить: «Я не могу иначе. Не могу, потому что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого заговорит моя совесть как судьи и человека»².

Теперь, вплотную приблизившись к содержательной основе настоящей статьи, перейдем к негативному примеру использования в доказывании результатов ОРД, связанному с производством полномоченными на то органами оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ), предусмотренного пунктом 14 статьи 6 Федерального закона «Об

¹ См.: Горбань В. С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 11.

² Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. М., 2014. С. 14.

оперативно-розыскной деятельности»¹, а именно оперативного эксперимента. Механизм проведения данного оперативно-розыскного мероприятия автор одноименной научной статьи Н.В. Румянцев сравнил со схожим следственным действием, предусмотренным статьей 181 УПК РФ, выделив при этом различия в составе участников, оформлении полученных результатов и степени использования последних в доказывании по уголовным делам².

Так, в 2018 году в производстве территориального следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации, расположенного в г. Нижнем Новгороде, находилось уголовное дело³, возбужденное в отношении должностного лица Управления Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (далее – Россельхознадзор) Б.А. Грибко⁴ по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ. Основанием для возбуждения уголовного дела послужили материалы оперативно-розыскной деятельности, представленные в следственный орган в соответствии с Инструкцией, утвержденной 27 декабря 2013 года приказом совместного ведения МВД России, Следственного комитета Российской Федерации и ряда других федеральных органов исполнительной власти⁵. В числе указанных материалов были следующие документы: постановление о представлении результатов ОРД следователю, постановление о рассекречивании результатов ОРД, постановление о проведении ОРМ «Оперативный эксперимент», утвержденное руководителем органа, осуществляющего ОРД, объяснения взяточполучателя и взяточдателя, акт вручения последнему средств видеозаписи для фиксации факта передачи (получения) взятки, акт

возвращения произведенной видеозаписи и др.

Из материалов, собранных сотрудниками оперативного подразделения следовало, что Б. А. Грибко занимал должность старшего инспектора обозначенной федеральной службы. В силу специфики своей деятельности Россельхознадзор обязан проверять лесную продукцию, вывозимую за пределы региона, подпадающего под юрисдикцию данного надзорного органа, для последующей реализации, на предмет ее соответствия установленным санитарно-эпидемиологическим нормам в целях предотвращения угрозы заражения иной растительности жуками либо иными обнаруженными в продукции паразитами. Проверка качества леса осуществлялась путем его досмотра инспекторами данной федеральной службы. Процедура досмотра утверждалась соответствующей внутренней документацией. По итогам досмотра в случае полного соответствия продукции установленным санитарным нормам владельцу выдавались соответствующие документы – сертификаты, свидетельствующие, что лесная продукция пригодна для транспортировки с целью реализации в другом регионе.

Из объяснения оперуполномоченного явствовало, что в конце июня – начале июля 2018 года в их отдел из определенных законом источников поступила информация оперативного характера о незаконной деятельности старшего инспектора Россельхознадзора Грибко Б.А., который получает взятки от граждан, занимающихся за пределами области продажей лесной продукции, добываемой на территории нашего региона, за выдачу им сертификатов качества на данную лесную продукцию с нарушением установленного порядка досмотровых мероприятий либо без фактического досмотра продукции.

При этом в первом случае досмотр должностным лицом хоть и производится, но с явными нарушениями, а именно выполняется в усеченной форме либо ускоренном порядке. Это в любом случае не позволяет ему как инспектору службы надзора выявить степень опасности леса, пораженного жуками-короедами либо иными вредителями, и несущего в себе угрозу распространения паразитарного заражения иных растений при выполнении его транспортировки. Во втором случае инспектор выдает документы не только без производства досмотра, но и без элементарного удостоверения факта наличия либо отсутствия груза как такового.

В объяснении взяточдателя Сверчкова Н.В. говорилось, что в один из дней, в июле 2018 года, к нему обратились сотрудники полиции с предложением принять участие в проводимом ими ОРМ, разъяснив суть проводимого мероприятия, его права, обязанности и последовательный алгоритм действий. Сотрудничать он согласился. Все дальнейшие действия он выполнял под контролем сотрудников правоохранительных органов. У него в собственности имелся автомобиль, предназначенный для грузовых перевозок, осуществление которых было дополнительным источником его дохода.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ: принят Государственной Думой РФ 5 июля 1995 г. (в ред. от 02.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2020)

² См.: Румянцев Н. В. Оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1-4). № 1. С. 39–42.

³ Материалы уголовного дела №*** [данные изъяты], оконченого производством 25.09.2018 / надзорное производство Следственного отдела Следственного комитета РФ по *** [данные изъяты] району г. Нижнего Новгорода.

⁴ Используемые в тексте статьи фамилии и инициалы участников уголовного процесса – фигурантов уголовных дел, на которые ссылаются авторы, изменены.

⁵ Об утверждении Инструкции «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»: приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 05.10.2020).

Так, в один из дней он на собственной грузовой автомашине, загруженной лесом, приехал по месту работы инспектора Россельхознадзора Грибко Б.А. и попросил его оформить необходимые документы на вывоз лесной продукции в другой регион для дальнейшей продажи. Узнав в ходе личной беседы с Грибко Б.А., что за денежное вознаграждение тот значительно ускорит длительную процедуру досмотра груза и оформления необходимой сопутствующей документации, он передал Грибко Б.А. денежные средства в сумме пяти тысяч рублей. Из предварительного разговора с Грибко Б.А. он понял, что фактически досмотр производиться не будет. После получения от него денежных средств Грибко Б.А. оформил сертификат, полагающийся для вывоза лесопродукции за пределы региона, и даже не удостоверился в его наличии.

Здесь повторно акцентируем внимание на том, что подобные досмотровые действия инспектора надзорной службы требовались в соответствии с его должностной инструкцией только в случае вывоза продукции за пределы области. При этом в материалах ОРД, переданных следователю, не содержался ответ на вопрос о том, как и на основании каких именно документов инспектор Россельхознадзора должен был удостовериться, что груз действительно собирается вывезти в другой регион. Документально это никак не подтверждалось.

Полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности результаты следователь посчитал достаточными для возбуждения уголовного дела, а также полностью подтверждающими наличие в действиях Грибко Б.А. признаков преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ. По мнению лица, принимавшего решение о возбуждении уголовного дела, материалы, полученные в ходе ОРД, содержали сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а значит, могли быть использованы для формирования на их основе совокупности доказательств, удовлетворяющих требованиям уголовно-процессуального законодательства¹.

На первоначальном этапе проводимого по уголовному делу расследования следователь приступил к проверке полученных оперативно-розыскных материалов следственным путем. В результате чего лица, ранее давшие объяснения, были допрошены в качестве свидетелей, видеозапись, зафиксировавшая факт получения Грибко Б.А. взятки, изъята в установ-

ленном УПК РФ порядке, осмотрена и приобщена к уголовному делу в качестве вещественного доказательства.

Однако дальнейшая проверка, произведенная следователем, привела к весьма неожиданным результатам. Так, в ходе проведения последующих процессуальных и следственных действий, направления запросов в соответствующие организации и учреждения, следователь выяснил, что взяткодатель Сверчков Н.В., он же водитель грузовой автомашины, якобы перевозивший лес для совершения сделки купли-продажи в удаленный населенный пункт, находящийся на значительном расстоянии от региона его места жительства, в указанные им дни совершить поездку не мог, так как табель учета рабочего времени, истребованный по месту его основной работы, свидетельствовал, что в обозначенный промежуток времени он находился на рабочем месте, покинуть которое он столь длительное время физической возможности не имел. Факт его присутствия на работе в искомый период времени подтвердили его коллеги и сослуживцы.

Это первое из обстоятельств, зародивших у следователя череду сомнений в обоснованности и законности действий сотрудников, проводивших в рамках ОРД документирование действий Грибко Б.А. Впоследствии опасения следователя только подтвердились.

Когда следователь предъявил Сверчкову Н.В. документальное доказательство, свидетельствующее о недостоверности его показаний, тот, не ожидая столь стремительного разоблачения, признался, что показания, не соответствующие действительности, дал по рекомендации сотрудников, привлечших его к участию в ОРМ, убедивших его придерживаться именно этой версии.

После получения новых показаний от основных фигурантов уголовного дела несложно было спрогнозировать, по какой причине сотрудники, проводившие ОРМ, предприняли попытку склонить взяткодателя к ложным и недостоверным показаниям. Ведь они изначально понимали, что отсутствие необходимости перевозить лес в другой регион исключает совершение инспектором Грибко Б.А. каких-либо преступных действий и одновременно делает невозможным их документирование в рамках ОРД. И поскольку сотрудники оперативного подразделения были заинтересованы в жизнеспособности созданной ими искусственным образом легенды, последняя четко прослеживалась во всех собранных ими материалах ОРД.

Кроме того, следователь усомнился в источнике получения оперативными сотрудниками информации о противоправной деятельности Грибко Б.А. Ведь при указанных обстоятельствах стало очевидным, что ни одного заявления от лица, действительно передававшего взятку Грибко Б.А. за описанные выше действия, к правоохранителям не поступало. А значит при производстве ОРМ «Оперативный эксперимент»

¹ Об исследовании вопросов, могут ли считаться допустимыми фактические данные, полученные оперативно-розыскным путем, но с нарушением требований Федерального закона «Об ОРД», хотя впоследствии подтвержденные в результате следственных действий; можно ли ввести в уголовное судопроизводство результаты оперативно-розыскных мероприятий, если они не воспроизведены путем проведения следственных действий, см.: Горяинов К. К. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Пенитенциарная наука. 2009. № 2. С. 35.

они умышленно спровоцировали незаконные действия инспектора Грибко Б.А., осознавая при этом, что лицо, привлеченное ими к участию в ОРМ, так называемый взяткодатель, в обычной жизни не намеревался совершать действия, которые влекли необходимость реализации Грибко Б.А. своих должностных обязанностей. И при таких обстоятельствах уже не имело значения, как в ходе расследования квалифицировалось деяние последнего, как получение взятки за законные действия или наоборот.

Следствием был сделан однозначный вывод: создавая искусственным образом условия для передачи должностному лицу взятки, сотрудники оперативных подразделений действовали вопреки интересам службы и цели выявления и раскрытия подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, декларируемой Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Установление указанных обстоятельств стало переломным моментом в проведении по делу расследования. И как только объективно было установлено, что переданные Грибко Б.А. денежные средства в сумме пяти тысяч рублей нельзя расценивать как незаконное денежное вознаграждение или взятку, уголовное дело в отношении него было прекращено по основаниям, предусмотренным УПК РФ, а Грибко Б.А., который, при условии законности и правомерности действий представителей органа, осуществляющего ОРД, мог быть привлечен к уголовной ответственности, её избежал.

В качестве промежуточного вывода отметим, что по определенным категориям уголовных дел, в частности коррупционной направленности, изначально предполагающих документирование незаконных действий потенциального подозреваемого посредством комплекса оперативно-розыскных мероприятий, ход расследования во многом зависит от профессионализма органов, осуществляющих ОРД, а главное, от их умения и желания строго следовать закону, не допуская неправомερных действий провокационного или иного характера.

Если абстрагироваться от рассмотренного примера, не лишним будет отметить, что в иных аналогичных ситуациях, об элементах провокации может свидетельствовать участие сотрудника органа, осуществляющего ОРД, в качестве лица, передающего взятку. Действующие нормативно-правовые акты не устанавливают для этого прямого запрета. Однако данное обстоятельство может говорить не только о заинтересованности такого лица неуклонно соблюдать предусмотренный законом порядок производства ОРД, но и о цели достичь конкретные результаты оперативной комбинации, а именно передать предмет взятки должностному лицу. Поэтому привлечение сотрудниками оперативных аппаратов для участия в ОРМ с этой целью, так называемых третьих лиц, не заинтересованных в исходе проводимых операций, нам видится более основательным и оправданным.

По мнению адвоката Н.А. Трубецкого, важным кри-

терием определения провокации является нормативная проверка законности проведения ОРД: важно установить, имело ли лицо, действующее под контролем сотрудников полиции, законное право «симулировать» преступление. Иначе говоря, побудили ли действия этого лица желание потенциального взяткополучателя совершить преступление. Начал ли последний активно действовать до вмешательства так называемого агента. При этом сами сотрудники полиции должны быть лишь пассивными наблюдателями вплоть до момента, когда совершенно очевидно, что лицо совершает преступление независимо от агента¹.

Теперь стоит ответить на главный вопрос: «Как неправомερные действия со стороны сотрудников органа, осуществляющего ОРД, могут способствовать недостижению целей уголовного судопроизводства?»

Неквалифицированный подход с их стороны, как в приведенном нами случае, может повлечь утрату существенных доказательств уже на стадии предварительного расследования, когда последствия принятия следователем решения о прекращении уголовного дела не сопоставимы с теми, что могли быть в случае своевременного вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Когда лицу, совершившему преступление, удастся избежать уголовной ответственности из-за некомпетентности органов, ведущих процесс, или органов, уполномоченных осуществлять ОРД, нельзя говорить ни о достижении целей уголовного судопроизводства, ни о реализации одного из основных принципов уголовного процесса – принципа неотвратимости наказания.

Второй заинтересовавший авторов случай, об наруженный в правоприменительной практике, контрастно отражает вышеописанную ситуацию и является позитивной попыткой взаимодействия следственного аппарата и органа, наделенного правом осуществлять ОРД. Так же как и предыдущий, он связан с документированием противоправной деятельности должностного лица.

Так, в октябре 2018 года в районный следственный отдел Следственного комитета Российской Федерации, расположенный в г. Нижнем Новгороде, поступили материалы ОРД, указывающие на наличие признаков преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, в действиях сотрудника Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия населения (далее – Роспотребнадзор) Курдиной Г.П.²

¹ См.: Трубецкой Н. А. Провокация преступлений правоохранительными органами несовместима с принципами международного права [Электронный ресурс]. URL: <http://www.palatask.ru/article-all/trubetskoy/provocation.html> (дата обращения 17.11.2020).

² Материалы уголовного дела №*** [данные изъяты], оконченого производством 15.04.2019 / надзорное производство Следственного отдела Следственного комитета РФ по *** [данные изъяты] району г. Нижнего Новгорода.

Перед принятием решения о возбуждении уголовного дела следователь приступил к изучению материалов. В них имелись сведения о проведении в отношении Кудриной Г.П. ОРМ «Наблюдение с использованием средств аудио-, видеозаписи» (далее – «Наблюдение»). С этой целью в служебном кабинете Кудриной Г.П. негласно велась видеозапись с целью документирования её противоправной деятельности, связанной с получением взяток от предпринимателей, плановые и внеплановые проверки деятельности которых она осуществляла по роду своей профессиональной деятельности как должностное лицо указанного органа исполнительной власти.

В результате «Наблюдения» сотрудниками оперативной службы была получена видеозапись, на которой был зафиксирован факт получения Кудриной Г.П. взятки в сумме тридцати тысяч рублей от предпринимателя Малова В.Н. Однако, к удивлению следователя, эта видеозапись была разделена на два фрагмента. При этом на одном Кудрина Г.П. получила конверт, в котором, по версии должностных лиц органа, проводившего ОРД, находились денежные средства, а именно взятка, а на втором осуществила их сокрытие, переложив их из конверта в свой кошелек.

Здесь вполне разумно возникает вопрос, почему мы позволяем себе подвергнуть сомнению факт получения взятки. Поясним. На первом фрагменте записи зафиксировано, что Малов В.Н. после разговора с Кудриной Г.П. о неких договоренностях в его пользу как предпринимателя положил ей на стол белый конверт, в котором, по его словам, находились тридцать тысяч рублей. На видео содержимое конверта не просматривалось. Полученный конверт Кудрина Г.П. спрятала под документы, лежавшие на ее рабочем столе. Когда Малов В.Н. вышел из кабинета, фрагмент закончился.

Второй фрагмент можно охарактеризовать как более внятный. На нем четко зафиксировано, как Кудрина достала из-под документов конверт, извлекла из него содержимое (предположительно деньги), пересчитала их и убрала в свой кошелек.

Первый вопрос, который возник у следователя после просмотра обоих фрагментов видеозаписи, какой промежуток реального времени был между ними. На это оперативный сотрудник пояснил, что два фрагмента одной и той же видеозаписи образовались не преднамеренно, и объясняет этот казус элементарная техническая неполадка устройства, производившего видеозапись, характеристики которого, по понятным причинам, не расшифровывались. А перерыв между фрагментами исчисляется несколькими секундами.

При наличии такого обстоятельства, порождавшего сомнения, на которое сразу же обратил бы внимание адвокат Кудриной Г.П. с целью оправдания последней, следователь не мог принять решение о возбуждении уголовного дела. Требовалось его устранить. Следователю понадобилось получить документальное подтверждение информации, которую сообщил оперативный сотрудник. Для исключения

указанного противоречия и проведения дополнительной доследственной проверки следователь вернул материалы ОРД в орган, из которого они поступили.

Теперь перед должностными лицами органа, осуществлявшего ОРД, стояла задача убедить орган расследования, что видеозапись прервалась на весьма незначительный отрезок времени, в течение которого Кудрина Г.П. не могла произвести с полученным конвертом никаких действий, оставшихся за пределами возможностей визуального наблюдения.

Оперативные сотрудники повторно провели тщательный анализ обоих эпизодов видеозаписи и нашли способ воспроизвести картину целиком. Они заметили, что на каждом из видео запечатлены телефонные звонки – в конце первого и начале второго фрагмента соответственно. И было видно, что Кудрина Г.П. на них не отвечала. Теперь им необходимо было выяснить, мог ли ответить кто-то из ее коллег. В своем объяснении одна из коллег Кудриной Г.П. пояснила, что телефоны у них в отделе смежные, один на два рабочих кабинета, такая же ситуация у них с Кудриной Г.П. В обозначенный оперативным сотрудником день на телефонные звонки отвечала она, а если они были адресованы Кудриной Г.П., она в качестве условного сигнала стучала ей в стенку. Эти показания помогли сотрудникам, проводившим ОРМ, идентифицировать данные входящих вызовов.

Истребовав детализацию телефонных соединений, они установили, что промежуток времени между указанными звонками составил 10 секунд. И судя по местонахождению Кудриной Г.П. на обоих фрагментах записи, за это время Кудрина Г.П. не имела возможности куда-либо выйти из своего кабинета.

Дополнительные материалы вместе с ранее собранными должностные лица органа, осуществлявшего ОРД, повторно направили следователю, который, изучив подтверждающие документы, пришел к окончательному выводу о наличии в действиях Кудриной Г.П. признаков преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ. В установленные законом сроки следователь принял решение о возбуждении в отношении Кудриной Г.П. уголовного дела. Прокурор, осуществлявший надзор за деятельностью сотрудников указанного следственного отдела, изучив материалы оперативно-розыскной деятельности и вынесенное следователем постановление, полностью согласился с позицией следствия о наличии в действиях Кудриной Г.П. признаков указанного состава преступления.

В ходе производства по уголовному делу все результаты оперативно-розыскной деятельности были проверены следственным путем: видеозапись была изъята, осмотрена и приобщена к уголовному делу в качестве вещественного доказательства; лица, давшие объяснения, допрошены в качестве свидетелей, а Кудрина Г.П. – в качестве подозреваемой, а затем обвиняемой по уголовному делу. Таким образом, следователь беспрепятственно выполнил требования ст. 89 УПК РФ. Позиция стороны защиты, попытавшейся воз-

разить доводам следствия и заявить, что в переданном Кудриной Г.П. конверте находились не денежные средства, а билеты в кино, была успешно опровергнута совокупностью собранных по делу доказательств.

Предварительное следствие по уголовному делу длилось 6 месяцев, после чего дело было направлено в суд для рассмотрения по существу. По результатам судебного разбирательства суд вынес обвинительный приговор, назначив Кудриной Г.П. наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года с отбыванием в колонии-поселении.

Детальный анализ материалов указанных уголовных дел позволил авторам заключить, что соблюдение сотрудниками оперативных аппаратов требований, предъявляемых к результатам ОРД, представляемым уполномоченным органам, приводит в каждом случае к положительному рассмотрению вопроса о возбуждении уголовного дела, позволяет положить их в основу формирования доказательств, собираемых в рамках досудебного производства по делу, проверить и оценить их в ходе судебного разбирательства, а самое значимое – достичь целей уголовного судопроизводства посредством принятия судом законного и обоснованного решения о привлечении виновного лица к уголовной ответственности и назначении ему справедливого наказания. А, как известно, правосознание российского народа справедливость правосудия традиционно связывает с достижением истины по уголовному делу, поскольку нельзя вынести справедливый приговор, основываясь на недостоверных данных либо материалах, полученных с нарушением действующего законодательства Российской Федерации¹.

Библиографический список

1. Горбань В. С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. С. Горбань. – М., 2019. – 48 с.

2. Горяинов К. К. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании / К. К. Горяинов // Пениitenciарная наука. – 2009. – № 2. – С. 34–37.

3. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / А. Ф. Кони. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 34 с.

4. Румянцев Н. В. Оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие / Н. В. Румянцев // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26 (1-4). – № 1. – С. 39–42.

5. Трубецкой Н. А. Провокация преступлений правоохранительными органами несовместима с принципами международного права / Н. А. Трубецкой [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.palatask.ru/article-all/trubetskoy/provocation.html> (дата обращения 17.11.2020).

Bibliograficheskiy spisok

1. Gorban' V. S. Pravovoe uchenie Ieringa i ego interpretacii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / V. S. Gorban'. – М., 2019. – 48 s.

2. Goryainov K. K. K voprosu ob ispol'zovanii rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v dokazyvanii / K. K. Goryainov // Penitenciarnaya nauka. – 2009. – № 2. – S. 34–37.

3. Koni A. F. Nravstvennye nachala v ugovnom processe / A. F. Koni. – М.: Direkt-Media, 2014. – 34 s.

4. Rumyanцев N. V. Operativnyj eksperiment kak operativno-rozysknoe meropriyatie / N. V. Rumyanцев // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2018. – Т. 26 (1-4). – № 1. – S. 39–42.

5. Trubeckoj N. A. Provokaciya prestuplenij pravoohranitel'nymi organami nesovmestima s principami mezhdunarodnogo prava / N. A. Trubeckoj [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.palatask.ru/article-all/trubetskoy/provocation.html> (data obrashcheniya 17.11.2020).

¹ Материалы по итогам заседания Общественного и Консультативного советов Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/521833/?print=1> (дата обращения 17.11.2020).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

УДК 342.76

Организационно-правовые проблемы применения сотрудниками полиции законодательства по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (covid-19) (на примере Республики Крым)

Равнюшкин Алексей Викторович,
Крымский филиал Краснодарского университета
МВД России, кандидат исторических наук
e-mail: rav.kin@mail.ru; aravniushkin@mvd.ru

Признание распространения новой коронавирусной инфекции заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а также угрозой чрезвычайной ситуации выявило необходимость в организации деятельности сил и средств государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации и ее подсистем. В статье анализируются нормативные правовые акты, принятые как на федеральном, так и на региональном (Республика Крым) уровнях в связи с распространением новой угрозы, рассмотрены меры по организации деятельности органов внутренних дел Республики Крым в данных условиях.

Анализ действующего законодательства показал, что организованная на их основе деятельность сотрудников органов внутренних дел нуждается в совершенствовании нормативного регулирования. В частности, обосновывается внесение дополнений в Федеральный закон «О полиции».

Ключевые слова: новая коронавирусная инфекция; пандемия; предупреждение чрезвычайной ситуации; силы и средства государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций; изоляция; карантин.

Organizational and legal problems of police officers' applying legislation on tackling the spread of a new coronavirus infection (covid-19) (on the example of the Republic of Crimea)

Ravnushkin Alexey Viktorovich,
Crimean branch of the Krasnodar University
of the MIA of Russia, Candidate of Historical Sciences

The recognition of the spread of a new coronavirus infection as a disease that poses a danger to others, as well as a threat to an emergency situation, has revealed the need to organize the activities of the forces and means of the state emergency prevention and response system of the Russian Federation and its subsystems. The article analyzes the normative legal acts adopted both at the Federal and regional (the Republic of Crimea) levels in connection with the spread of a new threat. The measures to arrange the activities of the internal Affairs Agencies of the Republic of Crimea in these conditions are considered.

The analysis of current legislation has shown that the activities of Internal Affairs officers organized on their basis require the improvement of the regulatory framework. In particular, it is justified to the Federal law «On police» are required.

Key words: new coronavirus infection; pandemic; emergency prevention; forces and means of the state emergency prevention and response system; isolation; quarantine.

Современный этап развития Российской Федерации характеризуют реализация крупных и масштабных национальных проектов, развитие сопутствующей им инфраструктуры экономики, масштабная цифровизация страны, развитие информационно-коммуникационных технологий, строительство транспортной инфраструктуры различного назначения и другие стратегические направления. В то же время непрерывное усложнение технологической инфраструктуры, наличие в ее составе крупных производств с постоянно растущими объемами опасных отходов деятельности, угрозами воздействия экологически неблагоприятных и опасных факторов, сложных систем управления различных уровней увеличивают объективные предпосылки проявления сопутствующих технологических отказов, обусловленных человеческим фактором ошибок управления, приводят к возможности возникновения крупномасштабных чрезвычайных ситуаций техногенного характера. Не ослабевает опасное развитие чрезвычайных ситуаций природного характера. Однако в конце 2019 года мир столкнулся с новой угрозой.

Стремительное распространение в мире новой коронавирусной инфекции (COVID-19) фактически явилось вызовом и для Российской Федерации. 31 января 2020 г. Правительство Российской Федерации внесло в Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, новую коронавирусную инфекцию (2019-nCoV или COVID-19)¹. После 11 марта 2020 г., когда Всемирная организация здравоохранения признала вспышку данного заболевания пандемией, возникла необходимость в адекватном и оперативном реагировании на нее.

Угроза распространения нового опасного заболевания, носящая чрезвычайный характер, указывала на необходимость организации и проведения мероприятий прогнозирования и предупреждения возникновения такого рода чрезвычайных ситуаций, своевременного и адекватного реагирования привлекаемых сил и средств для обеспечения стабильного и устойчивого развития страны, максимально возможного снижения ущерба от чрезвычайных ситуаций и их последствий. Возникла потребность в дополнительном нормативно-правовом регулировании деятельности всей государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситу-

аций (далее – РСЧС), ее функциональных и территориальных подсистем для организации оперативного и эффективного реагирования на новую угрозу.

На региональном уровне в субъектах Российской Федерации в качестве территориальных подсистем РСЧС функционируют комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности субъектов Российской Федерации. После вхождения Крымского полуострова в состав Российской Федерации органами власти Республики Крым был издан целый пакет нормативных актов, организующих деятельность территориальной подсистемы РСЧС², в том числе соответствующей комиссии³.

Основная нагрузка по предупреждению и ликвидации данной угрозы чрезвычайной ситуации легла на субъекты Российской Федерации как территориальные подсистемы РСЧС. 17 марта 2020 г. с целью предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Республики Крым был введен режим функционирования «Повышенная готовность» для органов управления и сил территориальной подсистемы РСЧС в Республике Крым⁴. В данном указе давались предписания не только для органов управления и сил территориальной подсистемы, но и для граждан. Было запрещено проведение массовых мероприятий, а гражданам, прибывающим на территорию Республики Крым из стран (территорий), в которых зарегистрированы случаи коронавирусной инфекции, прописывалась обязанность сообщать сведения о месте и датах пребывания, а также совершать определенные действия при обнаружении первых признаков респираторной инфекции, соблюдать постановления главных государственных санитарных врачей о нахождении в режиме изоляции на дому (по

² Буткевич С. А. Чрезвычайное законодательство Республики Крым: состояние и пути совершенствования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2015. Т. 1 (67). № 4. С. 15–23.

³ О Комиссии Совета министров Республики Крым по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности [Электронный ресурс]: постановление Совета министров Республики Крым от 30 апреля 2014 г. № 82 // Правительство Республики Крым: официальный портал. URL: <https://rk.gov.ru/ru/docum:ent/show/196> (дата обращения: 21 сентября 2020 г.).

⁴ О введении режима повышенной готовности на территории Республики Крым Правительство Республики Крым [Электронный ресурс]: указ главы Республики Крым от 17 марта 2020 г. № 63-У // Правительство Республики Крым: официальный портал. URL: <https://rk.gov.ru/ru/document/show/20571> (дата обращения: 21 сентября 2020 г.).

¹ Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. №715 (в ред. от 31 января 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2004. № 49. Ст. 4916.

месту пребывания). МВД по Республике Крым было поручено осуществлять мероприятия по установлению местонахождения граждан, прибывших из неблагополучных территорий, соблюдения гражданами режимов изоляции в рамках мероприятий, предусмотренных санитарным законодательством.

Одновременно издавались нормативные акты, регламентирующие деятельность функциональной подсистемы РСЧС – МВД России и его территориальных органов. 17 марта 2020 года МВД России было издано распоряжение № 1/2851 «О комплексе дополнительных мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции». В МВД по Республике Крым была сформирована рабочая группа по сбору, обобщению и анализу информации о деятельности по предупреждению распространения COVID-19. Рабочая группа была призвана оказывать помощь территориальным органам по вопросам охраны общественного порядка в условиях развивающейся пандемии, в том числе в местах дислокации наблюдательных пунктов и лечебных учреждений, задействованных в карантинных мероприятиях, а также содействие Межрегиональному управлению Роспотребнадзора по Республике Крым и городу Севастополю по контролю за соблюдением гражданами карантинных ограничений.

В подразделениях МВД по Республике Крым выстраивалась организация деятельности в условиях режима повышенной готовности. 28 марта 2020 года в ходе ежедневного доклада о мерах по предотвращению распространения коронавирусной инфекции Министр внутренних дел по Республике Крым генерал-майор полиции П. Л. Каранда сообщил о предстоящем совещании с руководителями подчиненных территориальных подразделений, на котором был определен комплекс мероприятий по осуществлению контроля за соблюдением гражданами и должностными лицами требований вышеназванного указа главы Республики Крым¹. К непосредственному участию в мероприятиях по контролю за соблюдением гражданами ограничений, связанных с развитием пандемии, были привлечены, прежде всего, участковые уполномоченные полиции и наряды патрульно-постовой службы полиции. Планировалось, что сотрудники полиции будут принимать меры по установлению местонахождения лиц, прибывающих на территорию Республики Крым из стран или территорий с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, оформлять административные материалы по ст. 6.3 КоАП РФ за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и передавать их в Роспотребнадзор по подведомственности для рассмотрения вопроса о возбуждении дела об административ-

ном правонарушении. В дальнейшем к проверочным мероприятиям были привлечены фактически все сотрудники полиции территориальных органов МВД по Республике Крым на районном уровне. Кроме того, министром было заявлено о создании отдельной группы в количестве 100 сотрудников из числа аппарата Министерства, направляемой в подчиненные подразделения для проведения проверочных мероприятий.

Однако, несмотря на ряд принятых нормативных актов как федерального, так и регионального значения, функциональные и региональные (территориальные) подсистемы РСЧС, поведение граждан и должностных лиц в новых условиях нуждалось в дополнительном правовом регулировании. Применению органами управления и силами РСЧС каких-либо мер принуждения должна корреспондировать обязанность управляемых объектов, обеспечивающая реализацию властных предписаний. Праву органов управления и сил РСЧС требовать от граждан выполнения определенных указаний, направленных на предупреждение и ликвидацию чрезвычайной ситуации, должна соответствовать обязанность граждан и должностных лиц их выполнять.

1 апреля 2020 г. ст. 1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» была дополнена нормой, расширяющей понятие чрезвычайной ситуации. Последней признается и «распространение заболевания, представляющего опасность для окружающих»². В соответствии со ст. 19 рассматриваемого закона, 2 апреля 2020 г. Правительство Российской Федерации вынесло постановление, которым утверждались Правила поведения, обязательные для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации³.

Одновременно ст. 6.3 КоАП РФ была дополнена ч. 2, предусматривающей административную ответственность за те же действия, которые предусмотрены в ч. 1 данной статьи, но в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина), либо невыполнение в установленный срок выданного в указанные периоды законного предписания (постановления) или требования органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидеми-

² О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 23 июня 2020 г.) // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

³ Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации: постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 417 // СЗ РФ. 2020. № 15. Ст. 2274 (ч. IV).

¹ МВД будет контролировать соблюдение в Крыму ограничительных мер по коронавирусу [Электронный ресурс] // Новости Крыма. 2020. 28 марта. URL: <https://crimea-news.com/society/2020/03/28/629626.html> (дата обращения: 21 сентября 2020).

ологический надзор, о проведении санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий. Кроме того, данным законом КоАП РФ была дополнена ст. 20.6.1, часть первая которой предусматривает ответственность за невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации. В ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ был введен п. 18, предусматривающий составление протоколов об административных правонарушениях по ст. 20.6.1 КоАП РФ должностными лицами РСЧС, перечень которых был утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации. В данном перечне значатся должностные лица органов внутренних дел.

В соответствии с указами Президента Российской Федерации высшие должностные лица субъектов Российской Федерации осуществляли разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий, направленных на предупреждение распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). 2 апреля 2020 г. Указом главы Республики Крым № 91-У¹ был введен в действие подп. 11.2, обязывающий граждан не покидать место проживания (пребывания) за исключением определенных случаев.

Руководствуясь вышеперечисленными правовыми нормами, сотрудники полиции принимали меры по установлению местонахождения лиц, прибывающих на территорию Республики Крым из стран или территорий с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, связанной с распространением коронавирусной инфекции, а также осуществляли проверку по письменным обращениям, содержащим информацию о возможных нарушениях законодательства Российской Федерации в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, нарушения режима изоляции.

Соблюдая меры безопасности, сотрудники полиции проводили профилактические беседы по поводу соблюдения гражданами указанных ограничений, а в отношении граждан и должностных лиц, допустивших такие нарушения, составляли протоколы об административных правонарушениях. Как правило, по ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях составлялись на граждан за нарушение требований подп. 11.2 Указа главы Республики Крым № 63-У за оставление места проживания без уважительных причин. По данным административным делам районными судами принимались положительные решения².

¹ О внесении изменений в Указ главы Республики Крым от 17 марта 2020 г. № 63-У: указ главы Республики Крым от 2 апреля 2020 г. №91-У // Российская газета. 2020. 30 мая.

² Постановление Сакского районного суда Республики Крым от 22 апреля 2020 г. по делу №5-60/2020 91RS0018-01-2020-000997-54 в отношении Юнусова Р. З. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Do2QGmeUKALB> (дата обращения:

В то же время 10 апреля 2020 г. Законом Республики Крым № 64-ЗРК/2020 в Закон Республики Крым от 25 июня 2015 г. № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым» была введена ст. 7.3, вторая часть которой предусматривает ответственность за невыполнение гражданами требований нормативных правовых актов Республики Крым, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности, в том числе обеспечение режима самоизоляции. Данная норма позволяет правоприменителям привлекать граждан к административной ответственности за нарушение того же подп. 11.2 Указа главы Республики Крым № 63-У.

Начальная практика по привлечению граждан к административной ответственности за несоблюдение ограничительных мер по предупреждению дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции выглядела довольно активной: только за 15 апреля 2020 г. в Крыму сотрудниками полиции было составлено 208 протоколов³.

Следует обратить внимание на тот факт, что в первые дни после вступления в силу ч. 2 ст. 6.3 и ст. 20.6.1 КоАП РФ должностные лица органов внутренних дел не всегда точно квалифицировали совершенные гражданами административные правонарушения в рассматриваемой сфере общественных отношений. Как следствие, судьи выносили, по сути, неправомерные и незаконные решения. Например, определенный резонанс в обществе вызвала отмена Ленинским районным судом г. Уфы вынесенного 2 апреля 2020 г. мировым судьей г. Уфы постановления по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, т. к. за нахождение без уважительной причины в общественном месте лицо должны были привлечь по ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ⁴.

Другой пример из судебной практики. Согласно постановлению Октябрьского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края от 2 апреля 2020 г. гражданка О. «в нарушение установленных ограничительных мероприятий не находилась по адресу проживания (пребывания) в период карантина, введенного на территории Краснодарского края, в отсут-

21 сентября 2020); Постановление Евпаторийского городского суда Республики Крым от 17 апреля 2020 г. по делу № 5-127/2020 91RS0009-01-2020-001116-77 в отношении Соколовой Е. Б. [Электронный ресурс] // Судебные решения РФ. URL: <http://судебныерешения.рф/51808674> (дата обращения: 21 сентября 2020 г.).

³ В Крыму за полдня составили более 200 протоколов на нарушителей режима [Электронный ресурс] // Российская газета: интернет портал. URL: <https://rg.ru/2020/04/16/reg-ufo/v-krymu-za-poldnia-sostavili-bolee-200-protokolov-na-narushitelej-rezhima.html> (дата обращения: 21 сентября 2020 г.).

⁴ Беляков С. И. Разграничение норм административной ответственности, предусмотренных ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ и ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ [Электронный ресурс] // Центральный научный Вестник. 2020. Т. 5. № 7-10 (96–99). С. 31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42917286> (дата обращения: 21 сентября 2020 г.).

ствие уважительных причин либо наличия исключительных обстоятельств, указанных в Постановлении губернатора Краснодарского края от 31 марта 2020 г. № 185»¹. Указанное лицо следовало привлечь к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ, т. к. в отношении него не выносилось постановление о соблюдении мер карантина или изоляции.

Недопущению подобной ситуации в Крыму способствовала ежедневная трансляция по телевизионному каналу «Крым-24» заседания оперативного штаба по деятельности по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции и размещенное в сети Интернет разъяснение МВД по Республике Крым.

Точка в данном вопросе была поставлена в обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1². Из смысла раздела V Обзора следует, что нарушение требований Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, а также рассматриваемого подп. 11.2 необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ, а в случае нарушения подпункта 2.3 постановления Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 7 о выполнении требования по изоляции в домашних условиях, а также нарушение п. 4.3 Указа главы Республики Крым № 63-У, требующего выполнения постановления главных государственных санитарных врачей о нахождении в режиме изоляции на дому (по месту пребывания), – по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ. Норма ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ является специальной по отношению к ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ.

Однако проведенный детальный анализ нормативных правовых актов показал, что организация деятельности сотрудников органов внутренних дел как должностных лиц функциональной подсистемы РСЧС по предупреждению угрозы распространения новой коронавирусной инфекции до сих пор нуждается в совершенствовании правового регулирования.

¹ Постановление Октябрьского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края от 2 апреля 2020 г. по делу № 5-540/2020 (23RS0037-01-2020-001908-51) [Электронный ресурс] // Октябрьский районный суд г. Новороссийска. URL: https://novorossisk-oktybrsky--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=126928357&delo_id=1500001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 21 сентября 2020 г.).

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 г. [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28856/> (дата обращения: 21 сентября 2020 г.).

Во-первых, положения ч. 2 ст. 7.3 Закона Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» предусматривают ответственность в том числе за нарушение «режима самоизоляции». Понятие «самоизоляция» же предполагает, что лицо изолируется от окружающих самостоятельно и добровольно. Следует согласиться с мнением, что добровольная изоляция или самоизоляция предполагает право гражданина на принятие решения о самоизоляции или отказе от нее без каких-либо правовых последствий³. В то же время следует отметить, что применение понятий «изоляция» и «самоизоляция» вызывает у граждан недопонимание, т. к. ни в одном законе не предусмотрены. В ст. 1 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» дается лишь определение ограничительных мероприятий, то есть карантина.

Фактически в подп. 11.2 Указа главы Республики Крым № 63-У речь идет о необходимости соблюдения мер изоляции, распространяемых, по общему правилу, на всех граждан, т. к. данная норма не предусматривает вынесение гражданам индивидуальных (персональных) предписаний либо постановлений Роспотребнадзора о соблюдении режима изоляции или карантина. Кроме того, привлечение же граждан по данной статье за невыполнение требований нормативных правовых актов Республики Крым, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности на территории Республики, то есть подп. 11.2, является нецелесообразным ввиду налаженной практики привлечения граждан за данные нарушения по ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ. Более того, само положение ст. 7.3 регионального закона предполагает, что привлечение к административной ответственности по данной норме возможно в случае, если действия (бездействие) правонарушителя не влекут административной ответственности в соответствии с КоАП РФ. Отсюда наблюдается конкуренция правовых норм.

Во-вторых, установление сотрудниками полиции местонахождения лиц, прибывающих на территорию Республики Крым из стран или территорий с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, связанной с распространением пандемии, до настоящего времени Федеральным законом «О полиции», а также каким-либо ведомственным нормативным актом прямо не предусмотрено.

В-третьих, возникли проблемы по охране общественного порядка в местах дислокации наблюдательных пунктов и лечебных учреждений. На практике наряды патрульно-постовой службы полиции оказывали содействие должностным лицам Межрегионального управления Роспотребнадзора по Республике Крым и городу Севастополю в выполнении вынесенных в отношении граждан, прибывших из не-

³ Ефремова М. А., Шутова А. А., Никифорова А. А. Новеллы уголовного законодательства в условиях пандемии // Вестник Удмуртского университета: экономика и право. 2020. Т. 30. № 4. С. 543.

благополучных по коронавирусной инфекции стран и территорий и представляющих опасность для окружающих, постановлений главных государственных санитарных врачей муниципальных образований Республики Крым о госпитализации и медицинском наблюдении на 14 календарных дней в обсерваторах. Данные постановления вручались гражданам в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации, в том числе в Международном аэропорту г. Симферополя, а также при въезде на территорию Республики Крым автомобильным или железнодорожным транспортом.

Несмотря на то, что в самих постановлениях главных государственных санитарных врачей муниципальных образований как должностных лиц, осуществляющих государственный надзор (контроль), было прописано, что гражданам может грозить административная ответственность по ч. 1 ст. 19.4, ч. 1 ст. 19.5, а также по ст. 6.3 КоАП РФ в случае их невыполнения, в Республике Крым были зафиксированы неоднократные случаи отказа граждан от выполнения постановлений Роспотребнадзора о госпитализации и медицинском наблюдении в обсерваторах. Ввиду этого угроза распространения новой коронавирусной инфекции могла стать неконтролируемой. В ответ на отказ граждан муниципальные отделы Роспотребнадзора в Крыму были вынуждены в порядке, определяемом Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, подавать в суды административные иски о недобровольной госпитализации и медицинском наблюдении. 16 апреля 2020 г. решение о помещении в обсерватор было принято Ялтинским городским судом, 17 апреля – Красногвардейским судом и Раздольненским районными судами¹. При активном содействии сотрудников полиции органам Роспотребнадзора в выполнении вынесенных в отношении граждан судебных решений о госпитализации и медицинском наблюдении угрозу массового отказа граждан от следования в обсерваторы удалось нейтрализовать. Однако лица, которые отказывались от выполнения постановлений Роспотребнадзора, могли быть переносчиками инфекции и представлять угрозу для окружающих. Вместе с тем отказ лица, имеющего признаки заболевания, представляющего опасность для окружающих, от госпитализации и медицинского наблюдения по постановлению Роспотребнадзора может привести к нарушениям санитарно-эпидемиологических правил, влекущим по неосторожности массовое заболевание или отравление людей, либо созданию угрозы их наступления, то есть к совершению преступления по признакам ст. 236 УК РФ. Будет ли являться оправданным наделение органов, осуществляющих феде-

¹ Крымова Ю. Крымчан стали принудительно отправлять в обсерватор по решению суда [Электронный ресурс] // Интернет портал «Российской газеты». 2020. 18 апр. URL: <https://rg.ru/2020/04/18/reg-ufo/krymchan-stali-prinuditelno-otpravliat-v-observator-po-resheniiu-suda.html> (дата обращения: 21 сентября 2020 г.).

ральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, полномочиями по принятию решений по неотложной и недобровольной госпитализации (изоляции) таких лиц без санкции суда? Существует мнение, что необходим отдельный федеральный закон, полноценно регулирующий введение и действие режима повышенной готовности с его ограничительными мерами². По крайней мере, следует закрепить в законе право полиции на оказание содействия органам, осуществляющим федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, в доставлении по решению суда в обсерваторные пункты лиц, имеющих признаки заболевания, представляющего опасность для окружающих.

В то же время следует отметить, что формально сотрудники полиции не имеют право принудительно препровождать данных граждан в указанные учреждения по постановлению государственных санитарных врачей. В п. 35 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» ничего не сказано об оказании содействия органам Роспотребнадзора по принудительной госпитализации граждан. В настоящее время является неприемлемым в смысле соблюдения законности осуществление сотрудниками полиции принудительного доставления граждан в обсерваторные пункты без судебного решения.

Положения п. 14 ст. 13 Федерального закона «О полиции» также не наделяют полицию правом доставлять граждан в учреждения в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Кроме того, ст. 14 «Задержание» данного закона не предусматривает, что полиция вправе задерживать граждан, уклоняющихся от следования в обсерваторные пункты для медицинского наблюдения и лабораторных исследований, а также граждан, совершивших побег из данных учреждений. Не обязаны полицейские и оказывать содействия представителям Роспотребнадзора в проведении мероприятий по контролю за соблюдением указанными лицами установленных карантинных ограничений.

Несмотря на некоторые смягчения функционирования режима повышенной готовности, отмену для граждан общей изоляции, следует учитывать фактор существования риска нового всплеска эпидемии, необходимо данный пробел в законодательстве устранить. Считаю целесообразным п. 29 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» изложить в следующей редакции:

«29) участвовать в обеспечении режима военного положения, режима чрезвычайного положения и режима повышенной готовности, в случае их введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях».

Ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» дополнить пунктом следующего содержания:

² Гулакова В. Ю., Косторнов Н. С. Об организационно-правовых мерах борьбы с пандемией в России // Базис. 2020. № 1 (17). С. 28.

«оказывать содействие органам, осуществляющим федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, в доставлении по решению суда в обсерваторные пункты лиц, имеющих признаки заболевания, представляющего опасность для окружающих».

Часть 2 ст. 14 Федерального закона «О полиции» дополнить пунктом в следующей редакции:

«лиц, совершивших побег из обсерваторного пункта или скрывающихся от назначенной судом недобровольной госпитализации в такое учреждение, – до передачи их в обсерваторный пункт».

Библиографический список

1. Беляков С. И. Разграничение норм административной ответственности, предусмотренных ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ и ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ [Электронный ресурс] / С. И. Беляков // Центральный научный Вестник. – 2020. – Т. 5. – № 7-10 (96-99). – С. 31–34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42917286> (дата обращения: 21 сентября 2020 г.).

2. Буткевич С. А. Чрезвычайное законодательство Республики Крым: состояние и пути совершенствования / С. А. Буткевич // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2015. – Т. 1(67). – № 4. – С. 15–23.

3. Гулакова В. Ю. Об организационно-правовых мерах борьбы с пандемией в России / В. Ю. Гулакова, Н. С. Косторнов // Базис. Издательство: Российский университет кооперации, Мытищи. – 2020. – № 1 (17). – С. 26–29.

4. Ефремова М. А. Новеллы уголовного законодательства в условиях пандемии / М. А. Ефремова, А. А. Шутова, А. А. Никифорова // Вестник Удмуртского университета: экономика и право. – 2020. – Т. 30. – № 4. – С. 541–553.

5. Крымова Ю. Крымчан стали принудительно отправлять в обсерватор по решению суда [Электронный ресурс] / Ю. Крымова // Интернет портал «Российской газеты». – 2020. – 18 апр. – URL: <https://rg.ru/2020/04/18/reg-ufo/krymchan-stali-prinuditelno-otpravliat-v-observator-po-resheniiu-suda.html> (дата обращения: 21 сентября 2020 г.).

6. В Крыму за полдня составили более 200 протоколов на нарушителей режима [Электронный ресурс] // Российская газета: интернет портал. – URL: <https://rg.ru/2020/04/16/reg-ufo/v-krymu-za-poldnia-sostavili-bolee-200-protokolov-na-narushitelej-rezhima.html> (дата обращения: 21 сентября 2020 г.).

7. МВД будет контролировать соблюдение в Крыму ограничительных мер по коронавирусу [Электронный ресурс] // Новости Крыма: интернет-газета новостей Крыма. – 2020. – 28 марта. – URL: <https://crimea-news.com/society/2020/03/28/629626.html> (дата обращения: 21 сентября 2020 г.).

Библиографический список

1. Belyakov S. I. Razgranichenie norm administrativnoj otvetstvennosti, predusmotrennyh ch. 2 st. 6.3 KoAP RF i ch. 1 st. 20.6.1 KoAP RF [Elektronnyj resurs] / S. I. Belyakov // Central'nyj nauchnyj Vestnik. 2020. T. 5. № 7-10 (96-99). – S. 31–34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42917286> (data obrashcheniya: 21 sentyabrya 2020 g.).

2. Butkevich S. A. Chrezvychajnoe zakonodatel'stvo Respubliki Krym: sostoyanie i puti sovershenstvovaniya / S. A. Butkevich // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Yuridicheskie nauki». – 2015. – T. 1(67). – № 4. – S. 15–23.

3. Gulakova V. YU. Ob organizacionno-pravovyh merah bor'by s pandemiej v Rossii / V. YU. Gulakova, N. S. Kostornov // Bазis. Izdatel'stvo: Rossijskij universitet kooperacii, Mytishchi. – 2020. – № 1 (17). – S. 26–29.

4. Efremova M. A. Novelly ugovnogo zakonodatel'stva v usloviyah pandemii / M. A. Efremova, A. A. Shutova, A. A. Nikiforova // Vestnik Udmurtskogo universiteta: ekonomika i pravo. – 2020. – T. 30. – № 4. – S. 541–553.

5. Krymova YU. Krymchan stali prinuditel'no otpravlyat' v observator po resheniyu suda [Elektronnyj resurs] / YU. Krymova // Internet portal «Rossijskoj gazety». – 2020. – 18 apr. – URL: <https://rg.ru/2020/04/18/reg-ufo/krymchan-stali-prinuditelno-otpravliat-v-observator-po-resheniiu-suda.html> (data obrashcheniya: 21 sentyabrya 2020 g.).

6. V Krymu za poldnya sostavili bolee 200 protokolov na narushitelej rezhima [Elektronnyj resurs] // Rossijskaya gazeta: internet portal. – URL: <https://rg.ru/2020/04/16/reg-ufo/v-krymu-za-poldnia-sostavili-bolee-200-protokolov-na-narushitelej-rezhima.html> (data obrashcheniya: 21 sentyabrya 2020 g.).

7. MVD budet kontrolirovat' soblyudenie v Krymu ogranichitel'nyh mer po koronavirusu [Elektronnyj resurs] // Novosti Kryma: internet-gazeta novostej Kryma. – 2020. – 28 marta. – URL: <https://crimea-news.com/society/2020/03/28/629626.html> (data obrashcheniya: 21 sentyabrya 2020 g.).

Проблемы взаимодействия полиции с органами местного самоуправления и гражданами

Марковский Максим Сергеевич,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: sakh_rider_88@mail.ru

В статье затронуты вопросы эффективности взаимодействия полиции с органами местного самоуправления и гражданами. Рассматриваются мнения о необходимости наделения органов местного самоуправления муниципальных образований правом на создание самостоятельных подразделений, обеспечивающих функции охраны общественного порядка. Изучены имеющиеся законопроекты «О муниципальной милиции в Российской Федерации», внесенные в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Высказано собственное мнение относительно целесообразности создания данного муниципального органа.

Ключевые слова: охрана общественного порядка; общественная безопасность; взаимодействие; муниципальная милиция; муниципальная охрана.

Problems of police interaction with local authorities and citizens

Markovsky Maksim Sergeevich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law

The article deals with the effectiveness of police interaction with local authorities and citizens. The article considers the opinions on the need to give local governments of municipalities the right to create independent units that provide functions of protection of public order. The existing draft laws «On municipal police in the Russian Federation» submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation have been studied. Own opinion concerning expediency of creation of this municipal authority is expressed.

Key words: protection of public order; public safety; interaction; municipal militia; municipal protection.

На современном этапе развития общества существует острая необходимость укрепления законности и правопорядка на улицах и в других общественных местах городов, поселков и других населенных пунктов.

Несмотря на положительную динамику снижения преступности в общественных местах, ее уровень остается достаточно высоким. По информации, подготовленной Главным информационно-аналитическим центром МВД России, в 2019 г. в общественных местах было зарегистрировано 690 013 преступлений. На улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано 404 525 преступлений¹.

В условиях оптимизации численности сотрудников органов внутренних дел для поддержания на

должном уровне правопорядка на улицах и в иных общественных местах необходимо принятие мер по повышению эффективности деятельности сотрудников подразделений по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также поиску новых подходов в решении стоящей задачи.

В качестве такой меры выступает реализация одного из основополагающих принципов деятельности полиции – «взаимодействие и сотрудничество»².

Интересы граждан, как указывает Н. В. Щеголева, непосредственно переплетаются с органами правопорядка³. В связи с этим многие граждане проявляют активную позицию в данном направлении. О. Ю.

¹ Состояние преступности за 2019 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: file:///C:/Users/Sostoyanie_prestupnosti_yanvary-dekabry_2019.pdf.

² Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

³ Щеголева Н. В. Особенности правового регулирования процесса участия граждан в охране общественного порядка // Актуальные вопросы юридических наук: материалы Международ. науч. конф. Челябинск, 2012.

Мельникова считает, что значительное число россиян демонстрируют свою заинтересованность в деле обеспечения общественного порядка и готовы в случае необходимости придти на помощь органам внутренних дел¹. Соглашаясь с ее мнением, приведем несколько подтверждающих примеров.

Ярким примером успешного взаимодействия между нарядами полиции и гражданами является событие, произошедшее в г. Михайловске Ставропольского края.

В Отдел МВД России по Шпаковскому району поступило сообщение об угоне автотранспортного средства. Заявитель попытался догнать нарушителя и на соседней улице обнаружил свой автомобиль со следами аварии. Угонщик не справился с управлением, допустил наезд на забор и скрылся. На место аварии незамедлительно был направлен наряд полиции. Сотрудниками была установлена личность угонщика, после чего на поиски преступника были ориентированы все наряды, а также опрошены свидетели и очевидцы. Благодаря содействию граждан, заключающемуся в предоставлении сотрудникам информации о произошедшем преступлении, а также профессиональным и слаженным действиям соседних нарядов полиции злоумышленник был задержан по «горячим следам»².

В сфере охраны общественного порядка, как считает И. В. Иванов, первоочередной проблемой, требующей изучения, является взаимодействие полиции с органами государственной власти³.

Автор отмечает, что основная сложность заключается в отсутствии эффективного механизма для реализации данной функции, объясняя это формальным подходом органов местного самоуправления к вопросам охраны общественного порядка и сведением взаимодействия к общественному контролю государственных органов над деятельностью органов внутренних дел, что не соответствует потребностям в условиях сокращения численности строевых подразделений полиции.

Проведенная реформа МВД не решила проблем в области охраны общественного порядка, а, напротив, усугубила ситуацию. В крупных городах стала остро ощущаться нехватка сотрудников патрульно-постовой и дорожно-патрульной службы, а в небольших

населенных пунктах – участковых уполномоченных полиции, на обслуживании каждого из которых приходится по несколько отдаленных друг от друга населенных пунктов. В результате значительная часть населения осталась не охваченной сотрудниками полиции, что привело к снижению скорости реагирования на совершаемые административные правонарушения и преступления. Граждане перестали ощущать защищенность, т. к. присутствие сотрудников полиции на улицах существенно сократилось. Кроме того, эффективность правоохранительной деятельности снижается ввиду того, что граждане определяют полицию только как орган принуждения⁴.

Недостаточный уровень общественного порядка, совершение резонансных преступлений также ухудшают отношение населения к ведомству, вызывают волну недовольства и недоверия, что в конечном счете может привести к несанкционированным митингам и, что еще хуже, массовым беспорядкам.

В качестве примера можно указать случай, произошедший в центре Сургута 19 августа 2017 года, когда преступник, вооруженный ножом и топором, имевший при себе муляж взрывного устройства, поджег торговый центр, после чего учинил ряд нападения, в результате которых пострадали 7 человек⁵.

Данный случай вновь актуализировал ранее поднимавшийся жителями города вопрос обеспечения безопасности граждан. Был проведен ряд митингов, а в социальных сетях активно обсуждались возникшие проблемы. Население требовало от муниципальных властей мер по укреплению уровня безопасности и общественного порядка, предлагая создать отряды общественной и национальной самообороны.

Членами общественных организаций ветеранов локальных военных конфликтов Ханты-Мансийского автономного округа – Югра, межрегиональной общественной организации инвалидов и ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Содружество» и Сургутского городского отделения Ханты-Мансийского окружного отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство», а также бывшими и действующими сотрудниками правоохранительных органов округа было отмечено, что местные власти бессильны в решении стоящих задач, т. к. согласно действующему законодательству, фактически лишены возможности влиять на состояние общественного порядка. Использование для охраны порядка различных «полицейских суррогатов» вроде добровольных народных дружин, по их мнению, мера абсолютно бесполезная, поскольку у данных формирований нет практически никаких правовых полномо-

¹ Мельников О. Ю. Административно-правовое регулирование участия граждан Российской Федерации в охране общественного порядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

² Сотрудники полиции задержали по «горячим следам» подозреваемого в совершении двух угонов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Главного управления МВД России по Ставропольскому краю. URL: <https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/1080980>.

³ Иванов И. В. Взаимодействие органов внутренних дел и органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка: состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. Вып. 2 (24). С. 30.

⁴ Егошин И. В. Формирование защитной компетенции у курсантов образовательного учреждения МВД России с помощью комплекса проблемно-тренинговых занятий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2013. С. 3.

⁵ Неизвестный напал с ножом на прохожих в центре Сургута [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/4492535>.

мочий даже против мелких правонарушителей, а в ситуациях столкновения с агрессивными группами или вооруженными правонарушителями такие «дружинники» скорее сами станут жертвами, чем защитят окружающих. В сложившейся обстановке единственной эффективной мерой является наделение органов местного самоуправления муниципальных образований правом на создание муниципальной полиции, обладающей основными полицейскими правами в части обеспечения общественного порядка и общественной безопасности в границах муниципальных образований. Основная идея заключается в том, что муниципальная полиция не призвана заменить собой правоохранительные органы, ее задача – дополнить и усилить возможности полиции в части обеспечения общественного порядка и общественной безопасности на территории обслуживания. Муниципальная полиция при этом должна создаваться решением органов местного самоуправления муниципального образования, находиться в его оперативном подчинении и содержаться полностью за счет средств местного бюджета¹.

В рамках работы над данной инициативой вышеуказанным авторским коллективом был разработан проект федерального закона «О муниципальной полиции в Российской Федерации» и ряд других нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы ее деятельности.

Ранее схожую позицию по данному вопросу высказал И. В. Иванов. Автор предлагает создание принципиально нового органа – «Муниципальной охраны», осуществляющего функции охраны общественного порядка, в том числе на договорной основе. И. В. Иванов считает, данное нововведение повысит уровень правопорядка и позволит не только снизить затраты муниципального образования на услуги частных охранных компаний, но и создаст условия для поступления в бюджет дополнительных денежных средств², с чем вряд ли можно согласиться.

Следует отметить, что подобные предложения дважды вносились в Государственную Думу Федерального Собрания РФ в виде проектов Федерального закона «О муниципальной милиции в Российской Федерации» от 14 октября 2014 г. № 621910-б³ и от 5 октября 2016 г. № 385-7⁴.

Основная цель разработки данных законопроектов заключалась в демонополизации функций полиции в области обеспечения охраны общественного порядка путем создания автономных муниципальных органов и повышения уровня безопасности граждан.

Оба законопроекта были критически оценены и в конечном итоге отклонены Правительством РФ ввиду необоснованного расширения компетенций органов местного самоуправления, выходящих за пределы охраны общественного порядка. Также согласно финансово-экономическому обоснованию рассматриваемого проекта создание и функционирование муниципальной милиции требовало дополнительного финансирования из средств федерального бюджета, что противоречит установленным ст. 30 и 31 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ принципам разграничения полномочий между органами публично-правовой власти и самостоятельности региональных бюджетов.

Следует отметить, что существующие законопроекты, касающиеся создания муниципальной милиции и подобных органов, не адаптированы к складывающейся экономической ситуации, имеют, на наш взгляд, утопичный характер, и абсолютно не рациональны в современных условиях.

Таким образом, в рамках принимаемых Правительством РФ мер по оптимизации бюджетного финансирования и сокращению в связи с этим численности органов внутренних дел говорить о создании принципиально нового органа, требующего дополнительных затрат, абсурдно и нецелесообразно. Для выдвижения подобных инициатив необходимо в первую очередь оценивать не гипотетическую эффективность, а возможность их реализации на основе анализа социально-экономической ситуации, складывающейся в стране.

Представляется, что в настоящее время нужно осуществлять меры по повышению эффективности ныне действующих органов правопорядка путем оптимизации их организационно-штатного построения, а не тщетно принимать попытки в создании новых, дублирующих функции полиции и требующих значительных затрат.

Библиографический список

1. Егошин И. В. Формирование защитной компетенции у курсантов образовательного учреждения МВД России с помощью комплекса проблемно-тренинговых занятий: автореф. дис. ... канд. пед. наук / И. В. Егошин. – Казань, 2013.
2. Иванов И. В. Взаимодействие органов внутренних дел и органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка: состояние и перспективы / И. В. Иванов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – Вып. 2 (24). – С. 30–35.
3. Мельников О. Ю. Административно-правовое регулирование участия граждан Российской Федера-

¹ Муниципальная полиция – общественная инициатива [Электронный ресурс]. URL: <https://www.municipal-police.ru>.

² Иванов И. В. Указ соч. С. 33.

³ Проект федерального закона «О муниципальной милиции в Российской Федерации» № 621910-6 (по сост. на 14.10.2014) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <http://asozd.duma.gov.ru>.

⁴ Проект федерального закона № 385-7 «О муниципальной милиции в Российской Федерации» (по сост. на 05.10.2016) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <http://asozd.duma.gov.ru>.

ции в охране общественного порядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Ю. Мельников. – М., 2009.

4. Муниципальная полиция – общественная инициатива [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.municipal-police.ru>.

5. Неизвестный напал с ножом на прохожих в центре Сургута // Сайт информационного агентства ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/4492535>.

6. Сотрудники полиции задержали по «горячим следам» подозреваемого в совершении двух угонов. Официальный сайт Главного управления МВД России по Ставропольскому краю [Электронный ресурс]. – URL: <https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/1080980>.

7. Щеголева Н. В. Особенности правового регулирования процесса участия граждан в охране общественного порядка / Н. В. Щеголева // Актуальные вопросы юридических наук: материалы Международ. науч. конф. – Челябинск, 2012. – С. 21–24.

Bibliograficheskiy spisok

1. Egoshin I. V. Formirovanie zashchitnoj kompetencii u kursantov obrazovatel'nogo uchrezhdeniya MVD Rossii s pomoshch'yu kompleksa problemno-treningovyh zanyatij: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / I. V. Egoshin. – Kazan', 2013.

2. Ivan'kov I. V. Vzaimodejstvie organov vnutrennih del i organov mestnogo samoupravleniya v sfere ohrany obshchestvennogo poryadka: sostoyanie i perspektivy / I. V. Ivan'kov // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2013. – Vyp. 2 (24). – S. 30–35.

3. Mel'nikov O. YU. Administrativno-pravovoe regulirovanie uchastiya grazhdan Rossijskoj Federacii v ohrane obshchestvennogo poryadka: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / O. YU. Mel'nikov. – М., 2009.

4. Municipal'naya policiya – obshchestvennaya iniciativa [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.municipal-police.ru>.

5. Neizvestnyj napal s nozhom na prohozhih v centre Surguta // Sajt informacionnogo agentstva TASS [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/4492535>.

6. Sotrudniki policii zaderzhali po «goryachim sledam» podozrevaemogo v sovershenii dvuh ugonov. Oficial'nyj sayt Glavnogo upravleniya MVD Rossii po Stavropol'skomu krayu [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/1080980>.

7. SHCHegoleva N. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya processa uchastiya grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka / N. V. SHCHegoleva // Aktual'nye voprosy yuridicheskikh nauk: materialy Mezhdunarod. nauch. konf. – CHelyabinsk, 2012. – S. 21–24.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

УДК 34

Основные направления стратегий развития искусственного интеллекта в медицине: гонка за первенство и правовые риски

Черных Евгения Евгеньевна,
Нижегородская академия МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: echernykh10@mvd.ru

В статье рассмотрены основные стратегии развития искусственного интеллекта в странах, занимающих ведущее положение в экономике (Япония, Китай, США и Великобритания). Особое внимание обращено на стратегии в области медицины, проанализированы основные достижения в указанной сфере. Помимо этого, автором рассмотрены основные риски, которые возникают при применении важнейших достижений искусственного интеллекта в медицине, а именно распространение персональных данных, применение права интеллектуальной собственности, причинение вреда пациенту.

Ключевые слова: искусственный интеллект в медицине; основные направления применения искусственного интеллекта в медицине; стратегия развития искусственного интеллекта; правовые риски.

The main directions of strategies for the development of artificial intelligence in medicine: the race for primacy and legal risks

Chernykh Evgeniya Evgenievna,
Nizhny Novgorod Academy Ministry of Internal Affairs of
Russia, Candidate of Law, Associate Professor

The article examines the main strategies for the development of artificial intelligence in countries that occupy a leading position in the economy (Japan, China, USA and Great Britain). Special attention is paid to strategies in the field of medicine, the main achievements in this area are analyzed. In addition, the author considers the main risks that arise when using the most important achievements of artificial intelligence in medicine, namely the dissemination of personal data, the application of intellectual property rights, and harm to the patient.

Key words: artificial intelligence in medicine; main directions of application of artificial intelligence in medicine; strategy for the development of artificial intelligence; legal risks.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) происходит от английского artificial intelligence – свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека. Впервые указанное определение обозначено Джоном Маккарти в 1956 г. на конференции в Дартмутском университете в рамках Дартмутского семинара. В английском языке словосочетание artificial

intelligence не имеет того значения, которое имеет понятие «интеллект» в традиционном русском переводе. Intelligence в используемом контексте означает, скорее, «умение рассуждать разумно». Существующий толковый словарь по искусственному интеллекту определяет его как научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи аппаратного или программного моделирования тех видов челове-

ческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными¹. Несомненно, что искусственный интеллект может быть использован в различных отраслях. Прежде всего, это финансы, промышленность, транспорт, развлечения и, конечно, медицина. Искусственный интеллект в медицине использует алгоритмы и программное обеспечение для анализа и систематизации человеческих знаний при наличии сложных медицинских данных. Основной целью приложений, связанных со здоровьем человека, является анализ взаимосвязи между методами профилактики или лечения и результатами лечения пациентов².

Основными направлениями использования искусственного интеллекта в медицине являются:

- анализ данных о пациенте (в том числе и генетических);
- диагностика;
- мониторинг состояния пациента;
- фармакология;
- оптимизация документооборота.

В настоящее время начинается гонка первенства стран за преобладание на рынке искусственного интеллекта, в том числе и в медицине. Несомненно, что передовыми державами в указанном направлении будут США, Япония, Китай, часть европейских государств, в том числе и Великобритания.

Китай открыто объявил о том, что собирается возглавить указанное направление во всем мире. Создан трехэтапный план, где до 2020 г. предусмотрено довести индустрию ИИ в Китае до уровня основных конкурентов, к 2025 г. достичь ведущих мировых позиций, а к 2030 г. возглавить мировое направление в области ИИ. К началу 2020 г. более 130 медицинских компаний внедрены в программу распространения искусственного интеллекта. По данным исследователей, медицинские платформы, работающие на основе искусственного интеллекта, научились ставить диагнозы с точностью до 85 %, а также назначать лечение онкологическим больным. В 96 % случаев предписания ИИ совпадают с курсом, который выписывает пациенту врач³. Помимо этого, 78 % медицинских учреждений Китая уже используют или планируют использовать ИИ в работе. Основным направлением использования искусственного интеллекта является диагностика, проводимая на основе анализа имеющихся данных (МРТ, рентген). Таким образом, Китай создает самую большую базу медицинских данных в мире. В перспективе стоит создание базы на 1,3 миллиардов пациентов. Помимо этого, ИИ упростит документооборот.

В настоящий момент в Китае активно внедряется система «Ватсон для онкологов». Указанная система анализирует данные диагностики онкологического и на-

значает ему лечение. Однако «Ватсон» не применим в тех случаях, когда онкология не изменяется под воздействием лекарств.

Помимо этого, активно используются интернет-клиники, которые восполняют нехватку врачей (в Китае на 1000 пациентов приходится только 1,5 врача). Ежедневное консультирование оказывается более пяти тысячам пациентов.

В настоящее время основные медицинские усилия сконцентрированы на борьбе с коронавирусной инфекцией. Ресурсы искусственного интеллекта не являются исключением. Прежде всего, в Китае разработана система анализа медицинских изображений с помощью ИИ. Большое количество данных у пациентов не позволяет точно диагностировать пневмонию на основе компьютерной томографии. Новая система анализа может автоматически генерировать точные результаты количественного анализа для одного пациента и значительно повысить эффективность диагностики. Помимо этого, в Китае разработано мобильное приложение, которое, оценивая риск заражения коронавирусной инфекцией, на основании внесенных данных дает основные рекомендации гражданину. Кроме того, компания Alibaba разработала систему по бесконтактному определению людей с повышенной температурой тела, что, в свою очередь, может обезопасить человека от возможного заражения, и услугу дистанционной бесплатной врачебной консультации. Академия наук Китая в настоящее время разрабатывает робота, который будет брать анализ на коронавирусную инфекцию.

В **Японии** также разработана национальная стратегия ИИ, в соответствии с которой был создан Стратегический совет по технологиям. Согласно указанной Стратегии расширение возможностей ИИ будет осуществляться в три этапа: использование и применение ИИ-решений, основанных на данных; общественное использование ИИ и данных, разработанных в различных областях; создание экосистем, построенных путем соединения множества проблемных отраслей. Применение ИИ в Японии направлено на три сферы – производительность, здоровье и мобильность.

Аналогично Китаю в Японии также существует проблема нехватки врачей, в связи с этим японское правительство объединится с учеными и технологическими компаниями для создания больниц, оснащенных искусственным интеллектом. Согласно плану, о котором сообщает Nikkei Asian Review, на эти цели будет выделено более \$100 млн. Десять ИИ-больниц должны появиться уже к концу 2022 г. Основная цель использования искусственного интеллекта в медицине Японии – это выполнение текущей работы, связанной с заполнением истории болезни, постановкой диагноза на основании данных МРТ, взятием анализов. Это существенно разгрузит врачей, что, в свою очередь, создаст им возможность составить программы лечения.

¹ Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М., 1992.

² URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/_note-1.

³ URL: <https://incrusia.ru/news/iskusstvennyj-intellekt-stanet-assistentom-vrachej-vo-vseh-bolnitsah-kitaya>.

При этом в Японии уже имеется положительный опыт использования указанной программы. Компьютер поправил диагноз врачей, благодаря чему была спасена жизнь пациента с редкой формой лейкемии. Помимо этого, Японией разработана программа, способная определить рак кишечника буквально за мгновение. Программа работает с увеличенными эндоскопическими снимками колоректальной аденомы – доброкачественной опухоли, которая впоследствии может превратиться в рак. Для обучения ИИ ученые использовали свыше 30 тысяч подобных изображений¹. В ходе решающего теста программой проверено более 300 изображений пациентов, при этом точность диагноза составила 94 процента. Целью использования данной программы является достижение 100-процентной точности постановки диагноза и исключение человеческого фактора при его постановке.

Великобритания выступает лидером Европы по развитию ИИ. В Великобритании существует промышленная стратегия, в рамках которой в 2018 г. выпущена Сделка по сектору ИИ. Главной целью является создание в Великобритании мирового центра использования ИИ. Инвестиции в указанное направление составляют более 300 миллионов фунтов стерлингов. В рамках расширения программы ИИ предусмотрено открытие Центра этики данных и инноваций.

В 2018 г. Комиссия по выборам в Палате лордов опубликовала отчет под названием «ИИ в Великобритании: готовый, желающий и способный». Этот документ стал итогом анализа достижений в указанной сфере.

Одновременно с этим документом исследовательская организация «Reform» выпустила отчет «Thinking on it sown: AI in the NHS»², а именно «Искусственный интеллект в национальной системе здравоохранения Великобритании: что мы об этом думаем». Указанная организация является независимым объединением ученых, главной целью деятельности которых является поиск лучших способов оказания услуг населению в различных сферах.

Основными целями использования ИИ в здравоохранении Великобритании выступают оздоровление населения (анализ физиологических показателей людей), профилактика заболеваний (определение взаимозависимостей у пациентов, имеющих одно заболевание, и использование этой информации для превенции), повышение качества обслуживания пациента, улучшение познавательных способностей (обработка научной литературы по различным медицинским направлениям), усовершенствование диагностики (анализ данных пациента), лечение (хирургия, лечение психических отклонений), сокращение расходов на лечение.

¹ URL: <https://novate.ru/blogs/071117/43601>.

² URL: <http://www.reform.uk/publication/thinking-on-its-own-ai-in-the-nhs>.

При этом в отчете указывается, что эффективное внедрение ИИ в здравоохранение Великобритании может быть осуществлено за счет повышения доверия к нему как со стороны медицинских работников, так и со стороны пациентов. Это может быть достигнуто путем повышения эффективности использования ИИ в наиболее сложных сферах, повышения удобства использования ИИ, повышения доступности использования.

США, в отличие от других стран, не имеет единой стратегии в области использования искусственного интеллекта. В период президентства Б. Обамы было подготовлено три доклада с конкретными рекомендациями применения ИИ. Трамп выбрал путь взаимодействия с представителями промышленности и научных кругов, определив 4 основные цели: поддерживать американское **лидерство** в ИИ, поддерживать американского рабочего, продвигать общественные исследования и разработки, устранить препятствия для инноваций. В связи с этим был создан Комитет по ИИ.

Что же касается медицинской сферы, то в декабре 2017 г. группа ведущих американских технологических ученых JASON по заказу Агентства исследований и оценки качества медицинской помощи опубликовала отчет «Искусственный интеллект для здоровья и здравоохранения». JASON – независимая группа ученых, которая по заявке федерального правительства Соединенных Штатов Америки консультирует по вопросам науки и техники. На основе указанного доклада приоритетными направлениями использования ИИ в медицине являются диагностика состояния здоровья, распространение устройств и приложений для сбора данных и анализа, накопление медицинских данных.

Подтверждая значимость применения ИИ, в том числе в сфере медицины, наиболее развитые экономически государства разработали самостоятельные концепции. По данным исследовательской компании Venture Scanner, разработки в сфере ИИ здравоохранения ведут более 2 тыс. компаний по всему миру. В настоящее время на мировом рынке существует четыре лидера в области медицинского ИИ. Компания iCarbonX – платформа для сбора и обработки информации о пациентах (привлекла \$199,5 млн). Benevolent.AI – компания, которая занимается разработкой ИИ-решений для медицинских исследований (привлекла \$100 млн). Babylon health – телемедицинская платформа (привлекла \$25 млн инвестиций). Zebra Medical Vision – анализ видео- и изображений для медицинских целей.

Целями их применения выступают сокращение недостатка числа медиков, повышение качества диагностики, использование более быстрого анализа данных, упрощение документооборота, использование новых возможностей в лечении. Несомненно, что искусственный интеллект в здравоохранении может полностью переформатировать указанную отрасль и организовать ее в лучшую сторону.

Но, несмотря на огромное количество положительных аспектов применения искусственного интеллекта, существует ряд правовых рисков его использования.

Основой для использования ИИ является обработка массива данных, это позволяет системе совершенствоваться. В свою очередь, это создает угрозу неправомерного использования персональных данных. Персональные данные обладают особым правовым статусом ввиду потенциальной возможности наступления особо негативных последствий для субъекта при нарушении условий их обработки.

Особое место среди проблем применения ИИ занимают правосубъектность и правовой статус объектов, сформированных искусственным интеллектом. Вопрос интеллектуальной собственности не проработан в настоящее время не только в Российской Федерации, но в зарубежных странах.

Помимо этого, искусственный интеллект может быть использован преступными группами для совершения преступлений против личности. Подобные случаи в мировой практике уже были. Так, в 2016 г. в США пациент скончался в результате введения автоматической программой подачи лекарств смертоносного состава. Программистом была взломана система, в результате чего был достигнут преступный умысел¹.

И это лишь верхушка айсберга рисков применения ИИ в медицине. Несомненно, что грамотное правовое регулирование данной сферы, а также использование передового опыта зарубежных государств позволят избежать причинения вреда правоохраняемым интересам.

Библиографический список

1. Аверкин А. Н. Толковый словарь по искусственному интеллекту / А.Н. Аверкин, М. Г. Гаазе-Рапопорт, Д. А. Пospelov. – М., 1992.
2. Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности / Ю. В. Грачева, А. А. Арямов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 169–178.

Bibliograficheskij spisok

1. Averkin A. N. Tolkovyj slovar' po iskusstvennomu intellektu / A.N. Averkin, M. G. Gaaze-Rapoport, D. A. Pospelov. – M., 1992.
2. Gracheva YU. V., Aryamov A. A. Robotizaciya i iskusstvennyj intellekt: ugovovno-pravovye riski v sfere obshchestvennoj bezopasnosti / YU. V. Gracheva, A. A. Aryamov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2020. – № 6. – S. 169–178.

¹ См.: Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 169–178.

Вопросы защиты социальных прав государственных служащих органов и организаций прокуратуры Российской Федерации

Дианова Ирина Васильевна,
Уральский государственный юридический
университет
e-mail: pivot@bk.ru

Шайхатдинов Владимир Шамильевич,
Уральский государственный юридический
университет, доктор юридических наук, профессор
e-mail: professor-ekb@yandex.ru

В данной статье рассматриваются вопросы защиты социальных прав государственных служащих органов и организаций прокуратуры РФ. Одним из главных элементов правового статуса государственных служащих органов и организаций прокуратуры являются государственные гарантии (в том числе материальное и социальное обеспечение указанных лиц). Иногда социальные права данных лиц нарушаются. В статье проведен анализ судебной практики и предлагаются изменения в действующее российское законодательство.

Ключевые слова: защита прав; охрана прав; государственные служащие органов и организаций прокуратуры; социальная защита государственных служащих органов и организаций прокуратуры; государственная служба иных видов.

Issues of social rights, the civil servants of the bodies and organizations of prosecutor's office of the Russian Federation

Dianova Irina Vasil'evna,
Ural State Law University

Shaikhatdinov Vladimir SHamil'evich,
Ural State Law University, Doctor of Law, Professor

This article deals with the protection of social rights of state employees of the Prosecutor's office of the Russian Federation. One of the main elements of the legal status of state employees of Prosecutor's offices and organizations is state guarantees (including material and social security of these persons). Sometimes the social rights of these individuals are violated. The article analyzes judicial practice and suggests changes to the current Russian legislation.

Key words: protection of rights; protection of rights; civil servants of bodies and organizations of the Prosecutor's office; social protection of civil servants of bodies and organizations of the Prosecutor's office; public service of other types.

Защита социальных прав государственных служащих органов и организаций прокуратуры – одна из задач Российской Федерации как социального государства.

В российской правовой теории обосновано, что право выполняет две функции: регулятивную и охранительную¹. В связи со сказанным выше далее необ-

ходимо рассмотреть содержание таких понятий, как «охрана прав» и «защита прав» и соотношение указанных понятий. В российском законодательстве и в науке теории права нет четкого определения данных понятий, поэтому необходимо рассмотреть различные точки зрения на них.

Понятие «защита» рассматривается в юридической науке с различных сторон. Оно сложно для по-

¹ См.: Теория государства и права: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / В. Д. Перевалов. М., 2017.

С. 122–123.

нимания по своей сути, механизму действия, формам проявления, средствам и способам реализации¹.

Понятие «защита прав» определяют в различных аспектах, как в законодательстве, так и в научной литературе. В научной литературе существуют различные точки зрения на это понятие².

Существует несколько подходов к пониманию защиты прав. Рассмотрим их более подробно. Некоторые ученые исследуют «защиту прав как совокупность мер, направленных исключительно на восстановление и устранение препятствий в реализации права»³. Представляется, что эта точка зрения носит слишком общий характер, так как в ней не учитывается конкретно, что за препятствия возникли в процессе реализации права. В то же время положительным здесь является то, что речь идет об устранении препятствий в реализации права. Нет также связи с охраной прав. Другие ученые предлагают включить в содержание защиты прав «меры правоохранительного характера»⁴. Данная позиция, скорее всего, объясняет содержание охраны прав, а не защиты прав. Кроме этого, существует еще одна точка зрения на данное понятие. Она определяет защиту прав «как деятельность соответствующих органов по реализации прав»⁵. Такая точка зрения тоже не может претендовать на исчерпывающее содержание понятия «защита прав».

Далее необходимо соотнести понятия «защита прав» и «охрана прав». Рассмотрим более подробно. П. В. Анисимов и Н. В. Папичев «указывают на недопустимость смешения данных понятий»⁶. Вместе с тем эти авторы отмечают такие общие черты данных понятий, как конечная направленность их функционального предназначения и содержание – организацион-

но-правовые средства осуществления. Аналогичная позиция и у В. С. Шадрина, который утверждает, что «охрана и защита – это разные аспекты обеспечения прав личности»⁷. С. Н. Кожевников определяет «охрану как установление общего правового режима, а защиту – те меры, которые предпринимаются в случаях, когда права нарушены или оспорены»⁸, и с ним также нельзя не согласиться.

Конституция РФ содержит следующие нормы, относящиеся к охране и защите прав государственных служащих органов и организаций прокуратуры. Это ст. 7, 17, 37, 38, 39, 41, 45, 46⁹ и др.

Если в ст. 7, 17, 37, 38, 39 и 41 речь идет об основных правах российских граждан, в том числе о социальных правах, то в ст. 45 и 46 закреплены положения о защите прав. Законодательная власть обеспечивает эффективную нормативную базу, в том числе по социальным вопросам. Исполнительная власть, с одной стороны, детализирует законодательные положения в социальной сфере, с другой же – создает соответствующие структуры, предоставляющие гражданам различные меры социальной защиты. Судебная власть осуществляет защиту прав лиц, обратившихся за защитой их прав в судебные органы. Ст. 46 Конституции РФ включает положения о возможности судебной защиты прав. Согласно ст. 80 Конституции РФ Президент РФ является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. Ст. 125 Конституции РФ регулирует защиту прав граждан в конституционном правосудии. В ст. 103 предусмотрена должность Уполномоченного по правам человека, действующего в соответствии с федеральным конституционным законом. Согласно ст. 129 Конституции РФ Прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Изложенные выше конституционные положения о защите прав, способах, мерах и средствах защиты касаются всех российских граждан, в том числе тех, которые осуществляют свою деятельность в органах и организациях прокуратуры.

Для того чтобы более подробно изучить поставленные нами вопросы следует проанализировать содержание таких понятий как «форма защиты прав», «способы защиты прав» и «средства защиты прав».

⁷ См.: Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997. С. 42.

⁸ Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 4–5.

⁹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»; Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации; Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / под ред. Ю. А. Дмитриева. М., 2009. С. 202; Жуйков В. М. Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. М., 1997. С. 26 и др.

¹ См.: Снежко О. А. Защита социальных прав граждан: теория и практика: моногр., 2013. С. 8.

² Применительно к трудовому праву см., например: Нестерова Т. А. Защита трудовых прав в России: юридическая сущность и приоритетная роль государственных органов: дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь, 2005; Сапфинова А. А. Защита трудовых прав и законных интересов работников органами государственного надзора и контроля: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009; и др. Применительно к праву социального обеспечения см.: Гусев А. Ю. Судебная защита права российских граждан на социальное обеспечение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.; Говорухина Е. Ю. Применение норм права социального обеспечения: вопросы теории и практики: моногр. Екатеринбург, 2010; Ерофеева О. В. Защита прав граждан на пенсионное обеспечение: моногр. М., 2013; и др.

³ См.: Банников Г. Н. Проблемы реализации права граждан на судебную защиту в Российской Федерации (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

⁴ См.: Стремоухов А. В. Правовая защита человека М., 2006.

⁵ См.: Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М., 2005.

⁶ См.: Анисимов П. В., Папичев Н. В. Правовое регулирование защиты прав человека. Волгоград, 2003. С. 33–34.

Под формой защиты прав понимается вид юридической деятельности, в рамках которого осуществляется защита прав и свобод граждан¹. Что касается классификации форм защиты, то следует различать управленческую, непосредственную, общественную и иные формы. Управленческая форма охватывает деятельность вышестоящих органов и организаций, осуществляющих социальную защиту граждан, по защите их прав в данной сфере. Непосредственная форма защиты включает защиту прав граждан в рамках органов и организаций, куда они обратились по вопросам предоставления им меры социальной защиты (социального обеспечения). Общественная форма защиты характеризуется деятельностью специально созданных общественных органов. В социальной сфере к таким формам относятся комиссии по социальному страхованию в органах и организациях. Судебная форма защиты включает деятельность судов всех видов и уровней. Наконец, иные формы защиты прав охватывают деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, органов прокуратуры, Администрации Президента РФ, международных органов².

В соответствии с ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, ст. 12 Гражданского кодекса РФ и ст. 352 Трудового кодекса РФ способы защиты прав включают самозащиту гражданами своих прав, действия государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, предоставляющих обеспечение. Таковы обращения граждан, увеличение размера обеспечения, компенсация нанесенного гражданам ущерба и т.д. Меры защиты заключаются в действиях компетентных органов и должностных лиц: признание права; прекращение или изменение правоотношений; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления и др.

Средства защиты включают как действия граждан, так и органов, организаций и должностных лиц, но имеют внешнее оформление. К средствам относятся решения судебных органов, постановления, протесты, представления различных органов государства.

После уяснения основных понятий и категорий защиты прав граждан следует перейти к вопросам защиты социальных прав государственных служащих органов и организаций прокуратуры РФ.

Статья 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»³ (далее – Федеральный закон № 58-ФЗ) закрепляет в качестве принципов построения и функционирования системы государственной службы приоритет прав и свобод человека и гражданина, их соблюдение и защиту. Кроме этого, ст. 40

Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»⁴ (далее – Федеральный закон о прокуратуре) предусмотрела, что работники вправе обжаловать вышестоящему руководителю и (или) в суд решения руководителей органов и организаций прокуратуры по вопросам прохождения службы.

Социальные права государственных служащих органов и организаций прокуратуры регламентируются ст. 44 Федерального закона о прокуратуре. В сфере социального обеспечения они имеют право: на пенсионное обеспечение (п. 2), медицинское обеспечение (п. 6), пособия, компенсации, ежемесячную денежную выплату. Меры социальной поддержки прокуроров отражены в ст. 45 данного Федерального закона⁵.

Здесь надо сказать об охране прав. Она включает наличие финансирования, нормативной основы (кроме Конституции РФ), актов процедурного характера, специальных подразделений, куда обращаются граждане за реализацией своих прав, надзорную и контрольную деятельность. Но нередко данные права нарушаются и лицам, осуществляющим свою деятельность в органах и организациях прокуратуры, приходится обращаться к вышестоящим должностным лицам, в вышестоящие органы и в суды различных инстанций.

Лица, осуществляющие свою деятельность в органах и организациях прокуратуры, реализуют свои социальные права, закрепленные в материальных нормах права, с помощью процедурных и процессуальных норм. Так, процедурные нормы содержатся в следующих актах⁶.

В настоящее время ряд ученых по разному трактует вопрос об отраслевой природе процедурных и процессуальных отношений. Так, М. Ю. Федорова считает, что «как только в правовые связи вступают вышестоящие органы исполнительной власти либо суд, правоотношения приобретают характер процес-

⁴ Российская газета. 1992. № 39.

⁵ Подробнее об этом см.: Зюбанов Ю. А. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации (постатейный). М., 2018. С. 316–331.

⁶ См.: Порядок исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий работникам органов и организаций прокуратуры Российской Федерации и их семьям: утверждено постановлением Правительства РФ от 12 августа 1994 г. № 942 (далее – Положение от 12 августа 1994 г.); Положение об особенностях порядка исчисления пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячного пособия по уходу за ребенком гражданам, подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством: утверждено постановлением Правительства РФ от 15 июня 2007 г. № 375; Инструкция об организации работы по пенсионному обеспечению прокурорских работников, военнослужащих органов и организаций прокуратуры и членов их семей: утверждена приказом Генпрокуратуры России от 4 декабря 2009 г. № 374; и другие.

¹ См.: Гусев А. Ю. Судебная защита права российских граждан на социальное обеспечение: моногр. М., 2018. С. 20–21.

² Подробнее об этом см.: Актуальные проблемы права социального обеспечения: учебник для вузов / под ред. В. Ш. Шайхатдинова. М., 2020. С. 528.

³ Парламентская газета. № 98. 2003.

суальных (административных или гражданских)»¹. Т. К. Миронова «признает лишь материальные и процедурные отношения»². Более правильным представляется мнение Е. Ю. Говорухиной, что эти «отношения имеют комплексный характер. Они связаны с властной деятельностью государственных органов и организаций, органов местного самоуправления. В то же время эти органы и организации применяют материальные нормы права социального обеспечения»³. В учебнике В. В. Яркова говорится, что «все конкретные процессуальные действия объединяет в единое целое общий объект гражданского процессуального правоотношения – спорное материально-правовое отношение, по поводу которого возникает гражданский процесс по конкретному делу»⁴. Таким образом, здесь имеют место комплексные процессуальные правоотношения.

Защита прав граждан в системе прокуратуры осуществляется через непосредственную, управленческую и общественную формы. Эти формы защиты закреплены в различных нормативно-правовых актах. Через непосредственную форму рассматриваются споры в Комиссии Генеральной прокуратуры Российской Федерации по разрешению спорных вопросов пенсионного обеспечения прокурорских работников и членов их семей, которая действует в соответствии с приказом Генпрокуратуры РФ от 29 декабря 2011 г. № 449⁵. Если же речь идет о служащих территориальных органов и учреждений прокуратуры, то рассмотрение их обращений в Комиссии является управленческой формой защиты. В Следственном комитете РФ приказом от 6 сентября 2012 г. № 62⁶ утверждено Положение о комиссии Следственного комитета Российской Федерации по разрешению спорных вопросов о назначении и выплате пенсий. В системе ФСБ действует Инструкция об организации работы в органах федеральной службы безопасности по пенсионному обеспечению, утвержденная приказом ФСБ России от 14 февраля 2017 г. № 87.

С помощью управленческой формы рассматриваются споры по Федеральному закону от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граж-

дан Российской Федерации»⁷, Закону РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей»⁸ (далее – Закон РФ от 12 февраля 1993 г.) (ст. 65), Федеральному закону от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (ст. 24) в отношении гражданских служащих, проходящих службу в органах прокуратуры РФ, и др.

Иная форма характерна при рассмотрении споров в Аппарате Президента РФ. Каждый гражданин, включая служащих органов и организаций прокуратуры, при нарушении своих прав вправе обратиться к Президенту РФ.

Значительную роль в данной сфере играет судебная защита, которая осуществляется мировыми судами, судами общей юрисдикции, конституционными (уставными) судами субъектов РФ, Конституционным Судом РФ и Экономический Суд СНГ.

Конституционный Суд РФ обосновал целый ряд правовых позиций по вопросам защиты прав государственных служащих органов и организаций прокуратуры. В Определении от 25 октября 2016 г. № 2215-О по жалобе гражданки Т.⁹ Суд отметил, что оспариваемое ею положение статьи 18 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. направлено на реализацию права указанных в ней категорий граждан на пенсионное обеспечение и само по себе не может расцениваться как нарушающее их конституционные права. Суд решил отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Т., поскольку она не отвечает установленным требованиям. В Определении от 21 июня 2011 г. № 793-О-О Конституционный Суд РФ отметил, что разрешение вопроса об установлении условий включения учебы в выслугу лет для целей пенсионного обеспечения является прерогативой законодателя, а также органов государственной власти, осуществляющих заключение межгосударственных соглашений, и к компетенции данного суда не относится. Конституционный Суд РФ также отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина И., поскольку она не отвечает установленным требованиям.

⁷ СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

⁸ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 9. Ст. 328.

⁹ См.: Определении от 25 октября 2016 г. № 2215-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Тарасовой Галины Викторовны на нарушение ее конституционных прав положением части 1 статьи 18 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. и абзацем 1 пункта 1.2 Положения об исчислении выслуги лет, назначении и выплате пенсий и пособий прокурорам и следователям, научным и педагогическим работникам органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации, имеющим классные чины, и их семьям».

¹ См.: Федорова М. Ю. Социальное страхование как организационно-правовая форма социальной защиты населения: проблемы правового регулирования. Омск, 2000. С. 300.

² См.: Миронова Т. К. Право социального обеспечения и современные тенденции правового регулирования отношений в сфере социальной защиты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 14.

³ См.: Говорухина Е. Ю. Применение норм права социального обеспечения: вопросы теории и практики: моногр. Екатеринбург, 2010. С. 211.

⁴ См.: Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д. Б. Абушенко, К. Л. Браницкий, В. П. Воложанин и др.; отв. ред. В. В. Ярков. М., 2017. С. 53.

⁵ Законность. 2012. № 2.

⁶ СПС «КонсультантПлюс».

Суды общей юрисдикции также оказывают положительное влияние на правотворчество и правоприменение в сфере социальной защиты государственных служащих органов и организаций прокуратуры.

Первая категория дел, которые рассматривают суды общей юрисдикции, – это дела о признании незаконным бездействия органов прокуратуры по назначению пенсии и об обязанности назначить пенсию за выслугу лет. Так, Определением Верховного Суда РФ от 23 ноября 2012 г. № 24-КГ12-4 по иску Ш. к прокуратуре Республики Адыгея о признании незаконным бездействия органов прокуратуры по назначению пенсии и об обязанности назначить пенсию за выслугу лет, это дело направлено на новое рассмотрение в Ленинский районный суд города Краснодара.

В Апелляционном определении Свердловского областного суда от 9 сентября 2016 г. по делу № 33-14767/2016 сказано, что истец указал, что выплата назначенной ему как военнослужащему пенсии за выслугу лет незаконно приостановлена в связи с поступлением его на государственную службу в прокуратуру. Доводы суда считаем правильными, кроме того, подобные дела рассматривались неоднократно судами¹.

Согласно статье 2 Федерального закона № 58-ФЗ в РФ существует следующая система государственной службы: государственная гражданская служба; военная служба; государственная служба иных видов. Но в данном Законе отсутствует определение понятия «государственная служба иных видов». Это приводит к разному пониманию того, что включается в данную службу. Следует согласиться с В. Ш. Шайхатдиновым, который в своей статье «К вопросу о государственной службе иных видов»² в государственную службу иных видов включает: службу в прокуратуре РФ, службу в Следственном комитете РФ и в иных органах правоохранительной направленности. Ст. 6 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. содержит следующее положение: пенсионерам из числа лиц, указанных в статье 1 указанного Закона, при поступлении их на военную службу или на службу в органы внутренних дел, в Государственную противопожарную службу или учреждения и органы уголовно-исполнительной системы (в том числе в любых других государствах), войска национальной гвардии Российской Федерации выплата назначенных пенсий на время службы приостанавливается. В этой статье нечего не сказано про службу в прокуратуре РФ, службу в Следственном комитете РФ, таможенную службу.

¹ См.: Решение Верховного Суда РФ от 02.10.2013 № АКПИ13-863, Апелляционное определение Свердловского областного суда от 16 мая 2013 г. по делу № 33-5774/2013, Постановление президиума Свердловского областного суда от 5 февраля 2014 г. № 44-г-5, Апелляционное определение Свердловского областного суда от 27.07.2017 по делу № 33-12224/2017, Апелляционное определение Свердловского областного суда от 09.06.2017 по делу № 33-8890/2017.

² См.: Шайхатдинов В. Ш. К вопросу о государственной службе иных видов // Бизнес, Менеджмент и Право. 2016. № 3-4. С. 55.

12 марта 2019 г. Свердловский областной суд принял Апелляционное определение по делу № 33-2411/2019 «О взыскании неосновательного обогащения в виде излишне выплаченной пенсии за выслугу лет». Это определение суда возникло по вопросу выплаты пенсии за выслугу сотруднику ФСИН после поступления его на федеральную государственную службу в органы прокуратуры.

Кроме этого, в судебной практике³ встречался вопрос о включении службы в качестве прокуроров и следователей в органах прокуратуры государств – участников СНГ в выслугу лет. В соответствии с ч. 2 ст. 44 Федерального закона о прокуратуре пенсионное обеспечение государственных служащих прокуратуры и членов их семей осуществляется аналогично с обеспечением лиц, проходивших службу в органах внутренних дел, и членов их семей. В п. 2 Положения от 12 августа 1994 г. предусмотрено включение в выслугу лет периодов службы (работы, учебы), если эта служба (работа, учеба) проходила в органах и организациях (учреждениях) Российской Федерации, а также Союза ССР и республик в составе СССР, если иное не оговорено соответствующими межгосударственными соглашениями.

13 марта 1992 г. между государствами – участниками Содружества Независимых Государств было подписано Соглашение о гарантиях прав граждан государств – участников СНГ в области пенсионного обеспечения. В п. 2 ст. 6 данного Соглашения, указано, что для установления права на пенсию, в том числе... и за выслугу лет, гражданам государств – участников Соглашения учитывается трудовой стаж, приобретенный на территории любого из этих государств, а также на территории бывшего СССР за время до вступления его в силу.

Кроме этого, по данному вопросу принято Соглашение о взаимном зачете в общий трудовой стаж и выслугу лет службы в органах и учреждениях прокуратуры в государствах – участниках СНГ (принято 25 ноября 1998 г.)⁴. В ст. 2 данного Соглашения трудовой стаж и выслуга лет в органах и организациях прокуратуры, в том числе исчисленные в льготном порядке, приобретенные в связи с трудовой деятельностью на территориях государств – участников СНГ, взаимно признаются Сторонами для выплаты надбавок (доплат) в размере, предусмотренном внутренним законодательством за выслугу лет к заработной плате (денежному содержанию) и не подлежат изменению в одностороннем порядке. В настоящее время этих соглашений нет. 20 декабря 2019 г. в Санкт-Петербурге заключено «Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского эконо-

³ См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2009 года: утверждено Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 10.03.2010.

⁴ Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. № 3(30). С. 90–92.

мического союза»¹. Оно урегулировало вопросы пенсионного обеспечения граждан Республики Армения, Республике Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации. В связи с этим суды не включают периоды службы в качестве прокуроров и следователей в органах прокуратуры государств – участников СНГ в стаж, дающий право на пенсию за выслугу лет.

В 2012 г. гражданин С. обращался в Центральный районный суд г. Челябинска о признании права на получение единовременного пособия, взыскания пособия. Истец обращался в связи с нарушенным правом на получение пособия в соответствии с ч. 2 ст. 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Ответчик отказал гражданину С. в данной выплате в связи с тем, что сын истца к категории лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, согласно действующему законодательству, не отнесен. Суд искивные требования С. удовлетворил. Мы считаем, что требования ответчика в данном споре были неправомерны, т.к. сын истца, будучи следователем прокуратуры, при направлении в командировку в Северо-Кавказский регион оказывал правовую помощь в борьбе с терроризмом.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 февраля 2019 г. № 10-КГ18-11 «Об индексации присужденной ежемесячной денежной компенсации утраченного заработка в возмещение вреда здоровью» это дело было направлено на новое рассмотрение. При этом суд сделал вывод о возможности применения механизма индексации, установленного ст. 1091 ГК РФ, при разрешении заявления об индексации по уровню инфляции присужденной заявителю ежемесячной денежной компенсации, причем неправильно истолковал положения абз. 5 п. 5 ст. 45 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации».

Решения Экономического Суда СНГ пока еще не оказали существенного влияния на правотворчество и правоприменение по вопросам социальной защиты государственных служащих органов и организаций прокуратуры. В то же время есть его решение от 23 мая 2002 г. № 01-1/4-2001 с толкованием применения статьи 2 Соглашения о взаимном зачете в общей трудовой стаж и выслугу лет службы в органах и учреждениях прокуратуры в государствах – участниках Содружества Независимых Государств от 25 ноября 1998 г.

В соответствии со сказанным выше суды, принимая решения по проблемным вопросам, касающимся защиты социальных прав государственных служащих органов и организаций прокуратуры, приходят к разным решениям, что, наверно, необоснованно.

Считаем, что спорные вопросы необходимо урегулировать на федеральном уровне, а именно внести изменения в нормативно-правовые акты федерального уровня, касающиеся следующих вопросов:

– в статью 1 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. «Лица, на которых распространяется действие настоящего Закона» включить государственных служащих органов и организаций прокуратуры, проходящих прокурорскую службу;

– статью 6 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. «Порядок приостановления выплаты пенсий» предлагаем изложить в следующем виде: «Пенсионерам из числа лиц, указанных в статье 1 настоящего Закона, при поступлении их на военную службу или на государственную службу иных видов выплата назначенных пенсий на время службы приостанавливается»;

– решить вопрос о включении периодов службы в качестве прокуроров и следователей в органах прокуратуры государств – участников СНГ в выслугу лет, дающую право на пенсию.

Кроме этого, для единообразного рассмотрения в суде вопросов социальной защиты государственных служащих органов и организаций прокуратуры необходимо разработать и утвердить Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав государственных служащих органов и организаций прокуратуры на социальную защиту» или Обзор судебной практики по спорам, связанным с предоставлением различных мер социальной защиты государственных служащих органов и организаций прокуратуры».

Библиографический список

1. Актуальные проблемы права социального обеспечения: учебник для вузов / под ред. В. Ш. Шайхатдинова. – М.: Юрайт, 2020.
2. Анисимов П. В. Правовое регулирование защиты прав человека / П. В. Анисимов, Н. В. Папичев. – Волгоград: ВА МВД России, 2003.
3. Банников Г. Н. Проблемы реализации права граждан на судебную защиту в Российской Федерации (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г. Н. Банников. – Саратов, 2006. – 30 с.
4. Волкова Н. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент / Н. С. Волкова, Т. Я. Хабриева. – М.: Норма, 2005.
5. Говорухина Е. Ю. Применение норм права социального обеспечения: вопросы теории и практики: моногр. / Е. Ю. Говорухина. – Екатеринбург: ООО Издательский дом «Ажур», 2010.
6. Гражданский процесс: учеб. для студентов высших юридических учебных заведений / Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, В. П. Воложанин и др.; отв. ред. В. В. Ярков. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017.
7. Гусев А. Ю. Судебная защита права российских граждан на социальное обеспечение: дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Гусев. – М., 2017.
8. Гусев А. Ю. Судебная защита права российских граждан на социальное обеспечение: моногр. / А. Ю. Гусев. – М.: Проспект, 2018.

¹ СПС «КонсультантПлюс».

9. Ерофеева О. В. Защита прав граждан на пенсионное обеспечение: моногр. / О. В. Ерофеева. – М.: Проспект, 2013.

10. Жуйков В. М. Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. М. Жуйков. – М., 1997.

11. Зюбанов Ю. А. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный). – М.: Проспект, 2018.

12. Кожевников С. Н. Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Н. Кожевников. – Свердловск, 1968.

13. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л. В. Лазарева. – М.: Проспект, 2009.

14. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / под ред. Ю. А. Дмитриева. – М.: Деловой двор, 2009.

15. Миронова Т. К. Право социального обеспечения и современные тенденции правового регулирования отношений в сфере социальной защиты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т. К. Миронова. – М., 2008.

16. Нестерова Т. А. Защита трудовых прав в России: юридическая сущность и приоритетная роль государственных органов: дис. ... д-ра юрид. наук / Т. А. Нестерова. – Пермь, 2005.

17. Теория государства и права: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. / В. Д. Перевалов. – 5-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2017.

18. Федорова М. Ю. Социальное страхование как организационно-правовая форма социальной защиты населения: проблемы правового регулирования / М. Ю. Федорова. – Омск : Изд. ОмГУ, 2000.

19. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В. С. Шадрин. – Волгоград, 1997.

20. Шайхатдинов В. Ш. К вопросу о государственной службе иных видов / В. Ш. Шайхатдинов // Бизнес, Менеджмент и Право. – 2016. – № 3-4.

Bibliograficheskij spisok

1. Aktual'nye problemy prava social'nogo obespecheniya: uchebnik dlya vuzov / pod red. V. SH. SHajhatdinova. – М.: YUrajt, 2020.

2. Anisimov P.V. Pravovoe regulirovanie zashchity prav cheloveka / P.V. Anisimov, N. V. Papichev. – Volgograd: VA MVD Rossii, 2003.

3. Bannikov G. N. Problemy realizacii prava grazhdan na sudebnuyu zashchitu v Rossijskoj Federacii (obshcheteoreticheskij aspekt): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / G. N. Bannikov. – Saratov, 2006. – 30 s.

4. Volkova N. S. Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii i parlament / N. S. Volkova, T. YA. Habrieva. – М.: Norma, 2005.

5. Govoruhina E. YU. Primenenie norm prava social'nogo obespecheniya: voprosy teorii i praktiki: monogr. / E. YU. Govoruhina. – Ekaterinburg: OOO Izdatel'skij dom «Azhur», 2010.

6. Grazhdanskij process: uchebnik dlya studentov vysshih juridicheskikh uchebnyh zavedenij / D. B. Abushenko, K.L. Branovickij, V. P. Volozhanin i dr.; otv. red. V. V. YArkov. – 10-e izd., pererab. i dop. – М.: Statut, 2017.

7. Gusev A. YU. Sudebnaya zashchita prava rossijskih grazhdan na social'noe obespechenie: dis. ... kand. jurid. nauk / A. YU. Gusev. – М., 2017.

8. Gusev A. YU. Sudebnaya zashchita prava rossijskih grazhdan na social'noe obespechenie: monogr. / A. YU. Gusev. – М.: Prospekt, 2018.

9. Erofeeva O. V. Zashchita prav grazhdan na pensionnoe obespechenie: monogr. / O. V. Erofeeva. – М.: Prospekt, 2013.

10. ZHujkov V. M. Teoreticheskie i prakticheskie problemy konstitucionnogo prava na sudebnuyu zashchitu: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / V. M. ZHujkov. – М., 1997.

11. Zyubanov YU. A. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «O prokurate Rossijskoj Federacii» (postatejnyj). – М.: Prospekt, 2018.

12. Kozhevnikov S. N. Mery zashchity v sovetskom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / S. N. Kozhevnikov. – Sverdlovsk, 1968.

13. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / pod red. L. V. Lazareva. – М.: Prospekt, 2009.

14. Konstituciya Rossijskoj Federacii: doktrinal'nyj kommentarij (postatejnyj) / pod red. YU. A. Dmitrieva. – М.: Delovoj dvor, 2009.

15. Mironova T. K. Pravo social'nogo obespecheniya i sovremennye tendencii pravovogo regulirovaniya otnoshenij v sfere social'noj zashchity: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / T. K. Mironova. – М., 2008.

16. Nesterova T. A. Zashchita trudovyh prav v Rossii: juridicheskaya sushchnost' i prioritetnaya rol' gosudarstvennyh organov: dis. ... d-ra jurid. nauk / T. A. Nesterova. – Perm', 2005.

17. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i specialiteta. / V. D. Perevalov. – 5-e izd., per. i dop. – М.: YUrajt, 2017.

18. Fedorova M. YU. Social'noe strahovanie kak organizacionno-pravovaya forma social'noj zashchity naseleniya: problemy pravovogo regulirovaniya / M. YU. Fedorova. – Омск : Izd. OmGU, 2000.

19. SHadrin B. C. Obespechenie prav lichnosti pri rassledovanii prestuplenij / B. C. SHadrin. – Volgograd, 1997.

20. SHajhatdinov V. SH. K voprosu o gosudarstvennoj sluzhbe inyh vidov / V. SH. SHajhatdinov // Biznes, Menedzhment i Pravo. – 2016. – № 3-4.

Проблемы реализации заявительного порядка получения льгот, выплат и компенсаций

Андреев Александр Владимирович,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: trixter2001@mail.ru

В статье указывается на проблемы неосведомленности населения, а также невозможность использования сайта «Госуслуги» или обращения в Пенсионный фонд России для получения льгот, выплат и компенсаций. Автором предлагается возложение обязанности информирования населения о возможной социальной помощи со стороны государства на органы местного самоуправления.

Ключевые слова: заявительный порядок; социальная помощь; социальная политика; бюджет; проблема; законодательство.

Problems of implementation of the application procedure for receiving benefits, payments and compensations

Andreev Alexander Vladimirovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law

The article points out the problems of ignorance of the population, as well as the impossibility of using the site «Gosuslugi» or contacting the Pension Fund of Russia to receive benefits, payments and compensations. The author proposes imposing the responsibility of informing the population about possible social assistance from the state on local authorities.

Key words: application procedure; social assistance; social policy; budget; problem; legislation.

Гражданское общество представляет собой специфическую организацию жизнедеятельности людей, где должно быть обеспечено гармоничное проживание каждого. В связи с этим люди в обществе стараются жить в согласии и взаимовыручке, помогая друг другу в тяжелые периоды.

Исходя из положений ст. 7 Конституции Российской Федерации, Россия является социальным государством, то есть деятельность органов государственной власти должна быть направлена на обеспечение достойного уровня жизни каждого гражданина. Государство имеет своей функцией защиту и заботу о своих гражданах, для чего и разрабатывает различного рода социальные программы и способы ознакомления с ними населения.

Социальная политика государства представляет собой совокупность мер, которые направлены на повышение уровня жизни граждан, улучшение финансового благополучия. Иначе говоря, социальная политика направлена на создание необходимых условий для проживания граждан.

Итак, целями социальной политики государства можно назвать следующие:

- а) обеспечение достойного уровня жизни граждан;
- б) уменьшение разрыва между зажиточной частью населения и «бедными»;
- в) формирование доброжелательной и партнерской связи человека с государством.

Российская Федерация, выступая на мировой арене в качестве одной из наиболее значимых держав, утверждает также ряд соглашений и документов, среди которых – Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948).

Указанная декларация закрепляет в статье 16 положение о том, что семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства. Статья 22 также закрепляет право каждого человека на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социаль-

ной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства.

Таким образом, Россия, являясь мировой державой, берет на себя обязательства по выполнению указанных положений. Исходя из этого, социальная политика Российской Федерации определяется и международным правом.

Стоит отметить, что при реализации социальной помощи государство выделяет среди населения особые категории граждан, которые имеют право на получение этой помощи. К числу таких категорий относятся: инвалиды, многодетные семьи, малоимущие граждане, молодые семьи и другие.

Кроме того, социальные гарантии предоставляются не только на федеральном уровне, но еще и на уровне субъектов, а также муниципалитетов. Таким образом, имеются нормативно-правовые акты о социальной помощи населению на трех уровнях. Казалось бы, каждому гражданину должен быть предоставлен широкий пакет социальной помощи, к тому же еще и на трех уровнях. Однако в данном аспекте возникает ряд проблем.

Самая первая проблема, с которой сталкиваются граждане России, – это информирование населения об имеющихся социальных выплатах или иной помощи со стороны государства. Так, согласно ст. 5.1 Федерального закона «О государственной социальной помощи» информация о государственной социальной помощи размещается только в Единой государственной информационной системе социального обеспечения. Таким образом, законодатель осуществляет информирование населения только посредством единого средства.

Далее Федеральный закон в статье 5.2 указывает, что граждане имеют право на получение информации о социальных гарантиях посредством:

- а) использования единого портала государственных и муниципальных услуг с помощью направления им уведомлений (с их согласия);
- б) мобильного телефона при обязательной идентификации гражданина;
- в) при личном посещении органов государственной власти, органов местного самоуправления и иных организаций, предоставляющих меры социальной защиты (поддержки), социальные услуги.

Таким образом, можно сделать вывод, что населению для получения информации о возможных социальных гарантиях необходимо самому искать эту информацию посредством обращения в органы государственной власти, органы местного самоуправления и иные органы. То есть граждане сами должны узнавать, имеются ли социальные гарантии или нет.

Однако в нашей стране существуют такие регионы, где отсутствует информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, а некоторые слои населения и вовсе не умеют пользоваться Интернетом. Большое внимание для взаимодействий государства и гражда-

нина в настоящее время уделяется государственному portalу «Госуслуги», которым многие граждане пользоваться, к сожалению, не умеют. Некоторые люди к тому же убеждены, что доверять Интернету нельзя, а тем более, размещать там какие-либо документы, как это требуется при регистрации на «Госуслугах». Исходя из этого, возникает ситуация, что население может быть просто не осведомлено о том, что для них имеется какая-либо социальная помощь со стороны государства, хотя они и нуждаются в этой помощи.

Самым распространенным и относительно недавним примером является предоставление единовременной выплаты родителям на содержание детей в рамках распространившейся в мире эпидемии коронавируса. Государство преследовало положительную цель – оказать финансовую помощь гражданам, которые были вынуждены в период самоизоляции потратить большее количество средств, чем планировали. Данные выплаты были предоставлены государством населению исходя из того, что у многих родителей возникли финансовые трудности, связанные с содержанием детей по причине самоизоляции. С 1 июня 2020 года была запущена программа по единовременной денежной выплате в размере 10 000 рублей на каждого ребенка в возрасте от 3 до 16 лет. Также выплаты предоставлялись на ежемесячной основе родителям, чьи дети не достигли трехлетнего возраста. Оформить заявку родители должны были на официальном сайте «Госуслуги» в срок до 1 ноября 2020 года. Также в Постановление Правительства были внесены дополнения о том, что граждане могут обратиться и в Пенсионный фонд России по месту жительства. Однако получить социальную выплату можно было только на основании заявления. В силу этого не все действительно нуждающиеся в этом граждане смогли получить данную выплату, и причины этому могут быть самые разные. Самой распространенной, на наш взгляд, является неосведомленность населения о том, что такие выплаты осуществляются, а также невозможность использования сайта «Госуслуги» или обращения в Пенсионный фонд России. Как уже упоминалось, в отдаленных регионах зачастую отсутствует информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, ограничена возможность получения информации из средств массовой информации. Кроме того, филиалы Пенсионного фонда России имеются далеко не в каждом административно-территориальном районе. По этой причине благая цель государства не была реализована до конца, что вызывает определенное недовольство со стороны граждан.

В настоящее время в Российской Федерации при получении информации о социальной помощи и других государственных гарантиях только в зависимости от умения пользоваться современными технологиями и желания граждан самостоятельно получать такую информацию, возникает ряд взаимосвязанных проблем.

Поскольку не каждый гражданин нашей страны способен с легкостью пользоваться информацион-

ной системой Интернет и, тем более, ориентироваться на государственных порталах в этой системе, прослеживается ухудшение данной ситуации не только в нашей стране, но и во многих других. Также вытекающей проблемой является отношение граждан к государству, так как из-за того, что граждане во многих случаях не осведомлены о наличии в государстве предоставляемых социальных гарантий населению и не владеют информацией о том, что они могут воспользоваться данными возможностями, что влечет за собой нереализацию их права на предоставляемые государством блага. В связи с этим у населения складывается мнение о том, что государство не заботится о своих гражданах и тратит денежные средства не на развитие страны, а на что-то, что имеет направленность личного характера. Что впоследствии способствует негативному отношению населения к государству.

К примеру, согласно подп. 10 п. 1 ст. 407 НК РФ пожилые люди могут не платить налог на имущество. Однако, не зная о такой льготе со стороны государства пожилые люди могут продолжать платить такой налог. Хотя если воспользоваться предоставленной льготой, человеку будет намного проще в финансовом плане, так как пожилые люди, получающие пенсию, зачастую находятся в трудном материальном положении. Органы государственной власти, в свою очередь, не осуществляют своевременное информирование. Изза этого в дальнейшем складывается негативное отношение населения к государству, теряется доверительная связь общества и государства. А что самое главное – теряется смысл социальной политики государства.

Однако этого можно избежать, если в нашей стране появится более доходчивая, понятная и доступная система информирования, благодаря которой граждане смогут получать сведения не по желанию, а в процессе своей повседневной жизни.

Таким образом, хочется сделать вывод, что развитие системы информирования граждан о социальных гарантиях и других государственных проектах позволит повысить уровень доверия между гражданами и государством, сделать деятельность власти более значимой, что будет способствовать положительному отношению общества к государству в связи с получением всего перечня предоставляемых благ и, в свою очередь, обеспечению развития нашей страны в социальном направлении¹.

Таким образом, целесообразным, на наш взгляд, является возложение обязанности информирования населения о возможной социальной помощи со стороны государства на органы местного самоуправления. Данное решение позволит обеспечить правильное и своевременное доведение до сведения граждан информации о различных государственных программах и формах поддержки населения. Кроме того, данная мера позволит укрепить взаимоотноше-

ния между населением и органами местного самоуправления, а также уменьшит риск появления корумпированных элементов.

Говоря об изменении способа оповещения граждан о социальных гарантиях в нашей стране и закреплении предложенного на нормативном уровне, нужно быть уверенным в том, что нововведения будут оправдывать ожидания.

В данном вопросе нам может помочь опыт других стран, в которых уровень социального благосостояния значительно выше, чем в России, который может укрепить уверенность в том, что изменения необходимы и увенчаются успехом.

Возьмем к примеру Соединенные Штаты Америки. Население штатов достаточно тесно сотрудничает с действующей властью и всегда знает о всех социальных благах, предоставляемых государством за счет достаточно успешного способа оповещения граждан о появившихся льготах органами местного самоуправления. Что повышает социальный уровень страны, так как большинство граждан имеют право на предоставляемые социальные блага.

В то время как в России граждане могут узнать эту информацию только при проявлении инициативы и за счет определенных возможностей.

В соответствии со статистикой относительно индекса социального прогресса за 2020 год лучшей признана такая страна, как Норвегия. Данный вывод сделан не случайно. В Норвегии граждане видят в государстве друга, в котором они уверены и который всегда готов им помочь в трудную минуту. С этим трудно не согласиться, ведь социальная служба страны несет расширенную информационную ответственность. Социальная служба предоставляет информацию, советы и руководящие указания, которые могут содействовать решению или предотвращению социальных проблем. Если социальная служба сама не может оказать такую помощь, она по мере возможности должна проследить за тем, чтобы ее оказали другие. Таким образом, граждане не просто получают информацию о предоставляемых социальных благах в стране, но и обеспечиваются постоянной инструкционной поддержкой специальной службы, готовой прийти на помощь любому нуждающемуся гражданину.

Подводя итоги сказанному, хочется отметить, что государству необходимо рассматривать и анализировать успехи других стран в вопросе об уведомлении граждан России о социальной поддержке с целью улучшения положения дел в собственной стране. Анализ зарубежной практики позволит понять, какие меры социальной политики являются эффективными, как они работают. Приведенный пример может быть применен также в России. Считаем возможным уделить особое внимание системе информирования населения о доступных выплатах и льготах.

В этой связи целесообразным, на наш взгляд, является возложение обязанности информирования населения о возможной социальной помощи со стороны государства на органы местного самоуправле-

¹ URL: <https://rg.ru/2020/12/15/mintrud-opredelil-kogo-i-kak-budet-uedomliat-o-lygotah-i-vyplatah.html>.

ния. Само информирование может быть реализовано посредством смс-рассылки, чем пользуется в нашей стране МЧС. Данное решение позволит обеспечить правильное и своевременное информирование населения о различных государственных программах и формах поддержки населения. Кроме того, данная мера позволит укрепить взаимоотношения между населением и органами местного самоуправления, а также уменьшит риск появления коррумпированных элементов.

Библиографический список

1. Барщевский М. Ю. Пенсии, льготы, недвижимость, наследование, проблемы ЖКХ. Полный юридический справочник / М. Ю. Барщевский. – М.: АСТ, Астрель, 2016. – 608 с.
2. Вы – землепользователь. Права, обязанности, условия, льготы. – М.: АСТ, 2017. – 352 с.
3. Новикова К. Н. Актуальные проблемы повышения эффективности социальной поддержки населения в условиях инновационного социально - экономического развития России / К. Н. Новикова // Роль и место информационных технологий в современной науке: сб. ст. Международ. науч-практ конф. – Уфа, 2019. – С. 208–215.
4. Рощупкина Л. А. Выплаты и льготы. Что вам должно государство. Ответы на все вопросы / Л. А. Рощупкина. – М.: БХВ-Петербург, 2017. – 515 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Barshchevskij M. YU. Pensii, l'goty, nedvizhimost', nasledovanie, problemy ZHKKH. Polnyj juridicheskij spravochnik / M. YU. Barshchevskij. – M.: AST, Astrel', 2016. – 608 s.
2. Vy – zemlepol'zovatel'. Prava, obyazannosti, usloviya, l'goty. – M.: AST, 2017. – 352 s.
3. Novikova K. N. Aktual'nye problemy povysheniya effektivnosti social'noj podderzhki naseleniya v usloviyah innovacionnogo social'no - ekonomicheskogo razvitiya Rossii / K. N. Novikova // Rol' i mesto informacionnyh tekhnologij v sovremennoj nauke: sb. st. Mezhdunarod. nauch-prakt konf. – Ufa, 2019. – S. 208–215.
4. Roshchupkina L. A. Vyplaty i l'goty. CHto vam dolzhno gosudarstvo. Otvetny na vse voprosy / L. A. Roshchupkina. – M.: BHV-Peterburg, 2017. – 515 s.

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

УДК 343.9

Тактические особенности предъявления для опознания по функциональным признакам

Андроник Наталья Ауреловна,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: Natali376@mail.ru

В настоящей статье рассмотрены некоторые тактические особенности опознания лица по функциональным признакам, в частности по голосу, по походке. Проанализированы возможные проблемы при проведении данного следственного действия. Определен ряд оптимальных тактических приемов, направленных на эффективность проведения опознания.

Ключевые слова: опознание, походка, голос, следственное действие, следователь, дознаватель.

Tactical features of presentation for identification by functional characteristics

Andronic Natalia Aurelovna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

This article examines some of the tactical features of face recognition by functional features, in particular by voice, by gait. Possible problems during this investigative action are analyzed. A number of optimal tactical techniques aimed at the effectiveness of identification have been determined.

Key words: identification, gait, voice, investigative action, the investigator and the inquirer.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет следующие виды опознания: лица, предмета, трупа¹. Нередко в следственной практике возникают случаи, когда потерпевший (свидетель) не может назвать анатомические признаки лица, но может опознать по функциональным признакам, например, по походке. Эффективность проведения следственного действия, в частности узнавания объекта, зависит от ряда объективных (в каких условиях наблюдался объект, например, погодные условия, освещение, расстояние до объекта) и субъективных факторов (состояние здоровья опознающего, психологическое состояние, свойства памяти). Каждый из перечисленных факторов может оказать существенное влияние на результат предъявления

для опознания и непременно должен быть учтен при проведении этого следственного действия.

Однако на разных лиц указанные факторы могут воздействовать по-разному: в одном случае они могут способствовать более правильному и полному отражению и запоминанию обстоятельств произошедшего события, в другом, наоборот, помешать этому процессу.

Так, ранее судимый Б., находясь на территории «Сибирского кладбища», расположенного по адресу: ул. Сибирский Тракт, 10 км, в Октябрьском районе г. Екатеринбурга, увидел незнакомых ему ранее В. и П. Б. подошел к В. и П. и, направив на них предмет, похожий на пистолет, приспособленный для стрельбы малокалиберными патронами, высказал требование о передаче денежных средств. Испугавшись, В. и П. вынуждены были отдать Б. имеющиеся у них при себе денежные средства.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

Несмотря на то, что В. и П. наблюдали Б. в одинаковых условиях, находились в равнозначной психотравмирующей ситуации, впоследствии при допросе в качестве потерпевших они дали показания по-разному. В. сообщила общие сведения о произошедшем событии, не детализируя их, описать внешность напавшего на них Б. она затруднилась, сославшись на то, что, будучи испуганной, она пережила сильное душевное волнение и потому не запомнила приметы преступника. П., напротив, детально рассказала о преступных действиях Б. и подробно описала, как он выглядел¹.

Указанное обстоятельство объясняется тем, что при визуальном восприятии человек обращает внимание на анатомические, функциональные и сопутствующие признаки внешнего облика.

Как было указано выше, среди разновидностей предъявления для опознания живых лиц различают опознание по признакам внешности, а также по функциональным признакам – по голосу, речи, мимике, жестам и походке.

Согласно криминалистическому учению о внешнем облике человека (габитоскопии) для идентификации личности по признакам внешности наряду с признаками строения тела используют также привычные движения и манеры человека. Данные индивидуальные особенности человека учеными-криминалистами обозначаются как функциональные признаки.

Функциональные признаки внешности человека можно определить как проявления жизнедеятельности его организма, обеспечивающие взаимодействие с окружающей средой, характеризующие его двигательные и физиологические функции.

Наиболее выраженными и доступными для наблюдения иными лицами функциональными признаками человека являются осанка, походка, жестикуляция, мимика, речевые функции.

Осанка определяется положением анфас и в профиль по соотношению осевой линии фигуры с условными вертикалью и горизонталью.

Походка выражает особенности привычных движений тела человека при ходьбе.

Жестикуляция представляет собой комплекс движений при выражении каких-либо чувств. Обуславливается, как правило, желанием повысить выразительность речи привычными движениями головы или туловища, пожиманием плечами при разговоре и т.д.

Мимика – это привычные движения мышц лица под влиянием чувств и мыслей человека. У одних людей она может быть развита очень сильно, у других – маловыразительна.

Речевые функции складываются из особенностей голоса и речи. Это манера человека говорить, в значительной степени зависящая от его психофизического состояния. Особенности речевых функций могут проявляться в языке, диалекте, акценте, ярких дефектах речи и т.д.

К функциональным признакам также могут быть отнесены и другие особенности конкретного человека, например, излюбленная фраза, манера поведения и привычки, в частности, манера прикуривать, держать и курить сигарету, здороваться, покашливать и другие устойчивые привычки, выработанные человеком в повседневной жизни.

Функциональные признаки могут быть обусловлены особенностями анатомического строения тела человека или заболевания, как, например, хромота вследствие травмы ноги. Многие из указанных признаков отличаются достаточной устойчивостью и индивидуальностью, что дает возможность использовать их при проведении процедуры опознания.

Решение о целесообразности и возможности предъявления для опознания принимается лицом, производящим расследование, обычно после предварительного допроса опознающего. В ходе данного допроса у потенциального опознающего должны быть выяснены следующие вопросы:

- о продолжительности и условиях наблюдения (или слухового восприятия) допрашиваемым определенным человеком;
- особенностях запомнившегося ему функционального признака указанного лица;
- возможности участия в процедуре предъявления для опознания и отождествления лица по функциональным признакам².

В данном случае серьезного внимания заслуживает вопрос описания мысленного образа, имеющегося в памяти опознающего, и преобразования его в доступную и понятную форму в протоколе допроса указанного лица.

В том случае если следователь сомневается в собственных возможностях описания функциональных признаков опознаваемого лица, ему следует прибегнуть к помощи специалиста в области габитологии. В качестве такого специалиста может быть приглашен, например, эксперт-криминалист.

Допрос опознающего перед процедурой опознания является обязательным. Следующая проблема возникает при подборе статистов для участия в процедуре предъявления лица для опознания.

Согласно ч. 4 ст. 193 УПК РФ «лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним. Общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех». Предъявление опознаваемого лица опознающему в единственном числе является недопустимым.

При необходимости провести опознание по голосу и устной речи подбор участников должен осуществляться с учетом высоты, силы и тембра голоса, интонации и темпа речи, ее выразительности, стилистики. Необходимо учесть и особенности речи, обусловленные местными диалектами.

¹ Уголовное дело № 111279006// Архив Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга.

² См.: Манцурова Л. А. К вопросу о целесообразности производства опознания в зависимости от результата допроса опознающего лица // Адвокатская практика. 2012. № 1.

При опознании по походке нужно подобрать людей, чья походка похожа по динамике движений, положению и постановке стоп, степени их поднимания и др. Реализовать данные требования на практике зачастую оказывается затруднительно. Кроме этого, при выборе статистов необходимо учитывать, что лица, подлежащие предъявлению для опознания, должны иметь по возможности сходные друг с другом опорные признаки внешности: возраст, рост, национальную принадлежность, телосложение, форму и цвет лица, волосы (оттенки могут различаться), глаза. Несоблюдение указанных требований является нарушением норм законодательства. Так, Верховный Суд РФ признал нарушением требований норм уголовно-процессуального закона проведение опознания в случае, когда обвиняемый был предъявлен для опознания в числе лиц, одно из которых было моложе его на 11 лет.

Другим неотъемлемым элементом подготовки к предъявлению для опознания является выбор обстановки, в которой оно будет проводиться. В случае предъявления для опознания лица по функциональным признакам к помещению предъявляются особые требования. Например, при опознании по голосу помещение должно быть обеспечено специальной перегородкой, которая позволит соблюсти необходимые требования.

Необходимо помнить, что тщательность подготовки к предъявлению для опознания влияет на результат данного следственного действия и возможность дальнейшего его использования в процессе доказывания.

При предъявлении для опознания лица по голосу следователю потребуется помощь другого сотрудника (например, следователя или оперативного сотрудника). Для этих целей необходимо найти помещение, состоящее из двух смежных комнат, либо комнату, разделенную на две части перегородкой. Следователь, опознающий и понятые располагаются в одной из комнат, а опознаваемый и «помощник» следователя – в другой. Отличительной особенностью данного вида опознания является тот факт, что для его проведения привлекаются двое дополнительных понятых, которые находятся со стороны опознаваемого лица, т.е. всего в процедуре опознания участвует уже четверо понятых.

Важным условием является то, что в каждой части комнаты должно быть слышно все, что происходит в другой, но кто там находится, не должно быть видно. Перед началом опознания в одной из комнат собираются опознающий и четверо понятых, следователь разъясняет им их права и обязанности. Потом «помощник» следователя и двое понятых остаются в указанном помещении, а следователь и двое других понятых уходят в соседнюю комнату. Туда же приглашают и опознаваемого и двух заранее подобранных лиц (статистов), признаки их голоса и речи должны быть сходны как по общим признакам, так и по частным.

Перед началом опознания опознаваемому в соответствии с ч. 4 ст. 193 УПК РФ предлагают самому выбрать очередность прослушивания его голоса и речи и предупреждают, что его будут опознавать.

Следователем заранее подготавливается текст, содержащий слова, ранее услышанные опознающим при определенных обстоятельствах, имеющих значение для расследуемого события. Подобранный текст под руководством «помощника» следователя поочередно произносится находящимися за перегородкой лицами, в числе которых находится опознаваемый. Объем текста беседы, вопросы в каждом конкретном случае определяются индивидуально.

На предъявление для опознания по походке так же распространяются требования, предъявляемые к производству опознания живых лиц. Опознание по походке рекомендуется проводить на том месте, где находился опознающий, и в тех же условиях (временных, погодных-климатических, сезонных), при которых произошло расследуемое событие. Как уже отмечалось, лица, в числе которых предъявляется субъект, не должны резко от него отличаться по росту, телосложению и одежде. Их число можно увеличить до четырех-пяти. Опознающий вместе с понятыми располагается на том месте, откуда он ранее видел опознаваемого, группа проходит на некотором расстоянии от него. Демонстрируя походку, предъявляемые лица проходят мимо опознающего по очереди, а не одновременно. Очередность своего участия в процедуре опознаваемый определяет сам. При этом следует учитывать, что на двигательные особенности человека оказывает влияние темп его передвижения (медленная или быстрая ходьба, ускоренный шаг, бег с определенной скоростью и т.д.). Поэтому, чтобы повысить надежность результатов, хождение следует повторить, дав возможность опознаваемому занять другое место в группе. В положительном случае опознающий называет место, которое занимал опознанный.

Таким образом, к процедуре предъявления для опознания по различным функциональным признакам предъявляются схожие требования. Как видно из вышеизложенного, при проведении опознания рассматриваемого вида возникает ряд существенных проблем. Однако, несмотря на это, процедура предъявления лица для опознания должна соответствовать установленным законом правилам, поскольку ошибки, допущенные при его проведении, могут привести к прекращению дел и освобождению лиц от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям.

Как и протоколы других следственных действий, протокол предъявления для опознания состоит из трех частей: вводной, описательной и заключительной, содержание которых регламентировано УПК РФ. Особенностью фиксации хода следственного действия в данном случае является тот факт, что составление протокола начинается с момента сбора участвующих лиц (за исключением опознающего) в

помещении, где будет проходить процедура опознания. На этой стадии следственного действия в протоколе отмечаются:

- сведения о месте, времени и условиях его проведения, должностном лице, проводящем процедуру опознания;
- данные лица, предъявляемого для опознания;
- сведения об иных лицах, участвующих в следственном действии (статистах, понятых, защитнике, специалисте и т.д.).

Причем при отражении в протоколе сведений об опознаваемом и статистах должностному лицу не следует ограничиваться лишь перечислением фамилий, имен, отчеств. Обязательно следует отметить, в чем выражается сходство предъявляемых лиц (рост, возраст, цвет волос, глаз, одежда и т.п.). Это делается с целью предотвращения возможности в последующем оспорить результаты предъявления для опознания подозреваемым или его защитником.

При предъявлении для опознания лица по функциональным признакам после предложения опознаваемому выбрать очередность по его усмотрению об этом делается соответствующая запись в протоколе.

Если опознающим является потерпевший или свидетель, в протоколе делается отметка о предупреждении его об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу ложных показаний по ст. 307, 308 УК РФ, в чем он расписывается.

После того как опознающий указал на какое-либо лицо, в протоколе следует отметить, какое место занимал опознанный в группе, предъявляемой для опознания, под каким номером находился.

В случае фиксации результатов проведения опознания по функциональным признакам можно столкнуться с затруднением опознающего в описании признаков, по которым он отождествил предъявленного ему в числе других лиц опознаваемого.

По этой причине в тех случаях, когда опознание производится по походке, мимике, жестикуляции, своеобразным интонациям речи, другим функциональным признакам внешности, по нашему мнению, к его проведению также целесообразно привлекать специалиста в области габитологии, речь о котором шла выше.

Если опознающий никого не опознал, то об этом также делается отметка в протоколе и на этом предъявление для опознания заканчивается¹.

В протоколе также необходимо отразить, имеются ли какие-то дополнения либо заявления у иных участников следственного действия, после чего все присутствующие лица удостоверяют правильность фиксации процедуры опознания своими подписями. На этом составление протокола заканчивается.

При фиксации результатов рассматриваемого вида опознания очень важно применение видеозаписи. Причем выполнить ее необходимо так, чтобы на ней были отображены именно те признаки (особен-

ности походки, жестикуляции и др.), которые указаны опознающим.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что, несмотря на ряд сложностей, возникающих при проведении данного следственного действия, процедура предъявления для опознания лица по функциональным признакам должна отвечать требованиям законности, поскольку ошибки, допущенные субъектом расследования при ее проведении, могут привести к необоснованному прекращению уголовного дела.

Библиографический список

1. Криминалистика: учеб. для вузов / В. В. Агафонов [и др.]; ред. А. Г. Филиппов. – М.: Юрайт, 2017.
2. Манцурова Л. А. К вопросу о целесообразности производства опознания в зависимости от результата допроса опознающего лица / Л. А. Манцурова // Адвокатская практика. – 2012. – № 1.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov / V. V. Agafonov [i dr.]; red. A. G. Filippov. – M.: YUrajt, 2017.
2. Mancurova L. A. K voprosu o celesoobraznosti proizvodstva opoznaniya v zavisimosti ot rezul'tata doprosa opoznayushchego lica / L. A. Mancurova // Advokatskaya praktika. – 2012. – № 1.

¹ Криминалистика: учебник для вузов / В. В. Агафонов [и др.]; ред. А. Г. Филиппов. М., 2017. С. 257.

Криминалистические аспекты изучения личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотиков посредством сети «Интернет»

Карпенко Ольга Александровна,
Владивостокский филиал Дальневосточного
юридического института МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: karpenkoaa@bk.ru

Шмырин Дмитрий Федорович,
Управление по контролю за оборотом наркотиков
УМВД России по Приморскому краю
e-mail: baikul55@mail.ru

В настоящей статье авторы рассматривают один из наиболее важных элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а именно личность преступника. Авторами проанализированы некоторые особенности структуры личности преступника, совершающего преступления в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; личность преступника; незаконный оборот наркотиков; сеть «Интернет».

Forensic aspects of studying the identity of a criminal who commits crimes in the field of drug trafficking via the Internet

Karpenko Olga Alexandrovna,
Vladivostok branch Far Eastern Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law

Shmyrin Dmitry Fedorovich,
Drug Enforcement Administration
Russian MIA Administration for the Primorsky Territory

In this article, the authors consider one of the most important elements of the forensic characteristics of crimes in the sphere of drug trafficking, namely the identity of the offender. The authors analyze some features of the personality structure of the criminal who commits crimes in this area.

Key words: forensic characteristics; the identity of the offender; drug trafficking; the Internet.

Согласно данным ГИАЦ МВД России абсолютно каждый субъект Российской Федерации страдает от негативных последствий незаконного оборота наркотиков. С распространением сети «Интернет», а также разработкой «теневых» сайтов и интернет-площадок приобретение наркотиков для граждан стало более доступным, поскольку они самостоятельно, без по-

средников могут осуществить покупку запрещенных веществ. И, напротив, для правоохранительных органов это стало труднопроходимым барьером. В указанную сферу вовлечены лица всех возрастных категорий, многие из которых погибают от пагубного воздействия наркотиков на организм.

Изучение личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, играет значительную роль в борьбе с преступностью, т. к. с помощью полученных знаний возможно эффективно предупреждать, раскрывать и расследовать преступления в сфере незаконного оборота наркотиков на ранних стадиях.

Существует множество определений понятия личности преступника, но мы бы хотели остановиться на следующем определении, где говорится, что личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступления представляет собой совокупность психофизиологических свойств и качеств, мотивационных установок эмоциональной и рациональной сфер человеческого сознания, отражившихся в следах преступления в процессе подготовки, непосредственного совершения и сокрытия следов преступления, а также его постпреступного поведения¹. Правовед Е. Д. Думан использует термин «наркопреступник» и определяет его как лицо, совершившее преступление, предметом которого являются наркотические средства и психотропные вещества в независимости от того, совершено ли только наркопреступление или помимо него в совокупности совершено иное преступление. Однако преобладающее значение при рассмотрении личности преступника будет иметь тот факт, что этим лицом уже совершено преступление, предметом которого будут являться наркотики².

В свою очередь, в структуру личности преступника входят такие признаки, как:

1. Биофизиологические характеристики, которые указывают на состояние здоровья человека, физиологическое состояние его нервной системы. Данные характеристики изучаются в связи с тем, что отмеченные черты чаще всего определяются генетически.

2. Нравственно-психологические характеристики личности. В данную группу включены такие показатели, как жизненная ориентация, жизненные ценности, убеждения и т. д., которые определяются решительностью и наступательностью в достижении поставленных перед собой целей.

3. Социально-демографические характеристики – это пол, возраст, образование, семейное положение, род занятий, социальное положение, уровень материальной обеспеченности, национальные и профессиональные характеристики.

4. Волевые качества личности, а также интеллектуальные и эмоциональные.

Вышеуказанные данные о личности преступника необходимы для правильной квалификации преступления, выбора тактических приемов, установления психологического контакта, розыска лица, а также

для оценки его действий, поведения и применения принудительных мер медицинского характера.

Далее подробнее остановимся на некоторых особенностях приведенной структуры личности. Лица, употребляющие наркотики длительное время, страдают психическими расстройствами, вызванными желанием снова употребить наркотические средства, которые оставляют негативный отпечаток на здоровье человека и на его нормальном психическом развитии. Психические проблемы могут развиваться в биполярное расстройство (маниакально-депрессивный психоз). Данная патология свойственна более половины зависимых людей, которые употребляют наркотики длительное время. Наиболее распространены возбудителями данного расстройства являются кокаин, амфетамины и различные виды галлюциногенов. Охарактеризовать человека с данным заболеванием можно как личность с резкой сменой настроения – от агрессивного поведения, сопровождающегося активностью, до тяжелой стадии депрессивного состояния вплоть до попыток суицида. Второй по значимости проблемой является деградация и диссоциальное расстройство личности, что может быть выражено в игнорировании общественных интересов, традиционных моральных устоев, равнодушия к семье и близким людям. Данное поведение могут вызывать наркотики опийной группы. Также у наркоманов способна развиваться шизофрения. Человек становится тревожным, замкнутым либо агрессивным. Тяжелая стадия шизофрении сопровождается паранойей, при которой человек теряет связь с реальностью. Данное расстройство вызвано чаще всего употреблением синтетических наркотиков, действие которых поражает клетки центральной нервной системы. Нередко встречается такое заболевание, как амнезия. Возникает оно в связи с употреблением стимуляторов центральной нервной системы, снотворных, успокаивающих средств, депрессантов и галлюциногенов (ЛСД). Амнезия – это нарушение памяти вследствие поражения клеток головного мозга.

Следует отметить, что независимо от употребляемого вида наркотика каждый зависимый человек страдает депрессией. Она сопровождается нарушением сна, затрудненностью мыслительных процессов, уменьшением аппетита, склонностью к суицидальным настроениям. Депрессия может перерасти в любые вышеперечисленные психические заболевания. Также происходит нравственное обезображивание личности при потреблении наркотиков³.

Анализ преступлений данной категории свидетельствует о том, что лица, связанные с незаконным оборотом наркотиков, – это лица возрастной категории от 17 до 40 лет, которые с легкостью пользуются современными устройствами и сетью «Интернет». Лица, осуществляющие эту незаконную деятельность, не всегда имеют высшее, среднее или техническое

¹ Демидов Н. Н. Изучение личности преступника в процессе расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 144.

² Думан Е. Д. Особенности личности наркопреступника, больного наркоманией // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. № 2 (78). С. 48.

³ Казанская В. Г. Наркозависимость подростков в контексте их кризисов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 5. № 4. С. 19.

образование. Конечно, лицам, имеющим более глубокие познания в информационных технологиях, на наш взгляд, легче осуществить свой преступный замысел и тщательно замаскировать следы совершения преступления. Именно лица данной возрастной категории являются наиболее опытными, продвинутыми пользователями сети «Интернет».

На сегодняшний день существует так называемый «Dark net» (далее – «DN») – анонимная сеть, передача данных в которой происходит в зашифрованном виде. Именно поэтому «DN» используют как инструмент для осуществления коммуникации в сфере незаконного оборота наркотиков. Чтобы войти в так называемый теневой интернет («DN»), достаточно иметь компьютер или смартфон, имеющий доступ к сети «Интернет», и с их помощью скачать приложение «TOR», похожее на простой браузер «Google» или «Opera», где необходимо зарегистрироваться. После регистрации уже можно выполнять незаконные действия, такие как купля-продажа каких-либо предметов и веществ, запрещенных или ограниченных на территории России.

Участие в незаконном обороте наркотиков не предполагает непосредственное употребление лицом наркотических средств, это может быть способом заработка денежных средств. У каждого интернет-магазина существует своя цепочка, где поставщик покупает (закупает) товар крупными партиями, например, в Европе. Затем он нелегально ввозит указанный выше груз в страну, где оставляет в обговоренном месте и оттуда груз забирает работник магазина, или, как его называют, «складмен». Указанную партию фасуют и делают «дозы» для «кладменов», которые в дальнейшем будут делать «закладки» в своих районах. За каждым «кладменом» закреплена своя территория. И далее этот круг повторяется снова и снова. Раскроем вышеупомянутые термины:

1. Поставщик – это лицо, которое закупает крупные партии наркотических средств и психотропных веществ.

2. Складмен – это лицо, которое разбирает оптовую партию и фасует ее на более мелкие партии, которые в дальнейшем предоставляет кладменам.

3. Кладмен – это «закладчик» небольших партий наркотических средств и психотропных веществ. Он представляет низший сегмент в цепочки продаж.

Если наркотики не привозят из других стран, а изготавливают на месте, то готовый и расфасованный наркотик передают водителю, его еще называют «перевозчик», который передает товар «складмену», а тот уже распределяет этот товар между «кладменами».

Однако есть еще один возможный вариант – готовую партию передают водителю-перевозчику, который в дальнейшем передает товар «кладменам» или непосредственно сам делает «закладки». В основном водители, или, как уже отмечали выше, «перевозчики», – это граждане стран, входящих в Содружество Независимых Государств (СНГ), которые работают в такси, а также лица, готовые на случайные и легкие

заработки. Кроме того существует не менее важная роль – это оператор, в обязанности которого входит координирование всех участников, а также работа со спорными клиентами.

В категорию лиц, которые не против легкого заработка, входят студенты, безработные. В судебной практике встречается, когда «закладчики» – это школьники.

Так в период с сентября по ноябрь 2019 г. нами проведен опрос в школах Кировского района Приморского края, а также в школах г. Владивостока, в ходе интервьюирования определенной категории школьников в возрасте от 15 до 17 лет включительно, это 8–11 классы соответственно, было выяснено, что большинство учеников согласились бы на подработку так называемым «кладменом». Лица, которые согласились, как выяснилось позже, были в основном из неблагополучных семей, и лишь малая часть их относилась к семьям с нормальными моральными устоями.

В ходе опроса нами проанкетирован юноша, который отличался от других. Он был скромный, застенчивый и с трудом вышел на контакт. Мальчик был одет в изношенную одежду, но при этом выглядел опрятно. В ходе диалога установлено, что его родители имеют скромную заработную плату, которой хватает лишь на оплату коммунальных услуг и приобретение товаров первой необходимости. Несмотря на то, что в его семье отсутствуют современные технические устройства, нет компьютера, он справляется с учебой и не имеет плохих оценок. Также он положительно характеризуется как ученик. Однако не пользуется популярностью среди своих сверстников, так как не может соответствовать их уровню жизни (брендовая одежда, определенные модели телефонов). Юноша стремится повысить благополучие семьи и внести свой вклад в общий доход. Однако в поселках, селах и небольших городах отсутствует легальная подработка для школьников, что лишает их возможности повысить свой доход. Опрашиваемому подростку был задан вопрос о знании им ответственности за совершение рассматриваемой нами категории преступлений, на что он ответил, что в общих чертах знает последствия, но при наступлении какой-либо безвыходной для него и для его семьи ситуации (например, увольнение одного из родителей с работы) он бы преступил закон.

Таким образом, можно сделать вывод, что указанные факторы могут побудить данную категорию подростков на совершение таких преступлений. И именно подростков из малообеспеченных семей довольно просто склонить к подработке в данной сфере.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что на сегодняшний день преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных посредством сети «Интернет», занимают лидирующую позицию среди общего количества наркопреступлений. Данная категория преступлений не только негативно влияет на общественную нравственность, но и оказывает отрицательное воздействие на политику и экономику

ку государства. Более того, эти преступления сопровождаются распространением болезней различного типа, дестабилизируют население. Таким образом, данные о личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотиков посредством сети «Интернет» в целом могут быть использованы для повышения качества расследования и раскрытия преступлений в рассматриваемой сфере.

Библиографический список

1. Демидов Н. Н. Изучение личности преступника в процессе расследования / Н. Н. Демидов: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2003. – 189 с.
2. Думан Е. Д. Особенности личности наркопреступника, больного наркоманией / Е. Д. Думан // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. – № 2 (78). – С. 48–55.
3. Казанская В. Г. Наркозависимость подростков в контексте их кризисов / В. Г. Казанская // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 5. – № 4. С. 19–32.

Bibliograficheskij spisok

1. Demidov N. N. Izuchenie lichnosti prestupnika v processe rassledovaniya / N. N. Demidov: dis. ... kand. yurid. nauk. – Volgograd, 2003. – 189 s.
2. Duman E. D. Osobennosti lichnosti narkoprestupnika, bol'nogo narkomaniej / E. D. Duman // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. – 2013. – № 2 (78). – S. 48–55.
3. Kazanskaya V. G. Narkozavisimost' podrostkov v kontekste ih krizisov / V. G. Kazanskaya // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. – 2014. – T.5. – № 4. S. 19–32.

Мобильный телефон как средство фиксации при производстве следственных действий: процессуальные проблемы оформления и оценки полученных материалов

Литвин Илья Ильич,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: ilitvin4@mvd.ru

В статье рассматриваются процессуальные вопросы использования камеры, встроенной в мобильный телефон, в качестве средства фиксации хода и результатов следственного действия, и связанные с этим процессуальные проблемы. Автор затрагивает проблему возможности использования мобильного телефона, принадлежащего участникам следственного действия. Предлагается порядок процессуального оформления полученных в ходе применения мобильного телефона материалов в качестве приложений к протоколу следственного действия, и анализируются вопросы их оценки в качестве доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; технические средства; мобильный телефон; средство фиксации; электронные средства.

Mobile phone as fixation during investigative actions: procedural problems of processing and evaluation of the received materials

Litvin Il'ya Il'ich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law

In article procedural questions of use of the camera which is built in the mobile phone as means of fixing of the course and results of investigative action and the procedural problems connected with it are considered. The author raises the question of a possibility of use of the mobile phone belonging to participants of investigative action. The order of procedural registration of the materials received during use of the mobile phone as annexes to the protocol of investigative action is offered, and questions of their assessment as proofs are analyzed.

Key words: criminal proceedings; technical means; mobile phone; fixer; electronic means.

Качество расследования уголовного дела напрямую зависит от средств, использованных при сборании, проверке и оценке доказательств. Ввиду постоянного увеличения объема цифровой информации и отражения следов преступления не в материальной действительности, а в виртуальной среде, необходимость в использовании специальных знаний и технических средств возрастает с каждым годом. Кроме того, глобальные процессы информатизации требуют качественного реформирования уголовного судопроизводства. В этой связи в рамках научной дискуссии широко обсуждается возможность использования в уголовно-процессуальном доказывании

«электронных доказательств»¹ и переход к электронной форме уголовного судопроизводства².

С 2016 г. функционируют системы «Мой арбитр» и «Правосудие», позволяющие подавать документы в арбитражные суды и суды общей юрисдикции посредством электронного документооборота. Начиная с 2019 г., разрабатывается система «электронного

¹ См., например: Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правовый порядок: история, теория, практика. 2020. № 3 (26). С. 46–51.

² См., например: Вилкова Т. Ю. Реализация конституционной обязанности государства обеспечить доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8 (117). С. 155–163.

протокола» судебного заседания при производстве по уголовным делам.

При решении вопросов улучшения эффективности предварительного расследования большое внимание уделяется рассмотрению возможности использования электронных устройств в уголовно-процессуальном доказывании и совершенствованию методологической основы формирования доказательств на основе электронной информации. Однако недооцененной остается возможность фиксации хода и результатов следственного действия электронными устройствами.

Современные технические средства многофункциональны, мобильны и доступны. Возможность видеозаписи, фотосъемки, аудиозаписи заложена не только в традиционные технические средства, но и в современные мобильные телефоны.

Как показывает практика, наряду с фотоаппаратами и видеокамерами в уголовно-процессуальной деятельности для фиксации следов и предметов, а также хода и результатов следственного действия нередко используются мобильные телефоны. Например, при проведении осмотра места происшествия – участка местности – следователь разъяснил понятым о применении технического средства фиксации – мобильного телефона, посредством которого будут производиться фотографии и замеряться географические координаты¹. По уголовному делу №1-118/2019 при проведении осмотра предмета использовалось техническое средство – фотокамера мобильного телефона, принадлежащего следователю. На основе полученных электронных снимков составлена фототаблица². Также широко используется мобильный телефон в качестве технического средства фиксации при производстве личного досмотра по делам о незаконном приобретении, хранении, без цели сбыта наркотических средств (ст. 228 УК РФ). Видеозапись с личным досмотром признается вещественным доказательством³.

Результаты опроса, проведенного среди следователей, дознавателей и оперуполномоченных полиции показывают, что мобильные телефоны нередко используются в качестве средств фиксации, однако в большинстве случаев в протоколе следственного действия указывается наименование фотоаппарата, находящегося на балансе следственного органа, органа дознания. Фотоснимки распечатываются и оформляются в качестве приложения к протоколу следственного действия. Тем не менее в некоторых случаях в протоколе следственного действия в графе об использованных технических средствах встречае-

ся отметка «Использована фотокамера, встроенная в мобильный телефон марки «_»»⁴.

Нежелание фиксации в протоколе следственного действия такого технического средства, как мобильный телефон, вызвано отсутствием его упоминания в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако следует подчеркнуть, что в нормах УПК РФ при упоминании технических средств в большинстве случаев речь идет о процессах их применения: фотографирование (ч. 1 и 2 ст. 84, ч. 2 ст. 141, ч. 4 ст. 179, ч. 1 ст. 193 УПК РФ), звукозапись (ч. 2 ст. 141, ст. 141.1, ч. 2 ст. 264 УПК РФ), киносъемка (ч. 2 ст. 141, ч. 4 ст. 179, ч. 1 ст. 193 УПК РФ) и др. В данном случае следует согласиться с В. А. Панюшкиным, что «такое построение регламентации представляется далеко не случайным, ибо оно дает возможность использовать любое техническое средство для реализации указанных в законе технических процессов»⁵.

Если обратиться к криминалистике, то необходимо вспомнить, что Р. С. Белкин выделяет три категории технико-криминалистических средств: специально изготовленные для целей раскрытия преступлений, приспособленные и универсальные, использование которых не требует их переделки или приспособления⁶. Под универсальными технико-криминалистическими средствами, не требующими переделки, традиционно понимаются фотоаппараты, однако многофункциональные мобильные телефоны вытеснили их с потребительского рынка и по праву могут занять их место в классификации технических средств. При этом следует отметить, что технические характеристики современных мобильных телефонов соответствуют фотоаппаратам и видеокамерам, а зачастую и превосходят их.

Другим аргументом неприменения мобильных телефонов в качестве средств фиксации по уголовным делам выступает довод о том, что данные устройства принадлежат лицу, проводящему следственное действие, а не находятся на балансе органа дознания (следствия). Следовательно, не сертифицированы, не имеют инвентарного номера, не имеют места хранения и могут оказаться в доступе третьих лиц. Последнее может привести к разглашению тайны следствия.

Однако с указанным следует не согласиться, т. к. мобильные телефоны являются товарами общего доступа и имеют стандартную сертификацию. Требования о дополнительной сертификации к техническим средствам для осуществления фото- и видеосъемки в уголовно-процессуальном законодательстве отсут-

¹ Приговор № 1-88/2019 от 29 апреля 2019 г. по делу № 1-88/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.10.2020).

² Приговор № 1-118/2019 от 17 июля 2019 г. по делу № 1-118/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.10.2020).

³ Приговор по уголовному делу № 1-240/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 01.10.2020).

⁴ Приговор от 19 мая 2015 г. по делу № 1-73/15 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 01.10.2020).

⁵ Панюшкин В. А. Научно-технический прогресс и проблемы разработки нового УПК России: необходимость и основные требования к правовой регламентации использования достижений научно-технического прогресса в уголовном процессе (статья 2) // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 25.

⁶ Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов: в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 232.

ствуют. Вопросы разглашения тайны следствия относятся к личной ответственности участников уголовного судопроизводства.

В качестве предложения для решения вопроса о сохранении тайны следствия можно предусмотреть требование об удалении содержащихся в памяти мобильного телефона электронных файлов после их переноса на персональный компьютер с соответствующей фиксацией этого обстоятельства в протоколе следственного действия.

Показательным является и тот факт, что в ряде случаев, суды, установив, что при осмотре места происшествия велась видеосъемка камерой мобильного телефона, не усматривают оснований, установленных уголовно-процессуальным законом, для признания протокола осмотра места происшествия недопустимым доказательством¹.

Отдельного рассмотрения требует вопрос процессуального оформления фотоснимков и видеозаписей, полученных с помощью камеры мобильного телефона. Технологически мобильный телефон принципиально не отличается от фотоаппарата и видеокамеры в этом вопросе. Внутри телефона имеется носитель информации, который содержит соответствующие электронные файлы. Перенос электронной информации осуществляется либо путем подключения устройства к персональному компьютеру через кабель или с помощью беспроводных средств, либо путем извлечения съемного носителя информации с файлами и подключения его через соответствующий порт к персональному компьютеру. В дальнейшем такие файлы должны быть записаны на CD-диск для хранения совместно с иными материалами уголовного дела. Статус фотоснимков и видеозаписи – приложение к протоколу следственного действия.

Кроме того, концепция «электронного уголовного дела» и технические возможности мобильного телефона позволяют реализовать перемещение фотоснимков и видеозаписей непосредственно в электронный протокол посредством сети Интернет.

Немаловажным является вопрос оценки протоколов следственных действий, приложениями к которым являются материалы, полученные с помощью мобильного телефона. Достоверность таких доказательств может оказаться под угрозой ввиду использования в процессе их формирования электронных файлов.

В данном случае претензии выдвигаются не к техническому средству, а к электронной информации в целом. Достоверность электронной информации подвергается сомнению рядом авторов в связи с возможностью внесения в нее изменений посредством специальных программ на техническом средстве (фотоаппарате, видеокамере, телефоне, компьютере)².

¹ См., например, приговор по уголовному делу № 1-184/2015 от 26 октября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 01.10.2020).

² Малюка А. А. Возможности и пределы использования графических редакторов при работе с цифровыми изображе-

По мнению большинства авторов и правоприменителей, электронный файл более уязвим, чем традиционные фотоснимки и видеозапись. В качестве наиболее уязвимого состояния отмечается период с начала осуществления фото-, видеосъемки до записи электронного файла на CD-диск.

Представляется, что при решении данного вопроса следует исходить не из эффективности степени защищенности результатов применения технических средств, а из степени реальной возможности внесения изменений. Так для осуществления монтажа требуется специальное программное обеспечение и соответствующие навыки, уровень которых должен быть достаточно высоким, чтобы корректировка не выглядела явной. При этом следует учитывать, что современный уровень развития информатики предоставляет возможность удостоверения подлинности информации, содержащейся на материальном носителе в цифровом виде и полученной с помощью специальных технических средств³.

Таким образом, практика применения мобильных телефонов для фиксации хода и результатов следственного действия на сегодняшний день представляется вполне допустимой, т. к. мобильный телефон соответствует заложенным в уголовно-процессуальном законе функциям технических средств и представляет в виде средства фиксации следов. Мобильные телефоны можно отнести к группе универсальных технико-криминалистических средств, использование которых не требует их переделки или приспособления для применения в целях расследования уголовных дел.

Судебная практика подтверждает возможность использования мобильных телефонов в качестве средств фиксации хода и результатов следственного действия. В целом данный вопрос не нуждается в отдельной правовой регламентации, однако по вопросам применения технических средств и использования электронных доказательств назрела необходимость разработки детального постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего судам порядок оценки и проверки, полученных с помощью мобильных телефонов электронных файлов.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов: в 3 т. / Р. С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М., 2001. – Т. 1. – 990 с.
2. Вилкова Т. Ю. Реализация конституционной обязанности государства обеспечить доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий / Т. Ю. Вилкова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 8 (117). – С. 155–163.

ниями – носителями доказательственной информации // Эксперт-криминалист. 2012. № 4. С. 31–32.

³ Соколов Ю. Н. Электронное наблюдение в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности. Екатеринбург, 2006. С. 25.

3. Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение / С. В. Зуев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 3 (26). – С. 46–51.

4. Малюка А. А. Возможности и пределы использования графических редакторов при работе с цифровыми изображениями – носителями доказательственной информации / А. А. Малюка // Эксперт-криминалист. – 2012. – № 4. – С. 31–32.

5. Панюшкин В. А. Научно-технический прогресс и проблемы разработки нового УПК России: необходимость и основные требования к правовой регламентации использования достижений научно-технического прогресса в уголовном процессе (статья 2) / В. А. Панюшкин // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 1. – С. 22–28.

6. Соколов Ю. Н. Электронное наблюдение в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности / Ю. Н. Соколов. – Екатеринбург, 2006. – 164 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: uchebnoe posobie dlya vuzov: v 3 t. / R. S. Belkin. – 3-e izd., dop. – M., 2001. – Т. 1. – 990 с.

2. Vilkoва T. YU. Realizaciya konstitucionnoj obyazannosti gosudarstva obespechit' dostup k pravosudiyu v usloviyah razvitiya cifrovyyh tekhnologij / T. YU. Vilkoва // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2020. – № 8 (117). – С. 155–163.

3. Zuev S. V. Elektronnye dokazatel'stva v ugovnom sudoproizvodstve: ponyatie i znachenie / S. V. Zuev // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2020. – № 3 (26). – С. 46–51.

4. Malyuka A. A. Vozmozhnosti i predely ispol'zovaniya graficheskikh redaktorov pri rabote s cifrovymi izobrazheniyami – nositelyami dokazatel'stvennoj informacii / A. A. Malyuka // Ekspert-kriminalist. – 2012. – № 4. – С. 31–32.

5. Panyushkin V. A. Nauchno-tekhnicheskij progress i problemy razrabotki novogo UPK Rossii: neobhodimost' i osnovnye trebovaniya k pravovoj reglamentacii ispol'zovaniya dostizhenij nauchno-tekhnicheskogo progressa v ugovnom processe (stat'ya 2) / V. A. Panyushkin // Sudebnaya vlast' i ugovnyj process. – 2016. – № 1. – С. 22–28.

6. Sokolov YU. N. Elektronnoe nablyudenie v ugovnom sudoproizvodstve i operativno-rozysknoj deyatel'nosti / YU. N. Sokolov. – Екатеринбург, 2006. – 164 с.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

УДК 342.72.73

К вопросу обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теоретический и проблемный аспекты

Гончарова Светлана Германовна,
Российский государственный
профессионально-педагогический университет,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: goncharova_sg@mail.ru

В статье проведен теоретико-правовой анализ понятия обеспечения прав и свобод человека и гражданина, выявлены проблемы в научной разработке указанной категории, дана характеристика процесса обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: обеспечение; конституционные права человека; гарантирование; реализация прав и свобод.

On the issue of ensuring human and civil rights and freedoms: theoretical and problematic aspects

Goncharova Svetlana Germanovna,
Russian State Vocational Pedagogical University,
Candidate of Law, Associate Professor

The article provides a theoretical and legal analysis of the concept of ensuring human and civil rights and freedoms, identifies problems in the scientific development of this category, and describes the process of ensuring human and civil rights and freedoms.

Key words: security; human rights; guaranteeing; realization of rights and freedoms.

Действие обеспечения прав и свобод человека и гражданина ориентировано на достижение целей, стоящих перед человеком, государством, правом. Сами цели вытекают из положений Конституции РФ, международно-правовых норм, действующего законодательства и социальной действительности. К ним относятся, в частности, обеспечение социального развития общества, в котором будут созданы условия для достойной жизни и свободного развития человека (ст. 7 Конституции РФ), установление правового порядка, обеспечивающего реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина и др. «По характеру и уровню гарантированности прав можно судить о реальном состоянии правовой системы как таковой

и в ее соотношении с политической, экономической и культурной системами»¹.

Обеспечение прав и свобод – это процесс, который интегрирует в себе две взаимосвязанные реальности: правовые нормы и явления и объективную действительность, в которой находят свое отражение права и свободы.

Начиная исследование обеспечения прав и свобод человека и гражданина рационально остановиться на вопросе: что означает данное понятие в общем виде?

¹ Луковская Д. И. Гарантии прав личности // История государства и права. 2007. № 16. С. 35.

Слова «обеспечение», «обеспечить» в русском языке употребляются в значении «сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым»¹. Слова «гарантировать» и «гарантия» по толковому словарю В. И. Даля объясняются как «обеспечить» и «обеспеченье» соответственно.

Термин «обеспечение прав и свобод» используется в различных смыслах как в законодательстве, так и научной литературе.

В законодательстве понятие «обеспечение» означает возможность государства гарантировать права и свободы человека и гражданина (ст. 17 Конституции РФ), обязательство соблюдать права человека (ст. 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), меры, направленные на осуществление прав (ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Так, в уставах, основных законах субъектов Российской Федерации закреплены следующие понятия: защита прав и свобод человека и гражданина, раскрывается через создание органами государственной власти и органами местного самоуправления условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека и гражданина (ст. 53 Устава Тульской области); в ст. 18 Устава Свердловской области «Гарантии прав и свобод человека и гражданина» закреплены положения о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, в Свердловской области обеспечивается защита прав и свобод человека и гражданина; ст. 2 Устава Камчатского края закрепляет, что в Камчатском крае признаются и гарантируются права и свободы, охрана чести и достоинства человека и гражданина, установленные Конституцией Российской Федерации, и обеспечивается их соблюдение и защита. Примеры можно продолжать. Поэтому разработанность, использование в нормативных правовых актах единой системы понятий дало бы возможности познать действительные особенности содержания правовых явлений, их роль и назначение. Однако следует признать, что на сегодняшний день практическая реализация указанной идеи в законодательстве трудно выполнима, поскольку преодоление лексической полисемии потребует внесения изменений в достаточно большой объем нормативных правовых актов, начиная от основных законов субъектов РФ, заканчивая локальными нормативно-правовыми актами. Поэтому, рассматривая вопрос обеспечения прав и свобод, необходимо каждый раз, исходя из контекста, уточнять, какое содержание включает в себя та или иная формулировка. В дальнейшем без четкого разграничения в законодательстве понятий процесса обеспечения можно столкнуться с тем, что нормативные положения перейдут из разряда непосредственно действующих в декларативные либо появится возможность выхолащивания законодателем содержания того или иного основного права в про-

цессе обеспечения его реализации.

Н. В. Витрук определяет понятийный аппарат как основу теории. Система понятий, по мнению Н. В. Витрука, должна достоверно отражать правовую действительность². В свою очередь, четко выраженные, полные, определенные понятия выступают средством практического совершенствования государственно-правовой действительности.

Понятие процесса обеспечения прав и свобод раскрывается во взаимосвязи с иными правовыми категориями, например такими, как «правовая защита», «средства», «гарантии» и др.

В юридической литературе теоретики и государственоведы по-разному определяют и понимают понятие «обеспечение». И. Е. Фарбер говорит о том, что следует изучать гарантии каждого права и не только социально-экономические, но и юридические, обращающая внимание на судебные и иные формы защиты конституционных прав³. Н. В. Витрук пишет, что «под обеспечением конституционных прав и свобод понимается система их гарантирования, т. е. система общих условий и специальных (юридических) средств, которые обеспечивают их правомерную реализацию, а в необходимых случаях – их охрану»⁴. А. В. Стремоухов раскрывает понятие «обеспечение прав человека» через деятельность различных субъектов, создающих благоприятные условия для реализации и защиты⁵. Об этом же говорит А. В. Мицкевич⁶.

Теоретическая база является основанием практических предложений и рекомендаций. В законодательной практике на сегодняшний день ослаблено внимание к понятийному аппарату, связанному с фактическим осуществлением прав и свобод человека и гражданина. Понятия «обеспечение», «охрана», «защита», «деятельность» отождествляются, однако реальные явления указанных категорий находятся в разных плоскостях, характеризуют различные стороны реализации прав и свобод человека и гражданина. Другими словами, являются неразрывно связанными, но качественно самостоятельными правовыми явлениями.

Развитие и постоянное улучшение понятий означает их совершенствование, наполнение, конкретизацию, смену одних понятий другими, поскольку старые не могут вместить в себя всю широту современных реальных отношений социальной действительности. Таким образом, необходимо не только уточнять

² См.: Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 9.

³ См.: Фарбер И. Е. Конституционное право на неприкосновенность личности советских граждан // Правоведение. 1973. № 3. С. 13.

⁴ Конституционный статус личности в СССР. М., 1980. С. 195–196.

⁵ См.: Стремоухов А. В. Правовая защита человека: теоретические проблемы: моногр. СПб., 2003. С. 23.

⁶ См.: Мицкевич А. В. О гарантиях прав и свобод советских граждан в общенародном социалистическом государстве // Советское государство и право. 1963. № 8. С. 27.

¹ См.: Словарь русского языка: 70000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1991. С. 72.

смысл и содержание используемых правовых явлений, но и формировать новые понятия, вычленив их из уже известных, образовывая их с учетом уровня развития правовой и социальной действительности.

Научная и правовая формализация понятия обеспечения прав и свобод полезна во многих отношениях. В теоретическом плане это означает выработку понятий, возможность классификаций условий и средств, воздействующих на реализацию прав и свобод, анализ их особенностей и др. Все это позволяет приблизить правовое оформление процесса обеспечения и его прикладной характер.

Сложности в научной разработке категории обеспечения прав и свобод обусловлены отличиями, которые встречаются в ходе реализации определенных субъективных прав. Однако практическое решение этого вопроса позволит выработать общие начала для урегулированности процесса реализации каждого вида субъективных прав, определить благоприятные условия и закрепить эффективные правовые средства.

Невнимание к процессу обеспечения прав и свобод как в теоретическом, так и практическом планах приводит к глубоким социальным последствиям: недоверию граждан к государственным и социальным институтам, нарушению прав и свобод человека и гражданина, деструктивным процессам развития гражданского общества. Не так трудно разработать и принять нормативные правовые акты, закрепляющие права и свободы человека, как создать эффективные и рациональные способы и средства, обеспечивающие их наиболее полную реализацию.

Понятие «обеспечение прав» можно рассматривать как самостоятельную правовую категорию, которая, с одной стороны, является средством, условием или способом, позволяющим реализовать свободу поведения индивида в границах, установленных нормой права, с другой стороны, выступает как самостоятельный правовой феномен правовой реальности. В защиту последнего тезиса следует выделить признаки процесса обеспечения прав и свобод человека и гражданина:

- 1) он имеет свою внешнюю форму выражения;
- 2) определяет рамки свободы субъектов при реализации прав и свобод;
- 3) способствует заполнению пробелов в законодательстве, разрешению трудностей, возникающих при осуществлении прав и свобод человека и гражданина.

Понятие «гарантирование» и «обеспечение» субъективных прав и свобод следует отождествлять как в лексическом смысле, так и в правовой интерпретации. Под обеспечением прав и свобод человека и гражданина понимается процесс влияния общих (социально-экономических, политических, идеологических) и юридических гарантий на реализацию прав и свобод человека и гражданина, их реальное осуществление, а в определенных случаях – правовую защиту. Обеспечение прав и свобод является одним из

оснований отличия реализации норм права от реализации прав личности. Использование термина «обеспечение» призвано выразить динамическую, активно-действенную сторону реализации прав и свобод.

Характеристика обеспечения прав и свобод должна быть как структурной, так и функциональной.

Характерная качественная определенность процесса обеспечения прав и свобод воплощается в том, что он носит аксессуарный характер, то есть он подчинен правам и свободам. Подчиненная роль такого процесса обусловлена его характером. Условия и средства устанавливают определенные варианты поведения применительно к реализации прав и свобод человека и гражданина. Нет и не может быть такого правоотношения, которое возникало бы лишь на основе обеспечительного процесса.

Анализ процесса обеспечения диктует необходимость выделения такого свойства, как системность, которое позволяет сосредоточить внимание не только на процессе объединения целостного комплекса взаимосвязанных элементов, но и на выявлении интегративных качеств, последовательных состояний, возникающих в результате соединения различных элементов в единое целое.

Обеспечение прав и свобод должно отвечать критерию оптимальности, который складывается из эффективности такого процесса, т. е. удовлетворительной степени реализации в реальной действительности правовых возможностей; действенности и экономической рациональности.

Формализация процесса обеспечения – одно из необходимых условий четкости его функционирования. Под формализацией понимается нормативное закрепление элементов процесса обеспечения, связей между ними. Особое место в этом процессе отводится конституционно-правовым положениям. Такие нормы хотя и не будут содержать оптимального решения для реализации каждого субъективного права (свободы), но они будут выступать основой для его реализации.

Конституционно-правовые положения являются базовыми для процесса обеспечения прав и свобод. Они выступают динамично развивающимся нормативным комплексом, который составляет основу процесса обеспечения прав и свобод. Такие положения носят императивный характер и влияют на практические правовые последствия процесса обеспечения.

Определяя процесс обеспечения прав и свобод как систему, можно говорить о правовом единстве, проникнутом совокупностью определенных конституционно-правовых и отраслевых принципов. В соответствии со ст. 17 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией (принцип гарантированности прав и свобод человека). Кроме того, принципы формируются и вне рамок законодательства – «обеспечения самореализации личности и ее прав». Дан-

ный принцип сформировался под влиянием эволюции представлений о приоритете прав человека.

Конституционное закрепление человека, его прав и свобод высшей ценностью позволяет говорить о переориентации российской правовой системы на гуманитарные приоритеты.

Судьи Конституционного суда РФ, раскрывая гуманистические начала социального государства, призванного, прежде всего, защищать права и свободы человека и гражданина, предопределяют обязанность федерального законодателя осуществлять правовое регулирование таким образом, чтобы обеспечить наиболее уязвимым категориям граждан благоприятные условия для реализации своих прав¹.

Принципы процесса обеспечения прав и свобод человека предопределяются и реализацией норм международного права в сфере внутригосударственной компетенции. Анализируя ст. 79 Конституции РФ, можно сказать, что сферы регулирования отношений по применению международного права переводятся в плоскость национального права. В доктрине международного права нет единой позиции по вопросу действия норм международного права во внутригосударственной сфере. По мнению И. И. Лукашук, созданные на основе предписаний международного права нормы внутригосударственного права действуют в правовой системе соответствующего государства, подчиняются ее принципам и процессуальным нормам². Г. В. Игнатенко пишет о самостоятельном применении международно-правовых норм, которые выступают регулятором некоторых внутригосударственных отношений, и о совместном применении в конкретных случаях международно-правовых и внутригосударственных правовых норм³.

Представляется, что при рассмотрении вопроса реализации прав и свобод личности основная роль отводится как юридическим мерам государства по реализации норм международного права, так и содержанию конституционного законодательства. С одной стороны, международно-правовые нормы непосредственно влияют на внутригосударственные отношения, участвуют в правоприменительном процессе государства и влияют на изменение норм национального права. С другой стороны, они опосредованно содействуют реализации норм внутригосударственного права. Так, приоритет основных прав человека становится общим принципом международного и конституционного права государств. В

России это положение закреплено Конституцией (ч. 2 ст. 55): «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина», которые признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ч. 1 ст. 17 Конституция РФ). Такие нормативные положения не допускают разрыва между нормами международного и внутригосударственного права.

Обеспечение прав и свобод личности – процесс, включающий в себя комплексные закономерности, условия и правовые средства целенаправленного воздействия и регулирования, позволяющие выразить в оптимальном виде результат реализации конституционного права и свободы человека и гражданина с учетом потребностей каждого.

Библиографический список

1. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н. В. Витрук. – М.: Наука, 1979.
2. Игнатенко Г. В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности / Г. В. Игнатенко // Правоведение. – 2001. – № 1. – С. 87–101.
3. Луковская Д. И. Гарантии прав личности / Д. И. Луковская // История государства и права. – 2007. – № 16. – С. 35–37.
4. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. факультетов и вузов / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005.
5. Мицкевич А. В. О гарантиях прав и свобод советских граждан в общенародном социалистическом государстве / А. В. Мицкевич // Советское государство и право. – 1963. – № 8. – С. 24–33.
6. Словарь русского языка: 70000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1991.
7. Стремоухов А. В. Правовая защита человека: теоретические проблемы: моногр. / А. В. Стремоухов. – СПб., 2003.
8. Топорнин Б. Н. Конституционный статус личности в СССР / Б. Н. Топорнин, Л. Д. Воеводин, В. С. Шевцов и др.; редкол.: Н. В. Витрук и др. – М.: Юрид. лит., 1980.
9. Фарбер И. Е. Конституционное право на неприкосновенность личности советских граждан / И. Е. Фарбер // Правоведение. – 1973. – № 3. – С. 3–20.

Bibliograficheskij spisok

1. Vitruk N. V. Osnovy teorii pravovogo polozheniya lichnosti v socialisticheskom obshchestve / N. V. Vitruk. – M.: Nauka, 1979.
2. Ignatenko G. V. Mezhdunarodno priznannye prava i svobody kak komponenty pravovogo statusa lichnosti / G. V. Ignatenko // Pravovedenie. – 2001. – № 1. – С. 87–101.

¹ Постановление Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности пункта 4 части 1 ст. 33 и подпункта «а» п. 3 ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Л. А. Пугиевой от 6 декабря 2012 г. № 31-П // Российская газета. 2012. 21 дек.

² Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. факультетов и вузов / И. И. Лукашук. М., 2005. С. 279.

³ Игнатенко Г. В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности // Правоведение. СПб., 2001. № 1. С. 87–101.

3. Lukovskaya D. I. Garantii prav lichnosti / D. I. Lukovskaya // Istoriya gosudarstva i prava. – 2007. – № 16. – S. 35–37.

4. Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb. dlya studentov yurid. fakul'tetov i vuzov / I. I. Lukashuk; Ros. akad. nauk, In-t gosudarstva i prava, Akadem. pravovoj un-t. – 3 -e izd., pererab. i dop. – M.: Volters Kluver, 2005.

5. Mickevich A. V. O garantiyah prav i svobod sovetskih grazhdan v obshchenarodnom socialisticheskom gosudarstve / A. V. Mickevich // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1963. – № 8. – S. 24–33.

6. Slovar' russkogo yazyka: 70000 slov / S. I. Ozhegov; pod red. N. YU. SHvedovoj. – 23-e izd., ispr. – M.: Rus. yaz., 1991.

7. Stremouhov A. V. Pravovaya zashchita cheloveka: teoreticheskie problemy: monografiya / A. V. Stremouhov. – SPb., 2003.

8. Topornin B. N. Konstitucionnyj status lichnosti v SSSR / B. N. Topornin, L. D. Voevodin, V. S. Shevcov i dr.; redkol.: N. V. Vitruk i dr. – M.: YUrid. lit., 1980.

9. Farber I. E. Konstitucionnoe pravo na neprikosnovennost' lichnosti sovetskih grazhdan / I. E. Farber // Pravovedenie. – 1973. – № 3. – S. 3–20.

Понятие и сущность правозащитной функции государства

Красилова Екатерина Владимировна,
Барнаульский юридический институт МВД России
e-mail: krasilova1357@mail.ru

Статья посвящена исследованию сущности правозащитной функции государства, которая в научной литературе остается малоизученным явлением. Особое внимание уделено проблеме наименования рассматриваемой функции. Автором делается вывод о существенных признаках анализируемого направления государственной деятельности. Предлагается авторское определение дефиниции «правозащитная функция государства».

Ключевые слова: правозащитная функция государства; правовая защита; функции государства; права человека; защита прав человека.

The concept and essence of the state's human rights function

Krasilova Ekaterina Vladimirovna,
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

The article is devoted to the study of the essence of the state's human rights function, which remains a poorly studied phenomenon in the scientific literature. Special attention is paid to the problem of naming the function under consideration. The author concludes about the essential features of the analyzed direction of state activity. The author's definition of the definition of «human rights function of the state» is offered.

Key words: human rights function of the state; legal protection; functions of the state; human rights; protection of human rights.

Уровень правовой защиты личности определяет готовность страны к формированию правового государства, созданию демократических основ общества. Как известно, государственная деятельность не может нормально и эффективно функционировать без признания прав и свобод личности, а также полноценной системы их защиты. В соответствии с Конституцией Российской Федерации защита прав и свобод человека и гражданина является государственной обязанностью. В этой связи необходимо отметить, что деятельность государственных органов в первую очередь должна быть направлена на исполнение указанной первоочередной обязанности, которая выражается в правозащитной функции государства.

Несмотря на большую и значимую работу государства, проведенную в сфере правовой защищенности граждан, в современных реалиях стоит признать, что такое направление деятельности не регулируется на должном уровне. Как справедливо в своём докладе отметила Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова, «разрыв между обязательствами государства по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и граж-

данина и их практическим воплощением в жизнь довольно большой»¹.

В настоящее время актуальной проблемой является то, что правозащитная функция государства в рамках теории государства и права недостаточно исследована. Чаще всего в юридической науке она подменяется иными функциями государства, такими как: правоохранительная, защиты права и правопорядка, охраны прав и свобод граждан, обеспечения законности и правопорядка. Однако правозащитная функция является абсолютно самостоятельным направлением деятельности, имея свою собственную систему, куда входят субъекты, принципы, правовое регулирование и т.д.

Полноценный анализ правозащитной функции может помочь в повышении эффективности её деятельности, устранении проблем в сфере правовой защиты личности. Её закрепление в системе функций российского права даст новый вектор развития важ-

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf.

ного направления деятельности государства – правовой защиты личности. Необходимо теоретическое осмысление правозащитной функции государства, внесение научно выработанных предложений для совершенствования правовой защиты. Таким образом, представляется актуальной и своевременной теоретическая разработка вопросов, связанных с сущностью правозащитной функции государства.

При изучении правозащитной функции государства в первую очередь возникает вопрос о её точном наименовании. В своих работах многие авторы так и или иначе затрагивают область прав человека и гражданина, характеризуя государственную деятельность по их правовой защите, которую каждый из ученых именуется по своему усмотрению. Так, авторский коллектив в составе Н. И. Матузова и А. В. Малько выделяют функцию охраны прав и свобод человека и гражданина, обеспечения правопорядка, под которой понимается деятельность государства, направленная на защиту интересов личности и общества, на реальное воплощение в жизнь ст. 2 Конституции РФ¹. Характеризуя представленную мысль, нужно заметить, что авторы под охраной подразумевают деятельность по защите, в связи с чем происходит взаимозамещение столь разных по значению понятий. Кроме того, в название функции не был внесен основной термин, отражающий сущность определения, – «защита».

Другие авторы в числе основных функций государства выделяют функцию охраны прав и свобод человека и гражданина, которая, по их мнению, «реализуется в рамках правозащитной деятельности»². Такое понимание охраны производит подмену охранительной и правозащитной направлений деятельности. Как известно, они представляют собой две разные категории, каждая из которых имеет свое собственное содержание. Самое главное отличие между ними состоит в том, что охранительная деятельность направлена непосредственно на охрану общественных отношений, предупреждение, предотвращение нарушения прав человека, а правозащитная деятельность осуществляется с целью восстановления каких-либо нарушенных прав.

Некоторые ученые пытаются соединить два совершенно разных направления деятельности в одной государственной функции. К примеру, А. Г. Хабибулин и Г. Т. Чернобель выделяют охранно-защитную функцию государства, которая касается всех сторон правового бытия. Более того, авторы указывают, что «вне этой функции государства как такового нет и не может быть»³. Мы согласны с мнением ученых о важ-

ном значении этих направлений деятельности, без которых существование государства действительно стоит под вопросом. Однако закрепление охраны и защиты в одной функции ставит их самостоятельность в узкие рамки. Механизм реализации каждого из этих направлений деятельности может функционировать абсолютно самостоятельно, имея несопадающие цели и выполняя их посредством разного круга субъектов. В связи с этим необходимо ограничивать охранительную функцию от защитной.

Рассуждая о соотношении правозащитной и других государственных функций, стоит отметить, что в юридической литературе единого мнения об этом нет. Например, одни ученые считают, что правозащитная функция государства является «одновременно подвидом социальной функции и правоохранительной функции»⁴. Другие отдают приоритет правозащитной функции государства, полагая, что «правоохранительная деятельность (функция) государства, став понятием второго уровня, будет выступать в роли одной из правовых форм реализации правозащитной функции»⁵. В этом вопросе мы солидарны с точкой зрения М. В. Мархгейм, которая считает, что правозащитная функция государства абсолютно самостоятельна: «Такое обособление не является самоцелью, а предлагается для упорядочения и развития правозащитной структуры российского общества и государства, для уточнения сложившихся и разработки необходимых правозащитных механизмов и процедур, для совершенствования правозащитной деятельности посредством которой функционирует конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина»⁶. Действительно, правозащитная функция государства выделилась в отдельное государственное направление ещё с момента принятия действующей Конституции Российской Федерации. Однако, исходя из представленного выше анализа, можно констатировать, что в научной литературе её положение остается сложным в связи с неправильной трактовкой правозащитного направления деятельности и отсутствием единого подхода к названию функции.

Изучая сущность правозащитной функции государства, мы не можем не затронуть вопросы её наименования. Анализируемая нами функция произошла от категории «правозащита». В научной лите-

2008. № 5 (137). С. 24.

⁴ Гасымов С. А. Правозащитная функция государства в сфере трудовых отношений // Юридическая наука: традиции и инновации: сб. материалов Международ. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. Н. Новгород, 2019. С. 58.

⁵ Нехайчик В. К. Правоохранительная функция современного Российского государства: проблемы реализации и правового регулирования // Российский юридический журнал. 2013. № 3 (90). С. 102.

⁶ Мархгейм М. В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 40.

¹ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М., 2004. С. 58.

² Ирошников Д. В., Гайдук С. Л. О соотношении понятий правоохранительный орган и правозащитная организация в правовой доктрине и российском праве // Актуальные вопросы модернизации института прав человека в конституционном и международном праве. 2005. С. 60.

³ Хабибулин А. Г., Чернобель Г. Т. Интересы государства и его охранно-защитная функция // Журнал российского права.

ратуре она наиболее основательно рассмотрена А. В. Стремоуховым, который считает, что «охрана прав» и «защита прав» объединяются более широким понятием «правовая защита». Однако, как отметил автор, «это вовсе не означает, что правовая защита человека есть простое сложение охраны прав и защиты прав. Она выходит за рамки и того и другого явления и приобретает свои уникальные свойства»¹. Не умаляя заслуг указанного автора в области исследования правовой защиты, стоит отметить, что объединение охраны и защиты в рамках одной категории означает преуменьшение значения одного из указанных видов деятельности и преобладание другого. В современных реалиях правовая охрана давно вышла за рамки правозащитной деятельности, которая исследуется и существует обособлено. Вместе с тем мы согласны с автором, что понятие «правовая защита» довольно широкое, и включение в её содержание элемента «защита прав» является необходимым. Её цель – восстановить нарушенное (оспоренное) право в случаях, когда это объективно возможно, средствами, предусмотренными законом.

Чтобы защита права могла непосредственно реализоваться, необходимо наличие возможности применения так называемого права на защиту. Как верно отметили В. М. Ведяхин и Т. Б. Шубина, право на защиту является основанием, условием самой защиты². Оно является самостоятельным правом человека. Согласно конституционным положениям, а именно ст. 45–48 Конституции РФ, государство гарантирует защиту прав и свобод человека, даёт возможность защищать их самостоятельно. Рассматриваемое нами право существует объективно, вне зависимости от необходимости применять его в тот или иной момент времени как самостоятельное основное право человека.

В содержание конституционного права на защиту включаются материально-правовая и процессуальная составляющие. Материально-правовое содержание права на защиту состоит из следующих элементов: 1) право обращаться в государственные органы, органы местного самоуправления, общественные объединения с целью защиты своих прав; 2) право на применение самозащиты своих прав, используя способы, не запрещенные законом; 3) право на судебную защиту прав и свобод; 4) право в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человек; 5) право на получение квалифицированной юридической помощи.

Процессуальное содержание права на защиту включает в себя все процедурные моменты, связанные с непосредственным обращением в государ-

ственные органы, органы местного самоуправления, общественные объединения за защитой нарушенного права, а также использование способов, не запрещенных законом с целью защиты своих прав.

Защита права представляет собой реализацию возможностей, составляющих содержание права на защиту. Понятие «защита права» также разграничивают с «правом на защиту» в связи с объектом. Объектом защиты права являются права и охраняемые законом интересы, а объект права на защиту состоит из действий обязанного лица, имеющих положительный или отрицательный характер³.

Обобщая вышеизложенное, стоит отметить, что правовая защита является собирательным понятием, в которое включаются право на защиту и защита права. В целях достижения наиболее полной защищенности человека и гражданина считаем необходимым использовать общую категорию – правовая защита, которая характеризует весь правозащитный процесс, от реально существующей возможности воспользоваться правом на защиту до непосредственного восстановления нарушенного права. По этой причине правозащитная функция государства именуется таковой.

Открытой остается проблема определения дефиниции «правозащитная функция государства». В научной литературе некоторые авторы в систему государственных функций включают в том числе правозащитную, в какой-то степени раскрывая её сущность.

Так, В. С. Нерсисянц к числу отдельных основных функций государства относит правозащитную, под которой понимает «деятельность государства по защите прав и свобод человека и гражданина, утверждению законности и правопорядка во всех сферах общественной и политической жизни». Важным аспектом этой функции является борьба с правонарушениями и преступностью, осуществление соответствующих профилактических мероприятий⁴.

А. А. Дембицкий к основным правовым функциям современного государства относит правозащитную функцию. Она появляется у государства, когда перед ним встает задача обеспечения защищенности прав конкретных субъектов от реальных или возможных угроз⁵.

По мнению Л. А. Морозовой, правозащитная функция предусматривает защиту прав и свобод личности, обеспечение законности и правопорядка и относится к приоритетным, от качества выполнения ее зависит оценка демократичности государства⁶.

³ Савватеев В. Ю. Гражданско-правовая защита прав участников предпринимательских отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. С. 12.

⁴ Нерсисянц В. С. Теория права и государства: учебник. М., 2013. С. 68–69.

⁵ Дембицкий А. А. Общая характеристика правовых и неправовых функций государства // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 24.

⁶ Морозова Л. А. Теория государства и права. Повторительный курс в вопросах и ответах. М., 2003. С. 68.

¹ Стремоухов А. В. Правовая защита человека: теоретический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 1996. С. 29–30.

² Ведяхин В. М., Шубина Т. Б. Защита права как правовая категория // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1 (220). С. 76.

Наибольший вклад в науку теории государства и права в рамках анализа правозащитной функции внесла А. И. Земскова. Под правозащитной функцией государства она понимает «обусловленную естественно-социальными потребностями личности и сущностью правового государства его способность к правозащитной деятельности компетентных субъектов по устранению препятствий на пути осуществления прав человека, восстановлению нарушенных прав и наказанию виновных в их нарушении, а также реализацию данной способности совокупностью нормативных, индивидуально-правовых, организационно-правовых и международно-правовых средств обеспечения защищенности прав человека»¹.

Учитывая изложенные мнения, можно сделать вывод о том, что сущность правозащитной функции, на наш взгляд, проявляется в следующих её признаках:

- 1) проявляется в форме активных действий соответствующих ей субъектов;
- 2) реализуется на основании широкой системы нормативных правовых актов, международно-правовых норм;
- 3) осуществляется в превентивной форме, т.е. она предупреждает возможное нарушение прав человека;
- 4) человек является объектом и субъектом функции, т.е. деятельность функции направлена на всестороннее обеспечение правовой защищенности человека, а также допустима реализация самозащиты своих прав;
- 5) выражается в восстановлении нарушенных (оспоренных) прав человека;
- 6) осуществляется в условиях правового государства;
- 7) реализуется относительно-определенным кругом субъектов государственных, негосударственных органов, институтов гражданского общества;
- 8) к нарушителям прав применяются принудительные меры.

Всё вышеизложенное доказывает факт существования правозащитной функции, возможности её выделения в качестве самостоятельного направления деятельности государства, необходимости признания правозащитной функции как одной из основных функций современного государства.

В целях обособления правозащитной функции стоит привести основания её выделения:

- конституционное закрепление за государством обязанности защищать права человека и гражданина;
- существование нормативной правовой базы в сфере правовой защиты человека;
- признание приоритета международно-правовых актов о защите прав человека;
- относительно-определенный круг субъектов, участвующих в системе реализации защиты прав человека;

¹ Земскова А. И. К вопросу о сущности правозащитной функции государства // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 26.

– существование и признание института омбудсмена;

– активная деятельность институтов гражданского общества в сфере защиты прав человека.

Резюмируя вышеизложенное, можно представить авторское определение понятия «правозащитная функция государства» – это основное направление деятельности правового государства, связанное с всесторонним обеспечением правовой защищенности человека, реализация которой основывается на широкой системе нормативных правовых актов, международно-правовых норм посредством активных действий относительно определенного круга субъектов государственных, негосударственных органов, институтов гражданского общества, человека, выражаясь в восстановлении нарушенных (оспоренных) прав человека, в применении принудительных мер к правонарушителям, а также в предупреждении возможности их нарушения.

В заключение стоит отметить, что сущностью правозащитной функции является, прежде всего, всестороннее обеспечение правовой защищенности каждого человека от противоправных посягательств, а также недопущение возможного нарушения прав человека. В связи с этим правозащитное направление деятельности в системе функций занимает особое место, а ее значимость должна оцениваться чрезвычайно высоко. Основная задача государства на современном этапе состоит в создании условий, необходимых для всестороннего обеспечения прав и свобод каждого гражданина страны, что предполагает выделение правозащитной функции в качестве самостоятельной основной функции государства.

Библиографический список

1. Ведяхин В. М. Защита права как правовая категория / В. М. Ведяхин, Т. Б. Шубина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 1 (220). – С. 67–79.
2. Гасымов С. А. Правозащитная функция государства в сфере трудовых отношений / С. А. Гасымов // Юридическая наука: традиции и инновации: сб. материалов Международ. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. – 2019. – С. 58–60.
3. Дембицкий А. А. Общая характеристика правовых и неправовых функций государства / А. А. Дембицкий // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С. 19–26.
4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год [Электронный ресурс]. – URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf (дата обращения: 20.09.2020).
5. Земскова А. И. К вопросу о сущности правозащитной функции государства / А. И. Земскова // Общество и право. – 2009. – № 3 (25). – С. 21–27.
6. Ирошников Д. В. О соотношении понятий правоохранительный орган и правозащитная организа-

ция в правовой доктрине и российском праве / Д. В. Ирошников, С. Л. Гайдук // Актуальные вопросы модернизации института прав человека в конституционном и международном праве. – 2005. – С. 60–64.

7. Мархгейм М. В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук / М. В. Мархгейм. – Москва, 2005.

8. Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва: Юристъ, 2004.

9. Морозова Л. А. Теория государства и права. Повторительный курс в вопросах и ответах / Л. А. Морозова. – Москва: Издательство: НОРМА, 2003.

10. Нерсессянц В. С. Теория права и государства: учебник / В. С. Нерсессянц. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013.

11. Нехайчик В. К. Правоохранительная функция современного Российского государства: проблемы реализации и правового регулирования / В. К. Нехайчик // Российский юридический журнал. – 2013. – № 3 (90). – С. 100–102.

12. Савватеев В. Ю. Гражданско-правовая защита прав участников предпринимательских отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Ю. Савватеев. – Волгоград, 2007.

13. Стремоухов А. В. Правовая защита человека: теоретический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Стремоухов. – Санкт-Петербург, 1996.

14. Хабибулин А. Г. Интересы государства и его охранно-защитная функция / А. Г. Хабибулин, Г. Т. Чернобель // Журнал российского права. – 2008. – № 5 (137). – С. 18–27.

organizaciya v pravovoj doktrine i rossijskom prave / D. V. Iroshnikov, S. L. Gajduk // Aktual'nye voprosy modernizacii instituta prav cheloveka v konstitucionnom i mezhdunarodnom prave. – 2005. – S. 60–64.

7. Marhgejm M. V. Konstitucionnaya sistema zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra yurid. nauk / M. V. Marhgejm. – Moskva, 2005.

8. Matuzov N. I. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / N. I. Matuzov, A. V. Mal'ko. – Moskva: YUrist", 2004.

9. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava. Povtoritel'nyj kurs v voprosah i otvetah / L. A. Morozova. – M.: Izdatel'stvo: NOMRA, 2003.

10. Nersessyanc V. S. Teoriya prava i gosudarstva: uchebnik / V. S. Nersessyanc. – M.: Norma: INFRA-M, 2013.

11. Nekhajchik V. K. Pravoohranitel'naya funkciya sovremennogo Rossijskogo gosudarstva: problemy realizacii i pravovogo regulirovaniya / V. K. Nekhajchik // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2013. – № 3 (90). – S. 100–102.

12. Savvateev V. YU. Grazhdansko-pravovaya zashchita prav uchastnikov predprinimatel'skih otnoshenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / V. YU. Savvateev. – Volgograd, 2007.

13. Stremouhov A. V. Pravovaya zashchita cheloveka: teoreticheskij aspekt: dis. ... d-ra yurid. nauk / A. V. Stremouhov. – Sankt-Peterburg, 1996.

14. Habibulin A. G. Interesy gosudarstva i ego ohranno-zashchitnaya funkciya / A. G. Habibulin, G. T. Chernobel' // Zhurnal rossijskogo prava. – 2008. – № 5 (137). – S. 18–27.

Bibliograficheskij spisok

1. Vedyahin V. M. Zashchita prava kak pravovaya kategoriya / V. M. Vedyahin, T. B. SHubina // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. – 1998. – № 1 (220). – S. 67–79.

2. Gasymov S. A. Pravo-zashchitnaya funkciya gosudarstva v sfere trudovyh otnoshenij / S. A. Gasymov // YUridicheskaya nauka: tradicii i innovacii: sb. materialov Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. studentov, magistrantov, aspirantov i prepodavatelej. – 2019. – S. 58–60.

3. Dembickij A. A. Obshchaya harakteristika pravovyh i nepravovyh funkcij gosudarstva / A. A. Dembickij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 3. – S. 19–26.

4. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2019 god [Elektronnyj resurs]. – URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf. (data obrashcheniya: 20.09.2020).

5. Zemskova A. I. K voprosu o sushchnosti pravozashchitnoj funkcii gosudarstva / A. I. Zemskova // Obshchestvo i pravo. – 2009. – № 3 (25). – S. 21–27.

6. Iroshnikov D. V. O sootnoshenii ponyatij pravoohranitel'nyj organ i pravozashchitnaya

Советский народ в начале 60-х годов XX века и современное гражданское общество в системе противодействия преступности: нормативные возможности*

Плетников Виктор Сергеевич,
Уральский государственный юридический
университет, кандидат юридических наук, доцент
e-mail: pvs80@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-7038-3209

В статье повествуется о конституционно закрепленных возможностях общественности и институтов гражданского общества в деле противодействия преступности. Проводится сравнение Конституции СССР 1936 г. (по состоянию на 1964 г.) и Конституции РФ 1993 г. Итогом исследования является вывод о необходимости повышения значимости борьбы с преступности вплоть до установления конституционной обязанности противодействия ей. Особое внимание обращено на необходимость работы с проектами правовых установлений прошлых исторических периодов в целях повышения эффективности противодействия преступности в современном обществе.

Ключевые слова: общественность; гражданское общество; преступность; конституция; «хрущевская оттепель».

The Soviet people in the early 60s. XX century and modern civil society in the system of combating crime: normative opportunities

Pletnikov Victor Sergeevich,
Ural State Law University, Candidate of Law,
Associate professor

The article tells about the constitutionally enshrined possibilities of the public and civil society institutions in the matter of combating crime. The article compares the Constitution of the USSR in 1936 (as of 1964) and the Constitution of the Russian Federation in 1993. The result of the study is a conclusion about the need to increase the importance of combating crime before introducing the constitutional obligation to counteract it. Particular attention is paid to the need to work with drafts of legal regulations of the past in order to increase the effectiveness of combating crime in modern society.

Key words: public; civil society; crime; constitution; «Khrushchev's thaw».

Методологические основы исследования

Во-первых, дефиниций, которые характеризуют явление преступности в современной юридической научной и учебной литературе, значительное количество. Будем понимать под преступностью социаль-

но-правовое исторически изменчивое негативное массовое явление, которое складывается из совокупности совершаемых в тот или иной период в государстве (регионе, мире) преступлений, характеризующихся количественными (состоянием, динамикой) и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00866 А: Советский конституционализм: доктринальное, юридическое и символическое измерения

качественными (структурой и характером преступности) показателями¹.

Во-вторых, воспользовавшись действующим законодательством, по аналогии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О противодействии коррупции»², отметим, что противодействие преступности – деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

- а) по профилактике преступности;
- б) по борьбе с преступностью;
- в) по минимизации и (или) ликвидации последствий преступлений.

В-третьих, советский народ в начале 60-х гг. XX в., как правило, в нормативных источниках именуется общественностью. Не следует ставить в один ряд современное гражданское общество и общественность. Если смотреть на них с позиции современной теории правового государства, между данными социальными институтами существует принципиальное отличие. В современной юриспруденции под гражданским обществом следует понимать систему отношений, в которой индивиды и образуемые ими объединения в соответствии с их свободным волеизъявлением на основе права реализуют свои интересы, которая основывается на частной собственности среднего достатка и зарождается с ее возникновением³.

Первое отличие четко видно в предложенной формулировке: в советском обществе отсутствует частная собственность, ее существование не допускает господствующая в обществе идеология, т.е. гражданского общества априори в начале 60-х гг. XX в. существовать не могло. Второе отличие связано с выбранной народом после социалистической революции и нормативно оформленной моделью государства. Советское государство характеризуется «сращиванием» систем публичной и социальной власти, т.е. фактически невозможно отличить, где заканчивается государство и начинается общество. При этом если попытаться отдельно проанализировать деятельность советского народа в начале 60-х гг. XX в. и современного гражданского общества в системе противодействия преступности, то можно сделать ряд весьма оригинальных выводов (но в связи с тем, что такое сравнение можно осуществить по большому количеству параметров, в ходе представленного исследования остановимся только на анализе нормативных возможностей данных субъектов).

В-четвертых, конец 50-х – начало 60-х гг. XX века в отечественной истории получил название «хрущевская оттепель». Это период, когда все сферы жизни

общества претерпевают изменения. Народ получает реальную возможность определять границы собственного поведения, непосредственно участвовать в осуществлении государственной власти, и в первую очередь в части борьбы с преступностью. С позиции нормативных основ организации и деятельности советского общества являются важными решения XXI внеочередного съезда КПСС, поскольку именно на нем Н. С. Хрущев указывает на направление развития общества в ближайшей перспективе. «Советский народ под руководством партии достиг таких вершин... которые дают возможность нашей стране вступить в... период развернутого строительства коммунистического общества»⁴, т.е. фактически закрепляются первые успехи в деле демократизации общественной жизни и дается «отмашка» на формирование новых нормативных основ будущего коммунистического общества⁵.

Сравнительный анализ нормативных возможностей участия общественности и гражданского общества в противодействии преступности

Позитивистская природа советского/российского государства обязывает при проведении сравнения осуществлять анализ исходя из действующей на исследуемый период системы законодательства.

Как в советском, так и в современном российском государстве основой системы законодательства, определяющим правовым актом, имеющим нормативное содержание, является конституция:

- Конституция СССР от 5 декабря 1936 г.⁶;
- Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.⁷

С позиции конституционно закрепленных положений видим следующие характеристики отражающие участие общественности и гражданского общества в противодействии преступности.

1. Различное видение, подходы к конституционному регулированию государственно-правовых отношений обязывают начать сравнение с указания на базовые ценности (цели), которые существуют в этих двух отличных друг от друга периодах. Советское общество в качестве базовой ценности рассматривает сохранение молодого социалистического государства, а для современного общества – человек с его правами есть высшая ценность.

Таким образом, текст Конституции СССР во многом посвящен организации и деятельности государства,

⁴ Стенографический отчет внеочередного XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза (27 января – 5 февраля 1959 г.). М., 1959. С. 20.

⁵ См. подробнее: Плетников В. С. Первый шаг в формировании нормативной модели общенародного Советского государства: проблемы и значение для современной России (на примере отечественного конституционного законодательства) // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 5. С. 16–21.

⁶ URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/ (дата обращения: 27.10.2020).

⁷ URL: <http://constitution.garant.ru/> (дата обращения: 27.10.2020).

¹ Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.com/catalog/product/516469> (дата обращения: 27.10.2020).

² СПС «Гарант».

³ Теория государства и права: учебник: в 2 кн. / отв. ред. А. С. Шабуров, В. С. Плетников. Екатеринбург, 2009. Кн. 2. С. 126.

а текст Конституции РФ фактически до 2020 г. был в основном источником для возвышения человека и лишь после последних изменений приобрел сбалансированный характер, позволяющий обеспечить сохранение российского государства в эпоху глобальных изменений миропорядка, а как следствие, достижений пореформенной России. Следуя данной логике, применительно к теме исследования необходимо отметить, что Конституция СССР должна в основном содержать упоминания о противодействии преступности, но только той, где объектом является государство и его интересы. Российская же конституция, придерживаясь указанных выше положений, должна устанавливать конституционно-правовые основы противодействия преступности с позиции человеческих интересов и ценностей.

Анализ указанных основных законов подтверждает сделанные умозаключения. Данные ценности обозначены, а следовательно, любой правоохранительный орган, в компетенцию которого входит борьба с преступностью, в случае посягательства на любую из конституционных основ должен незамедлительно принять меры для восстановления социальной справедливости.

Проблема в том, что советская Конституция не содержит ни одного упоминания о таком социальном явлении, как преступность. И, наверно, это не удивительно, ведь если обратить внимание на дату ее принятия, то становится понятным, что исторический период ставил перед законодателем несколько иные задачи.

В свою очередь, российская Конституция содержит 11 упоминаний о существовании в современном обществе такого социального явления, как преступность (ст. 20, 47, 48, 49, 50, 52, 63, 93, 98, 125, раздел 2). Но и здесь, ситуация складывается парадоксальным образом. В десяти из одиннадцати упоминаний речь идет о лицах обвиняемых (подсудимых, осужденных и т.д.) в преступлениях, т.е. о профилактике «повторных» преступлений (преступлений в отношении лиц, заподозренных, подозреваемых (и других лиц) в совершении преступлений). И вот здесь уже отечественным криминологам необходимо озадачиться введением в научный оборот термина, отражающего природу закрепленных в Основном законе российского государства положений. Сегодня данное правовое явление остается юридически не исследованным. И наверно, несколько странным для Основного закона является такое внимание к правам данной категории лиц. В конституции реже идет речь даже о мире!

Лишь ст. 52 Конституции РФ содержит требования по профилактике возможных преступлений в отношении потерпевшего.

При этом в современной отечественной конституции, также как и в Конституции СССР, нет ни одного прямого упоминания о необходимости борьбы с преступностью или минимизации последствий от преступлений! И это не может не вызывать вопросов.

2. Любопытным фактом является отсутствие какого-либо упоминания об общественности в Конституции СССР. Хотя если обратить внимание на отраслевое законодательство, то, например, ст. 128 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г., которая называлась «Привлечение общественности к участию в раскрытии преступлений», указывала, что «Производя расследование, следователь должен широко использовать помощь общественности для раскрытия преступлений...».

В Конституции РФ до 2020 г. также не было никаких упоминаний о гражданском обществе. Первое упоминание появляется после изменений, внесенных в текст конституции в 2020 г., но они никак не относятся к участию гражданского общества в противодействии преступности, а лишь закрепляют, что Правительство РФ должно осуществлять меры по поддержке институтов гражданского общества. При этом аналогичным с советским периодом образом в отраслевом законодательстве содержится значительное число правовых норм, которые регулируют участие гражданского общества в противодействии преступности. Например, ст. 2 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» устанавливает, что одним из основных принципов организации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) является сотрудничество органов власти, а также их должностных лиц с институтами гражданского общества¹.

Отечественное законодательство, его авторы, бережно хранят советские традиции в вопросах участия общественности (гражданского общества) в противодействии преступности. Ярким примером является «живучесть» «Положения о добровольных народных дружинах РСФСР по охране общественного порядка» (утвержденное Постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 30 марта 1960 г. № 435)², которое в 2014 г. обрело новую жизнь в форме Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»³. И общественность/гражданское общество вновь стали участвовать в охране общественного порядка.

3. Если не вдаваться в терминологию, а обратить внимание на содержательную характеристику конституционных положений, следует отметить, что каждый из обозначенных основных законов создают качественную основу участия общественности/гражданского общества в противодействии преступности.

Конституция СССР, например, закрепляет существование такого социального института, как Комитет

¹ СПС «Гарант».

² Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5519.htm (дата обращения: 27.10.2020).

³ СПС «Гарант».

партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР (ст. 70), который анализирует вопросы, связанные с укреплением партийной дисциплины, с повышением ответственности коммунистов за претворение в жизнь политики партии¹. Как известно, в 1965 г. данный комитет был непосредственно назван Комитетом народного контроля СССР. Его низовые звенья (общественность) активно участвовали в борьбе с преступностью, обеспечивали должный уровень представления народа в государственных (и не только) вопросах. Либо ст. 126 Конституции СССР, которая закрепляла право граждан СССР объединяться в общественные организации для борьбы за построение коммунистического общества, т.е. в том числе противодействовать преступности различного вида и уровня.

В Конституции РФ в п. 6 ч. 1. ст. 72 закрепляется, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности, а если обратиться к ч. 1 ст. 3, в которой сказано, что единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который, например, в соответствии с ч. 1 ст. 30 имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, то вывод напрашивается сам собой – гражданское общество имеет полное право участвовать в противодействии преступности.

Вывод

В завершение необходимо отметить, что современное российское общество и государство в полной мере следуют тем традициям, которые были заложены ранее, в советском обществе, и сегодня являются надежным ориентиром в вопросах государственно-правового строительства. Но для повышения эффективности организации государственно-правовой жизни необходимо двигаться вперед искать те пути, которые позволят избежать ошибок, допущенных на предыдущих этапах конституционного правового регулирования.

Например, обратить внимание на отдельные незавершенные по субъективным обстоятельствам попытки конституционного урегулирования государственно-правовой жизни. Так, можно вспомнить, что признание факта построения развитого социализма в советском государстве 60-х гг. XX в., принятие третьей программы КПСС обязало власть начать работу над новым текстом Основного закона страны, который был готов к лету 1964 г. И уже вот здесь мы видим несколько иное отношение к вопросам противодействия преступности. Как известно, данный проект не был реализован в той редакции, над которой трудились в течение трех лет. И здесь законодатель, предусматривает самостоятельную главу (XXIII),

¹ Виноградов Л. К. Комитет партийного контроля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/063/294.htm> (дата обращения: 27.10.2020).

которую называет «Народный контроль», т.е. предлагается установить, что в стране существует народный контроль за деятельностью государственных, хозяйственных организаций, предприятий, учреждений и должностных лиц во всех областях жизни общества, который осуществляется гражданами СССР, органами партийно-государственного контроля и общественными организациями трудящихся. В рамках народного контроля уполномоченные субъекты имеют право: проверить исполнение законов и дисциплины, пресечь злоупотребление властью, способствовать искоренению бюрократизма и волокиты. Таким образом, предлагается «правильная» формулировка, которая мало того, что способствовала бы переходу к иной системе ценностей (нечто среднее между всевластным государством и всемогущим человеком), так еще бы позволила формировать правильное правовое сознание граждан страны в вопросах отношения к регулированию (конституционному) общественных отношений.

Библиографический список

1. Виноградов Л. К. Комитет партийного контроля / Л. К. Виноградов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/063/294.htm> (дата обращения: 27.10.2020).
2. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/516469> (дата обращения: 27.10.2020).
3. Плетников В. С. Первый шаг в формировании нормативной модели общенародного Советского государства: проблемы и значение для современной России (на примере отечественного конституционного законодательства) / В. С. Плетников // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 5. – С. 16–21.
4. Стенографический отчет внеочередного XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза (27 января – 5 февраля 1959 г.). – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – 592 с.
5. Теория государства и права: учебник: в 2 кн. / отв. ред. А. С. Шабуров, В. С. Плетников. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2009. – Кн. 2. – 195 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Vinogradov L. K. Komitet partijnogo kontrolya / L. K. Vinogradov [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/063/294.htm> (data obrashcheniya: 27.10.2020).
2. Kriminologiya: uchebnik / pod red. V. N. Kudryavceva, – 5-e izd., pererab. i dop. – M.: YUr. Norma, NIC INFRA-M, 2015 [Elektronnyj resurs]. –URL: <https://znanium.com/catalog/product/516469> (data obrashcheniya: 27.10.2020).

3. Pletnikov V. S. Pervyj shag v formirovanii normativnoj modeli obshchenarodnogo Sovetskogo gosudarstva: problemy i znachenie dlya sovremennoj Rossii (na primere otechestvennogo konstitucionnogo zakonodatel'stva) / V. S. Pletnikov // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2020. – № 5. – S. 16–21.

4. Stenograficheskij otchet vneocherednogo XXI s"ezda Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza (27 yanvarya – 5 fevralya 1959 g.). – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1959. – 592 s.

5. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik: v 2 kn. / otv. red. A. S. SHaburov, V. S. Pletnikov. – Ekaterinburg: Ural'skij juridicheskij institut MVD Rossii, 2009. – Kn. 2. – 195 s.

Направления деятельности земских органов Российской империи в XIX веке: историко-правовое исследование

Воротникова Марина Викторовна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат исторических наук
e-mail: m.v.vorotnikova@yandex.ru

Нуштайкина Ксения Владимировна,
Уральский Институт управления РАНХиГС
при Президенте РФ, кандидат юридических наук
e-mail: nushtaykina-kv@ranepa.ru

В представленном исследовании анализируется деятельность земских органов управления в Российской империи в XIX веке. Отмечается, что данный исторический период является одним из ключевых в истории местного самоуправления в России. Впервые в истории России была создана система местных органов управления, юридически независимая от государственной власти, сформирована правовая база их деятельности. Установлено, что основные направления деятельности земств во многом аналогичны современным вопросам местного значения органов местного самоуправления. Дается авторский анализ позиций дореволюционных правоведов и современных исследователей об основных аспектах деятельности земского самоуправления. В исследовании применены как общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция), так и специальные юридические методы (историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой).

Ключевые слова: земство; земские органы управления; сферы деятельности; губернии; местное самоуправление.

Directions of activity of zemstvo bodies of the Russian Empire in the XIX century: historical and legal research

Vorotnikova Marina Viktorovna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Historical Sciences

Nushtaykina Ksenia Vladimirovna,
Ural Institute of Management of the RANEPa under the
President of the Russian Federation, Candidate of Law

The presented study analyzes the activities of zemstvo governing bodies in the Russian Empire in the 19th century. It is noted that this historical period is one of the key in the history of local self-government in Russia. For the first time in the history of Russia, a system of local government bodies was created, legally independent of state power, and the legal basis for their activities was formed. It was established that the main areas of activity of zemstvos are largely similar to modern issues of local importance of local governments. An author's analysis of the positions of pre-revolutionary legal scholars and modern researchers on the main aspects of zemstvo self-government is given. The study used both general scientific methods (analysis, synthesis, deduction) and special legal methods (historical-legal, formal-legal, comparative-legal).

Key words: zemstvo; zemstvo authorities; spheres of activity; province; local self-government.

В настоящее время в Российской Федерации продолжается муниципальная реформа, затрагивающая всевозможные аспекты деятельности местной власти: появляются новые виды муниципальных образований, корректируются вопросы местного значения,

полномочия органов местного самоуправления по их решению и т. д. Одним из существенных изменений, произошедших в ходе изменений Конституции Российской Федерации в 2020 г., стало конституционное закрепление единой системы публичной вла-

сти, включающей государственную власть и местное самоуправление. Вместе с тем следует отметить, что современные изменения местного самоуправления имеют определенные исторические предпосылки, которые можно идентифицировать на отдельных ключевых этапах истории развития местного самоуправления в России. Одним из таких этапов, несомненно, является земское самоуправление Российской империи в XIX веке.

Модель Земского самоуправления по праву признается одной из наиболее эффективных и стабильных в истории Российского государства. Она действовала с 1864 г. до распада Российской Республики в 1918 г., немногим больше 50 лет без значительных корректировок механизма ее реализации. Ее основная характеристика состояла в передаче функций управления органам городской и земской власти, основанной на принципе децентрализации. Известный государствовед XIX века Б. Н. Чичерин отмечал по этому поводу: «...хотя и официально земские органы и не именовались органами местного самоуправления, но с очевидностью приобрели их черты»¹. Также и дореволюционные, и современные правоведы акцентируют преобладание различных хозяйственных вопросов в предметах ведения органов системы земского управления. Их деятельность регламентировалась Положением о земских учреждениях, принятым императором 1 января 1864 г.

Следует отметить, что в данный исторический период наблюдается возрастание научного интереса к термину «местное самоуправление», определению его содержания, соотношения с категорией «самоуправление», взаимосвязи местного управления с государственным. Князь А. И. Васильчиков предлагал следующее определение: «Самоуправление есть участие народа в управлении внутренними делами своего Отечества. Указанный термин заимствуется нами у Соединенных Штатов и Англии, свобода народов которых развивалась во взаимосвязи с их политическим могуществом. Оно означает специальный механизм управления, который именуется на английском языке «selfgovernment», то есть «самоуправление»².

Анализируя итоги земской и городской реформ второй половины XIX в., российские ученые того времени активно развивали идею реализации местного самоуправления в Российской империи. Так, М. В. Свешников признавал факт существования местного самоуправления ввиду «свободного участия народа в заведывании делами, вверенными местным административным органом, т. е. свободного участия народа в местной администрации»³. А. Д. Градовский,

признавая местное самоуправление как отдельный вид публичной власти, определял его как «результат разнообразных интересов, которые не могут быть удовлетворены деятельностью центрального правительства»⁴. Солидарен с ними был и Б.Н. Чичерин, отмечавший следующую отличительную особенность местного самоуправления: перенесение на него начал представительства и ответственности со стороны государства⁵.

В результате можно констатировать усиление внимания научного сообщества к сфере местного самоуправления на всем протяжении второй половины XIX века. В данный период отечественными государstвоведом были выявлены его следующие существенные принципы: юридическая независимость от государственной власти, правовое разграничение сфер деятельности местной власти от иных вопросов публичного управления, дозволение прямого решения отдельных местных вопросов населением соответствующей территории, доминирование представительского характера в деятельности земских органов, выражавшегося в их ответственности перед населением за свою деятельность.

Период 1860–70-х гг. можно охарактеризовать как период фактического развития системы местного самоуправления на территории России. Согласно предписаниям Положения 1864 г. в 34 губерниях Российского государства были образованы специальные уездные комиссии, в состав которых входили как представители различных сословий (дворянства, крестьян), так и отдельные чиновники (губернатор, исправники). В течение 1865–1867 гг. эти комиссии ведали организацией выборов в новые органы местной власти.

Примечательно, что Положением 1864 г. также предусматривалась дифференциация местных дел на обязательные и факультативные. Земские органы управления имели право решать второстепенные вопросы, исходя из собственного представления об их целесообразности, сущности, финансового состояния. К таким вопросам, например, относились контроль за местными сборами и поддержание местной промышленности. Интересным представляется тот факт, что действующее федеральное законодательство использует аналогичный механизм при закреплении сфер деятельности современных органов местного самоуправления (в частности, ст. 16, 16.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепляют соответственно вопросы местного значения городского и муниципального района и их права на решение отдельных вопросов, не носящих обязательного характера).

ских государств. СПб., 1892. С. 7.

⁴ Градовский А. Д. Переустройство нашего местного управления: собр. соч.: в 9 т. СПб., 1899. Т. 8. С. 56.

⁵ Чичерин Б. Н. Конституционный вопрос в России. СПб., 1906. С. 30.

¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: Общее государственное право. М., 1894. Ч. 1. С. 402–403.

² Васильчиков А. И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: в 3 т. СПб., 1872. Т. 1. С. 2.

³ Свешников М. В. Основы и пределы самоуправления. Очерк критического разбора основных вопросов местного самоуправления в законодательстве важнейших европей-

В рамках системы земского самоуправления предметы местного ведения распределялись между уездными земскими учреждениями и губернскими. Анализируя механизм данного распределения, И. А. Исаев отмечает: «Земские губернские органы управления обладали исключительными полномочиями в части перевода отдельных объектов собственности из земской собственности в государственную, вопросах страховой деятельности и распределения сумм казенных сборов между уездами»¹. В результате впервые в истории России органы управления на местах получили реальную возможность к обеспечению надлежащего состояния своей собственности.

Также следует отметить наличие в компетенции земских органов управления полномочий по контролю и надзору. В частности среди них можно выделить надзор в пределах уезда, местные распоряжения, и проведение отдельных контрольных мероприятий по поручению губернских властей.

Земские управы являлись для земских учреждений органами исполнительными. В их обязанности входило решение следующих задач: сведение информации о губернских тратах и учет этих сведений; надзор за поступлением и расходованием денежных средств, дача распоряжения о созыве и открытии земских собраний в определенные даты с разрешения губернатора (ст. 69.70 Положения о земских учреждениях 1864 г.).

В эти годы впервые был определен перечень дел, решение которых находилось в ведении земских учреждений, а также подробно урегулирован вопрос об участии местных органов власти в расходовании казенных финансов и распределении имущества. В то же время Положение 1864 г. не определило перечень полномочий земских органов в части вопросов, входящих в их компетенцию. Кроме того, в нем не были прописаны цели, задачи, другие руководящие принципы, руководствуясь которыми земства могли бы определять ориентиры в своей деятельности. В. В. Куликов по данной проблеме отмечает следующее: «Это явилось причиной принятия с 1864 по 1867 гг. около 70 Высочайших повелений, 35 указов Сената, 126 циркулярных предложений Министерства внутренних дел губернским властям и больше сотни разного рода приказов и распоряжений, касающихся земств»².

Труды современных ученых также доказывают наличие дифференцированного подхода земств к определению наиболее актуальных вопросов собственной компетенции. Например, М. С. Курошева констатирует: «Из немногочисленных отраслей местного хозяйства Смоленской губернии особое значение принадлежало продовольственному делу. Запасы посевного материала и хлеба имели боль-

шое значение для губернии, в неурожайные годы»³. В. В. Назаров подчеркивает, что в Полтавском земстве первоочередное внимание уделялось вопросам здравоохранения: «Первоочередной задачей земской медицины являлось устранение причин заболеваний; оказание медицинской помощи заболевшим и т. п.»⁴. В исследовании А. В. Патрушева отмечается, что земские органы Вятской губернии основные усилия и средства направляли на развитие аграрного сектора: «В ряду таких мероприятий могут быть названы усилия по увеличению площади крестьянского землепользования, распространение аграрных знаний среди населения и т. п.»⁵.

Некоторые специалисты отмечают, что развитие сферы народного образования во многом произошло благодаря земским органам. Это подтверждается тем, что вплоть до 1866 г. в России отсутствовали сельские школы. А в 1872 г. уже была открыта первая земская школа в Подмоскovie. В 1913 г. насчитывалось уже около 206 действующих школ. Всего за вторую половину XIX в. земства открыли на территории Российской империи около 28 тысяч школ, в которых ежегодно обучалось до 2 миллионов детей⁶. Земства позволили значительно увеличить количество начальных школ. Так, например, с 1903 по 1909 гг. их число выросло на 33 % (с 18 200 до 25 047)⁷.

Также усилия земств в области образования в России в конце XIX – начале XX в. позволили внедрить такие формы обучения, как дополнительное образование и курсы повышения квалификации. Данные формы обучения широко использовались учителями для расширения своих знаний и компетенций.

Стоит отметить, что в сфере здравоохранения достижения земских властей значительны так же, как и в сфере образования. В те годы в данной сфере, благодаря земствам, наблюдалась тенденция к увеличению числа аптек и больниц. Организовывались фельдшерские и медицинские курсы. Т. И. Волкова отмечает по данному вопросу следующее: «1869 год ознаменовался тем, что только на территории Ярославской губернии произошло увеличение медицинских кадров на 65 врачей и фельдшеров. При этом к 1872 г. эти показатели достигли уже 71, 1876 г. – 76, 1878 г. – 98, 1881 г. – 122, 1890 г. – 146, 1900 г. – 214, 1904 г. – 218»⁸.

³ Курошева М. С. Становление Смоленского земства (1864–1889 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2015. С. 18.

⁴ Назаров В. В. Становление земской санитарии в Саратовской губернии в 80–90-е годы XIX века // Медицина в России в годы войны и мира: новые документы и исследования СПб., 2011. С. 301.

⁵ Патрушев А. В. Вятское земство накануне и в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2016. С. 14–15.

⁶ Куликов В. И. История государственного управления в России. М., 2003. С. 277.

⁷ Там же. С. 277.

⁸ Волкова Т. И. Ярославское земство и развития народного здравоохранения и образования в губернии (1865–1918).

¹ Исаев И. А. История государства и права России: учебник. М., 2004. С. 430.

² Куликов В. В. Становление и развитие земского самоуправления, вторая половина XIX – начало XX вв.: Историко-юридическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 29.

Земские органы управления стремились к развитию бесплатной медицины, с учетом бедственного положения крестьянского сословия. Разумеется, данные порывы требовали серьезных затрат в сфере здравоохранения и сопутствующих вопросах. Например, Хвалынское и Липецкое земства расходовали на решение медицинских вопросов почти половину своих бюджетов. Данные усилия приносили существенные плоды. Например, В. В. Амелина и В. Н. Юров отмечают: «Результатом этих усилий стало снижение уровня смертности в России: если в 1867 г. в Российской империи умирало 37 человек на 1000 населения, то в 1887 г. уже 34, а в 1907 г. – 28»¹. Достижения земств в организации медицинского обслуживания получили и международное признание. Как пишет О. И. Кубарь, Гигиеническая комиссия Лиги наций в 1934 г. охарактеризовала земский врачебный участок «в качестве образца другим государствам для организации врачебной помощи сельскому населению»².

Усилиями земств существенное развитие получил и аграрный сектор. С наступлением XX в. земскими органами управления были приняты следующие приоритеты в развитии сельского хозяйства: содействие улучшению естественных условий, подготовка агрономов, развитие опытных станций, ферм и полей. Эти меры также сопровождались увеличением финансовых расходов на данные вопросы. А. В. Ефременко пишет по этому вопросу следующее: «С 1903 по 1912 г. расходы по данному направлению деятельности земств выросли по 34 губерниям более чем в 5 раз: с 3,5 млн руб. в 1903 г. до 18,9 млн руб. в 1912 г. В результате к 1915 г. в 34 губерниях действовало 109 сельскохозяйственных школ, 61 училище, 70 опытных станций, всего – 304 заведения»³.

Итак, стоит отметить ключевые черты предметов ведения земской и городской модели местного самоуправления: 1) функционирование местных органов управления на следующих уровнях территориального устройства: губернском и уездном; 2) наличие в системе компетенции органов земского и городского самоуправления собственно местных (сельское хозяйство, вопросы образования и здравоохранения) и государственных (казенных) вопросов (устройство и ремонт дорог); 3) разграничение обязательных (развитие местного хозяйства, дача разрешений на открытие торгов и базаров, контроль за дорожной деятельностью) и факультативных (развитие местной промышленности, хозяйственная организация просвещения и фискальный контроль за местными сборами) вопросов.

Ярославль, 1998. С. 41.

¹ Амелина В. В., Юрова В. Н. История государственного управления в России. Новосибирск, 2003. С. 56.

² Кубарь О. И. Этическая экспертиза биомедицинских исследований в государствах – участниках СНГ. СПб., 2007. С. 262.

³ Ефременко А. В. Участие земств в подготовке специалистов сельского хозяйства // Земское самоуправление в России. 1864–1918 гг. М., 2005. Т. 2. С. 201.

Таким образом, исторический период действия земских органов управления заложил фундаментальные основы организации местного самоуправления в России: именно в данный период времени были нормативно закреплены сферы деятельности местных органов управления – предвестник современных вопросов местного значения, деятельность земств стала предметом пристального изучения научного сообщества того времени и, наконец, именно в XIX в. была предпринята попытка реализации механизма взаимодействия государственной власти и местных органов управления в рамках единого поля публичной власти. Представляется, что опыт деятельности земских органов управления необходимо учитывать как при исследовании доктринальных, так и практических аспектов деятельности местного самоуправления в России.

Библиографический список

1. Амелина В. В. История государственного управления в России / В. В. Амелина, В. Н. Юрова. – Новосибирск, 2003. – 122 с.
2. Васильчиков А. И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: в 3 т. / А. И. Васильчиков. – СПб., 1872. – Т. 1. – 460 с.
3. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет / Б. Б. Веселовский. – СПб., 1911. – Т. 4. – 696 с.
4. Волкова Т. И. Ярославское земство и развития народного здравоохранения и образования в губернии (1865–1918) / Т. И. Волкова. – Ярославль, 1998. – 88 с.
5. Градовский А. Д. Переустройство нашего местного управления: собр. соч.: в 9 т. / А. Д. Градовский. – СПб., 1899. – Т. 8. – 586 с.
6. Ефременко А. В. Участие земств в подготовке специалистов сельского хозяйства / А. В. Ефременко // Земское самоуправление в России. 1864–1918 гг. – М., 2005. – Т. 2. – 384 с.
7. Исаев И. А. История государства и права России: учебник / И. А. Исаев. – М., 2004. – 797 с.
8. Кубарь О. И. Этическая экспертиза биомедицинских исследований в государствах – участниках СНГ / О. И. Кубарь. – СПб., 2007. – 408 с.
9. Куликов В. В. Становление и развитие земского самоуправления, вторая половина XIX – начало XX вв.: Историко-юридическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2002. – 40 с.
10. Куликов В. И. История государственного управления в России / В. И. Куликов. – М., 2003. – 368 с.
11. Курошева М. С. Становление Смоленского земства (1864–1889 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. С. Курошева. – Брянск, 2015. – 31 с.
12. Назаров В. В. Становление земской санитарии в Саратовской губернии в 80–90-е годы XIX века / В. В. Назаров // Медицина в России в годы войны и мира: новые документы и исследования. – СПб., 2011.
13. Патрушев А. В. Вятское земство накануне и в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Патрушев. – Йошкар-Ола, 2016. – 22 с.

14. Свешников М. В. Основы и пределы самоуправления. Очерк критического разбора основных вопросов местного самоуправления в законодательстве важнейших европейских государств / М. В. Свешников. – СПб., 1892. – 568 с.

15. Чичерин Б. Н. Конституционный вопрос в России / Б. Н. Чичерин. – СПб., 1906. – 34 с.

16. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: Общее государственное право / Б. Н. Чичерин. – М., 1894. – Ч. 1. – 492 с.

16. Chicherin B. N. Kurs gosudarstvennoj nauki: Obshchee gosudarstvennoe pravo / B. N. Chicherin. – M., 1894. – Ch. 1. – 492 s.

Bibliograficheskiy spisok

1. Amelina V. V. Istorija gosudarstvennogo upravleniya v Rossii / V. V. Amelina, V. N. Yurova. – Novosibirsk, 2003. – 122 s.

2. Vasil'chikov A. I. O samoupravlenii. Sravnitel'nyj obzor russkih i inostrannyh zemskih i obshchestvennyh uchrezhdenij: v 3 t. / A. I. Vasil'chikov. – SPb., 1872. – T. 1. – 460 s.

3. Veselovskij B. B. Istorija zemstva za sorok let / B. B. Veselovskij. – SPb., 1911. – T. 4. – 696 s.

4. Volkova T. I. Yarovskoe zemstvo i razvitiya narodnogo zdravoohraneniya i obrazovaniya v gubernii (1865–1918) / T. I. Volkova. – Yarovsk, 1998. – 88 s.

5. Gradovskij A. D. Pereustrojstvo nashego mestnogo upravleniya: sobr. soch.: v 9 t. / A. D. Gradovskij. – SPb., 1899. – T. 8. – 586 s.

6. Efremenko A. V. Uchastie zemstv v podgotovke specialistov sel'skogo hozyajstva / A. V. Efremenko // Zemskoe samoupravlenie v Rossii. 1864–1918 gg. – M., 2005. – T. 2. – 384 s.

7. Isaev I. A. Istorija gosudarstva i prava Rossii: uchebnik / I. A. Isaev. – M., 2004. – 797 с.

8. Kubar' O. I. Eticheskaya ekspertiza biomeditsinskih issledovanij v gosudarstvah – uchastnikah SNG / O. I. Kubar'. – SPb., 2007. – 408 s.

9. Kulikov V. V. Stanovlenie i razvitie zemskogo samoupravleniya, vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.: Istoriko-yuridicheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. – M., 2002. – 40 s.

10. Kulikov V. I. Istorija gosudarstvennogo upravleniya v Rossii / V. I. Kulikov. – M., 2003. – 368 s.

11. Kurosheva M. S. Stanovlenie Smolenskogo zemstva (1864–1889 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / M. S. Kurosheva. – Bryansk, 2015. – 31 s.

12. Nazarov V. V. Stanovlenie zemskoj sanitarii v Saratovskoj gubernii v 80–90-e gody XIX veka / V. V. Nazarov // Medicina v Rossii v gody vojny i mira: novye dokumenty i issledovaniya. – SPb., 2011.

13. Patrushev A. V. Vyatskoe zemstvo nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / A. V. Patrushev. – Joshkar-Ola, 2016. – 22 s.

14. Sveshnikov M. V. Osnovy i predely samoupravleniya. Oчерк kriticheskogo razbora osnovnyh voprosov mestnogo samoupravleniya v zakonodatel'stve vazhnejshih evropejskih gosudarstv / M. V. Sveshnikov. – SPb., 1892. – 568 s.

15. Chicherin B. N. Konstitucionnyj vopros v Rossii / B. N. Chicherin. – SPb., 1906. – 34 s.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.851.5

Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в деятельность деструктивных интернет-сообществ экстремистской направленности

Голубых Никита Владимирович,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: ngolubykh2@mvd.ru

Потанин Константин Викторович,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: potanin-k@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с предупреждением вовлечения несовершеннолетних в деятельность деструктивных интернет-сообществ экстремистской направленности. Авторы описывают наиболее эффективные меры предупреждения, которые могут быть применены различными субъектами профилактики.

Ключевые слова: предупреждение; деструктивные интернет-сообщества; экстремизм; вовлечение.

Prevention of the involvement of minors in the activities of destructive internet communities of the extremist direction

Golubykh Nikita Vladimirovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

Potanin Konstantin Viktorovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article discusses issues related to the prevention of the involvement of minors in the activities of destructive Internet communities of extremist orientation. The authors describe the most effective preventive measures that can be applied by various prevention actors.

Key words: prevention; destructive Internet communities; extremism; involvement.

В настоящий период времени особую значимость приобретает проблема противодействия преступлениям в виртуальной среде. Особенно это касается преступлений, связанных с вовлечением в их совершение несовершеннолетних. Тем более, если эти преступления носят экстремистский характер, сопря-

жены с разжиганием национальной, религиозной, социальной ненависти или вражды.

В 2019 г. в России зарегистрировано 585 преступлений экстремистской направленности. При этом наблюдалось снижение данного вида преступности на 53,8 % по сравнению с 2018 г. Вместе с тем нужно

понимать, что каждое из этих преступлений обладает повышенной общественной опасностью, серьезно подрывает устои российского общества. Кроме того, как показывают статистические данные, с января по сентябрь 2020 г. зарегистрировано 651 преступление данной категории, что на 43,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Количество же преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, в последние годы в нашей стране неуклонно растет. В 2019 г. зарегистрировано 294 409 таких преступлений, что на 68,5 % больше, чем в 2018 г. За истекший период текущего года показатели данного вида преступности выросли на 77 %¹.

Известно, что подростки подвержены формированию установок на агрессивное поведение, дополнительную опасность для них несут²:

1) возможность целенаправленной пропаганды экстремального поведения в интернете;

2) разжигание агрессии посредством экстремистских лозунгов;

3) политизация социально-экономических проблем;

4) романтизация образов «отрицательных героев» (Эрик Харрис, Дилан Клиболд, Филипп Лис, лидеры экстремистских и террористических организаций и др.);

5) навязывание подросткам идей, пропагандирующих насилие в качестве социальной нормы, путем погружения их в деструктивные Интернет-сообщества.

Для своевременного выявления и предупреждения вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность деструктивных интернет-сообществ экстремистской направленности, полагаем, следует выделить следующие меры предупреждения:

1. Профилактическая работа с несовершеннолетними, находящимися в группе риска, потенциально способными присоединиться к деструктивным молодежным движениям экстремистской направленности. Целью данной работы должна быть направленность на выработку определенного сценария поведения, при котором несовершеннолетний будет ощущать себя значимым как для общества в целом, так и для отдельных индивидуумов.

Для достижения указанной цели необходимо перенаправить подростков, включенных в группу риска (в особенности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет как наиболее виктимную категорию), на позитивную деятельность. Важно сформировать внутреннее убеждение в том, что поставленные перед ними цели и задачи являются их собственными, а достижение и решение этих задач отвечает их будущим интересам.

¹ См.: Состояние преступности за 2019 год // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 01.11.2020).

² См.: Щетинина Е. В. Проблемы развития культуры насилия в интернет-пространстве // Инновационное развитие профессионального образования. 2018. № 2 (18). С. 127–130.

Иногда сложно бывает определить подвержен ли подросток вовлечению в деятельность деструктивных интернет-сообществ экстремистской направленности. Для решения этого вопроса необходимо обращать внимание на поведение несовершеннолетнего, визуальные, виртуальные, вербальные и эмоциональные признаки, позволяющие сделать вывод о его вовлеченности в деятельность таких сообществ. Например, изменение эмоционального фона, стиля одежды, оправдание поступков экстремистов, романтизация их образа, подписка на соответствующие сообщества в социальных сетях, публикация постов и статусов экстремистского содержания и т.д.

2. Осуществление обмена информацией между субъектами профилактики. Сотрудникам полиции необходимо постоянно поддерживать контакт с социальными педагогами и психологами с целью обмена информацией о поведении несовершеннолетних и степени социально-психологического благополучия интересующей группы. Необходимо получать информацию о лицах, пропагандирующих девиантное поведение, а также причисляющих себя к неформальным молодежным объединениям экстремистской направленности.

Для получения наибольшего эффекта по предупреждению неправомерного и антиобщественного поведения несовершеннолетних необходимо достижение слаженной совместной работы всех субъектов системы профилактики. Комплексная работа родителей, педагогов, психологов и сотрудников полиции по формированию и развитию семейных, патриотических, нравственных, религиозных, мировоззренческих ценностей у несовершеннолетнего должна проходить постоянно, особенно следует уделить внимание детям в более раннем возрасте.

3. Профилактическая работа с законными представителями несовершеннолетних. Проводить профилактическую работу необходимо не только среди подростков, но и с их родителями. Необходимо разъяснять им признаки негативного влияния асоциальных групп на личность подростка (недоверие, агрессивное поведение, эмоциональный дискомфорт), способы вовлечения несовершеннолетних в данные группы, указывать на необходимость контроля круга общения своего ребенка как в реальной жизни, так и в социальных сетях.

4. Мониторинг сети Интернет на предмет выявления деструктивных интернет-сообществ экстремистской направленности, которые осуществляют вовлечение несовершеннолетних в свою противоправную деятельность.

Интернет-мониторинг заключается в следующем:

1. Анализ с помощью поисковых систем (Google, Yandex, Mail.ru, Yahoo, Bing и др.) соответствующих ключевых слов, которые могут быть связаны с деятельностью деструктивных интернет-сообществ.

2. Просмотр молодежных форумов, подростковых сайтов, где, вероятно, происходит обсуждение информации, носящей деструктивный характер для несовершеннолетних.

3. Мониторинг социальных сетей ВКонтакте, Одноклассники, Telegram, Facebook, Instagram и т. д. в целях установления групп, которые могут иметь в себе информацию, несущую деструктивный характер.

При осуществлении анализа и мониторинга страниц несовершеннолетних в социальных сетях, необходимо обращать внимание на следующие признаки:

1. Адрес аккаунта, имя аккаунта. В частности, несовершеннолетние, вовлеченные в деятельность деструктивных интернет-сообществ, используют такие наименования в названии своего аккаунта, как «смерть», «ангел одиночества», «ангел зла», имена персонажей суицидальных игр, лидеров агрессивных движений и др. Вместо своих актуальных и реальных данных несовершеннолетние указывают псевдонимы, а именно используют имена различных криминальных авторитетов, лидеров криминальных субкультур.

2. Количество друзей и подписчиков. В большинстве случаев на аккаунте у подростка имеется небольшое количество подписчиков и друзей, характерной особенностью которых является пропаганда экстремизма, насилия, суицида.

3. Сообщества, на которые подписан подросток в социальных сетях. Подросток подписан на сообщества, пропагандирующие суицидальный или насильственный контент (культ оружия, призывы к насилию в школе).

4. География или местоположение. Данную графу в социальных сетях несовершеннолетние не заполняют либо указывают другие страны, города.

5. Фотографии. Изображения лидеров криминальных субкультур, использование изображений депрессивной тематики, размещение фотографии людей с оружием и т.д.

6. Записи, «хэштэги», размещенные на странице в социальной сети. Страница полностью очищена либо размещен контент депрессивного (проблемы отсутствия понимания, любви, селфхарм (порезы на венах) и др.) или агрессивного характера (оружие, призывы к агрессии, видео терактов, казней и др.)

7. Время активности в социальных сетях. Подобные аккаунты несовершеннолетних активны в основном в ночное время.

В случае установления наличия информации, носящей в себе деструктивный характер, следует подготовить обращение в Роскомнадзор для того, чтобы данное сообщество было заблокировано. Процедура блокировки запрещенной информации регламентирована законодательством Российской Федерации, в частности, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»¹.

5. Информационная-просветительская деятельность. Необходимо проводить в образовательных

организациях профилактические беседы в форме лекций, бесед и тематических выступлений, которые, соответственно, будут направлены на безопасное использование сети Интернет, с разъяснением пагубности влияния деструктивных Интернет-сообществ. В рамках проведения профилактических бесед необходимо распространять памятки для родителей, педагогов и несовершеннолетних о безопасном использовании Интернет-пространства.

При проведении тематических бесед необходимо также доводить информацию о порядке обращения за помощью в территориальные органы МВД России при обнаружении признаков вовлечения несовершеннолетних в деструктивные Интернет-сообщества, а также в медицинские организации и в другие органы системы профилактики.

Кроме того, необходимо организовывать и проводить различные викторины, конкурсы, интеллектуальные игры, конференции и другие мероприятия, которые будут направлены на формирование навыков и умений у несовершеннолетних безопасного использования сети Интернет. Проведение данных мероприятий позволит осветить проблемы интернет-зависимости у детей, довести информацию о негативном влиянии деструктивных интернет-сообществ и о способах защиты в Интернет-среде от них.

Также необходимо внедрять и развивать «горячие линии» или «телефоны доверия», т. е. консультативно-психологическую помощь несовершеннолетним, которая будет работать в круглосуточном режиме в случае возникновения трудной жизненной ситуации.

Важным звеном профилактики является сотрудничество с различными молодежными и общественными организациями правоохранительной направленности, волонтерами в рамках предупреждения вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества экстремистской направленности. В соответствии с официально опубликованными данными ГУООП МВД России, в Интернет-среде имеется свыше 200 сайтов, в которых граждане с активной жизненной позицией, молодежные блогеры, общественные организации при поддержке региональных властей осуществляют публикацию информации как для несовершеннолетних, так и для их родителей².

Применение комплекса перечисленных мер позволит сократить не только само количество деструктивных интернет-сообществ экстремистской направленности, но и количество несовершеннолетних, вовлеченных в их деятельность.

Библиографический список

1. Состояние преступности за 2019 год // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 01.11.2020).

¹ См.: Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.11.2020).

² Официальный сайт Объединенной редакции МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ormvd.ru> (дата обращения: 01.11.2020).

2. Щетинина Е. В. Проблемы развития культуры насилия в интернет-пространстве / Е. В. Щетинина // Инновационное развитие профессионального образования. – 2018. – № 2 (18). – С. 127–130.

3. Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.11.2020).

4. Официальный сайт Объединенной редакции МВД России. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ormvd.ru> (дата обращения: 01.11.2020).

Bibliograficheskij spisok

1. Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федеральныj zakon ot 27 iyulya 2006

g. № 149-FZ [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 02.11.2020).

2. Oficial'nyj sayt Ob»edinennoj redakcii MVD Rossii. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.ormvd.ru> (data obrashcheniya: 01.11.2020).

3. Sostoyanie prestupnosti za 2019 god // Oficial'nyj sayt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://mvd.rf/reports> (data obrashcheniya: 01.11.2020).

4. SHCHetinina E. V. Problemy razvitiya kul'tury nasiliya v internet-prostranstve / E. V. SHCHetinina // Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya. – 2018. – № 2 (18). – S. 127–130.

Правовые основания оперативно-чекистского обслуживания контингентов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и первые послевоенные годы

Гребенщикова Ирина Васильевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: grebenshikova_iv@mail.ru

Статья посвящена вопросам правового регулирования мероприятий, осуществляемые органами государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы по выявлению предателей Родины, агентов иностранных разведок, пособников фашистам, диверсантов и др.

Ключевые слова: спецконтингент; проверочно-фильтрационные мероприятия; репатриация; оперативно-чекистское обслуживание; проверочно-фильтрационные лагеря; нормативная правовая база; правовое регулирование.

Legal grounds for operational security service of contingents during the great Patriotic war (1941–1945) and the first post-war years

Grebenschikova Irina Vasilyevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law

The article is devoted to the legal regulation of activities carried out by state security agencies during the great Patriotic war and the first post-war years to identify traitors to the Motherland, foreign intelligence agents, accomplices to the Nazis, saboteurs, etc.

Key words: special contingent; verification and filtration measures; repatriation; operational security service; verification and filtration camps; regulatory framework; legal regulation.

В последние годы в связи с попытками ряда политических деятелей переписать историю Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (далее – война) представляется важным в научных исследованиях уделять внимание объективному освещению событий тех лет.

В этой связи особый интерес историков и юристов вызывает изучение архивных материалов данного исторического периода.

Трудно переоценить деятельность органов государственной безопасности при проведении проверки в отношении бывших военнослужащих Красной Армии, а также в период проведения репатриации граждан в СССР и первые послевоенные годы.

Следует сказать, что еще до начала 1990-х годов вся деятельность органов внутренних дел и органов государственной безопасности была засекречена. Основная масса всех документов носила гриф «секретно», «совершенно секретно». И только с началом процесса рассекречивания ряда архивных материалов у ученых появилась возможность изучать исто-

рические события, опираясь на подлинники нормативных правовых актов (указов, приказов, директив, распоряжений и т.д.).

Уже с первого года войны принимается постановление Государственного Комитета Обороны (далее – ГКО) от 27 декабря 1941 г. № 1069сс, согласно которому создаются сборно-пересыльные пункты Наркомата обороны (далее – СПП) для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника, обнаруживаемых в местностях, освобожденных от войск противника¹. С целью обеспечения содержания и фильтрации указанных лиц начальниками СПП назначались опытные оперативные работники.

Следует отметить, что с продвижением наших войск количество спецконтингента, подлежащего фильтрации неуклонно росло. Поэтому основной задачей оперативно-чекистских отделов проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР (далее – ПФЛ) при проверке и фильтрации прибывающего в лагерь

¹ URL: <https://ru.wikisource.org/wiki>.

контингента, в соответствии нормативными правовыми актами НКВД СССР, согласно Инструкции по работе оперативно-чекистских отделов проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР, утвержденной директивой НКВД СССР от 13 апреля 1945 г. № 63сс¹, было выявление сотрудников и работников различных органов противника, и в первую очередь, разведывательных, контрразведывательных, полицейских и карательных.

К ним относились не только агенты этих органов, но и агенты иных иностранных разведок, переброшенные в СССР для вражеской работы (шпионаж, террор, диверсия и др.), а также активные участники различных вооруженных формирований, антисоветских организаций; предатели и изменники Родине и активные пособники фашистской Германии.

После проведения комплекса мероприятий по оперативно-чекистскому обслуживанию, если не было выявлено никакой компрометирующей информации, лиц, годных к службе в Красной Армии, направляли в местные военные комиссариаты, а негодных к военной службе – к месту постоянного их места жительства, за исключением городов Москвы, Ленинграда, Киева и погранполосы. Остальной контингент в соответствии с постановлением ГКО от 4 ноября 1944 г. № 6884с по специальным указаниям НКВД СССР откомандировывались в кадры промышленности².

Среди граждан, в отношении которых проводились оперативно-чекистские мероприятия в ПФЛ, были и советские граждане немецкой национальности. В отношении указанных лиц действовал иной порядок направления к постоянному месту жительства. Так, в соответствии с директивой НКВД СССР от 11 октября 1945 г. № 181сс (далее – директива) все репатриированные советские граждане немецкой национальности направлялись в места постоянного поселения и наделялись статусом спецпереселенцев³.

Указанные граждане подлежали учету в спецкомендатурах НКВД СССР и агентурно обслуживались органами НКВД СССР наравне с другими спецпереселенцами. Документальное оформление персонального учета данного спецконтингента регламентировалось этой же директивой, а также инструкцией по учету спецпереселенцев, утвержденной приказом НКВД СССР 1941 г. № 0170.

В свою очередь, репатриированные немцы согласно инструкции, объявленной приказом НКВД СССР от 21 июля 1945 г. № 00865 «О порядке учета и регистрации репатриированных советских граждан», не подлежали учету и регистрации, поэтому фильтрационные дела на них не заводились⁴.

¹ Боер В. М., Маркитан А. В. Правовые проблемы фильтрации (специальной государственной проверки) советских репатриантов в послевоенные годы (1945-1946 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 2 (34). С. 22.

² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. Ф. 1. Д. 191. Л. 62.

³ ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1с. Д. 2. Л. 155.

⁴ Большакова Г. И. Начальный период массовой репатри-

В отношении прибывающего контингента репатриантов-немцев в обязательном порядке проводились все мероприятия по оперативно-чекистскому обслуживанию с целью выявления среди них диверсантов, немецких агентов и пособников, предателей и изменников Родине. Проведение таких мероприятий возлагалось на оперативный состав райотделов и спецкомендатур НКВД СССР. Спецконтингент, в отношении которого были выявлены компрометирующие материалы, подлежал аресту и суду. Отчетность по репатриированным немцам предоставлялась в соответствии с приказом НКВД СССР 1944 г. № 001152 вместе с другими спецпереселенцами.

Проверка в отношении прибывающих в ПФЛ советских граждан в соответствии с указанной Инструкцией проводилась в двухмесячный срок. Срок мог быть продлен в случае, если у проводивших проверку органов были какие-либо подозрения.

Кроме того, оперативно-чекистские мероприятия в отношении спецконтингента ПФЛ проводились в несколько этапов, начиная с проверки по розыскным спискам и заканчивая направлением запросов в органы НКГБ – НКВД СССР по прежнему месту жительства. Одним из этапов был тщательный допрос как самих проверяемых, так и свидетелей, которые знали проверяемых.

По прибытии в ПФЛ спецконтингента оперативно-чекистские отделы лагерей насаждали среди них агентурную сеть и устанавливали связь с агентурой, которая была завербована еще на проверочно-фильтрационных пунктах НКВД СССР (далее – ПФП).

Расстановка осведомительной сети предусматривалась во всех отделениях и бараках лагерей, где содержался спецконтингент. Вербовку агентов и осведомителей проводили из патриотически настроенных лиц, добровольно заявивших о своих преступлениях, а также из лиц, на которых имелись компрометирующие материалы. Вербовку лиц, избличенных в каких-либо действиях, проводили лишь после их откровенных признаний в содеянном.

Все производственные бригады, особенно бригады, работающие у сложных и ответственных агрегатов или в опасных (в диверсионном отношении) цехах и производственных участках, обеспечивались противодиверсионным осведомлением. Агентурную работу в отношении контингента, работающего в промышленности, проводили совместно Народный комитет государственной безопасности (далее – НКГБ) – Управление народного комитета государственной безопасности (далее – УНКГБ).

При разработке спецконтингента в агентурных комбинациях активно использовалась агентура из медицинского состава лагерей.

Довольно часто при разработке контингента по ации гражданского населения и военнопленных из Финляндии (1944–1946 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (89). С. 17.

согласованию с НКГБ – НКВД в лагеря подсаживали проверенных квалифицированных агентов местных органов с соответствующими легендами.

Вербовке также подлежали лица из обслуживающего персонала.

Для оперативного обслуживания личного состава агентурой обеспечивали все служебные подразделения лагерей. Особое внимание обращали на разработку личного состава военизированной охраны, состоящей из числа прошедших проверку контингента, куда могла просочиться агентура противника, предатели и т.д.

Осведомительная сеть после соответствующего инструктажа сводилась в резидентуры. Агентура находилась на личной связи у оперсостава и в резидентуры не сводилась. Вербовка резидентов из числа контингента допускалась только в исключительных случаях, после тщательной проверки.

В работе агентуры также учитывалась возможность двойничества и попыток агентуры иноразведок проникнуть в агентурную сеть НКВД СССР. Для предупреждения таких случаев практиковалась проверка получаемых от агентуры материалов через другие источники. Агентов и осведомителей, заподозренных в принадлежности к разведывательным органам противника, в измене Родине, в предательстве и т.д., в отношении которых не было достаточных для ареста компрометирующих материалов, брали в активную агентурную разработку с оформлением дел-формуляров и агентурных дел.

За правильным оформлением личных фильтрационных дел, которые были заведены на спецконтингент, наблюдали отделения и группы, входившие в состав оперативно-чекистских отделов. Такие дела заводились на каждого проверяемого оперативно-чекистским отделом. Фильтрационное дело состояло из анкеты установленной формы, агентурных материалов, протоколов допросов проверяемого и свидетелей, заявлений, а также всех представленных и обнаруженных у проверяемого личных документов.

Все фильтрационные дела проверяемых до окончания проверки находились на хранении в оперативно-чекистском отделе ПФЛ как «совершенно секретные» документы.

При аресте спецконтингента из фильтрационного дела изымались все материалы, необходимые для приобщения к следственному делу. После окончания следствия и суда личное фильтрационное дело также пересылалось I Спецотделу НКВД – УНКВД СССР в архив для хранения. Туда же направлялись личные фильтрационные дела на бежавших из ПФЛ, но уже не для хранения в архиве, а для объявления их во всеобщий розыск.

Личные фильтрационные дела проверенных и отпущенных по месту постоянного проживания направлялись в I Спецотдел НКВД – УНКВД СССР по территориальности для хранения в архиве и взятия на общесправочный учет.

Учет и наблюдение за правильностью оформления дел резидентов, агентов и осведомителей осуществлялись в соответствии с приказом НКВД СССР от 28 июля 1939 г. № 00858. Учет и наблюдение за правильностью оформления дел-формуляров и агентурных дел осуществлялись в соответствии с приказом НКВД СССР от 11 октября 1939 г. № 001223. Всеми указанными мероприятиями по ведению дел и наблюдению за правильностью их ведения занимались учетные отделения и группы оперативно-чекистских отделов ПФЛ.

В свою очередь, следственные дела оформляли в соответствии с существующими на тот момент приказами НКВД – НКГБ СССР, учет и наблюдение за выполнением всех норм Уголовно-правового кодекса (далее – УПК) вели те же самые отделения и группы при оперативно-чекистских отделах.

Помимо вышеперечисленных задач отделения и группы при оперативно-чекистских отделах осуществляли также учет и объявление в розыск лиц, в отношении которых в ходе оперативно-чекистских мероприятий были выявлены изобличающие материалы.

Так, ежемесячно, к 15 числу, оперативно-чекистские отделы ПФЛ НКВД СССР представляли в Отдел ПФЛ НКВД СССР докладные записки, в которых содержалась информация о состоянии агентурной и следственной работы, а также описывался ход проверочной работы. Копии всех докладных записок направлялись в НКВД – УНКВД и НКГБ – УНКГБ СССР.

В соответствии с директивой НКВД СССР от 7 мая 1945 г. бывшие солдаты русской армии войны 1914–1917 гг., белые эмигранты и другие, являющиеся подданными Германии или лицами без гражданства, для проверки направлялись только в ПФЛ.

Отдельной категорией по оперативно-чекистскому обслуживанию были «власовцы». В соответствии с директивой НКВД СССР от 4 июля 1945 г. № 110 «О приеме, размещении, охране и использовании на работах корпуса «власовцев»¹ принятые от союзников «власовцы» в количестве 46 000 тысяч были сосредоточены в лагерях НКВД СССР: № 0302 (Кизел), № 0314 (Кемерово), № 0315 (Прокопьевск)². Весь остальной, в том числе офицерский, состав корпуса «власовцев», их семьи и инструкторский состав из числа немцев был сосредоточен в лагере для военнопленных ГУП-ВИ НКВД СССР № 525 (Прокопьевск). Оперативная проверка такого спецконтингента была возложена на орган контрразведки НКО «СМЕРШ»³.

В соответствии с постановлением ГКО от 18 августа 1945 г. № 9871с НКО СССР репатрируемых советских граждан из числа бывших военнослужащих Красной Армии и лиц призывного возраста передавали на предприятия черной металлургии, угольной промышленности и лесозаготовки Наркомлеса СССР в районы Камского бассейна. Весь контингент после

¹ Петров Н. В. История империи «Гулаг» [Электронный ресурс]. URL: <http://moskva-volga.ru/istoriya-imperii-gulag-glavy-iz-knigi-n-v-petrova>.

² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 191. Л. 125–126.

³ Петров Н. В. Указ соч.

предварительной регистрации формировался НКО в рабочие батальоны и организованным порядком направлялся на предприятия¹.

Совместным приказом НКВД СССР, НКГБ СССР и начальника Главного Управления Контрразведки НКО «СМЕРШ» от 8 сентября 1945 г. № 0011027/00381/00169сш «Об организации проверки репатрируемых бывших военнослужащих Красной Армии и лиц призывных возрастов, передаваемых для работы в промышленности» оперативно-чекистские мероприятия в отношении такого спецконтингента были возложены на НКВД – НКГБ, УНКВД – УНКГБ и Управление контрразведки НКО «СМЕРШ» военных округов по месту дислокации предприятий, где использовались рабочие батальоны. Срок проверки был установлен в течение 2–3 месяцев².

Для осуществления мероприятий по оперативно-чекистскому обслуживанию были созданы специальные проверочные комиссии из ответственных работников НКВД – НКГБ, УНКВД – УНКГБ и Управление контрразведки НКО «СМЕРШ» под председательством заместителей народных комиссаров внутренних дел республик – заместителей начальников управлений НКВД СССР. Для проведения проверки были созданы оперативные группы, на каждую тысячу проверяемых – три оперативных работника, из них: НКВД – 1; НКГБ – 1 и Управление контрразведки НКО «СМЕРШ» – 1.

Проверочные комиссии занимались выявление среди спецконтингента лиц, на которых имелись компрометирующие материалы в причастности к немецким и иным разведывательным и контрразведывательным, полицейским и карательным органам, в изменческой деятельности, а также к белоэмигрантским и националистическим организациям.

Контингент, избалованный в вышеперечисленных преступлениях, подлежал аресту. Для проведения дальнейших следственных мероприятий агентов гестапо и иностранных разведок передавали в НКГБ – УНКГБ; предателей и изменников Родине, пособников оккупантам – в НКВД – УНКВД; лиц, из числа военнослужащих – органам контрразведки НКО «СМЕРШ».

Не допускали передачи в постоянные кадры промышленности лиц, служивших в немецкой армии, немецких строевых формированиях (исключая трудовые), «легионеров», «власовцев» и полицейских.

Так, оперативные группы НКВД – НКГБ НКО «СМЕРШ», осуществляющие регистрацию и проверку контингента в лагерях, находящихся за пределами СССР, при выявлении таких лиц сразу направляли их в ПФЛ НКВД или приграничные ПФП НКВД СССР.

Если же компрометирующие данные были выявлены при дальнейшей проверке спецконтингента в рабочих батальонах, то их срочно изымали и также направляли в ПФЛ НКВД СССР.

В соответствии с директивой НКВД СССР от 29 октября 1945 г. № 188 оперативно-чекистские меропри-

ятия в отношении гражданских лиц проводились органами НКВД СССР в порядке приказа № 00706/00268 по месту жительства репатриированных гражданских лиц.

Совместным приказом НКВД СССР и НКГБ СССР 1946 г. № 001113/00536 срок проверки всех репатриантов проверочными комиссиями был установлен до 1 февраля 1947 г.³

Следует отметить, что активные оперативно-чекистские мероприятия по выявлению лиц, принадлежащих диверсионным и контрразведывательным органам иностранных разведок, органами НКВД-МГБ СССР проводились и в первые послевоенные годы.

Так, из спецсообщения Управления МГБ по Свердловской области секретарю Свердловского обкома ВКП(б) В. И. Недосекину «Об установлении и разоблачении агентуры иностранных разведывательных и контрразведывательных органов» докладывалось, что в результате реализации оперативно-розыскных материалов объявленный УМГБ по Свердловской области во всесоюзный розыск как агент-диверсант германских разведорганов З. был арестован в 1947 г.

В этом же году был арестован П., обвиняемый в принадлежности к японским разведывательным органам (служебная записка № 1/6837 от 13 декабря 1947 г.)⁴, и др.

Как правило, судьбы арестованных были схожими. В первые месяцы войны они попадали в плен, были завербованы разведывательными и контрразведывательными органами противника, проходили специальное обучение в школах агентов немецкой и других разведок, а затем перебрасывались в СССР под видом репатриации.

Таким образом, деятельность по оперативно-чекистскому обслуживанию спецконтингента началась с первых месяцев вероломного вторжения фашистской Германии в СССР. Данные мероприятия проводились в первые годы войны, в основном в отношении бывших военнослужащих Красной Армии, самовольно бежавших с поля боя, попавших в плен или находившихся на оккупированной немцами территории. В дальнейшем, после контрнаступления Красной Армии, после освобождения территории СССР, мероприятиям по выявлению предателей, пособников фашистов, изменников Родине, служивших в немецких формированиях и т. д., подверглась более обширная группа лиц, по тем или иным причинам оказавших на территории, захваченной противником, не только среди бывших военнослужащих Красной Армии, но и гражданских лиц. Самый большой поток проверяемых лиц пришелся на конец войны, когда для проведения репатриации создавалось большое количество проверочно-фильтрационных пунктов и проверочно-фильтрационных лагерей.

Несмотря на то, что в работе по выявлению предателей, пособников фашистов, изменников Родине,

³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 180. Л. 96.

⁴ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф-1-П. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 8, 12.

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 180. Л. 96.

² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 180. Л. 97.

служивших в немецких формированиях и т.д., были перегибы и недочеты, органами госбезопасности была проведена огромная работа которая внесла свой вклад в дело победы над фашистской Германией.

При изучении рассекреченных архивных материалов документов о методике проведения оперативно-чекистского обслуживания не было обнаружено. Это свидетельствует о том, что либо такие документы еще не рассекречены, либо в данный исторический период они не создавались, а действовали еще созданные до войны нормативные правовые акты.

Вся деятельность оперативно-чекистских подразделений была регламентирована в основном ведомственными нормативными правовыми актами органов НКВД СССР, НКГБ СССР и Управления контрразведки НКО «СМЕРШ», имеющими гриф «совершенно секретно» и «секретно».

Библиографический список

1. Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области. – Ф-1-П. – Оп. 1. – Ед. хр. 344. – Л. 8, 12.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9408. – Оп. 1с. – Д. 2. – Л. 155.
3. ГАРФ. Ф. 9401. – Оп. 1ф. – Д. 191. – Л. 62, 125–126.
4. ГАРФ. Ф. 9401. – Оп. 1а. – Д. 180. – Л. 96, 97.
5. Боер В. М. Правовые проблемы фильтрации (специальной государственной проверки) советских репатриантов в послевоенные годы (1945–1946 гг.) / В. М. Боер, А. В. Маркитан // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 2 (34). – С. 19–26.
6. Большакова Г. И. Начальный период массовой репатриации гражданского населения и военнопленных из Финляндии (1944–1946 гг.). / Г. И. Большакова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3 (89). – С. 14–19.
7. Петров Н. В. История империи «Гулаг» [Электронный ресурс] / Н. В. Петров. – URL: <http://moskva-volga.ru/istoriya-imperii-gulag-glavy-iz-knigi-n-v-petrova>.

Bibliograficheskij spisok

1. Arhiv Upravleniya FSB RF po Sverdlovskoj oblasti. – F-1-P. – Op. 1. – Ed. hr. 344. – L. 8, 12.
2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee – GARF). F. 9408. – Op. 1s. – D. 2. – L. 155.
3. GARF. F. 9401. – Op. 1f. – D. 191. – L. 62, 125–126.
4. GARF. F. 9401. – Op. 1a. – D. 180. – L. 96, 97.
5. Boer V. M. Pravovye problemy fil'tracii (special'noj gosudarstvennoj proverki) sovetskih repatriantov v poslevoennye gody (1945–1946 gg.) / V. M. Boer, A. V. Markitan // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2007. – № 2 (34). – S. 19–26.
6. Bol'shakova G. I. Nachal'nyj period massovoj repatriacii grazhdanskogo naseleniya i voennoplennyh iz Finlyandii (1944–1946 gg.). / G. I. Bol'shakova // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2018. – № 3 (89). – S. 14–19.

7. Petrov N. V. Istoriya imperii «Gulag» [Elektronnyj resurs] / N. V. Petrov. – URL: <http://moskva-volga.ru/istoriya-imperii-gulag-glavy-iz-knigi-n-v-petrova>.

Об оперативно-розыскной характеристике легализации доходов, полученных преступным путем

Иванов Петр Иванович,
Академия управления Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный юрист Чувашской Республики,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: IvanovP11952@yandex.ru

В настоящей статье на основе изучения и анализа оперативно-розыскного законодательства, научных публикаций, правоприменительной практики и криминогенной ситуации по линии легализации рассматриваются научные позиции специалистов в области теории оперативно-розыскной деятельности по вопросу о понятии и содержании оперативно-розыскной характеристики отмыwania преступных доходов. При этом автор сфокусировал свое внимание наряду с общей характеристикой преступлений и на вопросах легализации доходов, полученных от совершения налоговых преступлений, выступающих предикатом к их отмыванию.

Ключевые слова: оперативно-розыскная характеристика; легализация; криминальный доход; налоговое преступление.

On the operational and investigative characteristics of the legalization of proceeds from crime

Ivanov Pyotr Ivanovich,
Academy of Management of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation, Honored Lawyer of
the Russian Federation, Honored lawyer of the Chuvash
Republic, Doctor of Law, Professor

In this article, based on the study and analysis of operational-search legislation, scientific publications, law enforcement practice and the criminal situation in the field of legalization, the scientific positions of specialists in the field of operational-search activity theory on the concept and content of operational-search characteristics of laundering of criminal proceeds are considered. In this work, the author focused his attention, along with the General characteristics of crimes, on the issues of legalization of income received from the Commission of tax crimes, which are a predicate to their laundering.

Key words: operational and investigative characteristics; legalization; criminal income; tax crime.

Легализация как уголовно-наказуемое деяние может быть познана через призму совокупности признаков, ее характеризующих¹. Каждая область знания, исходя из своего предмета, изучает легализацию криминальных доходов² как объект воздействия. Не

¹ Согласно Толковому словарю русского языка «характеристика» – это «описание характерных, отличительных качеств, черт кого-нибудь, чего-нибудь» (см.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. С. 860).

² Приведем данные ФКУ «ГИАЦ МВД России» за три последних года: в 2017 г. было выявлено 422 преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, в 2018 г. – 500, в 2019 г. – 489. Как видно, в прошлом году зарегистрировано меньше, нежели

случайно появились разновидности характеристик, таких как уголовно-правовая, административно-правовая, криминологическая, криминалистическая, оперативно-розыскная и др. Что их сегодня объединяет? Стремление всесторонне изучить данный вид преступления с тем, чтобы найти формы и методы правоохранительной деятельности, которые сделали

в 2018 г., но при этом больше было выявлено таких фактов, совершенных в крупном и особо крупном размерах, а также совершенных организованной группой и преступным сообществом (см.: Обзор МВД России об организации работы по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых преступлений подразделениями ЭБиПК за 2019 г. № 1/5338 от 19 мая 2020 г. // Документ опубликован не был).

бы невыгодным его совершать (перспективная цель). Иными словами, выработка научных рекомендаций и конструктивных предложений по повышению эффективности борьбы с отмыванием преступных доходов (ближайшая цель)¹. Это задача общая – непростая. Однако она разрешима благодаря объединению усилий практиков и научных работников. Путем синтеза знаний и имеющегося опыта будет легче воспринимать общую систему характеристик как некое целое во всем многообразии ее связей и частей. Оперативно-розыскная характеристика в таком понимании может быть представлена как отдельная часть целого. Общими для всех частей, на наш взгляд, являются отношения, которые раскрываются в процессе глубокого познания легализации как объекта. Представляется, что система отношений, возникающих в процессе отмывания денег, выступает отправной точкой научного познания закономерностей их возникновения и развития. Посредством познания попытаемся объяснить природу, связанную с отмыванием, разработать практические меры воздействия на нежелательные явления, детерминирующие указанное преступное деяние.

Среди указанных выше характеристик оперативно-розыскная, как нам представляется, выглядит весомее, т. к. только она может «высветить» скрытую часть как самой легализации со всеми системообразующими элементами, так и совокупности факторов, поддерживающих ее сохранение и развитие. Это, собственно, объективно обусловило возникновение в недрах теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) нами анализируемой характеристики. На сегодня мы уже имеем предпосылки для формирования учения об оперативно-розыскной характеристике преступлений². Отдельные авторы указанный вид характеристики рассматривают как частное учение теории ОРД, исследующее комплексную характеристику преступлений с позиций типичности и повторяемости их поисковых признаков, обуславливающих необходимость применения оперативно-розыскных сил, средств и методов для их выявления, предупреждения и раскрытия³.

Следует иметь в виду, что теория ОРД не дает практическим работникам готовых решений тех вопросов,

которые их интересуют, но она вооружает методологией познания для нахождения верных и обоснованных решений при «раскручивании» в процессе документирования преступных действий лиц, причастных к отмыванию «грязных» денег.

Различают оперативно-тактическую и оперативно-розыскную характеристику. Они взаимосвязаны, но не тождественны. Думается, что оперативно-розыскная характеристика наиболее полно отражает специфику самого деяния и лиц, причастных к его совершению, т. е. качественную, содержательную их сторону, оперативно-значимую направленность познания, чего не скажешь про оперативно-тактическую характеристику.

Анализируемый вид характеристики нами рассматривается как своеобразная система. Такая система складывается из взаимодействующих подсистем и элементов, представляющих в виде идентификационных признаков.

Забегая вперед, отметим, что налоговые преступления и легализация доходов, полученных от их совершения, нами рассматриваются в их сопряженности, которая подчиняется строго определенным закономерностям. Благодаря этому мы можем дать количественно-качественную их характеристику посредством выделения типичных признаков (черт) названных уголовно-наказуемых деяний. Такая характеристика, как показывает выборочное изучение, носит сложно структурированный характер.

Отправные точки протекания процесса отмывания доходов, полученных от совершения налоговых преступлений, на наш взгляд, взаимосвязаны тремя концептуальными положениями, а именно: 1) налоговые преступления, сопряженные с легализацией, испытывают на себе влияние как внешних, так и внутренних факторов, что позволяет вести речь о динамическом их характере; 2) данный вид преступления при определенных условиях обладает возможностью воспроизводства, приобретая новое качественное состояние; 3) сам механизм его совершения состоит из множества логически выстроенных элементов.

Указанные положения нельзя сбрасывать со счета при формулировании понятия «оперативно-розыскная характеристика».

Среди специалистов в области теории ОРД и сегодня ведется острая дискуссия вокруг термина «оперативно-розыскная характеристика преступлений». Указанный вид характеристики как оперативно-розыскная категория определяется авторами по-разному.

Остановимся на рассмотрении различных точек зрения.

Одни авторы (В. Г. Бобров, В. В. Гордиенко, Д. В. Гребельский и др.) полагают, что существовавшие в то время характеристики преступлений (уголовно-правовая, криминалистическая, криминологическая, психологическая, экономическая и иные ее виды) не могут полностью раскрыть свои потенциальные воз-

¹ По оценкам экспертов Международного валютного фонда, через мировые финансовые системы ежегодно легализуются доходы от преступной деятельности в размере от 500 миллиардов до 1,5 триллионов долларов США, что в среднем составляет от 2 до 5 процентов мирового валового продукта. Большая часть российских «преступных денег» отмывается с помощью оффшорных компаний (см.: Официальный Интернет-сайт Международного валютного фонда. URL: <https://www.imf.org/external/Russian> (дата обращения: 29.06.2020)).

² Климов И. А., Синилов Г. К. Актуальные проблемы развития теории и совершенствования практики ОРД в условиях современного российского общества // Теоретические и практические проблемы оперативно-розыскной деятельности: сборник статей. Калининград, 1999. С. 34.

³ Там же.

возможности лишь по одной причине – они не располагают достаточными сведениями о совокупности черт, с помощью которых можно всесторонне описать тот или иной состав преступления (его «фотографию»). По их мнению, восполнить это может только введение в научный оборот еще одной разновидности характеристики – оперативно-розыскной.

Профессор Д. В. Гребельский под оперативно-розыскной характеристикой, в частности, понимал совокупность ряда информационных признаков, упорядоченных и взаимосвязанных между собой, почерпнутых из различных информационных источников, входящих в криминалистическую, криминологическую, психологическую, экономическую и другие характеристики преступлений¹. Справедливости ради отметим, что основоположником указанного вида характеристики является именно профессор Д. В. Гребельский, которому приходилось отстаивать перед учеными-криминалистами свою научную позицию. Тем самым понятийно-категориальный аппарат теории ОРД был дополнен еще одним термином «оперативно-розыскная характеристика».

Специалисты теории ОРД часто обращаются к указанному определению, рассматривая в своих монографиях вопросы, связанные с характеристикой того или иного состава преступления. Следует отметить, что в настоящее время, несмотря на наличие иных точек зрения, понятие «оперативно-розыскная характеристика», сформулированное профессором Д. В. Гребельским, оказалось часто цитируемым.

Из приведенного определения, на наш взгляд, следует несколько умозаключений: автор смело ставит вопрос о новой разновидности характеристик преступлений, хотя к тому времени уже существовали криминологическая, уголовно-правовая и криминалистическая виды характеристик; называется характеристика как совокупность информационных признаков, черпающих сведения о них из различных источников, которые также названы в предложенном определении; предлагая данный вид характеристики, автор предвидел взаимосвязь и взаимообусловленность идентифицирующих преступное деяние признаков; есть понимание того, что аккумуляция признаков под эгидой относительно самостоятельной характеристики не самоцель, а форма, содержащая разноплановые сведения о конкретном виде преступления, ставшего объектом изучения через призму процесса документирования; наконец, напрашивается вывод о том, что из предложенного определения усматривается управленческое начало, которое скрыто под словом «упорядоченная совокупность». На наш взгляд, эти положения послужили своего рода толчком для обстоятельных размышлений. Многие из них до сего времени продолжают оставаться предметом обсуждения и анализа.

Другие авторы (Ю. В. Дамов, В. П. Перевозник, Б. П.

Смагоринский, К. М. Тарсуков², А. Б. Утевский, В. П. Шиенок и др.) предлагают вести речь не об оперативно-розыскной, а об оперативно-тактической характеристике, поскольку она, по мнению авторов, нацелена на поиск рациональных приемов и способов проведения, прежде всего, оперативно-розыскных мероприятий, составляющих содержание ОРД. В этом заключается, по утверждению сторонников указанной точки зрения, ее квинтэссенция. В то же время они не отрицают, что понятие «оперативно-розыскная характеристика» представляет собой попытку абстрагирования, обобщения сведений о противоправном поведении и выделении за счет этого закономерностей и тенденций, значение и учет которых в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий способствует более эффективному решению задач борьбы с преступностью.

Следует констатировать, что термин «оперативно-тактическая характеристика» так и не получил дальнейшего своего развития, остался в теории ОРД в виде «голой декларации» и не более. Как нам представляется, не совсем убедительны были с самого начала приводимые доводы и аргументы, а потому многие специалисты названной теории не соглашались с высказанной точкой зрения.

Третья группа авторов (А. И. Алексеев, И. А. Климов, Л. Л. Тузов, Г. К. Синилов, Д. К. Синилов³, А. Ю. Шумилов и др.) утверждают, что оперативно-розыскная характеристика базируется на совокупности поисковых признаков. Ее структуру, по их мнению, образуют четыре подсистемы: 1) данные официальной статистики; 2) количественные и качественные показатели экономической преступности; 3) ее типология; 4) система способов преступлений экономической направленности, состоящая из способов их подготовки, совершения и сокрытия.

Думается, что мы имеем дело несколько с усовершенствованной (модернизированной) формулировкой понятия «оперативно-розыскная характеристика» применительно к преступлениям экономической направленности. Д. К. Синилов, в частности, считает, что оперативно-розыскная характеристика – это совокупность уголовно-правовых, криминалистических, криминологических, психологических, социологических, экономических и иных упорядоченных и взаимосвязанных между собой поисковых признаков, рассматриваемых с точки зрения решения стоящих перед подразделениями БЭП (в настоящее время подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции) органов внутренних дел

² Тарсуков К. М., Шиенок В. П. Анализ теоретического подхода к выработке понятия «оперативно-тактическая характеристика» в теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы получения, оценки и использования информации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: межвузовский сб. науч. трудов. Киев. 1986. С. 54–63.

³ Синилов Д. К. Системный метод в борьбе с экономическими преступлениями (по материалам аппаратов БЭП): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

¹ Гребельский Д. В. О состоянии криминалистических и оперативно-розыскных характеристик // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М., 1984. С. 71.

(далее – ОВД) задач по их предупреждению и раскрытию. При этом он в структуре данной характеристики выделяет в качестве элементов способы совершения экономических преступлений, а также личность преступника. Исходя из сказанного, оперативно-розыскная характеристика как относительно самостоятельная разновидность, с одной стороны, теряет свой смысл и содержание, полностью переключаясь (заимствуя) признаки, присущие другим разновидностям характеристик, с другой – полностью сливается с одной из организационно-тактических форм ОРД – оперативным поиском, базирующимся на поисковых признаках (признаках распознавания разыскиваемого объекта).

Заслуживает внимания точка зрения В. М. Аتماжитова¹, который являясь приверженцем научной позиции профессора Д. В. Гребельского, несколько ее уточняет с учетом развития теории ОРД, сказав о том, что оперативно-розыскная характеристика преступлений отличается от иных видов характеристик наличием у нее конфиденциальных источников, обеспечивающих необходимыми сведениями для наиболее полного описания как самих деяний, так и лиц, причастных к их совершению. Однако он не отрицает возможность использования и официальных источников. Итак, сведения, заслуживающие внимания для указанных целей, могут быть получены как из негласных, так и гласных источников. Только из гласных источников черпают на сегодня сведения, осведомляющие о состоянии, динамике, структуре и иных показателях преступности, уголовно-правовая, криминалистическая, криминологическая и другие характеристики. Исходя из вышесказанного, оперативно-розыскная характеристика как относительно самостоятельная разновидность имеет свой специфический предмет, обусловленный, прежде всего, нахождением ее в системе ОРД.

В. М. Аتماжитов считает, что теоретическая конструкция оперативно-розыскной характеристики, предложенная профессором Д. В. Гребельским, может быть усилена двумя посылками: а) указанный вид характеристики есть научно-обоснованное описание преступного деяния; б) источниками обогащения имеющихся сведений в распоряжении оперативных подразделений полиции, как правило, выступают как гласные (открытые), так и закрытые (конфиденциальные) каналы. Можно утверждать, что оперативно-розыскная характеристика – собирательное понятие, базовая категория теории ОРД.

Следующая группа авторов (В. В. Сонин, А. В. Солдатов, С. В. Харченко, А. Б. Янишевский и др.) считают, что оперативно-розыскная характеристика – это научно обоснованная методика описания отличительных черт того или иного вида преступления, с помощью которой формируется научная база для выработки рекомендаций и предложений по повы-

шению эффективности организации и тактики ОРД ОВД по борьбе с преступностью. Авторы этой группы, на наш взгляд, говорят не о вычлениении специфических признаков преступления, характеризующего с оперативно-розыскных позиций, а о перечислении тех же черт, которые другие виды характеристик уже описали, включив их в содержание в качестве своего предмета. Думается, что научно обоснованная комплексная система знаний может быть представлена как результат, а не источник, содержащий сведения об оперативно-розыскных признаках преступления.

Есть группа авторов (И. И. Кучеров, А. Я. Марков, А. Ю. Панов, Е. Н. Шахов и др.), которые склонны утверждать, что при множестве приверженцев оперативно-розыскной характеристики нельзя забывать об отсутствии у нее собственного предмета, а значит, нет смысла говорить об этом. Сторонники данной точки зрения исходят из криминалистической характеристики, сравнивая с которой, «не обнаружили» в оперативно-розыскной характеристике таких признаков, которые отличались бы от иных характеристик.

Со своей стороны считаем, что нельзя оставить без внимания точку зрения следующей группы авторов (Б. В. Борин, Э. А. Васильев, В. Д. Ларичев², Ю. В. Трунцевский и др.). Указанные авторы под оперативно-розыскной характеристикой понимают научно разработанную систему обобщенных данных о наиболее типичных оперативно значимых признаках преступления, проявляющихся в особенностях объекта преступного посягательства, способах совершения преступления, механизме следообразования преступных действий, а также личностных данных субъекта преступления, знание которых является теоретической и информационной базой для разработки основных методических и тактических приемов выявления и раскрытия преступлений.

Обычно под оперативно-розыскной характеристикой понимают процесс описания отличительных черт того или иного преступного деяния и качеств личности преступника. Приведенные же авторы констатируют, что под этим термином они подразумевают научно разработанную систему обобщенных данных. Невольно возникает вопрос: какие же критерии ими положены в основу при отборе таких данных, чтобы они раскрывали оперативно-розыскной аспект анализируемого вида характеристики?

В своих трудах вышеназванные авторы в оперативно-розыскной характеристике, как правило, выделяют следующие элементы: способ совершения преступлений; признаки документов, наиболее часто подделываемых, исправляемых, незаконно выдаваемых и т.д.; перечень предметов, оборудования, механизмов, на которых имеются следы преступления; перечень лиц, осведомленных о противоправных действиях преступников, способных указать на лиц,

¹ Аتماжитов В. М. О сущности оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2008. № 1 (5). С. 67–68.

² Ларичев В. Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях // Безопасность бизнеса. 2008. № 2. С. 2–7.

осведомленных о них, находящихся в близких связях с подозреваемыми в совершении преступления, сведения о лицах, наиболее часто выступающих в качестве лжесвидетелей и др.; лиц, возможно, причастных к преступлениям, данные о них, их должностном положении, взаимоотношениях между членами преступной группы, а также с другими лицами.

Со своей стороны полагаем целесообразным включать в структуру оперативно-розыскной характеристики помимо вышеперечисленных элементов длящийся характер преступления (например, уклонения от уплаты налогов), причиненный ущерб (в крупном или особо крупном размере), необычную (сомнительную) сделку, латентность преступности. Эти признаки, как показывает оперативно-следственная практика, в значительной мере характерны преступлениям налоговой направленности, являющимся объектом оперативно-розыскного воздействия.

Как видно из приведенного анализа, существует достаточно много мнений, безусловно, все они представляют определенный интерес. Дискуссия вокруг оперативно-розыскной характеристики тем самым не завершена, она продолжается, поскольку еще не удалось прийти к единому мнению.

Считаем, что заслуживают особого внимания для обсуждения такие вопросы, как: а) транснациональная организованная налоговая преступность, обусловленная процессом глобализации; б) влияние Интернет-технологий на преступность; в) существенное изменение криминогенных факторов в связи с переходом к цифровой экономике¹. Эти вопросы в широком формате не стали предметом обсуждения специалистов теории ОРД, вовлеченных в дискуссию вокруг оперативно-розыскной характеристики. Названные нами процессы, наряду с позитивным началом, будут сопровождаться качественным изменением состояния, динамики, структуры преступности, в том числе налоговой, все это не оставит незатронутым оперативно-розыскную характеристику.

Говоря об оперативно-розыскной характеристике легализации доходов, полученных от совершения преступлений, не следует забывать не только о вну-

¹ Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Следует заметить, что легализация доходов, полученных от совершения налоговых преступлений, будучи в структуре преступлений в сфере экономической деятельности, станет объектом непосредственного воздействия цифровой экономики. В свою очередь, содержание оперативно-розыскной характеристики отмывания доходов, на наш взгляд, не останется неизменным. (См. об этом: Понятие цифровой экономики определено в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901).

тренных, но и внешних угрозах экономической безопасности, к числу которых относится транснациональная организованная налоговая преступность².

На данный вид преступности позитивное влияние оказывает, наряду с другими обстоятельствами, глобальная интеграция мировых финансовых потоков. Подавляющее большинство сделок на финансовом рынке стали проходить через офшорные юрисдикции, которыми воспользовались криминальные структуры. По некоторым данным по такой схеме на российском рынке совершается около 80 % сделок.

Все это оказывает непосредственное влияние на степень криминогенности среды, в которой подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) выполняют возложенные на них оперативно-розыскные функции по борьбе с отмыванием доходов, полученных от совершения преступлений налоговой направленности. В свою очередь, указанные виды деяний подвергаются качественным изменениям, что находит выражение в оперативно-розыскной их характеристике (превалирование завуалированных и изоциренных способов совершения как предикатных преступлений, так и отмывания «грязных» денег, видоизменение механизма их совершения, доминирование скрытых от посторонних глаз обстоятельств, преобладание указанных преступлений неочевидного характера).

Оперативно-розыскная характеристика остро реагирует на все изменения извне, в том числе модернизацию уголовного законодательства³, развитие транснациональной организованной налоговой преступности. Иными словами, данный вид характеристики не может оставаться неизменным. Скрытые⁴,

² Страны-участницы СНГ, учитывая это, постоянно совершенствуют свое национальное законодательство в сфере борьбы с налоговыми и финансовыми правонарушениями. Сведения о Координационном совете руководителей органов налоговых расследований государств – участников СНГ на официальном Интернет-сайте МВД России. URL: <https://мвд.рф/мвд/sovorg/sovetruk> (дата обращения: 29.06.2020).

³ Курс, взятый на либерализацию уголовного законодательства в соответствии с Концепцией модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, разработанной на основании поручения Президента РФ № ПР-3169 от 28 ноября 2009 г., активно претворяется в жизнь, привнося в сферу предпринимательства существенные, на наш взгляд, послабления. К примеру, как нам представляется, в связи с увеличением суммарного порога налоговых преступлений по существу «недостижимыми» становятся для многих подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России на региональном уровне преступления, предусмотренные ст.ст. 198, 199, 199.1 УК РФ. (См. об этом: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.04.2020. № 14 (часть I). Ст. 2003).

⁴ Основными формами сокрытия являются: утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация информации и ее носителей, а также различного рода инсценировки фактических обстоятельств происшедших событий.

неочевидные процессы и явления, связанные с отмытием преступных доходов, будучи предметом анализируемой характеристики, вносят в ее содержание и структуру все новые и новые элементы.

В развернутом виде модель оперативно-розыскного противодействия можно представить как три взаимосвязанных между собой блок-модуля: 1) налоговые преступления как предикаты к легализации; 2) легализация со сложным комплексом; 3) незаконный вывод средств за рубеж. Каждый блок состоит из множества относительно самостоятельных подсистем. При формулировании теоретической конструкции оперативно-розыскной характеристики легализации доходов, полученных от совершения налоговых преступлений, следует, на наш взгляд, исходить из указанной модульной системы.

Зонами приоритетного мониторинга на предмет отмытия доходов («реперными» точками), на наш взгляд, в первую очередь должны являться те виды предпринимательской и иной деятельности, о которых правоохранительные и контрольно-надзорные органы располагают сведениями следующего содержания:

- о совершении многоходовых сомнительных финансовых операций (сделок);
- запутанном или необычном характере сделки, не имеющей очевидного экономического смысла или очевидной законной цели;
- несоответствии сделки целям деятельности организации, установленным учредительными документами этой организации;
- неоднократном совершении операций или сделок, характер которых дает основание полагать, что целью их осуществления является уклонение от процедур обязательного контроля, предусмотренных законодательством;
- осуществлении расчетов между сторонами сделки с использованием расчетных счетов третьих лиц;
- принятии руководителем организации решений (заключение сомнительных сделок с аффилированными структурами по продаже имущества), приводящих к преднамеренному банкротству;
- составлении фиктивных первичных учетных документов (подделка подписей, печатей и штампов);
- несоответствии первичных документов учета и отчетности фактическим результатам финансово-хозяйственной деятельности организации, осуществляемой в сфере предпринимательства;
- использовании для осуществления незаконных финансовых операций предприятий и организаций, зарегистрированных на подставных лиц (фирм-однодневок);
- заключении фиктивных коммерческих сделок с подконтрольными юридическими лицами с целью инициирования процедуры банкротства и завладения имуществом предприятия;
- умышленном создании перед кредиторами и государством большой задолженности;

– незаконном обналичивании денежных средств и выведении активов за границу с последующим банкротством организации;

– внесении в отчетную документацию заведомо ложных сведений об объемах реально выполненных работ по заключенному госконтракту и их стоимости (фальсификация актов выполненных работ);

– о включении в налоговую декларацию заведомо ложных сведений в целях незаконного получения из федерального бюджета денежных средств в качестве возмещения налога на добавленную стоимость.

Перечисленные выше сведения одновременно служат основой для определения рисков зон, попадающих под воздействие оперативно-розыскного противодействия легализации доходов, полученных от совершения налоговых преступлений.

Любая информация, заслуживающая оперативно-го внимания, тщательно изучается и проверяется подразделением ЭБиПК как головной службой в системе территориальных ОВД по борьбе с преступлениями налоговой направленности. Для того чтобы оперативно и тактически грамотно реагировать на все признаки, указывающие на факт совершения легализации криминальных доходов, руководители указанных подразделений предпринимают в первую очередь меры по совершенствованию методики документирования как самих предикатных преступлений¹, так и процесса отмытия денег. Как нам представляется, разработка оптимальной методики подразумевает учет не только имеющегося положительного опыта оперативно-розыскной работы², но и совокупности положений, содержащихся как в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмытии) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»³, так и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26

¹ Иванов П. И., Шитов А. С. Оперативно-розыскное противодействие налоговой преступности: поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 59.

² В настоящее время практическими работниками совместно с научными сотрудниками удалось всесторонне изучить типы личности преступников – «легализаторов». Их характеризуют: изобретательность, приспособляемость, высокий уровень интеллекта, умение маскироваться под прогрессивные формы рыночной экономики, держаться наравне с представителями «беловоротничковой преступности».

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмытии) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 9. Сентябрь, 2015.

ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»¹.

Подводя итог сказанному, отметим следующее:

Во-первых, оперативно-розыскная характеристика легализации доходов, полученных от совершения преступлений налоговой направленности, несмотря на многообразие существующих точек зрения по поводу определения и ее содержания, подразумевает последовательное научно обоснованное описание отличительных черт указанного деяния с учетом развития оперативно-розыскного законодательства, сложившейся на сегодня криминогенной ситуации, а также правоприменительной практики в интересах поиска наиболее эффективных форм и методов оперативно-розыскного противодействия процессу отмывания «грязных» денег.

Во-вторых, теория ОРД через оперативно-розыскную характеристику реализует свою описательную (диагностическую) функцию.

В-третьих, «фотографию» налогового преступления, сопряженного с легализацией, можно получить путем системно-структурного анализа проявлений организованной налоговой преступности, позволяющего раскрыть невидимые невооруженным глазом процессы, протекающие внутри названного социально-правового явления, его причинно-следственные связи с отмыванием доходов.

Библиографический список

1. Аتماжитов В. М. О сущности оперативно-розыскной деятельности / В. М. Аتماжитов // Труды Академии управления МВД России. – 2008. – № 1 (5). – С. 66–70.
2. Гребельский Д. В. О состоянии криминалистических и оперативно-розыскных характеристик / Д. В. Гребельский // Криминалистическая характеристика преступлений: сборник научных трудов. М., 1984. – С. 70–73.
3. Иванов П. И. Оперативно-розыскное противодействие налоговой преступности: поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности / П. И. Иванов, А. С. Шитов // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 1 (54). – С. 57–60.
4. Климов И. А. Актуальные проблемы развития теории и совершенствования практики ОРД в условиях современного российского общества / И. А. Климов, Г. К. Синилов // Теоретические и практические проблемы оперативно-розыскной деятельности: сборник статей. Калининград, 1999. – С. 29–36.
5. Кнайкин В. Н. Оперативно-розыскные меры борьбы с незаконным предпринимательством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Н. Кнайкин. М., 1999.

6. Ларичев В. Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях / В. Д. Ларичев // Безопасность бизнеса. – 2008. – № 2. – С. 2–7.

7. Синилов Д. К. Системный метод в борьбе с экономическими преступлениями (по материалам аппаратов БЭП): дис. ... канд. юрид. наук / Д. К. Синилов. – М., 2001.

8. Тарсуков К. М. Анализ теоретического подхода к выработке понятия «оперативно-тактическая характеристика» в теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / К. М. Тарсуков, В. П. Шиенок // Актуальные вопросы получения, оценки и использования информации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: межвузовский сборник научных трудов. Киев. 1986. – С. 54–63.

Bibliograficheskij spisok

1. Atmazhitov V. M. O sushchnosti operativno-rozysknoj deyatel'nosti / V. M. Atmazhitov // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2008. – № 1 (5). – С. 66–70.
2. Grebel'skij D. V. O sostoyanii kriminalisticheskikh i operativno-rozysknykh harakteristik / D. V. Grebel'skij // Kriminalisticheskaya harakteristika prestuplenij: sbornik nauchnyh trudov. M., 1984. – S. 70–73.
3. Ivanov P. I. Operativno-rozysknoe protivodejstvie nalogovoj prestupnosti: poiskovye priznaki i ih uchet v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti / P. I. Ivanov, A. S. SHitov // Vestnik Vladimirsogo yuridicheskogo instituta. – 2020. – № 1 (54). – S. 57–60.
4. Klimov I. A. Aktual'nye problemy razvitiya teorii i sovershenstvovaniya praktiki ORD v usloviyah sovremennogo rossijskogo obshchestva / I. A. Klimov, G. K. Sinilov // Teoreticheskie i prakticheskie problemy operativno-rozysknoj deyatel'nosti: sbornik statej. Kaliningrad, 1999. – S. 29–36.
5. Knajkin V. N. Operativno-rozysknye mery bor'by s nezakonnym predprinimatel'stvom: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / V. N. Knajkin. M., 1999.
6. Larichev V. D. Operativno-rozysknaya harakteristika ekonomicheskikh prestuplenij: voprosy teorii i praktiki v sovremennykh usloviyah / V. D. Larichev // Bezopasnost' biznesa. – 2008. – № 2. – S. 2–7.
7. Sinilov D. K. Sistemnyj metod v bor'be s ekonomicheskimi prestupleniyami (po materialam apparatov BEP): dis. ... kand. yurid. nauk / D. K. Sinilov. – M., 2001.
8. Tarsukov K. M. Analiz teoreticheskogo podhoda k vyrabotke ponyatiya «operativno-takticheskaya harakteristika» v teorii operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del / K. M. Tarsukov, V. P. SHienok // Aktual'nye voprosy polucheniya, ocenki i ispol'zovaniya informacii v operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Kiev. 1986. – S. 54–63.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 1. Январь, 2020.

Анализ и прогнозирование динамики зарегистрированных преступлений в России на основе временного ряда 1991–2019 гг.

Шумилин Олег Валентинович,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
кандидат экономических наук, доцент
e-mail: oleg0410@mail.ru

Мячин Николай Валерьевич,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
кандидат экономических наук
e-mail: nmyachin@mail.ru

Задача выявления и моделирования основных тенденций в изменении обобщающих показателей преступности не теряет своей актуальности, т. к. интерпретация полученных результатов позволяет обосновывать принятие управленческих решений на всех уровнях власти. В данной работе проводится анализ временного ряда и его подготовки к моделированию основных тенденций с использованием обобщающего показателя преступности – числа зарегистрированных преступлений в Российской Федерации в период 1991–2019 гг.

Рассматриваются существующие исследования отечественных и зарубежных авторов, посвященные анализу динамики преступности и ее прогнозированию. В расчетной части исследуемый временной ряд характеризуется с помощью абсолютных и относительных показателей динамики, проводится группировка временного ряда по различным основаниям. Для периода 2006–2019 гг. с помощью метода наименьших квадратов построен полиномиальный тренд, который используется для интервального и точечного прогнозирования количества зарегистрированных преступлений в 2020–2022 гг. В заключение делается вывод о применении полученных результатов и их ограничениях.

Ключевые слова: динамика преступности; прогнозирование преступности; правовая статистика; криминометрика.

Analysis and forecasting of registered crimes in Russia based on the 1991–2019 time series

Shumilin Oleg Valentinovich,
Saint-Petersburg University of the Ministry of internal
Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor

Myachin Nikolay Valeryevich,
Saint Petersburg University of the Ministry of internal
Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences

The task of identifying and modeling the main trends of crime does not lose its relevance, since the interpretation of its results allows us to justify management decisions at all levels of government. This paper examines the analysis of the time series and its preparation for modeling the main trends using a generalized indicator of crime – the number of registered crimes in the Russian Federation in the period 1991–2019.

The existing research of domestic and foreign authors devoted to the analysis of crime dynamics and its forecasting is considered. In the empirical part, the studied time series is characterized by absolute and relative dynamics indicators and is grouped on various grounds. For the period 2006–2019 we constructed a polynomial trend using the least squares method, which is applied for interval and point forecasting of the number of registered crimes in 2020–2022. In conclusion we talk about the application of the obtained results and their limitations.

Key words: dynamics of crime; predicting crime; legal statistics; criminometric.

Благодаря эволюции науки о данных статистические методы получают все большее распространение в анализе социальных явлений, к которым, несомненно, относится преступность. Большой интерес представляет изменение преступности во времени, именно поэтому при ее исследовании часто применяются методы анализа временных рядов¹, которые приобретают популярность вследствие развития вычислительных технологий и пополнения баз данных.

Преступление сегодня рассматривается не как случайное событие, а как ситуация, к возникновению которой привел ряд пространственно-временных факторов². К примеру, отдельные исследования содержат выводы о том, что в течение школьного учебного года насильственные преступления происходят чаще во второй половине дня³, а также рядом с магазинами, в которых продается алкогольная продукция⁴. В этой связи исследования временных характеристик преступности приобретают особую актуальность. Выявление тенденции и сезонной составляющей во временных рядах криминологических показателей позволяет определить используемые методы борьбы с преступностью и, как следствие, повысить эффективность работы правоохранительных органов по обеспечению общественного порядка.

Значительное количество работ, посвященных изучению динамики преступности, принадлежит зарубежным исследователям. Так, Г. Саридакис рассматривает динамику насильственных преступлений в США с 1960 до 2000 г. и то, как на нее влияют социально-экономические факторы⁵. Автор приходит к следующим выводам: исследование насильственных преступлений – задача более сложная, чем изучение преступлений против собственности, т. к. у преступников, совершающих насильственные преступления, потенциально гораздо больше мотивов; в краткосрочном периоде экономические факторы незначительно влияют на динамику большинства насильственных преступлений, за исключением неравенства распределения доходов, которое значимо влияет на количество убийств.

С. Вуйчич исследовал различные виды преступлений, совершенные в штате Вирджиния (США) с 1984 по 2010 г.⁶ Цель работы заключалась в изучении

влияния отмены условно-досрочного освобождения на уровень зарегистрированных преступлений. Анализируемые временные ряды представляли собой ежемесячные данные о кражах со взломом, воровстве, угоне автотранспортных средств, грабежах, нападениях при отягчающих обстоятельствах, убийствах и изнасилованиях. Эмпирические результаты показали, что изменение законодательства в 1995 г. в США существенно повлияло на снижение двух видов преступлений: кражу со взломом и убийство. В то же время влияние этого фактора на такие виды преступлений, как грабеж и разбой выявлено не было.

Работа Р. Харриса и других посвящена исследованию динамики преступлений против собственности, в частности, анализируются изменения тенденций таких показателей, как «проникновение со взломом» (burglary) и «кража» с течением времени в Англии и Уэльсе⁷. Анализируя структурные сдвиги во временных рядах с 1951 по 1998 г., авторы строят краткосрочные прогнозы динамики зарегистрированных преступлений.

В России ежегодно публикуется официальный прогноз динамики преступности, в котором характеризуется состояние преступности за последние годы и приводятся три прогнозных варианта (благоприятный, базовый и неблагоприятный) динамики преступности в разрезе отдельных видов преступлений⁸. Вместе с тем эти расчеты основаны на исследовании пятилетних периодов, что не позволяет выявить долгосрочные тенденции и сезонные колебания показателей преступности.

Динамика количества зарегистрированных преступлений в России в период с 2010 по 2019 г. была проанализирована в работе М. Богдановой и др.⁹ По мнению авторов, преступность в России носит ежегодный сезонный характер, о чем свидетельствуют результаты применения автокорреляционной функции. Авторы говорят о том, что всплески преступности наблюдаются в марте, июне, августе и октябре, и связывают их с динамикой уровня безработицы и величиной среднедушевых денежных доходов населения. Для моделирования ряда применяются модели класса ARIMA, а для выбора оптимальной модели – анализ остатков. На основе построенной модели авторы прогнозируют величину зарегистрированных преступлений в России до конца 2019 г.

Некоторые исследования посвящены изучению динамики отдельных видов преступлений. Так, И. Руб-

series analysis of crime rates: The case of sentence reform in Virginia // *Economic Modelling*. 2016. № 57. Pp. 311–323.

⁷ Harries, R. Modelling and predicting property crime trends // *International Journal of Forecasting*. 2003. № 19. Pp. 557–566.

⁸ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. М., 2018.

⁹ Богданова М. В., Паршинцева Л. С., Квачко В. Ю. Методика моделирования и прогнозирования преступности в Российской Федерации // *Правовая информатика*. 2019. № 4. С. 50–62.

¹ Harvey A. C. *Forecasting, Structural Time Series Models and the Kalman Filter*. Cambridge, 1989. Pp. 554.

² Newton A., & Felson M. Editorial: crime patterns in time and space: the dynamics of crime opportunities in urban areas // *Crime Science*. 2015. № 4 (1). Pp. 4–11.

³ Adams W., Herrmann C., & Felson M. Crime, transportation and malignant mixes // *Safety and security in transit environments: an interdisciplinary perspective*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave MacMillan. 2015. Pp. 181–195.

⁴ Grubestic T. H. & Pridemore W. Alcohol outlets and clusters of violence // *International Journal of Health Geographics*. 2011 № 10 (1). P. 30.

⁵ Saridakis G. Violent Crime in the United States of America: A Time-Series Analysis Between 1960–2000 // *European Journal of Law and Economics*. 2004. № 18 (2). Pp. 203–221.

⁶ Vujić S., Commandeur J. J. F. & Koopman S. J. Intervention time

цов проанализировал тенденцию временного ряда экономической преступности в России с 2003 по 2016 г. и сделал вывод, что с 2003 по 2009 г. наблюдался восходящий тренд, а с 2009 по 2017 г. – нисходящий¹. Смену трендов автор объясняет кризисом 2008 г., в результате которого рынок выполнил свою санирующую функцию, а также реформой органов внутренних дел 2011 г. и изменениями в законодательстве. В исследуемом ряде выявлена годовая сезонность, наличие которой автор связал с «циклическостью финансово-хозяйственной деятельности организаций, связанной к промежуточной квартальной отчетности».

Таким образом, модели, созданные на материалах временных рядов, дают возможность использовать аппарат математических и статистических методов для выявления закономерностей изменений в таком социально опасном явлении, как преступность. Однако данные, используемые для создания таких моделей, требуют предварительного изучения и подготовки при использовании во временных рядах.

В качестве показателя одномерного временного ряда используем число зарегистрированных преступлений, т. е. выявленные правоохранительными органами и официально зарегистрированные общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законодательством². Исходные данные, полученные на сайте Росстата³ и портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации⁴, представим в таблице 1.

Таблица 1
Число зарегистрированных преступлений в Российской Федерации за 1991–2019 гг.

Год	Зарегистрировано преступлений, тыс.	Год	Зарегистрировано преступлений, тыс.	Год	Зарегистрировано преступлений, тыс.
1991	2167,9	2001	2968,3	2011	2404,8
1992	2760,7	2002	2526,3	2012	2302,2
1993	2799,6	2003	2756,4	2013	2206,2
1994	2632,7	2004	2893,8	2014	2190,6
1995	2755,7	2005	3554,7	2015	2388,5
1996	2625,1	2006	3855,4	2016	2160,1
1997	2397,3	2007	3582,5	2017	2058,5
1998	2581,9	2008	3209,9	2018	1991,5
1999	3001,7	2009	2994,8	2019	2024,3
2000	2952,4	2010	2628,8	2020	x*

*Число зарегистрированных преступлений на 2020 год является прогнозируемой величиной, значение которой будет рассчитано далее.

¹ Рубцов И. В. Анализ динамики экономической преступности в Российской // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 214–218.

² Курс социально-экономической статистики: учебник для вузов / под ред. проф. М. Г. Назарова. М., 2000. С. 397.

³ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru>

⁴ Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения 04.06.2020).

Для характеристики временного ряда используем набор аналитических показателей, результаты расчета которых содержатся в таблице 2.

Таблица 2
Абсолютные показатели изменений числа зарегистрированных преступлений в Российской Федерации за 1991–2019 гг. (тыс.)

Год	Абсолютное изменение, тыс. в год		Ускорение абсолютного изменения, тыс. в год	Год	Абсолютное изменение, тыс. в год		Ускорение абсолютного изменения, тыс. в год
	к 1991 г.	к прошлому году			к 1991 г.	к прошлому году	
1992	593	593	X	2006	1 687	301	-360
1993	632	39	-554	2007	1 415	-273	-574
1994	465	-167	-206	2008	1 042	-373	-100
1995	588	123	290	2009	827	-215	158
1996	457	-131	-254	2010	461	-366	-151
1997	229	-228	-97	2011	237	-224	142
1998	414	185	412	2012	134	-103	121
1999	834	420	235	2013	38	-96	7
2000	784	-49	-469	2014	23	-16	80
2001	800	16	65	2015	221	198	214
2002	358	-442	-458	2016	-8	-228	-426
2003	588	230	672	2017	-110	-102	127
2004	726	137	-93	2018	-177	-67	35
2005	1 387	661	524	2019	-144	33	100

Абсолютное изменение рассчитано как разница между текущим значением ряда и базовым уровнем. В зависимости от выбора базового уровня меняется способ расчета абсолютного изменения.

а) цепное абсолютное изменение

$$\Delta_t = y_t - y_{t-1} \tag{1}$$

б) базисное абсолютное изменение

$$\Delta_t = y_t - y_0 \tag{2}$$

В случае применения цепного способа мы получаем представление о том, как меняется значение показателя по сравнению с его предыдущим значением, в случае базисного – сравниваем текущие значения с неким фиксированным значением. В таблице 1 результаты применения цепного способа содержатся в столбце «к предыдущему году», результаты базисного – в столбце «к 1991 году». Полученные значения свидетельствуют о том, что количество преступлений в 2019 г. снизилось по сравнению с 1991 г. на 144 тыс.

Показатель абсолютного ускорения рассчитывается как разность между текущим и предыдущим значением абсолютного прироста и дает представление о замедлении роста или ускорении снижения значений ряда⁵. Рассчитывается абсолютное ускорение по следующей формуле:

$$\Delta_i = \Delta_i - \Delta_{i-1} \tag{3}$$

⁵ Афанасьев В. Н., Юзбашев М. М. Анализ временных рядов и прогнозирование: учебник. М., 2001. С. 37.

Абсолютное ускорение показывает, насколько данная скорость больше или меньше предыдущей. Таким образом, абсолютное ускорение есть скорость изменения скорости. Оно может быть положительным или отрицательным числом¹.

В нашем случае наличие абсолютного ускорения говорит о том, что значения ряда описываются нелинейным трендом, т. к. в разные периоды времени значения ряда меняются с разной динамикой. Для исследуемого в работе показателя такие характеристики не удивительны, т. к. изменение ряда носит сложный нелинейный характер, в чем мы наглядно убедимся далее.

Однако ограничиваться в исследовании временного ряда оценкой лишь абсолютных значений некорректно. В связи с этим рассчитаем относительные показатели динамики, которые представлены в таблице 3.

Таблица 3
Относительные показатели изменений числа зарегистрированных преступлений в Российской Федерации за 1991–2019 гг.

Годы	Темп прироста, %			A*	Годы	Темп прироста, %				A*
	1991 =100	1998 =100	к пред. году			1991 =100	1998 =100	2006 =100	к пред. году	
1992	27,3	X	27,3		2006	77,8	49,3	X	8,5	6,6
1993	29,1		1,4	5,9	2007	65,2	38,8	-7,1	-7,1	3,0
1994	21,4		-6,0	0,4	2008	48,1	24,3	-16,7	-10,4	-2,7
1995	27,1		4,7	-1,7	2009	38,1	16,0	-22,3	-6,7	-3,7
1996	21,1		-4,7	1,2	2010	21,3	1,8	-31,8	-12,2	-2,2
1997	10,6		-8,7	-1,3	2011	10,9	-6,9	-37,6	-8,5	-3,7
1998	19,1		7,7	-2,3	2012	6,2	-10,8	-40,3	-4,3	-2,2
1999	38,5	16,3	16,3	1,8	2013	1,8	-14,6	-42,8	-4,2	-1,0
2000	36,2	14,3	-1,6	4,2	2014	1,0	-15,2	-43,2	-0,7	-1,0
2001	36,9	15,0	0,5	-0,5	2015	10,2	-7,5	-38,0	9,0	-0,2
2002	16,5	-2,2	-14,9	0,2	2016	-0,4	-16,3	-44,0	-9,6	2,0
2003	27,1	6,8	9,1	-4,4	2017	-5,1	-20,3	-46,6	-4,7	-2,3
2004	33,5	12,1	5,0	2,3	2018	-8,1	-22,9	-48,3	-3,3	-1,0
2005	64,0	37,7	22,8	1,4	2019	-6,6	-21,6	-47,5	1,6	-0,7

*A – абсолютное значение 1%-ного прироста.

Темп прироста показывает, на сколько процентов текущее значение ряда больше или меньше базисного значения. Использование этого показателя позволяет понять соотношение сравниваемых значений. В качестве базы при расчете темпа прироста используется предыдущее значение ряда либо фиксированное значение:

а) расчет темпа прироста цепным способом

$$T_{\text{пр}} = \frac{y_t}{y_{t-1}} \times 100\% - 100\% \quad (4)$$

б) расчет темпа прироста базисным способом

$$T_{\text{пр}} = \frac{y_t}{y_0} \times 100\% - 100\% \quad (5)$$

¹ Теория статистики: учебник / Р. А. Шмойлова, В. Г. Минашкин, Н. А. Садовникова, Е. Б. Шувалова; под ред. Р. А. Шмойловой. М., 2014. С. 415.

Отдельно поясним выбор некоторых базовых уровней. Так, 1991 год выбран в качестве базового года, т. к. это год образования Российской Федерации. 2006 год выбран в качестве базового года, т. к. именно в этом году наблюдался максимальный уровень числа зарегистрированных преступлений в нашей стране за анализируемый период. Обратим внимание, что число зарегистрированных преступлений по сравнению с 1990 г. увеличилось в 2006 г. на 77,8 %, но к 2020 г. уменьшилось на 6,6 %.

Абсолютное значение одного процентного прироста позволяет понять, как меняется динамика значений ряда с учетом абсолютной и относительной оценки, и рассчитывается как отношение абсолютного прироста к темпу прироста:

$$A = \frac{\Delta t}{T_{\text{пр}}} \quad (6)$$

Полученные отрицательные величины абсолютного значения 1 % прироста с 2008 г подтверждают снижение числа зарегистрированных преступлений с этого периода. В целом с 1991 г по 2019 г число зарегистрированных преступлений снизилось на 6,6 %.

Длительные временные ряды, как правило, трудно изучать в табличном виде, поэтому в таких случаях применяется визуализация данных. Представим исходные данные в виде линейного графика (рис. 1).

Основываясь на визуальном представлении изучаемого ряда, а также оценке средних показателей динамики, рассчитанных в таблице 4, проведем разбивку временного ряда по различным основаниям. В данном случае средние показатели динамики дают возможность провести периодизацию числа зарегистрированных преступлений по любым временным периодам.

Основываясь на данных рисунка 1 и таблицы 4, можно сделать ряд выводов. В частности, очевидно, что в последнее десятилетие преступность снижается быстрее, чем в предыдущее, однако в разрезе пятилетних периодов наибольшее снижение наблюдается в период 2006–2010 гг.

Увеличение преступности в начале 90-х гг. прошлого столетия было вызвано бурной перестройкой социальных и экономических отношений в нашей стране. В то же время с 1991 по 1997 г. в России формируется институт милиции, который должен отвечать рыночным условиям хозяйствования и выполнять свои функции². Более подробно причины количественных и качественных изменений преступности в 90-е гг. описаны, например, в учебнике А. Долговой³ и в статье Н. Тарасовой⁴.

² Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Предисловие академика Российской академии наук В. Н. Кудрявцева. М., 1997.

³ Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. М., 2005. С. 155.

⁴ Тарасова Н. В. Причинный комплекс преступности России периода реформ 90-х годов // Вестник Брянского государственного университета. 2008. № 2. С. 150–154.

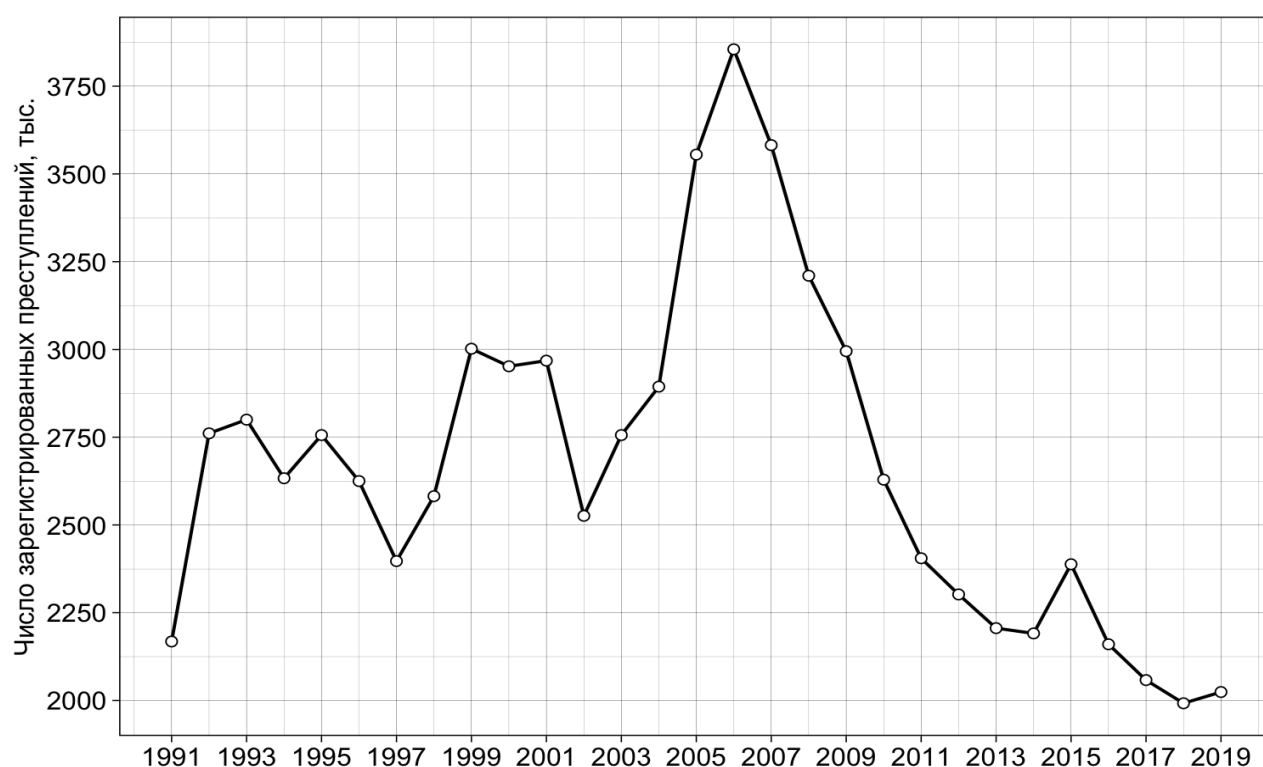

Рис. 1. Число зарегистрированных преступлений в Российской Федерации в период 1991–2019 гг.

Таблица 4
Средние темпы прироста числа зарегистрированных преступлений в Российской Федерации за 1991–2019 гг.

Период	Средние темпы прироста, %	Средний абсолютный прирост, тыс.	Период	Средние темпы прироста, %	Средний абсолютный прирост, тыс.
<i>По пятилетиям</i>			<i>По историческим основаниям</i>		
1991–1995	8,4	183	1991–1999	5,6	129
1996–2000	1,4	39	2000–2019	-2,0	-49
2001–2005	3,8	120	<i>По укрупненным периодам изменения числа зарегистрированных преступлений</i>		
2006–2010	-5,9	-185	1991–2006	4,7	126
2011–2015	-1,9	1	2007–2019	-4,8	-141
2016–2019	-4,1	-91	<i>По семилетним периодам изменения числа зарегистрированных преступлений</i>		
<i>По десятилетиям</i>			1991–20098	4,3	98
1991–2000	4,8	111	1999–2006	5,1	159
2001–2010	-1,2	-32	2007–2019	-4,8	-141
2011–2019	-2,9	-67	<i>По детальным периодам изменения числа зарегистрированных преступлений</i>		
<i>По стадиям развития экономики</i>			1991–1997	3,9	80
1991–1996	6,1	131	1998–2002	1,1	26
1997–1998	-0,8	-22	2003–2006	11,1	332
1999–2008	2,2	63	2007–2019	-1,4	-141
2009–2014	-6,2	-170	<i>Итого</i>		
2015–2019	-1,6	-33	1991–2019	0,3	6,4

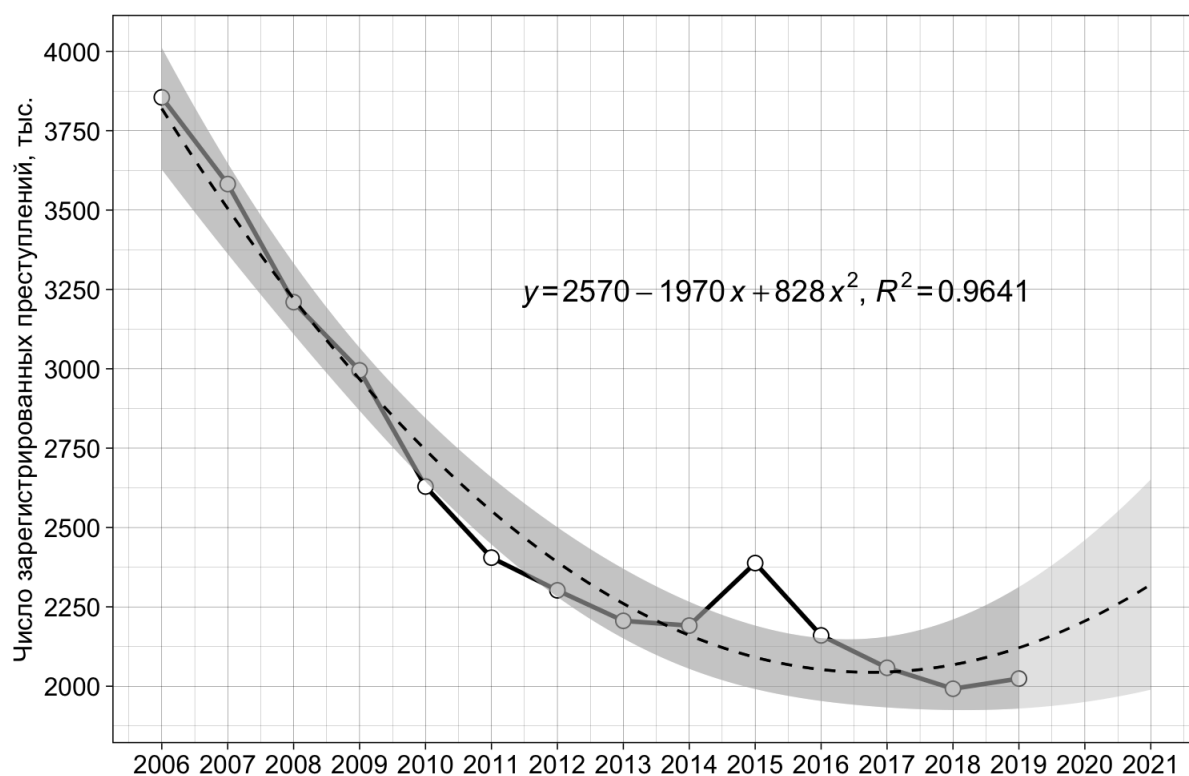

Рис. 2. Число зарегистрированных преступлений в Российской Федерации в период с 2006 по 2019 г.

На рисунке 1 хорошо видно, что общая тенденция роста преступности в России наблюдается с 1991 по 2006 г., а с 2007 г. по настоящее время можно говорить о наличии тенденции уменьшения показателя с замедлением его снижения. Для детальной оценки тенденции преступности отобразим на графике значения зарегистрированных преступлений с 2006 по 2019 г. (рис. 2)

Значения ряда достаточно точно описываются полиномиальным трендом ($R^2 = 0,9641$), построенным с помощью метода наименьших квадратов. Используя подобранное уравнение авторегрессии $y = 2570 - 1970x + 828x^2$, получим краткосрочный прогноз числа зарегистрированных преступлений на 2020 г. – 2205,3 тыс., среднесрочный прогноз на 2021 г. – 2320,2 тыс. и долгосрочный прогноз на 2022 г. – 2465,9 тыс. зарегистрированных преступлений.

Отметим, что при построении прогноза следует опираться не только на статистические данные, но и на опыт исследователя, что приводит к субъективизации результатов. Авторы отдают себе в этом отчет, публикуя прогнозные значения числа зарегистрированных преступлений, и предполагают, что наблюдаемые изменения будут происходить в том же направлении, что и в последние годы. Заметим, что любому прогнозу следует учитывать неоднозначность хода событий в будущем, но это не всегда возможно. Напрашивается построение прогноза числа зарегистрированных преступлений в Российской Федерации за весь период наблюдения, т. к. известно, что чем из большего

числа элементов состоит ряд, тем точнее результат. По нашему мнению, такой откровенный подход в данном случае неуместен, что связано, как отмечалось выше, со значительными колебаниями рассматриваемого показателя в 90-е гг. прошлого века. В свою очередь, построение прогноза с 2002 г. приведет к замедлению темпов снижения преступности.

Надо сказать, что полученный точечный прогноз достаточно ненадежен, особенно для 2022 г. Об этом свидетельствует отклонение линии тренда от значений исходного ряда и использование годовых данных, а, например, не квартальных или месячных. Очевидно, что последующее количество зарегистрированных преступлений зависит не только от своих предыдущих значений, но и от многих факторов. В связи с этим имеет смысл рассмотреть интервальный прогноз, который отражен на рисунке 2 серой заливкой (доверительный интервал линии тренда рассчитан при уровне значимости $\alpha = 0.05$). Полученный результат говорит о том, что по итогам 2020 г. следует ожидать от 1950 тыс. до 2460 тыс. зарегистрированных преступлений, в 2021 г. – от 1989 тыс. до 2651 тыс., а в 2022 г. – от 2047 тыс. до 2885 тыс. зарегистрированных преступлений.

Полученные результаты прогноза могут служить ориентиром по изменению числа зарегистрированных преступлений в ближайшие годы. Тем не менее широкий доверительный интервал говорит о том, что имеющийся прогноз актуален в большей степени для 2020 и 2021 гг. В целом построение моделей прогно-

зирования для описания динамики преступности в России является достаточно сложной задачей в силу неоднородности имеющихся временных периодов. Политические и экономические изменения, произошедшие в нашей стране в девяностые годы XX века, оказали сильное влияние на динамику социальных процессов. Поэтому построение адекватных прогнозных моделей преступности в России представляется возможным на основании последнего десятилетия. Учитывая продолжительность этого периода, считаем корректным использовать как минимум квартальные, а лучше – месячные данные о количестве зарегистрированных преступлений для получения качественных прогнозов и выявления сезонных колебаний. Более того, прогнозирование преступности включает в себя не только рассмотрение основных статистических показателей динамики и построение авторегрессии. Наибольшую практическую значимость будут представлять интегрированные модели авторегрессии – скользящего среднего и множественные регрессионные модели, которые будут включать набор факторов, оказывающих влияние на динамику преступности. Построение таких моделей видится авторам перспективным направлением дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Adams W. Crime, transportation and malignant mixes / W. Adams, C. Herrmann & M. Felson // *Safety and security in transit environments: an interdisciplinary perspective*. – Basingstoke, Hampshire: Palgrave MacMillan. – 2015. – Pp. 181–195.
2. Grubestic T. H. Alcohol outlets and clusters of violence / T. H. Grubestic & W. Pridemore // *International Journal of Health Geographics*. – 2011. – № 10 (1). – 30.
3. Harries R. Modelling and predicting property crime trends / R. Harries // *International Journal of Forecasting*. – 2003. – № 19. – Pp. 557–566.
4. Newton A. Editorial: crime patterns in time and space: the dynamics of crime opportunities in urban areas / A. Newton & M. Felson // *Crime Science*. – 2015. – 4 (1). – Pp. 4–11.
5. Saridakis G. Violent Crime in the United States of America: A Time-Series Analysis Between 1960–2000 / G. Saridakis // *European Journal of Law and Economics*. – 2004. – № 18 (2). – Pp. 203–221.
6. Vujić S. Intervention time series analysis of crime rates: The case of sentence reform in Virginia / S. Vujić, J. J. F. Commandeur & S. J. Koopman // *Economic Modelling*. – 2016. – № 57. – Pp. 311–323.
7. Богданова М. В. Методика моделирования и прогнозирования преступности в Российской Федерации / М. В. Богданова, Л. С. Паршинцева, В. Ю. Квачко // *Правовая информатика*. – 2019. – № 4. – С. 50–62.
8. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. – 86 с.
9. Рубцов И. В. Анализ динамики экономической преступности в Российской Федерации / И. В. Рубцов // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2017. – № 4. – С. 214–218.
10. Тарасова Н. В. Причинный комплекс преступности России периода реформ 90-х годов / Н. В. Тарасова // *Вестник Брянского государственного университета*. – 2008. – № 2. – С. 150–154.

Bibliograficheskij spisok

1. Adams W. Crime, transportation and malignant mixes / W. Adams, C. Herrmann & M. Felson // *Safety and security in transit environments: an interdisciplinary perspective*. – Basingstoke, Hampshire: Palgrave MacMillan. – 2015. – Pp. 181–195.
2. Grubestic T. H. Alcohol outlets and clusters of violence / T. H. Grubestic & W. Pridemore // *International Journal of Health Geographics*. – 2011. – № 10 (1). – 30.
3. Harries R. Modelling and predicting property crime trends / R. Harries // *International Journal of Forecasting*. – 2003. – № 19. – Pp. 557–566.
4. Newton A. Editorial: crime patterns in time and space: the dynamics of crime opportunities in urban areas / A. Newton & M. Felson // *Crime Science*. – 2015. – № 4 (1). – Pp. 4–11.
5. Saridakis G. Violent Crime in the United States of America: A Time-Series Analysis Between 1960–2000 / G. Saridakis // *European Journal of Law and Economics*. – 2004. – № 18 (2). – Pp. 203–221.
6. Vujić S. Intervention time series analysis of crime rates: The case of sentence reform in Virginia / S. Vujić, J. J. F. Commandeur & S. J. Koopman // *Economic Modelling*. – 2016. – № 57. – Pp. 311–323.
7. Bogdanova M. V. Metodika modelirovaniya i prognozirovaniya prestupnosti v Rossijskoj Federaciji / M. V. Bogdanova, L. S. Parshinceva, V. YU. Kvachko // *Pravovaya informatika*. – 2019. – № 4. – С. 50–62.
8. Kompleksnyĭ analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Fe- deraciji i raschetnye varianty ee razvitiya: analiticheskiĭ obzor / YU. M. Antonyan, D. A. Brazhnikov, M. V. Goncharova i dr. – М.: FGKU «VНИИ МВД Rossii», 2018.
9. Rubcov I. V. Analiz dinamiki ekonomicheskoy prestupnosti v Rossijskoj Federaciji / I. V. Rubcov // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – 2017. – № 4. – С. 214–218.
10. Tarasova N. V. Prichinnij kompleks prestupnosti Rossii perioda reform 90-h godov / N. V. Tarasova // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2008. – № 2. – С. 150–154.

Предупреждение незаконного оборота оружия, имеющего особую ценность, правовыми способами

Пушкарев Артемий Леонидович,
Уральский юридический институт МВД России,
e-mail: fortune79@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы, возникающие при противодействии незаконному обороту оружия, имеющего особую ценность. Дано определение оружия, имеющего особую ценность, обозначены его основные виды. Обозначены основные уголовно-правовые и криминологические характеристики незаконного оборота оружия, имеющего особую ценность. Показана взаимосвязь с незаконным оборотом оружия и незаконным оборотом предметов, имеющих особую ценность. Обозначены правовые способы предупреждения незаконного оборота оружия, имеющего особую ценность, дан их анализ с позиции гражданского, уголовного и административного права, а также криминологии.

Ключевые слова: оружие; оружие, имеющее особую ценность; оборот оружия; причины и условия преступности; личность преступника; предупреждение преступности.

Prevention of illegal trafficking of special value weapons by legal methods

Pushkarev Artemy Leonidovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article deals with the issues that arise in countering the illegal circulation of weapons of particular value. A definition of a weapon of particular value is given, its main types are indicated. The main criminal-legal and criminological characteristics of the illegal circulation of weapons, which are of particular value, are outlined. The relationship with illicit arms trafficking and illicit trafficking in items of particular value is shown. Legal methods of preventing illegal circulation of weapons, which are of particular value, are outlined, and their analysis is given from the standpoint of civil, criminal and administrative law, as well as criminology.

Key words: weapons; weapons of particular value; weapons circulation; causes and conditions of crime; the identity of the offender; crime prevention.

Неотъемлемой частью культурно-исторического наследия России является оружие, имеющее особую ценность. Многовековая история Отечества включает исторические периоды, связанные с вооруженной борьбой нашего народа против иноземных захватчиков. По этой причине оружие приобрело в нашей культуре особый статус, стало символизировать силу, доблесть и независимость. Особое отношение к оружию привело также к формированию самостоятельного направления декоративного искусства – художественно украшенного оружия. Над повышением эффективности оружия потрудились отечественная и мировая наука. По этой причине многие экземпляры оружия стали научной ценностью, ознаменовав собой значимые вехи оружейного конструкторского творчества. Хотя и не бесспорно, но к данной категории оружия могут быть отнесены и образцы оружия, пусть не обладающие всеобщим, универсальным культурно-историческим и научным значением, но

имеющие особую ценность для конкретного человека или семьи¹.

Все, перечисленные выше образцы оружия, требуют особого отношения, выражающегося, в частности, в обеспечении его сохранности, стимулировании его использования в культурно-просветительской и научной сферах, развитии его гражданского оборота.

Для обеспечения эффективного использования рассматриваемого вида оружия в общественно значимых целях требуется адекватное законодательное закрепление его специального правового режима. К сожалению, необходимо констатировать, что в настоящее время правовое регулирование оборота

¹ В подтверждение этого тезиса рекомендуем ознакомиться с мнением доктора юридических наук, профессора, ветерана Великой Отечественной войны З. М. Черниловского, высказанного им по поводу личного владения оружием в книге (см.: Черниловский З. М. Записки командира роты. Москва, 2002).

оружия, имеющего особую ценность, далеко от совершенства и требует дальнейшего развития¹.

Экземпляры рассматриваемого вида оружия, относясь к культурно-историческим ценностям, обладают большей материальной ценностью, выступают предметом разнообразных гражданско-правовых сделок и фактических действий. Однако это происходит в условиях неудовлетворительного правового регулирования, что приводит к многочисленным фактам его незаконного оборота, большая часть из которых латентна. Необходимо признать, что некоторые факты действительно носят криминальный характер, но не малое количество детерминировано несовершенством правового режима, то есть не имеет общественной опасности и криминогенных свойств.

Изучение действующих норм уголовного права показывает, что в нем отсутствует дифференциация ответственности за незаконный оборот оружия и незаконный оборот оружия, имеющего особую ценность. В качестве примера можно привести широко известное дело гр. У., рассмотренное Конституционным Судом РФ².

Вместе с тем оружие, имеющее особую ценность, остается оружием, то есть сохраняет свои поражающие свойства, может быть использовано в преступных целях или стать источником причинения смерти (увечия, травмы) в результате несчастного случая или некомпетентного обращения. Это обстоятельство препятствует либерализации специального правового режима, требует взвешенных ограничений, запретов и мер ответственности. Незаконный оборот оружия, имеющего особую ценность, по своей общественной опасности и криминологической характеристике существенно отличается от незаконного оборота оружия в целом.

Наличие ряда норм, содержащихся в законодательных и подзаконных актах³ и регулирующих оборот оружия, имеющего особую ценность, не удовлетворяет в полной мере потребностям и ожиданиям

современного общества по упорядочиванию данной сферы. Такое состояние нормативно-правового регулирования оборота оружия, имеющего особую ценность, негативно сказывается в том числе на предупреждении незаконного оборота оружия. Поэтому мы полагаем, что повышение эффективности предупреждения незаконного оборота оружия, имеющего особую ценность, в первую очередь должно опираться на совершенствование нормативно-правового регулирования его оборота.

В ряду основных правовых проблем, создающих существенные затруднения эффективной предупредительной деятельности, выделяется проблема определения понятия оружия, имеющего особую ценность. Одним из аспектов этой проблемы является обеспечение межотраслевого согласования данного термина, так как оборот этого вида оружия регулируется гражданским правом, ограничения устанавливаются административным правом (в области оборота оружия и в области оборота культурных ценностей), а ответственность за преступления в данной сфере установлены правом уголовным.

Административное законодательство в области оборота оружия использует понятия «оружие, имеющее культурную ценность» и «старинное антикварное оружие»⁴.

В свою очередь, уголовное законодательство, устанавливающее ответственность за нарушение правил оборота оружия, имеющего особую ценность, оперирует значительно большим количеством близких по смыслу понятий, потенциально способных охватывать оружие, имеющее особую ценность: «имущество», «огнестрельное оружие», «огнестрельное оружие ограниченного поражения», «газовое оружие», «гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие», «комплектующие детали к огнестрельному оружию», «основные части огнестрельного оружия», «холодное оружие (в том числе метательное оружие)», «ядерное, химическое и другие виды оружия массового поражения», «археологический предмет», «выявленный объект археологического наследия», «выявленный объект культурного наследия», «культурная ценность», «объект археологического наследия, включенный в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», «объект культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенный в Список всемирного наследия», «объект, взятый под охрану государства», «особо ценный объект культурного наследия народов Российской Федерации», «предмет, имеющий особую культурную ценность», «предмет, имеющий особую историческую, научную, художественную или культурную ценность».

При этом уголовный закон при конструировании составов преступлений не использует понятий «ору-

¹ См.: Корецкий Д. А. Криминальная армалогия: учение о правовом режиме оружия. СПб., 2006. С. 15–73.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н. В. Урюпиной» // СПС «Гарант».

³ См.: постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»; постановление Правительства РФ от 4 сентября 2019 г. № 1151 «Об утверждении Правил проведения государственной экспертизы оружия, имеющего культурную ценность, копий старинного (антикварного) оружия и реплик старинного (антикварного) оружия», постановление Правительства РФ от 5 июня 2020 г. № 827 «Об утверждении Правил приобретения, коллекционирования, экспонирования, учета, хранения, перевозки и транспортирования оружия, имеющего культурную ценность, государственными и муниципальными музеями» и др.

⁴ См.: ст. 1 Федерального закона «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (далее – Закон об оружии) // СПС «Гарант».

жие, имеющее культурную ценность» и «старинное (антикварное) оружие», УКАЗАННЫХ в Законе об оружии. Однако это не означает, что общественные отношения, связанные с данными предметами, не получили уголовно-правовой охраны. ЭТИ общественные отношения защищены уголовным правом в рамках защиты институтов собственности, оборота оружия и оборота культурных ценностей.

Таким образом, получается, что относительно самостоятельные общественные отношения в области оборота и использования оружия, имеющего особую ценность, оказываются лишенными специальной уголовно-правовой защиты, а уголовные составы, защищающие их, разбросаны по нескольким главам УК РФ. Мы считаем, что при этом не учитываются в достаточной степени юридически значимые особенности данных отношений, их социальная, экономическая и криминологическая природа.

Решение проблемы соотношения понятий, используемых гражданским, административным и уголовным правом, лежит в постепенном сближении категориального аппарата названных отраслей. При этом основой такого сближения должны стать нормы международного права, регулирующие отношения в этой области.

Рассмотрим ДАННЫЙ вопрос подробнее. Так, в ст. 1 Закона об оружии под оружием, имеющим культурную ценность понимается оружие, включенное в состав Музейного фонда Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» либо подпадающее в соответствии с решением уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального органа исполнительной власти под действие Закона Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», в том числе старинное (антикварное) оружие.

В свою очередь, старинное антикварное оружие определяется как огнестрельное, метательное и пневматическое оружие, изготовленное до конца 1899 г. (за исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы патронами), а также холодное оружие, изготовленное до конца 1945 г.

В отношении легального определения понятия старинного (антикварного) оружия хотелось бы обратить внимание на два момента.

Во-первых, из определения оружия, имеющего культурную ценность, видно, что старинное (антикварное) оружие является его разновидностью. Однако в п. 6 ч. 2 ст. 3 Закона об оружии старинное (антикварное) оружие выделено в качестве самостоятельной разновидности оружия, используемого в культурных и образовательных целях. Соблюдение правил формальной логики при построении классификаций правовых понятий требует внести изменения в ДАННУЮ норму, исключив из нее указание на старинное (антикварное) оружие.

Во-вторых, еще более важным вопросом, требующим критического осмысления, является вопрос о соотношении (соответствии) определения понятия «старинное (антикварное) оружие» с нормами международного права¹.

Так, в ст. 1 Конвенция ЮНЕСКО «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» (Париж, 14 ноября 1970 г.) культурные ценности определены как ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как представляющие значение для археологии, истории, литературы, искусства и науки и подпадающие под одну из пятнадцати указанных категорий.

В перечисленных категориях старинное оружие необходимо относить к ценностям категории: «b» (история, включая историю науки и техники, историю войн и обществ, а также ценности, связанные с жизнью национальных деятелей, мыслителей, ученых и артистов и с крупными национальными событиями), «с» (археологические находки и археологические открытия), «е» (старинные предметы более чем 100-летней давности). Как видно, из причисления оружия к группе предметов, обладающих культурной ценностью, оружию необходимо относиться к истории или быть связанным с выдающейся личностью, или быть обнаруженным в ходе археологических раскопок, или быть старше 100 лет.

Отечественное законодательство об оружии предусматривает несколько иные основания отнесения оружия к категории старинного (антикварного), дифференцируя основания отнесения в зависимости от вида оружия.

Таким образом, правоприменительная практика, в том числе уголовно-правовая, получает размытые ориентиры для отнесения оружия к культурным ценностям (антиквариату) по признаку его возраста. Для устранения данного противоречия считаем необходимым привести определение старинного (антикварного) оружия в соответствие с действующим международным законодательством.

Также требует своего исследования понятие незаконного оборота оружия. Понятие «незаконный оборот оружия» не получило нормативного закрепления, однако достаточно широко используется в нормативных правовых и правоприменительных актах, а также в научной литературе² и повседневном обиходе.

¹ Задоян А. А., Мацкевич И. М., Чучаев А. И. Проблемы криминологического предупреждения незаконного оборота оружия. М., 2017. С. 78–99.

² Достаточно сказать, что по темам, связанным с предупреждением незаконного оборота оружия, написано и защищено несколько десятков диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук, опубликовано большое количество монографий (см., например: Веселова Е. В. Административно-правовое регулирование оборота оружия, имеющего культурную ценность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009, Корецкий Д. А., Солоницкая Э. В. Оружие и его незаконный оборот: криминологическая

Незаконный оборот оружия, имеющего особую ценность, выступает в качестве относительно самостоятельного криминального явления, находящегося в тесной взаимосвязи с незаконным оборотом оружия и незаконным оборотом предметов, имеющих культурно-историческую ценность.

Очевидно, что незаконный оборот происходит от оборота законного, выступая его антиподом. Несмотря на то, что вопросы природы и характеристик незаконного оборота оружия получили широкое освещение в научной литературе, многие аспекты данной проблемы остаются неизученными или спорными.

Понятие оборота оружия закреплено в ст. 1 Закона об оружии, где под ним понимается производство оружия, торговля оружием, продажа, передача, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, перевозка, транспортирование, использование, изъятие, уничтожение, ввоз оружия в Российскую Федерацию и вывоз его из Российской Федерации. Как видно, законодатель пошел по пути закрепления закрытого перечня действий, составляющих содержание оборота оружия.

Однако такой способ вряд ли можно считать удачным. Оборот оружия является частью такого большого социально-экономического явления как гражданский оборот. Последний, в свою очередь, подчиняется регулируемому воздействию гражданского права и лишь в ограниченных пределах (субсидиарно) права административного.

В основу гражданского оборота положена гарантированная государством свобода действий его участников¹. Эта свобода распространяется на выбор как участников таких отношений (контрагентов), так и форм взаимодействия с ними. В этой связи ограниченный перечень действий, включаемых в оборот оружия, противоречит общим началам гражданского оборота, неотъемлемой частью которого выступает оборот оружия.

В такой ситуации следует либо сделать вывод о том, что оборот оружия представляет собой самостоятельное социально-экономическое явление, не входящее в гражданский оборот, что, как мы показали, ошибочно, либо необходимо признать формулировки административного закона несоответствующими природе регулируемых отношений.

Также заметим, что действия, включенные в содержание гражданского оборота, имеют как юридический, так и фактический характер, что делает размытой границы наполняемого ими понятия. Обратим внимание на еще один недостаток, относящийся к межотраслевому согласованию терминов в области оборота оружия и предупреждения его незаконного

оборота. Речь идет о неполном соответствии используемых терминов, обозначающих элементы оборота оружия в гражданском, административном и уголовном праве, что также требует нормативного согласования.

Раскрывая содержание предупреждения незаконного оборота оружия, имеющего особую ценность, необходимо остановиться на следующих моментах.

Меры предупреждения преступности чрезвычайно многообразны. В науке существуют различные их классификации. В качестве основной классификации мы считаем нужным назвать классификацию по содержанию применяемых мер. По содержанию применяемых мер выделяются социально-экономические, организационно-управленческие, идеологические, воспитательные, технические, правовые и т. п.²

Все перечисленные меры реализуются в правовом поле государства и должны быть отражены в правовых актах. По этой причине правовые меры предупреждения незаконного оборота оружия, имеющего особую ценность, носят универсальный характер и влияют на все иные меры предупреждения, особенно на их результативность.

Исключительно важно, чтобы юридическое закрепление всех перечисленных мер, их содержание, механизм реализации и даже юридическая техника были адекватны природе соответствующих общественных отношений, криминологической характеристике предупреждаемого криминального явления и его общественной опасности.

В процессе работы над совершенствованием законодательства в области предупреждения незаконного оборота оружия, имеющего особую ценность, следует исходить из понятия предупреждения его незаконного оборота как системы многоуровневых и разнохарактерных мер, направленных на устранение (ослабление) причин и условий преступлений и административных правонарушений в сфере оборота оружия, имеющего особую ценность, а также воздействия на лиц, имеющих возможность совершить данные правонарушения с целью сокращения данного криминального явления.

Таким образом, можно сделать вывод, что существующие общественные отношения в сфере оборота оружия, имеющего особую ценность, не получили должного правового регулирования. Это препятствует реализации их общественно полезного потенциала, нарушает права и законные интересы их участников, создает предпосылки необоснованному привлечению к уголовной ответственности лиц, в чьих деяниях отсутствует общественная опасность или она не соответствует тяжести налагаемых санкций. Кроме того, несовершенство законодательства в рассматриваемой области способствует искусственной криминализации сферы оборота оружия, имеющего особую ценность, затрудняет предупредительную работу в отношении реально имеющих место форм его незаконного оборота.

характеристика и предупреждение. СПб., 2006, Шелковникова Е. Д. Актуальные проблемы правового регулирования частного коллекционирования антикварного оружия // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 19–24 и др.

¹ См.: ст. 1, 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «Гарант».

² Задоян А. А., Мацкевич И. М., Чучаев А. И. Указ. соч. С. 99.

Решением указанной проблемы является глубокое изучение социально-экономической и криминологической природы оборота оружия, имеющего особую ценность, совершенствование законодательства в этой сфере, направленное на межотраслевое согласование понятий и правовых конструкций, их соотнесение с действующими нормами международного права и при условии учета криминологических особенностей данной сферы.

Библиографический список

1. Веселова Е. В. Административно-правовое регулирование оборота оружия, имеющего культурную ценность: дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Веселова. – Москва, 2009. – 181 с.
2. Задоян А. А. Проблемы криминологического предупреждения незаконного оборота оружия: моногр. / А. А. Задоян, И. М. Мацкевич, А. И. Чучаев. – Москва: Проспект, 2017. – 128 с.;
3. Корецкий Д. А. Криминальная армалогия: учение о правовом режиме оружия / Д. А. Корецкий. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. – 547 с.
4. Корецкий Д. А. Оружие и его незаконный оборот: криминологическая характеристика и предупреждение / Д. А. Корецкий, Э. В. Солоницкая. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. – 258 с.;
5. Шелковникова Е. Д. Актуальные проблемы правового регулирования частного коллекциониро-

вания антикварного оружия / Е. Д. Шелковникова // Научный портал МВД России. – 2008. – № 2. – С. 19–24.

6. Черниловский З.М. Записки командира роты / З. М. Черниловский. – Москва, 2002. – 52 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Veselova E. V. Administrativno-pravovoe regulirovanie oborota oruzhiya, imeyushchego kul'turnuyu cennost': dis. ... kand. jurid. nauk / E. V. Veselova. – Moskva, 2009. – 181 s.
2. Zadoyan A. A. Problemy kriminologicheskogo preduprezhdeniya nezakonnogo oborota oruzhiya: monogr. / A. A. Zadoyan, I. M. Mackevich, A. I. Chuchaev. – Moskva: Prospekt, 2017. – 128 s.;
3. Koreckij D. A. Kriminal'naya armalogiya: uchenie o pravovom rezhime oruzhiya / D. A. Koreckij. – Sankt-Peterburg: YUridicheskij centr Press, 2006. – 547 s.
4. Koreckij D. A. Oruzhie i ego nezakonnyj oborot: kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie/ D. A. Koreckij, E. V. Solonickaya. – Sankt-Peterburg: YUridicheskij centr Press, 2006. – 258 s.;
5. SHelkovnikova E. D. Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya chastnogo kollekcionirovaniya antikvarnogo oruzhiya / E. D. SHelkovnikova // Nauchnyj portal MVD Rossii. – 2008. – № 2. – S. 19–24.
6. CHernilovskij Z.M. Zapiski komandira roty / Z. M. CHernilovskij. – Moskva, 2002. – 52 s.

К вопросу о ресоциализации спецконтингента советской пенитенциарной системы в годы Великой Отечественной войны

Кудоярова Гульнара Ракитовна,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: guli.ru@rambler.ru

Статья посвящена ресоциализации спецконтингента пенитенциарной системы в Советском государстве в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Внимание уделено теоретическому определению ресоциализации, указывается на необходимость разграничения понятий «ресоциализация», «реинтеграция», «реабилитация». На основе ретроспективного анализа определены особенности ресоциализации в указанный период времени.

Ключевые слова: ресоциализация; заключенные; Великая Отечественная война; лагеря и колонии НКВД СССР; Гулаг.

On the issue of resocialization of the special contingent of the Soviet penitentiary system during the Great Patriotic War

Kudoyarova Gulnara Rachitovna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article is devoted to the resocialization of the special contingent of the penitentiary system in the Soviet state during the Great Patriotic War (1941-1945). Attention is paid to the theoretical definition of resocialization, the need to differentiate the concepts of «resocialization», «reintegration», «rehabilitation» is pointed out. On the basis of a retrospective analysis, the features of resocialization in the specified period of time were determined.

Key words: resocialization; prisoners; the Great Patriotic War; camps and colonies of the NKVD of the USSR; Gulag.

До недавнего времени в юриспруденции, как и в смежных гуманитарных науках, не было выработано единого определения термина «ресоциализация». Плюрализм мнений в данном вопросе обусловлен сущностью самого понятия, которое можно определить и как процесс, и как результат. Кроме того, исходя из логики, определение ресоциализации строилось на понимании термина «социализация». В связи с этим в исследованиях оно фигурирует в широком и узком смыслах. В широком смысле дефиниция означает процесс повторного прохождения социализации. В узком смысле оно используется в криминологии, пенитенциарной педагогике, обозначая вопросы, связанные с проблемами проявления в обществе девиантного поведения.

М. С. Рыбак, разрабатывая научные положения, раскрывающие понятие, содержание, этапы ресоциализации осужденных к лишению свободы, говорит о необходимости четкого разграничения понятий «ресоциализация» и «исправление», ввиду их сложного соотношения¹. Ю. В. Баранов считает, что «сущностью

ресоциализации лиц, осужденных к лишению свободы, может быть названа вторичная, возобновленная социализация, включающая в себя как процессы адаптации и интеграции, так и процессы индивидуализации осужденного, которые продолжительны и носят продолжаемый характер»². Следует отметить, что понятия «ресоциализация», «реинтеграция», «реабилитация» зачастую употребляются как тождественные, являясь определением, по сути, одного процесса – возврата десоциализированного индивида в общество, т. е. сводятся, по сути, к внутреннему процессу.

В статье 25 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» законодательно дано определение термина ресоциализации: «Ресоциализация представляет собой комплекс мер

свободы (Проблемы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001.

² Баранов Ю. В. Сущность ресоциализации осужденных к лишению свободы и лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

¹ См.: Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению

социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера». Ст. 17 указанного закона относит ее к формам профилактического воздействия.

Целью ресоциализации закон определяет реинтеграцию в общество бывших осужденных, т. е. выработку социально приемлемых форм поведения человека, достижение такого уровня его культурного состояния, которое необходимо для полноценной жизнедеятельности в рамках существующего общества.

Таким образом, законодатель, наконец, определился с понятийным аппаратом, выделив ресоциализацию как комплекс мер, а реинтеграцию как конечную цель.

Реинтеграция – процесс длительный, требующий подготовки, определенных усилий не только со стороны должностных лиц, осуществляющих ресоциализацию, но и самих осужденных. Соответственно, возникает вопрос: когда, как не во время отбывания наказания, следует начинать процесс по выработке социально приемлемых форм поведения?

В советском праве не существовало понятия ресоциализации как такового. Однако в Исправительно-трудовом кодексе 1933 г. цель исполнения уголовного наказания была обозначена как «перевоспитывать и приспособлять к условиям трудового общежития», таким образом включалась ресоциализация как деятельность, осуществляемая органами и учреждениями пенитенциарной системы, в отношении лиц, отбывающих наказание, в целях отступления последними от девиантного поведения, привития законопослушного поведения и успешного возвращения в общество после освобождения. То есть здесь мы говорим о ресоциализации как процессе для создания предпосылок реинтеграции.

Ресоциализация как комплекс мер в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание, во время Великой Отечественной войны характеризовалась слабым развитием. Это обстоятельство было обусловлено отсутствием легальных конкретных критериев оценки личности человека, отбывающего наказание.

Говоря о ресоциализации отбывших уголовное наказание, следует отметить, что в советском праве существовал опыт ее осуществления. В частности, ст. 227 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. определяла следующие меры по оказанию помощи лицам, отбывшим наказание: а) оказание материальной помощи неимущим заключенным; б) оказание необходимой поддержки при возвращении на родину или на место постоянного жительства при освобождении из мест заключения; в) предоставление по освобождению из мест заключения жилых помещений

и питания на льготных условиях; г) предоставление ссуд на приобретение рабочего инвентаря и обзаведение необходимыми предметами домашнего обихода; д) устройство мастерских и предприятий для применения труда бывших заключенных; е) подыскание им занятий; ж) оказание юридической и медицинской помощи; з) профессиональное и общеобразовательное их развитие. Статья 229 устанавливала создание комитета помощи освобождаемым, организуемого в каждой области и действующего на основании специального Положения. 24 января 1925 г. ГУМЗ НКВД РСФСР было принято Положение о Всероссийском и губернских (областных, краевых) комитетах помощи содержащимся в местах заключения и освобождающимся из них, в котором помощь предполагалась путем «объединения государственных, профессиональных, кооперативных и политических учреждений и отдельных деятелей, желающих бороться с нуждой, ведущей к повторной преступности». Однако подобные комитеты не получили распространения. И их деятельность в рассматриваемый период времени не осуществлялась.

Действенным механизмом ресоциализации спецконтингента указанного периода, по нашему мнению, следует назвать отправку на фронт с последующим снятием судимости.

В справке о спецконтингентах, переданных Красной Армией местами заключения НКВД СССР с начала Великой Отечественной войны по 1 сентября 1944 г., даны сведения о том, что всего в ряды Красной Армии лагерями и колониями НКВД СССР, а также тюрьмами (включительно по 1943 г.) было передано 1 030 494 чел. Основную массу (615 040 чел.) составили заключенные лагерей и колоний НКВД-УНКВД¹. Согласно справке по работе отдела УРЗ НКВД от 30 марта 1945 г. всего досрочно было освобождено и направлено в ряды Красной Армии 1 064 800 чел. и еще 10 000 готовились в передаче в военкоматы². Кроме того, в соответствии с решением правительства были досрочно освобождены и переданы на предприятия оборонной промышленности осужденные по указам Президиума Верховного Совета СССР за прогулы и самовольные уход с производства, а также малозначительные преступления – 31 600 чел. А по указу от 18 января 1945 г. были досрочно освобождены 3 411 осужденных за бытовые и малозначительные преступления беременных и женщин, имеющих малолетних детей.

Как пишет Н. С. Черушев, представители высшего и старшего командного звена, освобожденные из заключения в 1941–1945 гг., занимали крупные командные, штабные должности. «Наиболее подготовленные из них командовали фронтами, армиями, корпусами, дивизиями, возглавляли штабы объединений и соединений, внося достойный вклад в достижение побе-

¹ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960: сб. документов. С. 428.

² См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т. 4. С. 101.

ды над гитлеровской Германией, в разгром ее вооруженных сил, в развитие теории и практики военного дела, военного искусства»¹.

«Белое пятно» в истории Великой Отечественной войны – деятельность штрафных батальонов и штрафных рот, появление которых связано с приказом Наркома Обороны СССР от 28 июля 1942 года № 227, в котором говорилось: «1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами... в) сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 чел.), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины...»

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями...

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 чел. в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной»².

Согласно Перечню № 33 стрелковых частей и подразделений (отдельных батальонов, рот и отрядов) со сроками вхождения их в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. указанному приложению к директиве Генерального штаба от 2 июня 1962 г. с 1942 г. до 1945 г. существовало 65 штрафных батальонов и 1065 штрафных рот³. По архивным данным, представленным в исследовании Воробьева С. М., за время войны численность переменного состава штрафных частей составила 427 910 чел.: 1942 г. – 24 993 чел., 1943 г. – 177 694 чел., 1944 г. – 143 457 чел., 1945 г. – 81 766 чел.⁴

Согласно Положению о штрафных батальонах действующей армии от 26 сентября 1942 г., приведенному в приказе от 28 сентября 1942 г. № 298, штрафные батальоны создавались с «целью дать возможность лицам среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава всех родов войск, провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или

неустойчивости, кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий»⁵. Однако в штрафные батальоны зачастую направлялись осужденные за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, воров-рецидивисты, лица, имевшие уже в прошлом судимость за перечисленные преступления, а также неоднократно дезертировавшие из Красной Армии⁶.

Из воспоминаний пышминца ветерана Великой Отечественной войны Шамаева В. С.: «В г. Слободской я учился на курсах младших командиров (потом остался обучать новобранцев. – Г. К.). Позже к нам доставили вновь сформированные штрафные батальоны – матерых уголовников. Было очень тяжело с этими людьми, у них свои законы, свое мировоззрение. Официально считалось, что им предоставлена возможность кровью искупить свою вину перед обществом. На деле они использовались как «пушечное мясо» в первых рядах атакующих, когда в лицо им смотрели немецкие дула, а в спину упирались свои штыки. Зэки это понимали, оказывали неповиновение командирам, отказывались ходить на занятия, а по ночам в казармах играли в карты и даже уходили воровать. Их мало интересовало устройство гранат, минометов и другой техники. Интуитивно они чувствовали, что боевой путь их будет недлинным... Меня с группой офицеров и младшего командного состава отправили в Ленинград. Одели всех с иголочки – обмундирование хрустело, сапоги сверкали. Приехали из Кирова со своими зеками. Они по дороге все с себя проиграли. Пропили – на фронт приехали как оборванцы. Другого от них никто не ждал, хотя где-то в глубине души была надежда, что проснется в них какая-то искра при приближении к линии боя. Зачастую так и бывало. Впоследствии, когда штрафные батальоны шли в атаку впереди наших танков, они наводили такой ужас на немцев, что об этом ходили легенды»⁷.

Из воспоминаний пышминца ветерана Великой Отечественной войны Захарова А. Ф.: «На помощь нам прислали штрафников. Дралась они бесстрашно, т. к. им терять было нечего. Немцы их боялись, как огня. Штрафбат не кричал «Ура!», в атаку они шли с дикими матерными криками. Пленных они не брали, если на пути попадался вражеский солдат, убивали штыком или пулей. Между прочим, среди них было много настоящих патриотов, ведь попадали в тюрьмы по самым разным причинам. В этом же бою погиб у нас один шофер. Он хотел выпрыгнуть из кабины, но его подстрелили, при этом попали в бензобак. Машина загорелась, шофер тоже начал гореть. В это

¹ Черушев Н. С. Из ГУЛАГа – в бой. М., 2006. С. 505.

² Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 г. Т. 13 (2-2) / сост. А. И. Барсуков и др. М., 1997. С. 278.

³ См.: Правда о штрафбатах 2 / сост. В. О. Дайнес, В. В. Абатуров. М.: Эксмо, 2008; Кузьмичёв И. В. Штрафники // Сержант. 2000. № 1 (14). С. 28–33; Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране. М., 2008. С. 36.

⁴ См.: Воробьев С. М. Предпосылки заглаживания морально-го вреда потерпевшим посредством направления в штрафные подразделения // История государства и права. 2015. № 18. С. 60–63.

⁵ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 г. Т. 13 (2-2) / сост. А. И. Барсуков и др. М., 1997. С. 312–314.

⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.) / сост. А. И. Барсуков и др. М., 1997. Т. 13 (2-3). С. 241–242.

⁷ С памятью в сердце. С. 187.

время один из штрафбатовцев сел за руль горячей машины, успел отогнать ее в сторону, и выпрыгнул из нее прежде, чем она взорвалась. Надо отдать им должное, в критических ситуациях они действовали молниеносно»¹.

Определяющим критерием классификации заключенных является направленность совершенных ими преступлений. По этому критерию в особую категорию выделяются заключенные, осужденные за так называемые контрреволюционные преступления. В общей массе заключенных они составляли: 1941 г. – 28,7 %; 1942 г. – 29,6 %; 1943 г. – 35,6 %; 1944 г. – 40,7 %; 1945 г. – 41,2 %. Путем вычитания их из общей численности содержащихся в исправительно-трудовых лагерях (в колониях не содержалось рецидивистов) мы можем проследить заметное снижение осужденных за уголовные преступления по стране, в т. ч. рецидивистов. В 1941 г. – всего 1 500 524, за контрреволюционные преступления – 420 293, за иные преступления – 1 080 231; 1942 г. всего – 1 415 596, за контрреволюционные преступления – 407 988, за иные преступления – 1 007 608; 1943 г. всего – 983 974, за контрреволюционные преступления – 345 397, за иные преступления – 949 577; 1944 г. всего – 663 594, за контрреволюционные преступления – 268 861, за иные преступления – 394 733; 1945 г. всего – 715 505, за контрреволюционные преступления – 289 351, за иные преступления – 426 154².

Интегративным показателем эффективности функционирования пенитенциарной системы, как правило, считается уровень криминологического рецидива, или, иными словами, количество лиц, совершивших преступления после отбытия наказания. Снижению рецидивной преступности способствовало также прекращение освобождения с начала войны осужденных за измену Родине, шпионаж, террор, диверсии; троцкистов и правых; за бандитизм и другие особо тяжкие государственные преступления. Как отмечает Земсков В. Н. «общее число задержанных с освобождением до 1 декабря 1944 г. составляло около 26 тыс. чел.»³ Кроме того, к факторам снижения можно отнести практику оставления в лагерях НКВД осужденных за некоторые категории преступлений до окончания войны по вольному найму.

Отдельно можно упомянуть категорию трудпоселенцев. Как отмечает В. Н. Земсков, «на основании указания Главного Управления РККА от 27 февраля 1940 г. “О порядке приписки к призывным участкам трудпереселенческой молодежи” трудпоселенцы приравнивались к категории лиц, сосланных и высланных, и призыву в Красную Армию не подлежали.

Однако уже в первые месяцы войны стал практиковаться ограниченный призыв их на военную службу. Так, с начала войны и до 15 октября 1941 г. в РККА было призвано 3218 трудпоселенцев, из них 301 – в кадровые части и 2917 – в специальные строительные батальоны»⁴. Постановление Государственного комитета обороны СССР от 11 апреля 1942 г. № 1575сс уже предписывало призвать 35 тыс. тщательно отобранных детей переселенцев и переселенцев призывного возраста⁵. Например, по данным, представленным в исследовании Н. М. Игнатовой, из Свердловской области в апреле–мае 1942 г. было призвано 1740 чел., в августе – сентябре – 723 чел.⁶

Таким образом, государство демонстрировало не только более толерантное отношение к молодежи, но и доверие, применяя призыв в ряды Красной Армии в качестве меры поощрения. Реализация данного указа показала успешность проведенной ресоциализации спецпереселенцев – среди них было немало героев.

Из воспоминаний пышминца ветерана Великой Отечественной войны Ворохобова Н. И.: «В 1937 г. мой отец был репрессирован. Нас с мамой и младшим братом выселили в Тавду... В апреле 1943 г. меня и моих сверстников Тавдинский райвоенкомат призвал на фронт. Привезли нас в Чебаркульские лагеря, где базировался запасной полк. Через несколько месяцев меня направили в Златоустовское зенитно-пулеметное училище»⁷. За проявленные героизм и отвагу Н. И. Ворохобов был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией».

Из воспоминаний пышминца ветерана Великой Отечественной войны Гарифуллина Т. Г.: «Моя малая родина – деревня Татарская Верхняя Гоньба Кировской области. В семье нас было восемь детей. Жили мы хорошо, ни в чем не нуждались, т. к. дед наш был зажиточный, имел мельницу, куда весь район ездил молотить муку, и магазин, в котором торговал мой отец. Потом деда раскулачили, все отобрали: мельницу, магазин, двух лошадей и двух коров, тридцать соток земли, два дома: один каменный двухэтажный, другой деревянный для молодоженов, пока сами не отстроятся. Так все было стройно отлажено в нашей семье и в одночасье все рухнуло. Собрали мы котомки и пошли жить и работать по людям... В первое время после раскулачивания мы жили в марийской деревне. А в 1941 г. вернулись обратно. С первых же дней войны семья получила две повестки – отцу и старшему брату»⁸. Т. Г. Гарифуллин был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За

¹ С памятью в сердце. С. 57.

² Подсчитано по Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

³ Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; 1991. № 7. С. 3–16.

⁴ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 // URL: <http://iri-ran.ru/izdannoe/zemskov.html>.

⁵ <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/1575.html>.

⁶ См.: Игнатова Н. М. Численность спецпереселенцев – «бывших кулаков», призванных в Красную Армию в 1941–1942 гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87). С. 242–252.

⁷ С памятью в сердце. С. 31.

⁸ Там же.

отвагу», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Отбывание наказаний в отдаленных лагерях не способствовало успеху реинтеграции. Поскольку в связи с невозможностью свиданий с родственниками, затруднением передачи посылок и бандеролей утрачивались социально полезные связи. В таких условиях не всегда имелась возможность поддержания нужных контактов с осужденным, в ряде случаев они прерывались, семьи осужденных распадались.

Профилактика преступлений строилась в первую очередь на принципе неотвратимости наказания. Объективное вменение, применяемое в отношении родственников и близких лица, совершившего измену родине, являлось одним из рычагов данного принципа. Если не сам человек, то его семья будет наказана за преступления, совершенные им против советского государства.

Исходя из вышеизложенного, следует, что, несмотря на то, что ресоциализация как комплекс мер в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание, во время Великой Отечественной войны была недостаточно развита, однако был найден эффективный способ ее осуществления, каковым являлась отправка на поля сражения с фашистскими захватчиками с последующим снятием судимости.

В современной России ресоциализация осужденных является одним из приоритетных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы. Пристальное внимание к данному вопросу объясняет необходимость проведения исследований в данной сфере с целью поиска действенных методов по совершенствованию эффективности исполнения наказаний.

Библиографический список

1. Баранов Ю. В. Стадии ресоциализации осужденных к лишению свободы в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии / Ю. В. Баранов. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 275 с.

2. Воробьев С. М. Предпосылки заглаживания морального вреда потерпевшим посредством направления в штрафные подразделения / С. М. Воробьев // История государства и права. – 2015. – № 18. – С. 60–63.

3. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960: сб. документов / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. – Москва, 2000.

4. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 10–27; 1991. – № 7. – С. 3–16.

5. Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 151–165.

6. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док. в 7 т. – Т. 4.

7. Кузьмичев И. В. Штрафники / И. В. Кузьмичев // Сержант. – 2000. №1 (14). – С. 28–33.

8. Правда о штрафбатах 2 / сост. В. О. Дайнес, В. В. Абатуров. – М.: Эксмо, 2008.

9. Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю. В. Рубцов. – М., 2008.

10. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 г. Т. 13 (2–2) / сост. А. И. Барсуков и др. – М., 1997.

11. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики / М. С. Рыбак. – 2-е изд., испр. и доп. – Саратов, 2004.

12. С памятью в сердце. – Екатеринбург: «Филантроп», 2010.

13. Черушев Н. С. Из ГУЛАГа – в бой / Н. С. Черушев. – М., 2006.

Bibliograficheskiy spisok

1. Baranov YU. V. Stadii resocializacii osuzhdennykh k lisheniyu svobody v svete novykh sociologo-antropologicheskikh vozzrenij i social'noj filosofii / YU.V. Baranov. – SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «YUridicheskij centr Press», 2006. – 275 s.

2. Vorob'ev S. M. Predposylki zaglazhivaniya moral'nogo vreda poterpevshim posredstvom napravleniya v shtrafnye podrazdeleniya / S.M.Vorob'ev // Istoriya gosudarstva i prava. – 2015. – № 18. – S. 60–63.

3. GULAG: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960: sb. dokumentov / pod red. akad. A. N. YAKovleva; sost. A. I. Kokurin, N. V. Petrov. – Moskva, 2000.

4. Zemskov V. N. GULAG (istoriko-sociologicheskij aspekt) // Sociologicheskie issledovaniya. – 1991. – № 6. – S. 10–27; 1991. – № 7. – S. 3–16.

5. Zemskov V. N. Zaklyuchennyye, specposelency, ssyl'noposelency, ssyl'nye i vyslannyye (Statistiko-geograficheskij aspekt) // Istoriya SSSR. – 1991. – № 5. – S. 151–165.

6. Istoriya stalinskogo GULAGa. Konec 1920-h – pervaya polovina 1950-h godov: sobr. dok. v 7 t. – T. 4.

7. Kuz'michyov I. V. SHtrafniki / I. V. Kuz'michyov // Serzhant. – 2000. №1 (14). – S. 28–33.

8. Pravda o shtrafbatah 2 / sost. V. O. Dajnes, V. V. Abaturov. – M.: Eksmo, 2008.

9. Rubcov YU. V. SHtrafniki Velikoj Otechestvennoj. V zhizni i na ekrane / YU. V. Rubcov. – M., 2008.

10. Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya: Prikazy Narodnogo komissara oborony SSSR 22 iyunya 1941–1942 g. T. 13 (2–2) / sost. A. I. Barsukov i dr. – M., 1997.

11. Rybak M. S. Resocializaciya osuzhdennykh k lisheniyu svobody: problemy teorii i praktiki / M.S.Rybak. – 2-e izd., ispr. i dop. – Saratov, 2004.

12. S pamyat'yu v serdce. – Ekaterinburg: «Filantrop», 2010.

13. CHerushev N. S. Iz GULAGa – v boj / N. S. CHerushev. – M., 2006.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 343.35

Беспомощное состояние как юридически значимое свойство потерпевшего от преступления

Щетинина Наталья Валерьевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: up-kafedra@mail.ru

Отдельные нормы Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают беспомощное состояние потерпевшего в качестве признака, наличие которого создает определенные сложности при квалификации. В статье рассматриваются данные свойства потерпевшего с учетом особенностей отдельных составов преступлений, формулируются предложения по совершенствованию практики применения соответствующих норм уголовного законодательства.

Ключевые слова: беспомощное состояние; малолетнее лицо; убийство; изнасилование; квалификация.

Helpless state as a legally crime victim significant sign

Schetinina Natalya Valeryevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

Certain norms of the Russian Federation criminal code provide for the crime victim helpless state as a sign, the presence of which creates certain difficulties in the law enforcement process. The article discusses the victim features in relation to certain crime's elements and makes suggestions for improving the practice of applying the relevant criminal law norms.

Key words: helpless state; juvenile person; murder; rape; qualification.

Беспомощное состояние как свойство, характеризующее потерпевшего от преступления, предусмотрено в нескольких нормах уголовного законодательства, выступая обстоятельством, отягчающим наказание (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ), альтернативно-конститутивным признаком состава преступления (ст. 131, 132 УК РФ) либо квалифицирующим признаком, повышающим степень общественной опасности содеянного и влияющим на квалификацию в пределах соответствующей статьи УК РФ (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «а» ч. 3 ст. 110.1, ч. 5 ст. 110.1, п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ и др.).

Применительно к п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ Пленум Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» отмечает, что беспомощность как свойство потерпевшего имеет место в тех случаях, когда в силу физического или психического состояния он не способен защитить себя, оказать активное сопротивление по-

сягающему при условии осознания последним этого обстоятельства. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, высшая судебная инстанция предлагает, в частности, относить тяжелобольных, престарелых, лиц, страдающих психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

Определение анализируемого термина аналогичного содержания содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 131 и 132 УК РФ. Представленные положения, касающиеся толкования беспомощного состояния, свидетельствуют о том, что четкие критерии данного признака отсутствуют, однако из контекста используемых судом формулировок очевидно, что независимо от того, о каком преступлении идет

речь, необходимо устанавливать неспособность потерпевшего в силу каких-либо причин защитить себя, оказать активное сопротивление виновному. Следует акцентировать внимание на том, что только лишь заболевание, малолетний или престарелый возраст, психическое расстройство еще не свидетельствуют о его безоговорочном наличии. Определяющим является то обстоятельство, что в силу этих причин потерпевший не способен защитить себя и это используется виновным для достижения преступного результата. Рассмотрев общие положения, которые рекомендует учитывать высшая судебная инстанция при квалификации преступлений, совершаемых в отношении лица, находящегося в состоянии беспомощности, отметим некоторые особенности данного свойства потерпевшего применительно к отдельным составам.

Так, в частности, сон и состояние опьянения должны оцениваться по-разному, в зависимости от того, о каком именно преступлении идет речь.

Верховным Судом Республики Башкортостан Ж. был осужден, в том числе за убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Установлено, что Ж. после совершения изнасилования решил убить Г., для чего накинул на шею потерпевшей полотенце и задушил ее. При этом суд признал Г. находящейся в беспомощном состоянии в силу алкогольного опьянения. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ исключила из приговора данное квалифицирующее обстоятельство, указав, что убийство физического здорового человека, но находящегося в состоянии сильного алкогольного опьянения, не подпадает под критерии анализируемого признака. Такие действия по степени общественной опасности не отличаются от простого убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, а поэтому не могут рассматриваться как совершенные с отягчающими обстоятельствами¹.

По другому делу Президиум Верховного Суда РФ также изменил приговор краевого суда, исключив осуждение виновного П. по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, который нанёс спавшему Л. несколько ударов ножом в область шеи и плеча, в результате чего наступила смерть потерпевшего. Как указала высшая судебная инстанция, «сон является жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием человека и не может расцениваться как беспомощное состояние в том понимании, которое придается ему уголовным законом»².

Несмотря на то, что Верховный Суд, принимая решение по конкретным уголовным делам, неоднократно обращал внимание на отсутствие данного признака в случае совершения убийства в отношении лиц, находящихся в состоянии опьянения и сна, нижестоя-

щие суды по-прежнему продолжают игнорировать данные разъяснения, что, в свою очередь, влечет отмену их решения высшей судебной инстанцией³. Несомненно, ситуация не однозначная. Позиция, которой придерживается Верховный Суд РФ, обуславливает наличие определенной критики и в научной среде. Так, В. Б. Боровиков вполне обоснованно отмечает, что, безусловно, крепко спящий человек беспомощен перед убийцей и лишен возможности оказать ему эффективное противодействие⁴. Тем не менее, следуя тенденции, поддерживаемой высшим судебным органом, представляется, что сон и состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного) не должны учитываться при установлении беспомощности потерпевшего и при совершении преступлений против здоровья (п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ).

В то же время в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 131 и 132 УК РФ, отмечается, что при квалификации изнасилования и насильственных действий сексуального характера состояние опьянения потерпевшего, вызванное употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, может быть признано беспомощным, если в результате этого лицо утратило возможность понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. Так, например, Е. был обоснованно осужден по ч. 1 ст. 131 УК РФ за изнасилование Н. с использованием ее беспомощного состояния, обусловленного алкогольным опьянением и глубоким сном, при котором последняя не осознавала характер совершаемых с ней действий и не могла оказывать сопротивление⁵.

Таким образом, применительно к убийству состояние опьянения и (или) сна, в силу которых потерпевший не способен осознавать фактический характер совершаемых в отношении него действий и оказать сопротивление виновному, не признается беспомощным состоянием, а при совершении изнасилования (или насильственных действий сексуального характера) – считается таковым. Данная позиция объясняется тем, что, по сути, уголовно-наказуемыми по ст. 131 и 132 УК РФ являются только те действия, связанные с посягательством на половую неприкосновенность и половую свободу личности, которые совершены против или помимо воли потерпевшего (в отличие от убийства, где уголовно-наказуемыми считаются соответствующие действия вне зависимости от волеизъявления последнего). В то же время согласие

³ См. также: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28 марта 2012 г. № 11-П12ПР // СПС «Гарант».

⁴ Боровиков В. Б. Оценочные признаки в уголовном законе и их влияние на судебную практику // Уголовное право. 2017. № 4. С. 30–32.

⁵ Приговор Железнодорожного городского суда Московской области № 1-133/2015 от 18 июня 2015 г. по делу № 1-33/2015 // База судебных и нормативных актов «Судакт».

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 августа 2019 г. № 49-УД18-9 // БВС РФ. 2019. № 12. С. 14–15.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28 марта 2012 г. № 11-П12ПР // СПС «Гарант».

потерпевшего на половое сношение или совершение иных действий сексуального характера исключает преступность и наказуемость содеянного. Поэтому вполне логично любое состояние, обуславливающее невозможность в силу тех или иных причин выражения воли потерпевшего, расценивать как беспомощность и учитывать в качестве конститутивного признака составов преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ.

При применении норм, предусматривающих в качестве обязательного или факультативного признака беспомощное состояние потерпевшего, может возникнуть вопрос: необходимо ли осознание виновным факта того, что потерпевший находится в таком состоянии, и, если да, то какой должна быть степень этой осведомленности? В статьях, в которых анализируемый признак предусмотрен в качестве квалифицирующего, законодатель, используя термин «заведомо», акцентирует внимание на необходимости осознания виновным того, что потерпевший находится в беспомощном состоянии. В диспозиции ст. 131 и 132 УК РФ термин «заведомо» не применяется, однако на обязательность его установления указывает Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 постановления от 4 декабря 2014 года № 16. Таким образом, одним из фактов, имеющих доказательственное значение, является понимание лицом, совершающим преступление, того, что потерпевший не способен защитить себя, оказать ему активное сопротивление. При этом в каждом конкретном случае необходимо исследовать все обстоятельства содеянного.

Так, в частности, подсудимый С. был не согласен с вменением ему п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, утверждая, что до убийства он видел потерпевшую К. только один раз и о том, что она является инвалидом и находится в беспомощном состоянии, он не знал. Однако суд установил, что С. ранее встречался с К. в её доме, знал о её возрасте и физическом состоянии. Кроме того, после проникновения в жилище совершил на нее нападение как раз в то время, когда она передвигалась с использованием специального для этого приспособления – ходунков. В связи с изложенными обстоятельствами суд посчитал, что подсудимый С. в полной мере осознавал беспомощность К. и её неспособность в силу физического состояния защитить себя¹.

При совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении спящего или находящегося в состоянии опьянения также необходимо устанавливать понимание виновным лицом того, что в силу одного из этих состояний потерпевший не способен осознавать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление.

Судебная практика не признает наличие беспомощного состояния в случаях, когда лишению жизни

¹ Приговор Рязанский областной суд № 2-16/2019 2-7/2020 от 19 марта 2020 г. по делу № 2-16/2019 // База судебных и нормативных актов «Судакт».

предшествует приведение виновным потерпевшего в беспомощное состояние, например, путем применения сильнодействующих препаратов. Так, А. для облегчения убийства Б. подмешал большую дозу снотворного лекарственного средства – димедрола – в водку, употреблявшуюся потерпевшей. Когда димедрол подействовал, А. накрыл ее лицо полотенцем и удерживал до тех пор, пока та не перестала подавать признаки жизни. Президиум Верховного Суда РФ исключил осуждение А. по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ указав, что по смыслу закона убийство лица, которое виновный в процессе посягательства своими действиями привел в состояние «сонливости и заторможенности», нельзя отнести к беспомощному состоянию².

Убийство потерпевшего, совершенное после его избияния или ограничения свободы, также не следует расценивать как убийство с использованием беспомощного состояния. Так, Ш., перед тем как лишить жизни М., избил последнего, связал его по рукам и ногам и только затем, реализуя умысел на лишение жизни, задушил. По мнению Верховного Суда РФ, указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что потерпевший был приведен в беспомощное состояние осужденным в процессе лишения жизни, в связи с чем действия Ш. не могут быть квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ³.

Напротив, применительно к ст. 131 и 132 УК РФ Пленум Верховного Суда РФ в руководящем постановлении от 4 декабря 2014 г № 16 отмечает, что при квалификации изнасилования и насильственных действий сексуального характера не имеет значения, «было ли потерпевшее лицо приведено в такое состояние виновным или находилось в беспомощном состоянии независимо от его действий».

Судебная практика не признает убийством с использованием беспомощного состояния случаи так называемого внезапного причинения смерти (неожиданное нападение, выстрел снайпера и т. п.). Значительное превосходство виновного в силе и количественное превосходство также не может свидетельствовать о беспомощности жертвы применительно к ст. 105 УК РФ⁴.

Следует отметить, что Федеральным законом от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривавший ответственность за убийство при отягчающих обстоятельствах, были внесены некоторые изменения, целью которых являлось ужесточение ответственности и повышение эффективности противодействия поражающим своей жестокостью и дерзостью преступлениям, совершае-

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 615-П06 // БВС РФ. 2007. № 10. С. 14.

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 января 2006 г. по делу № 2-23/99 // База судебных и нормативных актов «Судакт».

⁴ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13 июня 2012 г. № 302п12 // База судебных и нормативных актов «Судакт».

мым в отношении детей. В качестве потерпевшего, наряду с «лицом, заведомо для виновного находящимся в беспомощном состоянии», законодатель выделил «малолетнего», под которым в уголовном праве понимается лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста и при установлении признаков которого следует руководствоваться исключительно возрастным критерием. Аналогичные изменения были включены в п. «б» ч. 2 ст. 111 и п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ. В связи с данными законодательными новеллами возникает вопрос: если потерпевшим является малолетнее лицо, необходимо ли устанавливать его беспомощность? И если будет констатирована его неспособность защитить себя, какой именно признак следует вменять виновному?

Учитывая направления уголовной политики, осуществляемой государством, очевидно, что указанные нововведения несколько расширяют возможности применения данных норм. До внесения изменений убийство или причинение вреда здоровью малолетнего лица могло быть признано соответствующим квалифицирующим признаком только в том случае, если в силу возраста лицо не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. Очевидно, что с учетом фактических обстоятельств (в частности, физических данных, пола как лица, совершающего преступление, так и потерпевшего) малолетний возраст далеко не во всех случаях мог быть признан беспомощным состоянием. Об этом также свидетельствует положение, содержащееся в примечании к ст. 131 УК РФ, где законодатель, по сути, приравнивает к находящимся в так называемом состоянии психической беспомощности только тех малолетних, которые не достигли лишь двенадцатилетнего возраста. После внесения Федеральным законом от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ указанных изменений сам факт недостижения потерпевшим четырнадцатилетнего возраста уже является основанием для повышенной ответственности виновного. Причем грамматическое толкование используемой законодателем формулировки «малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии» позволяет прийти к выводу, что данные признаки, характеризующие потерпевшего, являются альтернативными и, по сути, – взаимоисключающими. Если потерпевшим является лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста, то есть малолетним, определять его способность понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо защитить себя правоприменителю не требуется, и тем более нет необходимости устанавливать осознание виновным лицом этого факта.

Однако суды наряду с малолетним возрастом зачем-то продолжают выяснять способность (неспособность) потерпевшего осознавать характер и значение совершаемых с ним действий либо способность (неспособность) оказать сопротивление виновному. Так, С. был осужден, в том числе по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, за убийство малолетнего Н., которое

совершил, испугавшись, что Н. может сообщить иным лицам о предшествующем убийстве его матери, совершенном С. В описательной части приговора суд указал, что Н. «в силу малолетнего возраста находился для С. в заведомо беспомощном состоянии»¹.

Аналогичную формулировку использовал суд по делу, рассматриваемому по факту умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью. Так, Д. признан виновным в том, что он, находясь в состоянии алкогольного опьянения, на почве внезапно возникшей личной неприязни, вызванной повреждением ноутбука, нанес малолетней С. клинком ножа 1 удар в область левого бедра. Его действия были квалифицированы по п. «в», «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ как умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, совершенное в отношении малолетнего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. При этом суд указал, что квалифицирующий признак «в отношении малолетнего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии» нашел свое подтверждение и пришел к выводу, что подсудимый Д. осознавал, что С. в силу своего малолетнего возраста не могла защитить себя, оказать активное сопротивление².

В вышеприведенных ситуациях судам следовало давать уголовно-правовую оценку содеянному только с учетом того, что потерпевший является малолетним и не акцентировать внимание на том, что он при этом находится в беспомощном состоянии. Аналогичным образом следует поступать применительно к установлению признаков, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 110.1 п. «а» ч. 3 ст. 110.1, п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ, где в качестве квалифицирующих обстоятельств предусмотрено совершение соответствующего преступления «в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии». Представляется, что при совершении преступлений против жизни и здоровья оба альтернативных признака, характеризующие потерпевшего, могут вменяться только при условии причинения вреда двум потерпевшим, один из которых является малолетним, а другой находится в беспомощном состоянии, не обусловленном недостижением четырнадцатилетнего возраста.

Несколько по иному обстоит дело с насильственными преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Использование беспомощного состояния наряду с физическим насилием и угрозой его применения является альтернативно-обязательным признаком основных составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ, характеризующим способ. В то же время законодатель дифференцирует ответственность за половое сношение или действия сексуального харак-

¹ Приговор Волгоградского областного суда по делу № 2-8/2011 от 2 февраля 2011 г. // ГАС «Правосудие»

² Приговор Нижегородского областного суда по делу № 2-39/2019 от 6 марта 2020 г. // База судебных и нормативных актов «Судакт».

тера с использованием беспомощного состояния в зависимости от малолетнего возраста потерпевшей (потерпевшего). Если в силу малолетнего возраста лицо находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному в силу физических недостатков, содеянное должно квалифицироваться по п. «б» ч. 4 ст. 131 (или п. «б» ч. 4 ст. 132) УК РФ как половое сношение (или действия сексуального характера) с использованием беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего), совершенные в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Таким образом, в отличие от преступлений против жизни и здоровья, в преступлениях против половой неприкосновенности беспомощное состояние и малолетний возраст не являются взаимоисключающими и словесная формулировка квалификации должна содержать указание на оба признака.

Учитывая изложенное, следует заключить, что «беспомощное состояние», характеризующее опре-

деленные свойства потерпевшего и способ совершения преступления, относится к категории оценочных, определяющихся правосознанием лица, применяющего уголовный закон. Его наличие, являясь обоснованным и необходимым с одной стороны, в то же время создает определенные сложности в процессе правоприменения.

Библиографический список

1. Боровиков В. Б. Оценочные признаки в уголовном законе и их влияние на судебную практику / В. Б. Боровиков // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 30–32.

Bibliograficheskiy spisok

1. Borovikov V. B. Ocenochnye priznaki v ugodnom zakone i ih vliyanie na sudebnuyu praktiku / V. B. Borovikov // Ugodnoe pravo. – 2017. – № 4. – S. 30–32.

Подмена ребенка: особенности уголовно-правового запрета

Харламова Алена Алексеевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: up-kafedra@mail.ru

В статье раскрыты особенности объективных и субъективных признаков преступления, предусмотренного ст. 153 УК РФ «Подмена ребенка», рассмотрены некоторые особенности квалификации данного общественно опасного деяния, приведены данные, касающиеся обусловленности уголовно-правового запрета.

Ключевые слова: подмена ребенка; преступления против семьи и несовершеннолетних; декриминализация.

Child substitution: features of criminal law prohibition

KHarlamova Alyona Alekseevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

The article reveals the features of objective and subjective signs of a crime under Art. 153 of the Criminal Code of the Russian Federation «Child substitution», considers some features of the qualification, provides data regarding the conditionality of the criminal law prohibition

Key words: child substitution; crimes against family and minors; decriminalization.

Семейное законодательство устанавливает для каждого ребенка право воспитываться в семье (насколько это возможно) и право на совместное проживание со своими собственными родителями (ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)). Преступление, ответственность за которое предусмотрена в ст. 153 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Подмена ребенка», посягает на указанные права, ограничивая возможность ребенка знать своих родителей. Страдают в этом случае и интересы последних. Они лишены возможности принимать участие в воспитании и образовании своего кровного ребенка, а также защищать его интересы.

Исходя из сказанного, основным непосредственным объектом подмены ребенка выступает совокупность общественных отношений, обеспечивающих интересы семьи, в том числе право ребенка знать своих кровных родителей (родителя) и воспитываться ими (им), а также право родителей (родителя) воспитывать своего кровного ребенка.

Сама сущность преступления определяет и признаки потерпевшего. Согласно ст. 54 СК РФ ребенком считается лицо, не достигшее совершеннолетия, т. е. восемнадцати лет. Вместе с тем системное и историческое толкование уголовно-правовой нормы приводит к выводу, что подмена ребенка возможна лишь в том случае, когда родитель (законный представитель) ребенка еще не знаком с его индивидуальными при-

знаками и особенностям и не может осознать, что ему отдали не своего ребенка. По смыслу нормы совершенная подмена должна остаться тайной для родителя.

Так, Т., заведующая кафедрой акушерства и гинекологии одного из вузов г. Санкт-Петербурга, решила помочь своей знакомой М. обрести ребенка. М., не имевшая детей, после достижения договоренности с Т. стала симулировать беременность. Примерно через девять месяцев у роженицы Д. в роддоме родился мальчик, однако после родов ребенка Д. не видела – ей сообщили, что он родился мертвым. Д. и ее муж С. настояли на генетической экспертизе своего «мертвого» ребенка. По результатам экспертизы был сделан вывод, что либо предоставленные биоматериалы принадлежали не умершему, а другому ребенку, либо супруги Д. и С. не могли быть биологическими родителями умершего ребенка¹.

Надо сказать, что виновный может осуществить замену ребенка одного пола на ребенка другого пола, здорового на больного, живого на мертвого, но только при условии, что эти обстоятельства не могли быть известны родителю. Так, если мать уже осведомлена, что у нее родился мальчик, а ей приносят девочку, то речь необходимо вести не о подмене ребенка, а его похищении. Хотя в литературе встречается несколько

¹ Цит. по Акиев А. Р. Уголовная ответственность за посягательства на интересы семьи: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. С. 124.

ко спорное мнение о том, что похищение будет иметь место только в том случае, если ребенок другим не заменялся¹. Полагаем, что в этом случае подход должен быть аналогичен тому, что используется при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ «Мошенничество» и ст. 186 УК РФ «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» (первая из указанных норм вменяется тогда, когда подделка является грубой или ее можно обнаружить при внимательном ознакомлении, а при высоком качестве предмета подделки применению подлежит вторая).

Безусловно, чаще всего подмену проще всего реализовать применительно к детям возрастом до нескольких суток. Основываясь на этом, Н.В. Гуль считает необходимым указать в диспозиции ст. 153 УК РФ на то, что подмена должна быть осуществлена только в отношении новорожденного². Однако думается, что подменяемым может быть не только новорожденный. Например, в случаях когда по медицинским показаниям мать и ее дитя были отлучены друг от друга сразу после рождения в течение длительного времени. Или в случае, когда мать-одиночка скончалась в процессе родов, а на поиск законного представителя потребовалось несколько недель.

В противовес указанной выше позиции, Ю.Е. Пудовочкин полагает, что подмена возможна в отношении любого не достигшего 18 лет лица, не осознающего своего происхождения и при том условии, что родители не были с ним ознакомлены³. Однако представляется довольно затруднительным смоделировать ситуацию, когда родители и ребенок не были знакомы, например, 17 лет. И здесь же возникает вопрос о том, страдает ли право несовершеннолетнего воспитываться в своей семье, если его воспитание и так прошло отдельно от нее по какому-то иным причинам?

Стоит сказать, что хотя в анализируемой норме речь идет о «ребенке», фактически в подмене задействованы двое, в связи с чем в научной литературе предлагается скорректировать редакцию статьи, используя термин «дети»⁴.

Состав, предусмотренный ст. 153 УК РФ, сконструирован по типу формальных и включает один обязательный признак объективной стороны – деяние в виде подмены. Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова под подменой (подменом) понимается об-

манная или нечаянная замена⁵. Полагаем, что в контексте данной нормы необходимо вести речь именно об обманной замене, так как конструкция состава не подразумевает неосторожного совершения деяния. Обмен детьми по обоюдному согласию родителей тоже не образует признаков рассматриваемого состава преступления, однако может поставить вопрос об ответственности по ст. 127¹ УК РФ «Торговля людьми».

Преступление будет окончено с момента осуществления замены. Если деяния виновного будут пресечены в процессе осуществления объективной стороны, то необходимо вести речь о покушении на подмену ребенка (ч. 3 ст. 30, ст. 153 УК РФ).

А. Р. Акиев полагает, что подмена ребенка является длящимся преступлением, и предлагает моментом фактического окончания считать момент, когда подмена была обнаружена, или момент, когда виновный сам совершил действия, направленные на прекращение хода деяния⁶. Однако практика, по всей видимости, такую позицию не поддерживает, так как сроки давности подмены исчисляются с момента совершения деяния, а не с момента его обнаружения, как это принято для длящихся преступлений.

Факультативные признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 153 УК РФ, в диспозиции прямо не указываются. Однако часть ученых в качестве обязательного признака выделяет способ, который, по их мнению, должен быть тайным⁷. Тайной подмена может являться как для родителей обоих заменяемых детей, так и для одной пары родителей (одного родителя из пары).

Как уже было сказано, место осуществления подмены значения для квалификации не имеет. По данным исследований прошлых лет подмена осуществлялась не только в родильном доме, но и в доме ребенка, в детской поликлинике и т. п.⁸

Субъективная сторона характеризуется исключительно прямым умыслом (состав формальный). Виновный осознает общественную опасность осуществляемой подмены детей и желает ее осуществлять.

Обязательное значение приобретает факультативный признак субъективной стороны – мотив. Он в диспозиции обозначен альтернативно – виновный должен руководствоваться либо корыстными, либо иными низменными побуждениями. Несмотря на то, что законодатель между указанными мотивами поставил союз «или», наличие одновременно и низменных, и корыстных побуждений не исключается и не требует вменения совокупности (в этом случае в словесной формулировке квалификации указываются оба признака).

⁵ См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

⁶ См.: Акиев А. Р. Указ. соч. С. 105.

⁷ См., например: Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч. С. 162; Энциклопедия уголовного права. Т. 17: Преступления против семьи и несовершеннолетних. СПб., 2011. С. 287; Акиев А. Р. Указ. соч. С. 108.

⁸ См.: Пушкин А. В. Указ. соч. С. 39.

¹ См.: Пушкин А. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних (уголовно-правовой аспект): учебное пособие. М., 2002. С. 39.

² См.: Гуль Н. В. Конституционное право на защиту семьи в уголовном законодательстве России: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 12.

³ См.: Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб., 2002. С. 161.

⁴ См.: Устинова Т. Д. Подмена ребенка: проблемы законодательства и правоприменения // Судья. 2016. № 4. С. 48; Зубова Е. А. Подмена ребенка // Международный журнал государственных и гуманитарных наук. 2016. № 1. С. 9; Акиев А. Р. Указ. соч. С. 149.

Корысть означает стремление извлечь выгоду материального характера или избавиться от материальных затрат. Так, например, виновный может осуществить подмену ребенка за вознаграждение.

Категория «низменные побуждения» является оценочной. Как правило, к низменным относят мотивы, которые осуждаются обществом, считаются низкими, противоречат нормам морали и нравственности. Таковыми, например, можно считать зависть, месть, хулиганство.

Само по себе определение мотивов в качестве обязательных признаков анализируемого состава представляется сомнительным. Вряд ли подмена ребенка принесет самому подменяемому и его кровным родителям меньший вред, если будет совершена, например, по мотиву сострадания.

Исходя из конструкции состава, подмена ребенка, совершенная неосторожно, не влечет уголовной ответственности, но может повлечь гражданско-правовую. Так, в одном из родильных домов Челябинска перепутали дочерей двух рожениц. Ошибка была обнаружена лишь через 30 лет после проведения ДНК-экспертизы. Пострадавшие взыскали через суд денежную компенсацию¹.

Какие-либо признаки или свойства субъекта в диспозиции не обозначены. Следовательно, к ответственности может быть привлечено любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. По мнению исследователей, исполнителем преступления может выступить и один из родителей, если подмена осуществлялась вопреки воле и согласия второго².

Очевидно, что последствия замены одного ребенка другим имеют очень серьезный характер. Каждый выявленный случай подмены, как правило, вызывает огромный резонанс в обществе. Однако львиная доля подмен, которые анонсируются в средствах массовой информации, не подпадает под действие ст. 153 УК РФ, так как чаще всего причиной произошедшего является небрежное выполнение обязанностей со стороны медицинского персонала.

Сказанное подтверждают данные статистики и исследования ученых. В различных источниках содержится несколько отличающаяся информация, однако она вполне демонстрирует складывающуюся тенденцию. Так, А. В. Пушкин указывает, что в период с 1997 по 1999 г. было зарегистрировано 7 случаев подмены, из них 4 пришлось на 1997, а еще 2 – на 1999 г.³ О. С. Колмакова в процессе исследования пришла к выводу, что в период с 2004 по 2013 г. было зарегистрировано по одному случаю подмены в 2004 и 2005 г.⁴ А. Р. Акиев приводит сведения о том, что с 2006 по 2017 г. в суд не было направлено ни одного уголовно-

го дела, возбужденного по ст. 153 УК РФ⁵. По данным судебного департамента при Верховном Суде РФ и материалам, размещенным в Государственной автоматизированной системе «Правосудие», последнее преступление, предусмотренное ст. 153 УК РФ, было совершено в 2010 году – то есть около десяти лет назад⁶.

Можно заметить, что в действующей редакции норма является невостребованной.

Возможно, отчасти такое положение дел связано с изменившимися реалиями. Современные методы различных видов исследований уже на этапе беременности снабжают мать достаточно большим объемом информации, начиная от пола ребенка до наличия у него каких-либо заболеваний, пороков и дефектов. Кроме того, изменился и подход к доступу матери к своему новорожденному малышу. Ребенок сразу после рождения вручается матери и практически все время находится с ней. Нельзя исключить и то, что столь сильный превентивный эффект оказывает само наличие соответствующей нормы в УК РФ. Однако полагаем, что законодатель все же стоит задуматься о необходимости ст. 153 УК РФ либо об изменении ее редакции, ведь целесообразность установления или сохранения уголовно-правового запрета определяет не только общественная опасность деяния, но и его распространенность (повторяемость), а также достаточность или недостаточность мер иных, помимо уголовной, видов ответственности.

Библиографический список

1. Акиев А. Р. Уголовная ответственность за посягательства на интересы семьи: дис. ... канд. юрид. наук / А. Р. Акиев. – Омск, 2017.
2. Гуль Н. В. Конституционное право на защиту семьи в уголовном законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Гуль. – М., 2012.
3. Зубкова Е. А. Подмена ребенка / Е. А. Зубкова // Международный журнал государственных и гуманитарных наук. – 2016. – № 1.
4. Колмакова О. С. Преступления, посягающие на права ребенка в сфере семейных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. С. Колмакова. – Москва, 2017.
5. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – URL: <http://www.cdep.ru>.
6. Перепутанные судьбы: истории людей подмененных в роддоме [Электронный ресурс]. – URL: <http://mir24.tv>.
7. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву / Ю. Е. Пудовочкин. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002.
8. Пушкин А. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних (уголовно-правовой аспект): учебное пособие / А. В. Пушкин. – М., ЮИ МВД РФ, 2002.

¹ См.: Перепутанные судьбы: истории людей подмененных в роддоме [Электронный ресурс] URL: <http://mir24.tv>.

² См.: Пушкин А. В. Указ. соч. С. 41..

³ См.: Пушкин А. В. Указ. соч. С. 38.

⁴ См.: Колмакова О. С. Преступления, посягающие на права ребенка в сфере семейных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 4.

⁵ См.: Акиев А. Р. Указ. соч. С. 159.

⁶ См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>.

9. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940.

10. Устинова Т. Д. Подмена ребенка: проблемы законодательства и правоприменения / Т. Д. Устинова // Судья. – 2016. – № 4.

Bibliograficheskij spisok

1. Akiev A. R. Ugolovnaya otvetstvennost' za posyagatel'stva na interesy sem'i: dis. ... kand. jurid. nauk / A. R. Akiev. – Omsk, 2017.

2. Gul' N. V. Konstitucionnoe pravo na zashchitu sem'i v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii: avtoref. dis... kand. jurid. nauk / N. V. Gul'. – M., 2012.

3. Zubkova E. A. Podmena rebenka / E. A. Zubkova // Mezhdunarodnyj zhurnal gosudarstvennyh i gumanitarnykh nauk. – 2016. – № 1.

4. Kolmakova O. S. Prestupleniya, posyagayushchie na prava rebenka v sfere semejnykh otnoshenij: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / O. S. Kolmakova. – Moskva, 2017.

5. Oficial'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF. – URL: <http://www.cdep.ru>.

6. Pereputannye sud'by: istorii lyudej podmenennykh v roddome [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://mir24.tv>.

7. Pudovochkin YU. E. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv nesovershennoletnih po rossijskomu ugolovnomu pravu / YU. E. Pudovochkin. – Sankt-Peterburg: YUridicheskij centr Press, 2002.

8. Pushkin A. V. Prestupleniya protiv sem'i i nesovershennoletnih (ugolovno-pravovoj aspekt): uchebnoe posobie / A. V. Pushkin. – M., YUI MVD RF, 2002.

9. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. D. N. Ushakova. – M.: Gos. in-t «Sov. encikl.»; OGIЗ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, 1935–1940.

10. Ustinova T. D. Podmena rebenka: problemy zakonodatel'stva i pravoprimereniya / T. D. Ustinova // Sud'ya. – 2016. – № 4.

Особенности уголовно-правовой квалификации похищения человека

Аюпова Гульназ Шамиловна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: ajupova90@mail.ru

Ефимов Иван Александрович,
Уральский институт государственной
противопожарной службы МЧС России,
кандидат юридических наук

Ахроркулов Саиддзон Хомиддзонович,
Управление уголовного розыска
МВД Республики Таджикистан
e-mail: ahrorkulov.said@mail.ru

Доктрина уголовного права, а также судебная и следственная практика поднимают ряд вопросов по проблемам квалификации похищения человека. Сложности возникают, в частности, при определении содержания понятия похищения человека, объективных и субъективных признаков состава данного преступления, отграничении его от смежных составов преступлений. В статье авторы попытались сформулировать отдельные предложения по совершенствованию уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям против свободы личности и повышению эффективности применения уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность за похищение человека.

Ключевые слова: похищение человека; свобода личности; захват; перемещение; удержание.

Features of the qualification of kidnapping

Ayupova Gul'naz Shamilovna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law

Efimov Ivan Aleksandrovich,
Ural Institute of state fire service EMERCOM of Russia,
Candidate of Law

Ahrorkulov Saiddzhon Homiddzhonovich,
Criminal investigation Department
Ministry of internal Affairs of the Republic of Tajikistan

The doctrine of criminal law, as well as judicial and investigative practice, raises a number of questions about the qualification of kidnapping. Difficulties arise, in particular, in determining the content of the concept of kidnapping, objective and subjective features of the composition of this crime, and distinguishing it from related elements of crimes. In the article the authors tried to formulate separate proposals for improving the criminal legislation.

Key words: kidnapping; personal freedom; capture; transfer; retention.

Конституция Российской Федерации в ст. 22 закрепляет и гарантирует право каждого на свободу и личную неприкосновенность как неотъемлемое

и неотчуждаемое право человека, принадлежащее каждому от рождения. Право на свободу и личную неприкосновенность не только закреплено в нацио-

нальном законодательстве, но и получило свое развитие в международных нормативных правовых актах¹.

В главе 17 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) закреплены нормы, предусматривающие ответственность за преступления против свободы, чести и достоинства личности. Анализ статистических данных показал, что похищение человека является наиболее распространенным среди преступлений, посягающих на личную свободу человека. Так, например, по официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2019 г. был осужден 351 человек за совершение преступлений против свободы, чести и достоинства личности (ст. 126-130 УК РФ), из них 287 человек – за похищение человека (ст. 126 УК РФ), что составило почти 82 %².

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, выступает личная физическая свобода лица. Под физической (личной) свободой лица следует понимать обеспеченное законом право самостоятельно передвигаться и определять свое место пребывания (проживания) не зависимо от воли других лиц. В качестве факультативного объекта могут выступать здоровье и жизнь человека.

Потерпевшим является любой живой человек. Похищение трупа квалификации по ст. 126 УК РФ не подлежит, такое деяние при наличии иных признаков преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, может рассматриваться как надругательство над телами умерших. Не образует состава похищения человека его захват, перемещение и удержание при наличии согласия потерпевшего (в частности, ритуальное похищение невесты в случаях, когда получено ее согласие на вступление в брак).

Понятие «похищение человека» не закреплено в действующем уголовном законе, однако его определение содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58. Так, похищение человека представляет собой «незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют»³.

¹ Всеобщая Декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2020); Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2020); Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 октября 1950 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2020).

² Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 25.09.2020).

³ О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 18.06.2020).

Захват предполагает завладение человеком путем установления физического господства посредством применения насилия к потерпевшему или психологического воздействия. Под перемещением лица следует понимать его транспортировку из типичной среды пребывания в другое место с использованием средств транспортировки либо без такового.

Согласно современному толковому словарю русского языка термин «удерживать» может употребляться в значении «не отпуская, принуждать остаться где-либо»⁴. Удержание следует рассматривать как физическое либо психическое воздействие на потерпевшего, препятствующее свободному с его стороны оставлению места пребывания.

Деяния лица, удерживающего потерпевшего, ранее похищенного другими лицами, с которыми он не состоит в сговоре, образуют состав незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ).

Состав преступления по конструкции объективной стороны является формальным. Представляется справедливой точка зрения Верховного Суда РФ о моменте окончания похищения человека: «преступление считается оконченным с момента захвата лица и начала его перемещения в другое место»⁵.

Перемещение потерпевшего на незначительное расстояние и кратковременное его удержание могут характеризовать преступление как малозначительное. Вместе с тем вопрос о наличии общественной опасности как признака преступления следует решать в каждом конкретном случае с учетом фактических обстоятельств его совершения, мотивов и целей содеянного, личности виновного и потерпевшего и т. д.

В специальной литературе встречаются предложения о целесообразности дифференциации уголовной ответственности в зависимости от продолжительности удержания лица⁶, что представляется спорным. Данное обстоятельство учитывается судом при назначении наказания.

Диспозиция ч. 1 ст. 126 УК РФ охватывает применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, под которым следует понимать, в частности, нанесение ударов, побоев, связывание веревкой, сковывание наручниками, иными подручными средствами, а также вербальное и невербальное выражение угрозы их совершения. В случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, содеянное подлежит квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ.

Насилие может быть применено, а также угроза применения насилия может быть выражена как в от-

⁴ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

⁵ О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58.

⁶ Нуркаева Т. В. Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 14.

ношении самого потерпевшего лица, так и в отношении иных лиц, в частности, близких родственников похищенного с целью устранения препятствий захвату, перемещению или удержанию потерпевшего.

Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58 в случаях, когда захват и перемещение человека были направлены не на удержание потерпевшего в другом месте, а на его убийство, содеянное следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 126 УК РФ не требуется¹. Таким образом, фактически удержание при похищении человека рассматривается Верховным Судом Российской Федерации в качестве своеобразной цели его захвата и перемещения, что представляется спорным и противоречит определению понятия «похищение человека», данному этим же высшим судебным органом.

Так, например, А. и М. решили наказать К. за то, что последний избивал свою жену С., применив в отношении него насилие и заставив извиниться перед С. Увидев К. возле магазина, А. и М. нанесли К. не менее четырех ударов руками в область головы. Затем А. и М., желая, чтобы К. принес извинения С. за применение в отношении нее насилия, взяли К. под руки и против его воли поместили в автомобиль, на котором направились к домовладению, где проживает С. Подъехав к указанному дому, А. и М. вытащили К. из указанного автомобиля и завели его во двор, где нанесли ему множественные удары руками в область головы и ногами в область туловища. Когда во двор вышла С., то К. извинился перед ней по настоянию А. и М. После чего она вынесла из дома сумку с вещами К. и попросила А. и М. отвезти К. в близлежащий поселок по месту его прежнего жительства. А. и М., действуя против воли К., поместили его в багажник автомобиля, на котором направились по указанному С. адресу. В пути следования произошло дорожно-транспортное происшествие с участием автомобиля, в багажнике которого находился К., в результате чего наступила его смерть. Своими умышленными действиями А. и М. причинили К. повреждения, которые квалифицируются как причинение вреда здоровью средней тяжести. Приговором Динского районного суда Краснодарского края А. и М. признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ. В качестве аргумента предложенной квалификации в приговоре указано на отсутствие у виновных лиц «умысла и цели на последующее удержание потерпевшего в другом месте в неволе»².

В отличие от похищения человека при незаконном лишении свободы, предусмотренном ст. 127 УК

РФ, потерпевший остается в месте его нахождения, но ограничивается в передвижении без законных на то оснований, что свидетельствует об ошибочной квалификации содеянного А. и М. в приведенном примере³.

Аргументация суда представляется несостоятельной, содеянное А. и М. подлежит квалификации по п. «а», «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ. По справедливому мнению Л. В. Иногамовой-Хегай, удержание не может признаваться целью, преследуемой при похищении человека, его следует рассматривать в качестве имманентно присущего захвату и перемещению свойства объективной стороны состава преступления⁴. Фактически удержание состоит в воспрепятствовании свободному оставлению потерпевшим места пребывания, что наблюдается как при его завладении, так и перемещении.

Отсутствие у виновных лиц цели на дальнейшее удержание потерпевшего в конкретном месте как конечного результата его захвата и перемещения не свидетельствует об отсутствии состава похищения человека, а указывает на наличие возможного основания для применения специального вида освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 126 УК РФ.

Цель положения, указанного в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года № 58, заключается в решении вопроса о соотношении похищения человека с иными составами. В целях устранения дефекта законодательной техники предлагается п. 10 изложить в следующей редакции: «В случае, когда захват, перемещение и (или) удержание лица явились частью объективной стороны более тяжкого сложного насильственного преступления, содеянное не требует дополнительной квалификации по ст. 126 УК РФ». В частности, когда при умышленном причинении смерти похищение потерпевшего выступает способом, облегчающим совершение преступления против жизни, содеянное полностью охватывается составом убийства.

Вышеизложенное соотносится с позицией Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой квалификация сложного насильственного преступления производится по одной статье (или части) в тех случаях, когда санкция за такое преступление является более строгой по сравнению с санкциями за применение физического насилия в соответствующих статьях гл. 16 УК РФ⁵.

³ О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58.

⁴ Иногамова-Хегай Л. В. Современные проблемы политики противодействия преступлениям против физической свободы личности // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международ. науч.-практ. конф.: в 2 т. Краснодар, 2015. Т. I. С. 71.

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 26 января 2005 года «Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru>.

¹ О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58.

² Приговор Динского районного суда Краснодарского края от 10 сентября 2018 г. по делу № 1-15/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 18.06.2020).

Вместе с тем в судебной и следственной практике встречаются примеры излишней квалификации содеянного. Так, Нижегородский областной суд исключил из предъявленного З., М. и Щ. обвинения указание о совершении ими самостоятельного преступления, предусмотренного п. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ, при следующих обстоятельствах. М. предложила З. и Щ. лишить И. жизни за денежное вознаграждение. Согласившись на предложенные М. условия, З. и Щ., находясь в квартире потерпевшего, нанесли И. удары руками по голове и туловищу. После чего З. предложил отвезти И. к реке. З. и Щ. сопровождали И. к автомобилю и усадили его на заднее пассажирское сиденье. Остановившись на участке местности, расположенном возле реки, З. и Щ. вывели И. из автомобиля, оттащили его в сторону кустов и нанесли ему множественные удары руками и ногами по голове и туловищу, а затем З. сдавил шею потерпевшего, препятствуя поступлению воздуха в легкие, после чего нанес не менее трех ударов ножом в область шеи¹. При таких обстоятельствах рассматриваемые действия являются частью объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, и не требуют дополнительной квалификации по ст. 126 УК РФ.

Напротив, в том случае, когда целью похищения явилось совершение менее тяжкого преступления против жизни и здоровья, содеянное подлежит квалификации по ст. 126 УК РФ. Что также исходит из определения понятия «похищение человека», в котором содержится оговорка о цели деяния: «В целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют»². При неконкретизированном умысле виновный отвечает за фактически наступившее последствие его действий.

На квалификацию содеянного влияет время возникновения умысла на совершение насильственного преступления. Если умысел на совершение иного преступления у лица возник уже после похищения человека, содеянное следует квалифицировать по совокупности таких преступлений. При этом в данном случае имеет значение юридический, а не фактический момент окончания преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ. Например, когда похищение юридически окончено и виновное лицо, воспользовавшись своим господствующим положением над потерпевшей и ее зависимым положением, совершает изнасилование, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 126 и 131 УК РФ.

ru (дата обращения 18.06.2020).

¹ Приговор Нижегородского областного суда от 23 августа 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 18.06.2020).

² О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Лицо, совершающее преступление, осознает, что осуществляет похищение другого человека, и желает совершить общественно опасное деяние. Субъект рассматриваемого преступления – общий.

Научно-исследовательский интерес представляют вопросы уголовно-правовой квалификации похищения несовершеннолетнего лица. Виновный должен осознавать, что похищаемое им лицо не достигло совершеннолетнего возраста, и желать совершить его похищение. Когда лицо не осведомлено о возрасте потерпевшего и ошибочно полагает, что он является несовершеннолетним, содеянное следует квалифицировать как покушение на похищение несовершеннолетнего лица. Квалификация по указанному пункту рассматриваемой статьи исключается в случаях, когда виновный ошибочно (например, исходя из внешних признаков) полагает, что похищаемый достиг семнадцатилетнего возраста.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об уголовной ответственности за захват, перемещение и удержание несовершеннолетнего лица родителем, его законным представителем или близким родственником. В специальной литературе наибольшую поддержку находит положение о недопустимости привлечения таких лиц к уголовной ответственности в случаях, когда такие действия в отношении несовершеннолетнего лица осуществляются в целях защиты и обеспечения его прав³.

Содержание правоотношений между родителями и детьми определяется в соответствии с семейным законодательством. Детальное исследование отечественного законодательства свидетельствует об особом статусе родителей по отношению к собственным детям, именно они определяют место проживания ребенка и возможность его перемещения. Согласно ч. 2 ст. 38 Конституции РФ, п. 1 ст. 61 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) права родителей по отношению к совместным детям являются равными, что свидетельствует о справедливости положения о недопустимости квалификации действий одного родителя, направленных на изъятие ребенка у другого родителя, по ст. 126 УК РФ. Таким образом, когда изъятие ребенка производит не лишенный родительских прав родитель или законный представитель несовершеннолетнего лица, состав похищения человека исключается.

Вместе с тем права и обязанности родителей неразрывно связаны с правами несовершеннолетних детей, родительские права не могут быть реализованы в ущерб правам и интересам детей (п. 1 ст. 65 СК РФ). В ст. 55 СК РФ закреплено право ребенка на

³ Серебренникова А. В., Лебедев М. В. Вопросы квалификации захвата заложников (ст. 206 Уголовного кодекса Российской Федерации), разграничение с похищением человека (ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации): правоприменительная практика // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 8-1. С. 127–133.

общение с родителями и другими родственниками. Как показывает анализ отечественного законодательства, родитель, нарушивший данное право, намеренно сокрывший местонахождение детей вопреки интересам несовершеннолетнего лица, подлежит административной ответственности по ч. 2 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Так, например, постановлением мирового судьи Б. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 5.35 КоАП РФ, при следующих обстоятельствах. Б., зная, что отец ее ребенка привлечен к уголовной ответственности по приговору суда и ему назначено наказание в виде ограничения свободы, он лишен возможности выезжать за пределы соответствующего муниципального образования, умышленно поменяла место жительства и совместно с сыном переехала на территорию иного муниципального образования¹.

При раздельном проживании родителей место жительства несовершеннолетних детей определяется соглашением родителей (п. 3 ст. 65 СК РФ). При отсутствии такого соглашения спор между родителями о месте жительства детей может быть разрешен судом. Неисполнение соответствующего судебного решения не независимо от того, вступило ли данное решение суда в законную силу, также влечет административную ответственность в соответствии с ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ.

Вместе с тем в судебно-следственной практике встречаются примеры ошибочного применения закона. Так, например, мировым судьей К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ, при следующих обстоятельствах. В ходе рассмотрения гражданского дела по спору о месте проживания ребенка, не дожидаясь вынесения судом и вступления в законную силу решения об определении места жительства ребенка, забрал несовершеннолетнюю А. от матери Ф. с места ее проживания, переместил к месту своего проживания, где стал удерживать, исключив ее обоюдное общение с матерью Ф.²

Субъектом правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ, являются только родители несовершеннолетнего либо его законные представители. В этой связи особый интерес представляет вопрос об ответственности иных родственников за действия, связанные с захватом, перемещением и удержанием несовершеннолетнего лица.

Как уже было отмечено, злоупотребление родителем своими правами не допустимо, то есть родительские права не могут быть реализованы в ущерб

правам и интересам детей (п. 1 ст. 65, п. 2 ст. 68 СК РФ). Представляется, что в случаях, когда родственники осуществляют изъятие несовершеннолетнего лица у родителей вопреки их воле при отсутствии низменных побуждений, в частности, в связи с тем, что поведение хотя бы одного из родителей представляет угрозу для здоровья или жизни ребенка, уголовная ответственность по ст. 126 УК РФ исключается. В данном случае действия родственников направлены не на ограничение свободы несовершеннолетнего лица, а на защиту его прав.

В специальной литературе отмечается, что субъектами состава похищения человека не могут выступать лица, фактические взаимоотношения которых с похищаемым и с третьими лицами определяются в соответствии с нормативными актами другой отраслевой принадлежности, в частности, семейным законодательством³. Порядок отобрания ребенка при непосредственной угрозе жизни или его здоровью определен в ст. 77 СК РФ. Решение данного вопроса отнесено к исключительной компетенции органа опеки и попечительства.

Таким образом, представляется, что в случаях, когда родственники осуществляют изъятие несовершеннолетнего лица у родителей вопреки их воле в связи с тем, что поведение хотя бы одного из родителей представляет угрозу для здоровья или жизни ребенка, нарушается установленный порядок осуществления прав и исполнения обязанностей, то есть содеянное при наличии соответствующих признаков может быть квалифицировано по ст. 330 УК РФ, как самоуправство.

Как правило, в таких случаях родственники преследует общественно полезную цель – защита прав и законных интересов ребенка, поэтому вопрос об их ответственности следует решать по правилам крайней необходимости. При этом обязательен учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам (ст. 57 СК РФ).

Вместе с тем в случаях, когда родственники осуществляют захват, перемещение и удержание несовершеннолетнего лица у родителей вопреки их воле под воздействием низменных побуждений, в частности, из корыстных побуждений, содеянное подлежит квалификации по ст. 126 УК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что возникающие вопросы квалификации похищения человека обусловлены особенностью описания признаков объективной и субъективной стороны соответствующего состава преступления. «Похищение человека» является сложным, многоаспектным общественно опасным деянием, объективная сторона которого включает три действия: захват, перемещение и удержание.

¹ Постановление мирового судьи судебного участка Добрянского судебного района Пермского края от 6 декабря 2016 г. по делу № 5-848/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 18.06.2020).

² Постановление Президиума Иркутского областного суда от 15 мая 2017 г. по делу № 44У-60/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 18.06.2020).

³ Тютюнник И. Г. Субъект похищения человека: проблемы квалификации // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2008. № 5. С. 108.

Библиографический список

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – Москва: Русский язык, 2000. – Т. 2: П-Я. – 1084 с.
2. Иногамова-Хегай Л. В. Современные проблемы политики противодействия преступлениям против физической свободы личности / Л. В. Иногамова-Хегай // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международ. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – Т. 1. – С. 69–89.
3. Нуркаева Т. В. Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т. В. Нуркаева. – М., 2006. – 48 с.
4. Серебренникова А. В. Вопросы квалификации захвата заложников (ст. 206 Уголовного кодекса Российской Федерации), разграничение с похищением человека (ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации): правоприменительная практика / А. В. Серебренникова, М. В. Лебедев // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 8-1. – С. 127–133.
5. Тютюнник И. Г. Субъект похищения человека: проблемы квалификации / И. Г. Тютюнник // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – 2008. – № 5. – С. 108–109.

Bibliograficheskiy spisok

1. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj / T. F. Efremova. – Moskva: Russkij yazyk, 2000. – T. 2: P-YA. – 1084 s.
2. Inogamova-Hegaj L. V. Sovremennye problemy politiki protivodejstviya prestupleniyam protiv fizicheskoj svobody lichnosti / L. V. Inogamova-Hegaj // Sovremennye problemy ugovnoj politiki: materialy VI Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. – Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2015. – T. 1. – S. 69–89.
3. Nurkaeva T. V. Ugolovno-pravovaya ohrana lichnyh (grazhdanskih) prav i svobod cheloveka (voprosy teorii i praktiki): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / T. V. Nurkaeva. – M., 2006. – 48 s.
4. Serebrennikova A. V. Voprosy kvalifikacii zahvata zalozhnikov (st. 206 Ugolovnogogo kodeksa Rossijskoj Federacii), razgranichenie s pohishcheniem cheloveka (st. 126 Ugolovnogogo kodeksa Rossijskoj Federacii): pravoprimenitel'naya praktika / A. V. Serebrennikova, M. V. Lebedev // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2019. – T. 9. – № 8-1. – S. 127–133.
5. Tyutyunnik I. G. Sub'ekt pohishcheniya cheloveka: problemy kvalifikacii / I. G. Tyutyunnik // «Chernye dyry» v Rossijskom Zakonodatel'stve. – 2008. – № 5. – S. 108–109.